

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Башкова Ирина Венадьевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
РУССКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ:
ОБЪЕКТ И МЕТОД

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Фельде Ольга Викторовна

Красноярск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список условных сокращений	5
Список библиографических сокращений	5
Введение	6
Глава 1. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике	19
1.1. Проблема языковой личности в антропоцентрической парадигме современного языкознания	19
1.2. Междисциплинарный характер понятия «языковая личность» и многообразие подходов к его изучению	26
1.3. Структурный подход к исследованию языковой личности	35
1.4. Дискурсивно-коммуникативное исследование языковой личности..	39
1.5. Исследование языковой личности с позиций лингвокультурологии	50
1.6. Комплексное многоаспектное изучение конкретной диалектной языковой личности	57
1.7. Разработка лингвоперсонологической гипотезы языка	61
Выводы	68
Глава 2. Теоретические основания русской семантической персонологии	71
2.1. Отличительные черты семантической персонологии	71
2.2. Вербально-семантический уровень языковой личности как объект исследования семантической персонологии	76
2.3. Принцип системного описания лексики в лингвистической семантике и семантической персонологии	81
2.4. Изучение национальной и индивидуально-авторской языковых картин мира с позиций лингвистической семантики и русской семантической персонологии	94

2.5. Лексикографический метод исследования языковой личности	107
Выводы	118
Глава 3. Семантическая классификация номинаций лиц в лексиконе русской языковой личности как способ описания индивидуально-авторской языковой картины мира	121
3.1. Языковая личность русского писателя как эталон русской языковой личности определенного социального типа	121
3.2. Центральное место лексики, именующей человека, в лексиконе языковой личности	123
3.3. Лексический класс названий лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина на фоне «Русского семантического словаря»	131
3.4. Модус предложения как актуализатор лексической персоносемантики	179
3.5. Номинации лиц по отношению к вере, религии в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	192
Выводы	211
Глава 4. Номинации человека как часть вербально-семантического уровня языковой личности В. П. Астафьева	216
4.1. Вербализаторы антропостереотипов как маркеры социальных качеств языковой личности	216
4.2. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих субэтнические стереотипы	218
4.3. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих гендерные стереотипы	228
4.4. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих социально-идеологические стереотипы	258
4.5. Вербализатор антропостереотипа как номинация лингвокультурного типажа	267

4.6. Вербализатор антропостереотипа как идиоглосса личностного дискурса	280
Выводы	291
Заключение	294
Список использованной литературы	305
Список использованных источников	373
Приложение 1. Номинации лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	375
Приложение 2. Номинации совокупностей лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	449
Приложение 3. Количественно-сопоставительные диаграммы лексико-семантических рядов номинаций лиц и их совокупностей в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина и в «Русском семантическом словаре»	456

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЛСВ – лексико-семантический вариант, словозначение

ЛСГ – лексико-семантическая группа

ЛСР – лексико-семантический ряд

ЯКМ – языковая картина мира

ЯЛ – языковая личность

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Кн. – книга

П. п. – «Последний поклон»

РСС – «Русский семантический словарь»

Стб. – столбец

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика характеризуется доминированием антропоцентрической мегапарадигмы, одной из задач которой является изучение языковой личности (ЯЛ) во всех ипостасях ее языкового существования.

К середине второго десятилетия XXI века в отечественном языкознании активно формируются разные школы и направления, изучающие человека познающего и интерпретирующего действительность, оказывающего в процессе коммуникации влияние на социальную среду. В центральную сферу поля антропоцентрического языкознания вошла автономная наука о ЯЛ – лингвистическая персонология. Ее теоретические основы были заложены еще в 80-е годы прошлого века Ю. Н. Карауловым, предложившим ставшее позднее классическим определение языковой личности как совокупности «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 3].

Учение о ЯЛ вносит вклад в решение таких фундаментальных проблем, как язык и личность; язык и речевая деятельность; язык и мышление; язык и общество; язык и культура. Обращение к указанным проблемам побуждает лингвистов выходить в смежные науки: философию, антропологию, психологию, социологию, историю, культурологию, фольклористику, литературоведение. Наряду с экспансионизмом, в современной лингвистической персонологии проявляется и противонаправленная тенденция к редукционизму, т. е. стремлению ограничить пределы анализа объекта. Происходит филиация лингвоперсонологии на различные направления в зависимости от предмета и метода исследования: ментально-психологическое, социолингвистическое, лингвокультурологическое, коммуникативно-прагматическое, лингводидактическое. В настоящее время в недрах лингвоперсонологии развиваются на-

правления, в которых внимание исследователей сосредоточено на решении таких собственно лингвистических вопросов, как орфоэпические, лексикологические, грамматические особенности языка личности, использование словообразовательного потенциала русского языка, а также текстовое моделирование ЯЛ.

Общепризнанным стало положение о том, что принцип антропоцентризма проявляется прежде всего на лексико-семантическом уровне языка. Именно поэтому в последнее время вербально-семантический уровень языковой личности находится в фокусе исследовательского интереса представителей различных направлений лингвоперсонологии. Вербально-семантический уровень языковой личности анализируется с позиций словообразования и морфемики, лексикологии и лексикографии, морфологии и синтаксиса [Матвеева, 1993; Баркав, 1996а; Санджи-Гаряева, 1996; Голев, 1998; Иванцова, 1998; Земская, 2000; Трипольская, 2002а; Ощепкова, 2003; Волков, Карпеев, 2004; Макавчик, 2004; Шаталова, 2004; Катышев, 2005; Караулов, 2006; Сичинава, 2007; Толстова, 2007; Хромова, 2007; Оленев, 2008; Головина, 2008; Курносова, 2009]. Под **вербально-семантическим уровнем** языковой личности в настоящем исследовании понимается особым образом организованная совокупность языковых и речевых единиц: морфем, слов, лексико-семантических вариантов, лексем, синтаксем, словосочетаний, предложений, высказываний. Отличительная особенность единиц этого уровня в том, что все они являются знаками – обладают формой и значением.

Существует много нерешенных вопросов, связанных с вербально-семантическим уровнем ЯЛ. Каковы механизмы формирования личностных смыслов в семантике языковых единиц, используемых ЯЛ в своих текстах? Как определить, насколько уникальны те или иные особенности идиостиля? По каким параметрам можно соотнести систему идиолекта с системой национального языка? Можно ли говорить о том, что эти системы имеют изоморфное строение? Каким образом происходит взаимодействие типического и индивидуального в идиолекте? Можно ли измерить соотношение типиче-

ского и индивидуального в языке личности? Как вариативность национального языка соотносится с языком конкретной личности? Решить эти проблемы можно, целенаправленно опираясь на теоретические постулаты семантики и последовательно используя методы семантического анализа. Во всех работах, рассматривающих ЯЛ с позиций лексикологии и лексикографии, проблемы семантики языковых единиц первостепенны. Изучение ЯЛ в аспектах словообразования, морфемики, морфологии и синтаксиса также не обходится без семантического анализа. Он важен при изучении всех уровней языковой личности и прежде всего – вербально-семантического.

В ряду всех научных дисциплин, с которыми взаимодействует лингвоперсонология, особое место принадлежит лингвистической семантике, теории которой обладают высоким объяснительным потенциалом, а методы – эффективностью. Все это создало предпосылки для формирования и развития в XXI веке семантической персонологии как отдельного научного направления.

Объектом исследования настоящей работы является вербально-семантический уровень языковой личности как основная категория русской семантической персонологии. В фокусе лингвистического исследования находится вербально-семантический уровень языковой личности выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Эта ЯЛ рассматривается на фоне ЯЛ Василия Макаровича Шукшина и Валентина Григорьевича Распутина. Данный выбор обусловлен тем, что В. П. Астафьев, В. М. Шукшин и В. Г. Распутин – это подлинно национальные писатели-современники, выходцы из крестьянской среды, сибиряки по рождению, отразившие русский национальный характер во всей его глубине и сложности. В их судьбах и произведениях воплотились типичные для второй половины XX века социальные черты: переход человека из деревни в город и освоение городской культуры сельским человеком. Вместе с тем психологические качества этих языковых личностей различны, каждый писатель обладает своим идиостилем. Все это дает уникальный материал для сопоставления.

Предмет исследования – семантика идиолексикона русской ЯЛ и парадигматические отношения между его единицами.

Цель работы – разработка теоретико-методологических основ русской семантической персонологии как отдельного направления лингвоперсонологии; обоснование персоносемантики как конституирующего признака вербально-семантического уровня ЯЛ и анализ этого феномена в идиолексиконе конкретных языковых личностей.

Указанная цель предопределяет решение следующих **задач**:

1) дать научное обоснование русской семантической персонологии и охарактеризовать ее роль и место в системе современной лингвистики;

2) охарактеризовать существующие в современной лингвистике направления описания ЯЛ;

3) определить, какие методы и приемы семантики эффективны при описании вербально-семантического уровня ЯЛ и индивидуально-авторской языковой картины мира;

4) разработать методику системного анализа вербально-семантического уровня ЯЛ;

5) проанализировать подходы к исследованию номинаций человека в современной лингвистике;

6) исследовать лексический класс названий лиц в прозе В. П. Астафьева на фоне представленности этого лексического класса в произведениях идейно близких ему авторов – В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, а также на фоне «Русского семантического словаря» (РСС);

7) показать, как представлен феномен человека в индивидуально-авторской картине мира ЯЛ в контексте теории русской семантической персонологии.

В диссертационном исследовании выдвигается **гипотеза** о том, что к настоящему времени в рамках лингвоперсонологии сформировалось такое направление, как русская семантическая персонология, для которой приоритетными являются методы, используемые в лингвистической семантике. Се-

мантическое исследование русской языковой личности должно отталкиваться от количественно измеряемого потенциала языковой системы русского языка, что позволит максимально объективно определить индивидуальные особенности и типические характеристики русской языковой личности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская семантическая персонология – это одно из направлений лингвоперсонологии, объектом которого является вербально-семантический уровень ЯЛ. Основными методами исследования вербально-семантического уровня ЯЛ являются: а) метод условно-эталонного количественного семантического анализа, который позволяет выявить соотношение семантической межсловной парадигмы, в частности, лексико-семантического ряда (ЛСР), с условным словарным эталоном, представленным в «Русском семантическом словаре»; б) метод условно-эталонного количественно-сопоставительного семантического анализа, выявляющий соотношение наполненности лексико-семантических рядов, входящих в тексты нескольких конкретных ЯЛ. Использование методов условно-эталонного анализа межсловных семантических парадигм обусловлено динамикой и стратификацией лексического состава языка.

2. Сравнение идиолексикона ЯЛ с условным словарным эталоном позволяет типические и индивидуальные особенности языка личности показать в количественном измерении. Единицами такого измерения являются абсолютная наполненность лексического подмножества и лексико-семантического ряда и относительная наполненность лексического подмножества и лексико-семантического ряда.

3. Анализ семантики и парадигматических связей слов, которые использует ЯЛ в своих текстах, когнитивные и прагматические компоненты в значении слова (денотат, сигнификат и коннотации) позволяют выявить психологические, ментальные и социальные черты ЯЛ.

4. Семантика названий лиц составляет ядро вербально-семантического уровня ЯЛ, поскольку именно в названиях лиц ярко проявляются разноас-

пектные особенности автора текста. В связи с тем, что в семантике существительных, называющих человека, содержатся предметные и предикатные семантические признаки, лексико-семантические ряды названий лиц отражают наиболее важные для ЯЛ фрагменты действительности и их оценку.

5. Факторы, влияющие на соотношение наполненности ЛСР, в разных лексических подмножествах неодинаковы. Для одних подмножеств более значимым оказывается денотативный фактор, для других – сигнификативный или стратификационный факторы. Общим для всех лексико-семантических рядов является принцип обратной зависимости величины относительной наполненности ЛСР: чем более наполнен словарный ЛСР, тем меньше его относительная наполненность в текстах ЯЛ.

6. Модусные категории: метакатегории, актуализационные, квалификативные и социальные – взаимодействуют друг с другом и актуализируют значение слова в предложении; средства репрезентации модуса предложения одновременно являются средствами экспликации лексической персонсемантики.

7. Важной частью персонсемантики в значении слова являются антропостереотипы: гендерные, субэтнические, социально-идеологические и др. Если учесть, как семантика таких слов соотносится с ключевыми идеями национальной ЯКМ, их можно рассматривать в качестве номинаций лингвокультурных типажей. Вербализатор антропостереотипа, вступающий в самое большое число отношений с другими вербализаторами стереотипов в текстах ЯЛ, определяет прагматический потенциал этих текстов и выполняет в них функцию идиоглоссы.

8. Творческая ЯЛ, владея несколькими вариантами национального языка, отталкиваясь от разных кодов культуры, реализует в одном художественном тексте несколько стереотипов, связанных с одним типом денотатов.

9. Типичные социальные свойства русской ЯЛ проявляются в том, что у разных ЯЛ, относящихся к одной и той же социальной группе, наиболее наполненными являются одни и те же доминантные лексические подмноже-

ства из РСС. Ментально-психологическая индивидуальность ЯЛ проявляется в том, что среди общих доминантных лексических подмножеств у каждой ЯЛ свои приоритеты. Разница в выборе приоритетных лексических подмножеств отражает различия идиостилей авторов и их индивидуально-авторских ЯКМ.

Актуальность диссертации определяется необходимостью дальнейшей теоретической разработки фундаментальной проблемы «язык и личность», а также необходимостью системного изучения вербально-семантического уровня ЯЛ – основного объекта русской семантической персонологии. Обращение к проблеме семантики языковых единиц с позиций антропоцентризма входит в число приоритетных задач современной лингвистики. Кроме того, актуальность работы обусловлена выбором объекта описания – языковых личностей трех крупнейших писателей XX века: В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина.

Научная новизна диссертации состоит в теоретической разработке концепции русской семантической персонологии, методологической основы семантического описания ЯЛ и интерпретации соответствующих механизмов функционирования русского языка. В диссертации впервые дается всестороннее теоретическое обоснование понятия «русская семантическая персонология», аппарата анализа этого научного направления. Предложен способ анализа типических и индивидуальных особенностей вербально-семантического уровня языковой личности с помощью таких единиц измерения, как абсолютная и относительная наполненность лексического подмножества и лексико-семантического ряда. Предложены методы условно-эталонного количественного и количественно-сопоставительного семантического анализа идиолексикона ЯЛ.

Впервые был проведен сопоставительный анализ того, как организован лексический класс «Названия лиц» в идиолексиконах трех русских писателей-деревенщиков, творивших во второй половине XX века: В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. Впервые все нарицательные существительные, называющие лиц в рассказах из книги «Последний поклон»

В. П. Астафьева, в рассказах В. М. Шукшина и в повестях и рассказах В. Г. Распутина, распределены по 300 лексико-семантическим рядам в соответствии с «Русским семантическим словарем».

На основании практического анализа и теоретических построений в диссертационной работе предлагаются новые рекомендации практического описания ЯЛ.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что ее результаты положены в основу научной концепции русской семантической персонологии как важнейшего направления лингвоперсонологии, вносят вклад в разработку категориального аппарата теории ЯЛ.

Предложенные автором методы условно-эталонного семантического анализа способствуют решению проблемы противоречия между синхронным и диахронным исследованием языка, позволяют выявлять типические и индивидуальные особенности вербально-семантического уровня русской ЯЛ на фоне динамики и стратификации лексического состава языка.

Теоретическая значимость исследования связана с дальнейшим изучением взаимосвязи лексической семантики и ментально-психологических и социальных особенностей ЯЛ, с разработкой способов анализа парадигматических отношений единиц, составляющих вербально-семантический уровень ЯЛ.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что полученные в ней результаты: 1) могут быть использованы при разработке лингводидактических основ различных типов учебных пособий по теме «Русская языковая личность», авторских словарей и справочников этого профиля, в практике сопоставительного описания конкретных русских ЯЛ; 2) находят применение в вузовских курсах лингвоперсонологии, лексикологии и синтаксиса современного русского языка; 3) будут полезны в спецкурсах по изучению творчества В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина.

Базовыми методологическими принципами диссертационного исследования являются принципы антропоцентризма, системности и экспланаторности. **Основные методы**, используемые в диссертации: методы компонентного, контекстуального и парадигматического анализа, семантического анализа предложения, количественного анализа, сопоставительного анализа, лексико-графический метод, в неявном виде – биографический метод. Сбор материала осуществлялся сплошной ручной выборкой, для подсчета словоупотреблений частично использовались возможности Национального корпуса русского языка и чешского сервера The Sketch Engine. Для решения задачи выявления типических и индивидуальных особенностей вербально-семантического уровня ЯЛ использовалась авторская методика условно-эталонного количественного семантического анализа, которая может быть представлена в виде следующего алгоритма:

- 1) вычленение всей лексики определенного семантического класса из текстов, созданных ЯЛ;
- 2) распределение этой лексики по лексико-семантическим рядам в соответствии с «Русским семантическим словарем»;
- 3) определение наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в РСС;
- 4) определение процентного соотношения наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в РСС;
- 5) выявление доминантных ЛСР в текстах ЯЛ и РСС и установление соотношений между ними.

Материалом исследования в третьей главе работы послужили рассказы из книги В. П. Астафьева «Последний поклон», рассказы В. М. Шукшина, рассказы и повести В. Г. Распутина (полный их перечень см. в приложении I). В целях строгого количественного сопоставления идиолексиконов трех языковых личностей материал исследования для каждой ЯЛ был ограничен кругом текстов, включающих от 260 000 до 270 000 словоупотреблений. Для анализа были выбраны произведения, которые, по мнению критиков и литературоведов, являются наиболее значимыми у рассматриваемых писа-

телей и отражают разные периоды их творчества. В четвертой главе, где проводится анализ одной ЯЛ В. П. Астафьева, материалом исследования являются его книги «Последний поклон», «Царь-рыба», «Затеси», роман «Прокляты и убиты», повести «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», а также публицистика.

Апробация диссертации. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.

Основные идеи были изложены автором в докладах и сообщениях, прочитанных и обсужденных на различных конгрессах, симпозиумах, семинарах и конференциях, среди которых: международная конференция «Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика», Красноярск, 2005; международный симпозиум МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры», Пловдив (Болгария), 2006; IV Астафьевские чтения в Красноярске «Национальное и региональное в русском языке и литературе», Красноярск, 2006; международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы», Гранада (Испания), 2007 г.; XI конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире», Варна (Болгария), 2007; научная конференция «Дни науки», посвященная 25-летию факультета филологии и журналистики, Красноярск, 2007; II международная научная конференция «Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика», Красноярск, 2007; международная научная конференция «1917 год в российской и мировой истории», Красноярск, 2007; международный семинар «Актуальные проблемы обучения русскому языку VII», Брно (Чехия), 2007; международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», Салоники (Греция), 2008; юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха», Красноярск, 2009; IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судь-

бы и современность», Москва, 2010; IV международная научно-практическая конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания», Бийск, 2010; Славянские чтения, Красноярск, 2010; XII конгресс МАП-РЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве», Шанхай (Китай), 2011; международная научно-практическая конференция «Человек. Природа. Общество», Красноярск, 2014; международная научная конференция «Экология языка и коммуникативная практика», Красноярск, 2014; международная научная конференция «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего», Новосибирск, 2017; XI международные филологические чтения, посвященные памяти профессора Р. Т. Гриб «Человек и язык в коммуникативном пространстве», Лесосибирск, 2018.

По теме диссертации опубликовано 50 работ, в том числе 3 монографии, среди которых одна авторская и две коллективных, 41 статья, включая 16 из перечня ВАК, 2 тезисов, 4 справочных статьи.

Собранный материал нашел применение в подготовке курсов «Лингвистическая персонология», «Семантика русского языка», «Русский язык в гендерном аспекте» для магистрантов Сибирского федерального университета (Красноярск, 2011–2018), «Современный русский язык: лексикология», «Современный русский язык: синтаксис» для бакалавров (Красноярск, 2010–2018).

Логика решения исследовательских задач отражена в структуре диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, трех приложений, списка принятых сокращений, списка литературы, включающего 631 наименование, и списка использованных источников.

В главе 1 – «Изучение языковой личности в современной российской лингвистике» – определяется место учения о ЯЛ в отечественной гуманитарной науке, анализируются основные подходы к изучению ЯЛ, дается описание работы основных российских лингвистических школ, в которых ведется исследование ЯЛ.

В главе 2 – «Теоретические основания русской семантической персонологии» – определяется объект семантической персонологии, рассматривается принцип системного описания лексики в лингвистической семантике и русской семантической персонологии, характеризуются методы и приемы исследований в области русской семантической персонологии, выявляется ее место среди других лингвистических направлений.

В главе 3 – «Семантическая классификация номинаций лиц в лексиконе русской языковой личности как способ описания индивидуально-авторской языковой картины мира» – анализируется лексический класс «Названия лиц» в художественных произведениях В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина на фоне «Русского семантического словаря»; определяется, какие свойства идиостиля автора и его индивидуально-авторской языковой картины мира отражаются в данном лексическом классе; выявляется взаимодействие модуса предложения с лексической персонсемантикой; проводится анализ номинаций лиц по отношению к вере, религии в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина.

В главе 4 – «Номинации человека как часть вербально-семантического уровня языковой личности В. П. Астафьева» – на примере анализа значений слов *сибиряк, чалдон, мужик, баба, женщина, пролетарий, коммунист, большевик, турист, крестьянин* в прозе В. П. Астафьева исследуется взаимодействие персонсемантики с макрокомпонентами и микрокомпонентами значения слова; анализируется отражение гендерных, субэтнических и социально-идеологических стереотипов в персонсемантике слова; рассматривается возможность анализа вербализатора антропостереотипа в качестве номинации лингвокультурного типажа; выявляются условия превращения вербализатора антропостереотипа в идиоглоссу личностного дискурса.

В Заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейших исследований в данном научном направлении. В приложениях 1 и 2 представлены в табличной форме номинации лиц и их совокупностей в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина, распределенные по

лексико-семантическим рядам, выделяемым «Русским семантическим словарем». Приложение 3 включает количественно-сопоставительные диаграммы лексико-семантических рядов номинаций лиц и их совокупностей в прозе трех рассматриваемых ЯЛ и в РСС.

ГЛАВА 1

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Проблема языковой личности в антропоцентрической парадигме современного языкознания

Задача настоящей главы – охарактеризовать существующие в современной лингвистике направления описания ЯЛ. Эта глава во многом основывается на [Башкова, 2011, 2014к].

XXI век – это время расцвета антропоцентрической лингвистики, поскольку человек – говорящий, пишущий, думающий, осваивающий язык и пользующийся им – утвердился в качестве центрального объекта лингвистических исследований, как зарубежных (см.: [Foley, 1997; Duranti, 2009]), так и отечественных. То, что основополагающая величина современного языкознания – человек, уже ни у кого не вызывает сомнений. **Языковая личность**, то есть человек как носитель языка, является тем объектом, который объединяет науки, входящие в современное языкознание.

Мнения относительно того, кто является автором термина языковая личность, расходятся. Его первое употребление связывают либо с именем неогумбольдтианца Й. Л. Вайсгербера, либо с работой В. В. Виноградова «О художественной прозе» (1930) [Оленев, 2008, с. 15]. Несомненно, что в русистике активное использование данного термина началось в исследованиях В. В. Виноградова о языке художественной литературы, где ЯЛ рассматривалась в двух ее проявлениях (образ автора и художественный образ «говорящего» персонажа) [Виноградов, 1959]. В 80-е годы XX века в отечественной лингвистике понятие ЯЛ получило концептуальное осмысление в фундаментальных трудах Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова. (Примерно в это же время в США на стыке психологии и лингвистики формируется лингвистика индивидуальных различий (см.: [Goldberg, 1981]). Были предложены пути исследо-

вания ЯЛ, которые стали программными для многих направлений лингвистики. С позиций лингводидактики Г. И. Богин разработал уровневую модель описания обобщенного типа ЯЛ, абстрагированного «не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков» [Богин, 1984, с. 3]. Основное назначение этой модели – обучение родному и неродному языку. Человек в ней рассматривается «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Там же, с. 1].

В 1997 году термин *языковая личность* был включен в переизданную энциклопедию «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова. Там отмечается, что языковой личностью может стать любой носитель языка как автор языковых текстов, имеющий свой характер, интересы, социальные, психологические и языковые предпочтения и установки [Караулов, 1997, с. 672]. «Понятие *языковая личность* предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и впечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа» [Караулов, 2007б, с. 286].

Термин ЯЛ постоянно корректируется, оставляет простор для поисков и дискуссий. В зависимости от того, какие проявления ЯЛ становятся объектом исследования, используются термины *речевая личность*, *коммуникативная личность*, *дискурсивная личность*, *литературная личность*. В качестве родового понятия, определяющего уникальность человека в его способности к общению, К. Ф. Седов предложил считать «модель коммуникативной компетенции личности» [Седов, 2007, с. 8].

Индивидуальность языка и речи носителя языка отражают и другие термины: *идиолект*, *идиостиль*, *речевой паспорт*.

Значение термина *идиолект* более или менее устойчиво, он давно используется в языкознании. «*Идиолект* [от греч *idios* – свой, своеобразный, особый и (диа)лект] – совокупность формальных и стилистических особен-

ностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка <...> Идиолект в узком смысле – только специфические речевые особенности данного носителя языка; в таком аспекте изучение идиолекта актуально прежде всего в поэтике, где основное внимание уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи (стиля), а также в нейролингвистике, где необходимо представить соотношение индивидуальной и типовой клинических картин при различных видах расстройств речи <...> В широком смысле идиолект – вообще реализация данного языка в устах индивида, то есть совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка» [Виноградов В. А., 1990, с. 171].

Идиостиль – это более неопределенный термин, терминологический дублет термина *идиолект*. «Согласно словарным определениям, понятие «идиостиль» логически шире понятия «идиолект» и трактуется как вся совокупность языковых выразительных средств автора, в то время как компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля» (см.: [Новиков, Преображенский, 1990, с. 56]).

Проблема соотношения терминов *идиолект* и *идиостиль* в стилистике художественной речи и лингвистической поэтике решается по-разному. Так, В. П. Григорьев отмечал, что «всякий идиостиль как факт современной литературы является в то же время идиолектом» [Григорьев, 1983, с. 4]. Разграничение понятий идиостиля/идиолекта связывают с осознанным введением оппозиции: денотативный/коннотативный аспект функционирования компонентов субъязыка. Если все индивидные компоненты авторской языковой системы считать «компонентами идиолекта, то те из них, что устойчиво реализуют коннотативную функцию, будут складывать идиостиль» [Новиков, Преображенский, 1990, с. 57].

В. И. Карасик понятию *идиостиль* противопоставляет понятие *речевой паспорт*: «Речевой паспорт – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой). Идиостиль человека... можно было бы тракто-

вать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции» [Карасик, 2002, с. 9].

Для настоящей работы значимыми являются термины *языковая личность* и *идиолект*, которые употребляются в следующих значениях: *идиолект* – это реализация языка в текстах, созданных языковой личностью; важнейшая часть идиолекта – это *идиолексикон*, то есть совокупность всей используемой индивидом лексика. *Языковая личность* – это конкретный носитель языка со своими ментальными, психическими и социальными качествами, которые отражаются в созданных им текстах.

ЯЛ изучается в рамках многих научных дисциплин, и в их ряду особое место занимает **лингвоперсонология**, поскольку ЯЛ является основным объектом ее изучения, а не входит в ряд других объектов. Одной из первых работ программного характера для этой научной дисциплины стала статья В. П. Нерознака, в которой в качестве названия раздела лингвистики, развивающего теорию ЯЛ, был предложен термин «**лингвистическая персонология**» [Нерознак, 1996, с. 113]. Эта наука призвана исследовать состояние языка как частночеловеческой (идиолектной), так и многочеловеческой (полилектной) ЯЛ [Там же]. В 2003 году в научный обиход был введен сокращенный вариант предложенного ранее наименования – «**лингвоперсонология**» [Нерознак, 2003]. Это обозначение «отвечает требованиям краткости, системности (ср. лингвокультурология, лексикология, мотивология...) и прозрачности внутренней формы» [Иванцова, 2010, с. 22]. Благодаря научной и издательской деятельности Н. Д. Голева новый термин утвердил свои позиции в лингвистике. Изданные в Барнауле и Кемерове сборники [Вопросы лингвоперсонологии, 2007; Лингвоперсонология, 2006] объединили усилия ученых, работающих в разных городах России. Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время термин *лингвоперсонология* наиболее ак-

тивно используют сибирские лингвисты – в первую очередь, представители лингвистических школ Барнаула, Кемерова, Томска и Красноярска.

Новая научная дисциплина выделяется благодаря собственному объекту и предмету, что приводит к возникновению новых методов исследования. Можем ли мы говорить о том, что таковые есть у лингвоперсонологии? Статья «Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии» [Иванцова, 2008] стала первой работой, в которой сделан обобщающий анализ используемых в лингвоперсонологии методов. Автор выделила три типа методологических трудностей изучения индивидуальной речи: 1) выбор исследуемого объекта, 2) сбор материала, 3) анализ материала. Вывод данной статьи таков: «в лингвоперсонологии складываются методологические установки, связанные с выбором объекта исследования, методами сбора материала и его анализа. Опираясь на традиционные методы лингвистики, теория ЯЛ вырабатывает и свою собственную методологию» [Там же, с. 41]. Так, **методика сбора материала** включает *непрерывное наблюдение, долговременное панельное наблюдение, соучастие, лонгитюдное наблюдение, включение в языковое существование говорящего, включенное наблюдение, традиционные приемы наблюдения, прямого опроса, лингвистического интервьюирования и тестирования*. Принципиально иными подходами к сбору материала при исследовании конкретных ЯЛ являются *экспериментальные методы*, которые ориентированы на получение интересующих лингвистов данных от носителей литературного языка: *ассоциативный эксперимент, создание испытуемыми текстов, задания по преобразованию исходного текста*.

Рассматривая основные **методы исследования ЯЛ**, Е. В. Иванцова отмечает, что «лингвоперсонология опирается на традиционные общенаучные и собственно лингвистические способы анализа исследуемого объекта, заимствует их из смежных с языкознанием дисциплин и отдельных частных областей лингвистики, приспособлявая к изучению новой области научного знания, и вместе с тем формулирует свои специфические методы» [Там же, с. 33]. Определяя направление лингвоперсонологического анализа, лингвис-

ты чаще всего выбирают *индуктивный подход* от конкретного к абстрактному, от текста к автору, однако при описании «коллективной ЯЛ» встречается и *дедуктивный подход*.

Распространенным общенаучным методом в лингвоперсонологии является *описательный метод (метод научного описания)*, который заключается «в планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [Ахманова, 1966, с. 233]. Популярен в лингвоперсонологии *лексикографический метод*, суть которого состоит в том, что разнообразные свойства языковых единиц представляются с помощью системы словарных статей. В настоящее время издано большое количество словарей языка писателей [Байрамова, Никишаева, 2002–2005; Воробьева, 2002; Словарь языка Достоевского, 2001 и др.], политиков [Самотик, 2004] и рядовых говорящих [Лютикова, 2000; Полный словарь диалектной языковой личности, 2006–2012; Толстова, 2004 и др.]. Для определения особенностей индивидуального стиля используют также *методы математической лингвистики* [Байтов, Сорокин, 1977; Синелева, 2003; Мухин, 2011; Напреенко, 2015].

Формирующиеся **специфические методы лингвоперсонологии** можно разделить на две группы: 1) *методики реконструкции ЯЛ* (метод структурного моделирования, лингвориторической реконструкции, биографический метод) предполагают воссоздание имплицитных компонентов облика ЯЛ; 2) *речевое портретирование* опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению [Иванцова, 2008, с. 39].

Во многих современных исследованиях ЯЛ выделяются отдельные ее аспекты, вместе с тем «практически любой вариант описания ЯЛ, в конечном счете, преследует цель построения ее модели, и можно сказать, что моделирование... является наиболее продуктивным и оттого популярным методом изучения ЯЛ» [Оленев, 2008, с. 21]. Этот метод позволяет лингвистическому описанию достичь высокого уровня абстракции, обобщить многообразие конкретного материала в обозримых классификациях.

Для анализа идиостиля и менталитета пишущей ЯЛ используется методика лингвориторической реконструкции: «первичная реконструкция» проводится на материале текстов, созданных самой ЯЛ, «вторичная реконструкция» – на основе текстов, авторами которых являются близкие, коллеги и исследователи наследия этой ЯЛ (см.: [Дружинина, Ворожбитова, 2005, с. 10]).

Из литературоведения лингвоперсонология заимствует биографический метод, который представляет собой анализ дневников, писем и других личностных письменных документов, дающих информацию для социологической характеристики субъекта (см.: [Крысин, 1971, с. 83]).

Широко распространен в лингвоперсонологии *метод речевого портретирования* (реже называемый *языковым портретированием*), который восходит к речевым портретам персонажей в литературоведении [Пушкин, 1989; Авилова, 2000]. Речевой (языковой) портрет является результатом планомерного описания ЯЛ в соответствии с задачами, поставленными исследователем. В настоящее время существует несколько вариантов портретирования ЯЛ. Большинство из них имеет фрагментарный характер и *социолингвистическую* направленность. «Центральное место в них обычно занимает поярусное описание языковой системы информанта, встречаются наблюдения над речевым поведением: как правило, приводятся биографические сведения о ЯЛ, иногда в портрете представлен образец текста. Характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причем акцент делается именно на последних» [Иванцова, 2008, с. 36; Оглезнева, 2005]. Еще одна разновидность речевого портрета – это *коммуникативный портрет*, описание индивидуальных характеристик речевого поведения (см.: [Иссерс, 2000; Ерофеева, 1990; Паршина, 2005]). Речевое портретирование может быть фрагментарным, характеризующим наиболее яркие особенности речи ЯЛ, и комплексным. Тип *недифференциального комплексного речевого портрета* разрабатывают представители Томской лингвистической школы, основы этого метода исследования ЯЛ были заложены в монографии «Феномен диалект-

ной языковой личности» [Иванцова, 2002] и развиваются в работах томских лингвистов Л. Г. Гынгазовой, Т. Ф. Волковой, О. А. Казаковой и др. при портретировании ЯЛ диалектоносительницы В. П. Вершиной.

Таким образом, методология лингвоперсонологии находится в стадии формирования, и одной из насущных задач этой науки является разработка таких методов, которые позволяют сравнивать разные языковые личности друг с другом на фоне всей системы русского языка на строгих объективных основаниях.

1.2. Междисциплинарный характер понятия «языковая личность» и многообразие подходов к его изучению

Междисциплинарный характер понятия ЯЛ делает его положение в науке весьма специфичным: это понятие стирает границы между изучающими человека дисциплинами, его разрабатывают не только лингвисты, но и психологи, педагоги, социологи.

Представители антропоцентрической парадигмы языкознания широко используют термин «языковая личность». Он входит в основу категориального аппарата многих наук, лингвистических направлений и школ. Более того, ЯЛ (в качестве объекта исследования) становится доказательством возникновения новых лингвистических направлений и дисциплин. Приведем примеры.

1. В. И. Карасик обосновывает новый, прагмалингвистический, аспект рассмотрения ЯЛ – с точки зрения коммуникативной тональности общения. Такой подход к изучению ЯЛ назван **дискурсивной персонологией**, он позволяет «выделить ряд языковых личностей, проявляющихся в определенных типах дискурса: одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и перформативный типы дискурсивных субъектов» [Карасик, 2007, с. 86].

2. В. И. Карасик [2001, с. 15] отмечает, что основу категориального аппарата **лингвокультурологии** составляют понятия языковой личности и концепта. В. А. Маслова тоже считает понятие «языковая личность» значимым для лингвокультурологии: «Понятия «языковая личность» и «языковое сознание» тесно взаимосвязаны, и оба зависят от общества и культуры. С одной стороны, человек, личность творит культуру и живет в ней, поэтому всякая культура личностна, она создается в совместной деятельности людей, в том числе творческой. С другой — определенный тип личности формируется культурой. В процессе творчества происходит саморазвитие личности, сопровождающееся развитием культуры. Опосредованная через продукты культуры, язык, опыт связь людей в обществе – основа становления культуры и истории человечества» [Маслова, 2007, с. 44].

3. С. Г. Воркачев с помощью понятий «языковая личность» и «этносемантическая личность» аргументирует методологические основания **лингвоконцептологии** – нового научного направления, категориальный аппарат которого «должен быть направлен на исследование структуры и специфических свойств концептов как ментальных сущностей особого рода, на определение их формы в зависимости от области бытования – концептологическую топологию, на описание их гомоморфных характеристик – концептологическую аспектацию <...> По существу, в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [Воркачев, 2002, с. 85].

4. А. П. Седых отмечает, что «изучение особенностей языковой личности соприкасается с **этнопсихологией** – наукой об особенностях культуры, об этнокультурной обусловленности познания, эмоционального поведения индивида, его языка и речи» [Седых, 2005, с. 370].

Учение о ЯЛ стало ярким проявлением такой черты современной лингвистики, как экспансионизм, то есть расширение границ научной дисциплины.

В результате экспансионизма «то, что считается «нелингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем» [Кибрик, 1987, с. 35].

Практически все авторы обзоров работ о ЯЛ (см., например: [Оленев, 2008, с. 17–18]) отмечают, что уже в самих названиях лингвистических направлений, в которых ЯЛ является одним из главных объектов исследования, выражена идея интердисциплинарности: гендерная лингвистика, дискурсивная лингвистика, жанроведение, когнитивная лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология и этнолингвистика, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, психоллингвистика, социоллингвистика.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, экспансионизм современной лингвистики теснейшим образом связан с другой ее отличительной чертой – «экспланаторностью, поскольку обращение к другим наукам и данным из других наук определяется в первую очередь стремлением найти языковым феноменам то или иное объяснение. Такие объяснения устройству языка пытаются найти в первую очередь в сущностных характеристиках его носителя – человека» [Кубрякова, 1995, с. 212].

В связи с вышесказанным сложным является вопрос о статусе учения о ЯЛ. Думается, что оно междисциплинарное в филологии и пограничное в пределах прежде всего гуманитарного знания.

Поскольку ЯЛ – сложно организованная категория, то подходы к ее изучению очень разнообразны, и, соответственно, классифицировать основные направления ее изучения очень непросто. «Возникают вопросы о том, как наиболее целесообразно – по именам, по школам, по идеям – рассматривать положение дел» [Там же, с. 156].

Многообразие подходов к исследованию ЯЛ приводит к тому, что в обзорах современных работ по этой теме [Першина, 1999; Канчер, 2000; Тюрина, 2001; Кочеткова, 2002; Попова, 2002; Трипольская, 2002б; Иванцова, 2005; Голев, 2006; Романов, 2006; Тамерьян, 2006; Сагайдачная, Локтева, 2007; Стрельцова, 2007; Ишкова, 2008; Оленев, 2008; Пекарская, 2010 и др.], в зависимости от целей аналитика, прослеживаются две тенденции:

1. Если автор обзора стремится нарисовать полную картину существующего положения дел, то все современные направления перечисляются длинным списком, с трудом сводимым в какую-либо общую систему. При этом достигается полнота описания, но из-за отсутствия системы общая картина труднообозрима.

2. Если целью обзора становится доказательство правомерности собственной концепции, то выбирается какое-либо основание классификации и все работы объединяются в направления, независимо от воли авторов исследований. При этом вырисовывается обозримая и удобная для восприятия читателя картина, однако в одно направление попадают очень разные работы. В этом случае в какой-то степени утрачивается объективность обзора, ряд работ оказывается за пределами анализа, так как не вписывается в выбранную систему.

Разрешить данное противоречие почти невозможно, так как ЯЛ – многоаспектный объект исследования и в известных нам работах те или иные аспекты объединяются на разных основаниях. Несомненно, что классификация современных лингвоперсонологических направлений должна учитывать то, что при изучении ЯЛ выделяются три основных уровня абстракции, которые описал Ю. Н. Караулов:

а) личность как индивидуум и автор текстов, обладающий «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и психологическими установками»;

б) личность как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка;

в) личность как представитель человеческого рода вообще, «неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Караулов, 1997, с. 671].

подавляющее большинство лингвоперсонологических исследований изучают ЯЛ на первых двух уровнях абстракции, ведется либо дедуктивный анализ – от общего к частному, либо индуктивный – от частного к общему. В

то же время, поскольку любая индивидуальная личность является членом социума, а любой тип состоит из конкретных индивидуальных представителей, во всех работах в разных пропорциях устанавливаются как типические, так и индивидуальные черты ЯЛ. Данная тенденция отчетливо проявилась, например, при описании профессиональной и исторической ЯЛ.

Профессиональная ЯЛ и профессиональный дискурс в структуре ЯЛ описаны в следующих работах: [Астафурова, 1998; Линецкая, 2002; Шапкарина, 2002; Лазуренко, 2006; Кущенко, 2008 и др.]. Естественно, что наибольшее внимание уделяется тем профессиям, в которых речевая деятельность преобладает. Анализируется ЯЛ представителей следующих профессий:

- журналиста, радио- и телевизионного ведущего [Беспамятнова, 1994; Машковцева, 2001; Рогозина, 2001; Аракелов, 2002; Кузнецова, 2002; Мартыненко, 2003; Ширина, 2003; Таболякова, 2007; Шаховский, 2007; Шемякова, 2007; Сладкевич, 2008; Шаповалова, 2008; Дедюкова, 2009; Касимханова, 2015],

- переводчика [Цвиллинг, 1994; Калмыков, 1999; Малахова, Орлова, 1999; Сорокин, 1999; Халеева, 1999; Астафурова, 2000; Бурукина, 2001; Никитченко, 2001; Маганова, 2002; Транопольская, 2002; Левковская, 2003; Зубанова, 2004; Крюкова, Голубых, 2004; Алексеева, 2005; Бреус, 2005; Злобин, 2005; Урубкова, 2005; Полонова, 2006],

- педагога, преподавателя [Десяева, 1999; Заболотнева, 1999; Карасик, 1999; Рюмина, Ястребова, 1999; Рублева, 2001; Фомина, 2001; Безрукова, 2002; Карташева, 2002; Райцев, Тахохов, 2002; Каратанова, 2003; Кочеткова, 2003; Пивонова, 2003; Московская, 2004; Михеева, 2005, 2006; Кривоклякина, 2006; Умеренков, 2006; Антонова, 2007; Сергеева, 2013],

- политика [Базылев, 2000; Постникова, 2001; Жукова, 2002; Прохорова, 2002; Соколовская, 2002; Силеверстова, 2003; Паршина, 2004, 2005; Данилова, 2005, Комиссаров, 2007; Ладыжникова, 2007; Пишкова, 2007; Сагайдачная, 2009],

- ученого [Баркав, 1996б; Котюрова, 1996, 2003; Витлинская, 1999; Богачева, 2000; Аверина, 2001; Баженова, 2003; Данилевская, 2003; Зинина, 2007; Чернейко, 2008],

- юриста, судебного оратора, адвоката, законодателя [Варнавских, 2003; Виноградова, 2003; Денисенко, 2003; Кубиц, 2005; Маланина, 2006; Кыркунова, 2009],

- бизнесмена, экономиста [Томашевская, 1998, 2000, 2002, 2003; Милехина, 2000, 2006; Бушев, 2009],

- государственного служащего [Панова, 2003, 2004, 2005, 2006],

- артиста, музыканта [Труфанова, 1986; Ножкина, 2003; Мутигуллина, 2011],

- медика [Иванчук, 1998; Шуракова, Гноева, Лайтадзе, 2006; Барсукова М. И., 2007; Гагарина, 2016],

- референта [Киуру, 1999],

- спортсмена [Исмаева, 2007],

- моряка [Солнышкина, 2005] и др.

Исследуются не только типичные черты профессиональной ЯЛ, но и индивидуальные особенности конкретных представителей названных профессий: юриста А. Ф. Кони [Баишева, 2007; Артемова, 2008], ученых И. П. Распопова [Вахтель, Голицына, Распопова, 1998], М. Хайдеггера [Бредихин, 2003], А. Ф. Лосева [Дружинина, 2003, 2004; Дружинина, Ворожбитова, 2005; Славгородский, 2007], А. А. Реформатского [Журавлев, 2004], В. И. Даля [Качалкин, 2005], В. В. Виноградова [Кормилицына, 1996; Федорченко, 1999], Э. Сепира [Мальцева, Варшавская, 2003], В. Шкловского [Панченко, 1997], Ю. М. Лотмана [Парсамова, 2004], Н. А. Бердяева [Паули, 2008], Н. А. Кондрашова [Рупосова, 2001], К. С. Аксакова [Серио, 2005], Ф. У. Мейтленда [Сидорова, 2003], политиков Петена и де Голля [Дарьина, 2008], Маргарет Тетчер [Жирова, 2007], Бисмарка [Лефельдт, 2006], Г. Киссинджера [Мордовин, 2004], А. Лебеда, В. Зубова и А. Хлопонина [Осетрова, 2004], В. В. Жириновского [Ушакова, 2002], А. Линкольна [Шадаева, 2005],

артистов И. М. Москвина [Борзунова, 1986], А. Вергинского [Купина, 2004], переводчика Б. В. Заходера [Шевченко, 2005], профессора Саратовского государственного медицинского университета К. И. Бендера [Кочеткова, 1998].

Языковая личность в историческом аспекте анализируется в работах: [Бондарчук, Кузнецова, 1994, 1995; Топорова, 1994; Караваева, 1997; Рупосова, 1999; Семенюк, 1999, 2001; Лешутина, 2001; Вендина, 2002; Запольская, 2002; Кондратьева, 2002; Аникин, 2004; Викулова, 2005; Малышева, 2005; Унгарбаева, 2005; Меркулова, 2006; Барсукова Е. В., 2007; Плотникова, Ракитянская, 2007; Ракитянская, 2007; Русяева, 2007; Дондокова, 2008; Иванова, 2008; Передельская, 2009; Фесенко, 2009].

Во многих работах анализируются конкретные ЯЛ прошлого: губернатора А. П. Степанова [Бурмакина, 2007], Петра Великого [Гайнуллина, 2002], Е. Р. Дашковой [Гречаник, 2002], Акинфия и Прокофия Демидовых [Иванова, 2007], князя А. М. Курбского [Калугин, 1999], Епифания Премудрого [Конявская, 2000], одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия Ивана Неронова [Коротенко, 2006], подьячего Алимарцана Бабаева [Кортава, 2000, 2001], Емельяна Пугачева [Позднякова, 1997], Ивана IV Грозного [Попова, 2004; Шилина, 2003], Секста Помпея [Черняк, 2005], восточнославянского переводчика – москвича Спиридония [Янакиева, 2005], князя Б. И. Куракина [Ясинская, 2004] и др.

Как отмечает Н. Д. Голев, «диапазон вариативности языковых личностей велик и приближается к неисчерпаемости. В вертикальном (иерархическом) измерении этот диапазон простирается, начиная от языковой личности вообще и далее – к национальной языковой личности и ее вариантам (лингвоперсонамам) и завершается вариативностью конкретной языковой личности (так сказать, ее аллоперсонами). Между этими полюсами находится значительное число промежуточных образований...» [Голев, 2009, с. 18].

В методологическом плане при изучении ЯЛ важно то, что «типологическое исследование языковой личности включено в общую парадигму определения меры единичного и общего, типического и уникального, индивиду-

ального и коллективного в объекте изучения. Индивидуальное, восходящее к биологическому, и социальное в сознании ЯЛ – характеристики диалектически взаимосвязанные. Так, можно говорить о коллективной языковой личности юриста, учителя младших классов, инженера, диалектоносителя, подростка – фаната футбольного клуба и т.п., и о типе языковой личности интроверта, балагура, манипулятора. Это позволяет квалифицировать группы носителей языка, имеющих схожие ментально-языковые характеристики в двух планах: социальном – когда группы представляют собой *коллективные языковые личности*, и лингво-ментально-психологическом – когда группы (ментально-психологические *типы языковой личности*) конструируются по их внутренним особенностям, определяющим их языко-речевое поведение <...> Модели языковой личности, которые стоят за типами, представляют собой не меньшую, если не большую, реальность, чем модели, стоящие за “коллективной языковой личностью”» [Голев, 2009, с. 19]. В то же время не следует забывать о том, что «между рассматриваемыми разновидностями нет четких границ, поскольку социальное и природное взаимопроницаемо» [Там же, с. 20].

Делая обзор типологий ЯЛ, В. И. Карасик пишет о том, что «типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы). С позиций языка можно построить также модель *словарной личности*, т. е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим классам слов» [Карасик, 2002, с. 19].

По наблюдению В. И. Карасика [2009, с. 319], подходы к изучению ЯЛ сводятся к следующим типам:

1) исследование ЯЛ с позиций психологии, где разработано множество классификаций характеров, каждый из типов которых определенным образом проявляется в коммуникации и может быть изучен с лингвистических позиций;

2) анализ ЯЛ с позиций социологии; в социолингвистике выделены языковые индикаторы социальной идентичности и коммуникативного поведения определенных общественных групп: малых (семьи, школьного класса, производственного коллектива) и больших (молодежи, мужчин и женщин, людей с низким образовательным цензом);

3) изучение ЯЛ с позиций культурологи: моделируются лингвокультурные типажи – обобщенные узнаваемые представители определенных групп общества, чье поведение воплощает в себе нормы целой лингвокультуры и влияет на поведение всех представителей общества;

4) анализ ЯЛ с позиций лингвистики: делается описание коммуникативного поведения представителей разных типов языковой культуры – элитарной либо массовой, дается характеристика коммуникативной компетенции людей, проводится анализ стандартного и креативного языкового сознания. В последнее время получил распространение прагмалингвистический подход к изучению ЯЛ, в рамках которого говорящий анализируется с позиций дискурса, в котором он участвует.

Таким образом, в связи с тем что *языковая личность* – это многоаспектное междисциплинарное понятие, подходы к его изучению разнообразны. Они могут использоваться комплексно в том или ином сочетании в одном исследовании в соответствии с целями автора.

1.3. Структурный подход к исследованию языковой личности

Структурный подход к лингвистическому исследованию ЯЛ сложился в недрах школы «Русская языковая личность» под руководством Ю. Н. Караулова. Эта школа стала первым объединением исследователей, внесших большой вклад в развитие теории ЯЛ. В сборнике, изданном к 70-летию Ю. Н. Караулова, сказано, что «название школе дано по основному объекту, подлежащему изучению и описанию в ее рамках, и по методу (способу изучения и описания), который основывается на определенном образом сложившейся и установленной в исследованиях структуре языковой личности. Под языковой личностью понимаются два феномена: 1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов» [О научной школе «Русская языковая личность», 2006, с. 515].

В 1987 году в монографии «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов представил основы целостной теории ЯЛ и предложил пути ее исследования, которые в дальнейшем стали программными для многих направлений лингвистической персонологии. Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель ЯЛ с опорой на художественный текст и не только на него, последовательно разграничивая три известных аспекта семиотики: синтактику, семантику и прагматику. ЯЛ, по мнению ученого, обнаруживает **три структурных уровня** [Караулов, 1997, с. 672].

1. **Вербально-грамматический** уровень. К нему относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического

строю языка: слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т. д.

2. **Когнитивный** уровень. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса. Его единицами выступают: денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал, понятие, фрейм, генерализованное высказывание (т. е. афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур и др.

3. **Прагматический** уровень отражает интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и динамику его картины мира. В состав единиц этого уровня включаются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа действия.

В 1988 году научная школа «Русская языковая личность» получила институциональное оформление, когда под руководством Ю. Н. Караулова коллектив из пяти сотрудников – А. А. Залевской, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой и Г. А. Черкасовой – начал работу над Ассоциативным тезаурусом русского языка. (Под тезаурусом в работах Караулова понимается «всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [В поисках языковой личности, 1995, с. 5].)

С 1988 по 1997 год по всей России в три этапа проводилось массовое и масштабное анкетирование, целью которого стало выявление образов языкового сознания русских. Результаты работы были представлены в «Русском ассоциативном словаре». В сборе материалов участвовали сотни лингвистов по всей России, а опросу подвергались тысячи носителей языка. Все это способствовало тому, что идеи теории ЯЛ стали развивать во многих российских лингвистических школах.

Таким образом, понятие «языковая личность» тесно связано с разработкой словаря тезаурусного типа: тезаурус предстает прежде всего как способ исследования ЯЛ, как результат целенаправленного эксперимента лек-

сикографа над языковой способностью человека. Такой эксперимент показал, что выбор языковых средств говорящим во многом определяется языковой картиной мира и что ЯЛ органически связана с национальной культурой.

Значительным результатом работы школы «Русская языковая личность» стало создание «Русского ассоциативного словаря», в котором собраны ассоциативные реакции на языковые единицы различного уровня. Исследование ассоциативных отношений позволяет реконструировать ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ, выявить универсальные национальные составляющие языковой картины мира.

В исследованиях научной школы комплексно применяются следующие экспериментальные методы, широко распространенные в современной психо- и этнолингвистике и других междисциплинарных отраслях языкознания:

- ассоциативные эксперименты, моделирующие стимульно-реактивный, или смыслопорождающий, режим работы языкового сознания (от знака к смыслу);
- опросно-анкетные методики, моделирующие знакопорождающий режим (от смысла к знаку) работы языкового сознания и позволяющие реконструировать базу знаний языковой личности;
- анализ пересказа текстов;
- метод семантического дифференциала;
- анализ языкового существования (записи речи одного дня) личности;
- анализ деятельности устных и письменных переводчиков;
- анализ этнотекстов;
- анализ статистически достоверных самонаблюдений носителей над порождением письменной речи;
- эксперименты по восстановлению деграмматизированных текстов и др.

Костяк школы составили ученые, работающие в Москве, Твери, Заволжье, позднее к ней идейно примкнули лингвисты, которые использовали в

исследовательской практике предложенный Ю. Н. Карауловым метод вербально-семантической сети и его идею уровневого устройства ЯЛ.

Программа научной школы «Русская языковая личность» состоит из пяти исследовательских направлений (см.: [Языковая личность: текст, словарь, образ мира, 2006, с. 517–518]):

1. Языковая личность, когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания и их эволюция с изменением национальной культуры и общества [Уфимцева Н. В., 1995, 2000; Красных, 1997, 2003, 2006; Черкасова Г. А., 2007, 2014, 2015 и др.].

2. Этнокультурная специфика языковой личности – языковые показатели русской картины мира, ментальности и русского национального характера [Уфимцева Н. В., 2004а, 2004б, 2006, 2011; Чулкина, 1987, 2004, 2005; Евтушенко, 2011 и др.].

3. Межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания – типологические параметры. Полевые исследования, составление и анализ многоязычных ассоциативных словарей [Тарасов, 2000, 2004, 2012; Уфимцева и др., 2004а; Балясникова, 2003; Воейкова, 2009 и др.].

4. Речевой образ повседневного языкового существования носителя русского языка. Типология языковых личностей: социальные, территориальные, исторические, профессиональные, гендерные, возрастные вариации [Ощепкова, 2003; Панова, 2003, 2004, 2005, 2006 и др.].

5. Языковая личность художника слова. Текстовые ассоциативные поля как инвариант художественного перевода [Цыб, 1995; Ружицкий, 2015; Коробова, 2016, 2017; Ружицкий, Коробова, 2017 и др.].

Об актуальности проводимых исследований свидетельствует факт их корреляции с общемировыми тенденциями развития лингвистики, широкое внедрение идей школы в практику отечественного языкознания. Зарождалась новая интерлингвистическая теория ЯЛ, в которой нашли место идеи когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии с ее интересом к проблеме реконструкции национальной и индиви-

дуальной языковой картины мира, лингвоконцептологии, этнопсихолингвистики.

В заключение подчеркнем, что предложенный Ю. Н. Карауловым структурный подход к исследованию ЯЛ внес значительный вклад в решение фундаментальной проблемы общего языкознания – соотношения индивидуального и коллективного в языке и речи.

1.4. Дискурсивно-коммуникативное исследование языковой личности

Дискурсивно-коммуникативное направление исследований ЯЛ ярко представлено в работах Саратовской научной школы «Изучение функционирования русского языка», получившей институциональное оформление на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского госуниверситета и объединившей не только лингвистов Саратова, но и многих российских и зарубежных ученых [Кормилицына, Сиротина, 2006, 2007].

Результатом работы школы в сфере теории ЯЛ стали докторские диссертации, защищенные в СГУ: [Седов, 1999; Кочеткова, 1999; Паршина, 2004; Иванчук, 2005; Милехина, 2006].

Достижения Саратовской школы «Изучение функционирования русского языка» признаны и в России, и за рубежом (см.: [Кормилицына, Сиротина, 2007, с. 58]). Отметим те моменты в ее работе, которые так или иначе связаны с изучением ЯЛ. Прежде всего, это исследование влияния фактора личности говорящего/пишущего на изменения в функционировании языка.

В рамках школы разработана теория типов речевой культуры литературного языка и критериев хорошей речи, проводится исследование соотношения типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении, исследование функционирования отдельных языковых явлений в

речи представителей разных социальных групп. Все эти направления работы Саратовской школы имеют большое значение для теории ЯЛ.

Развивая концепцию Н. И. Толстого, саратовские лингвисты внесли уточнение в понятие *речевая культура*, связав его с типом общей культуры, с отношением человека к знаниям вообще, знаниям о языке и его нормах, со степенью владения функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, соблюдением его норм и степенью творческого начала в речи. Эти идеи получили воплощение в работах по речевому портретированию.

Разделение носителей языка по типам речевой культуры позволяет дифференцировать языковые личности по их реализации в речевой (или дискурсивной) деятельности и, таким образом, является значимым параметром их социолингвистической классификации. Каждый народ обладает особыми национальными речевыми культурами, характерными традициями общения, типами языковых и речевых предпочтений, связанных с условиями жизни людей, различием в их коммуникативных возможностях и потребностях, степенью образованности и т. д. (см.: [Гольдин, Сиротина, 1993, 1997; Толстой, 1995]).

В системе внутринациональных русских речевых культур выделяют несколько типов: народную речевую культуру сельских жителей, говорящих на диалекте, массовую просторечную культуру малообразованных горожан, арготическую культуру профессионально ориентированного и профессионально ограниченного характера и речевые культуры, связанные со сферой действия литературного языка, – элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную и фамильярно-разговорную.

Элитарный тип речевой культуры свойствен людям, владеющим всеми нормами литературного языка, выполняющим этические и коммуникационные нормы. Носители элитарного типа соблюдают не только кодифицированные нормы, но и функционально-стилевую дифференциацию литературного языка, владеют всеми видами устной и письменной речи. «Для носителя элитарного типа речевой культуры характерно незатрудненное использова-

ние соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, «неперенос» того, что типично для устной речи, на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, – на устную» [Сиротинина, 2001]. Особо отмечается, что элитарный тип речевой культуры – это воплощение общей культуры в ее наиболее полном виде.

Среднелитературный тип речевой культуры – это не до конца освоенный элитарный. Его носителями «является большинство образованного населения России: большинство людей с высшим образованием и значительное количество людей со средним образованием. Этот тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте» [Там же]. Носители среднелитературного типа, как правило, владеют двумя функциональными разновидностями литературного языка – разговорной речью и одним из функциональных стилей, необходимых профессионально: ученые – научным, журналисты – публицистическим и т. д.

Литературно-разговорный и фамильярно-разговорный типы речевой культуры начали складываться как самостоятельные в 90-х годах XX века. Для их носителей «характерно владение только разговорной системой общения, которая и используется ими в любой обстановке, в том числе и официальной. Своей стилевой и стилистической монотонностью всегда сниженной речи «разговорные» типы сближаются с просторечным типом речевой культуры» [Там же] и различаются степенью сниженности речи. «В литературно-разговорном типе преобладает ты-общение и домашние имена типа *Серезжа*, в фамильярно-разговорном – ты-общение становится единственно возможным, а в обращении предпочитается *Серезжка*, *Серезг*. И в том и в другом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, но в фамильярно-разговорном усиливается доля грубых слов и просторечных элементов» [Там же].

Как отметил К. Ф. Седов, «концепция типов речевой культуры наглядно показывает отличия в становлении дискурсивного мышления разных людей» [Седов, 2004, с. 96].

Речевую культуру общества составляют речевые культуры его членов. Исследования саратовских лингвистов показали, что «наибольшее распространение в современной России имеет среднелитературный тип речевой культуры (в СМИ конца XX в. – среднелитературный или литературно-жаргонизирующий), однако во всех слоях общества, в его разных профессиональных группах есть и носители полно- и неполнофункциональных типов» [Кормилицына, Сиротинина, 2007, с. 59]. При этом профессиональная деятельность человека существенно влияет на формирование у него того или иного типа речевой культуры.

Было показано, что «общая закономерность взаимовлияния профессионального и культурно-речевого факторов проявляется в обратной зависимости между уровнем речевой культуры личности и влиянием профессии на ее ментальный лексикон: чем выше уровень речевой культуры, тем меньшее влияние профессия оказывает на языковое сознание личности и наоборот» [Кущенко, 2008, с. 5].

В ряде работ представителей Саратовской лингвистической школы проведено исследование особенностей функционирования русского языка в речи разных социально-профессиональных групп, дано описание языковых личностей представителей разных профессий.

В рамках этого научного направления был описан речевой облик современного врача на основе анализа его профессионального общения с пациентом в различных коммуникативных ситуациях, проведено многоаспектное исследование речевых стратегий и тактик медицинского дискурса и способов их реализации, рассмотрен этический аспект речевого поведения врача. Было доказано, что выбор и эффективность той или иной тактики зависят от профессиональных целей и ситуаций общения, от типа личности и общей, в том числе и речевой, культуры врача, при этом важнейшими составляющими гармоничного общения врача с пациентом являются речевой этикет и вежливость (см.: [Барсукова М. И., 2007]).

Проведено многоаспектное исследование речевого поведения учителя на уроке, анализ показал, что это поведение отличается стереотипностью, оно строго задано рамками урока. Основные стратегии педагогического дискурса – это императивная (ведущая стратегия), информативная и коммуниктивно-регулирующая. Выявлены специфические черты диалога учителя на уроке: преобладание в речи стереотипных учительских вопросов и побуждений, клишированный характер реплик и эксплицитно выраженных средств адресации. Отмечено, что этикетную рамку фактически каждого урока составляют средства установления речевого контакта. Выделены специфические черты речевого поведения мужчин и женщин-преподавателей. Показано, что объяснительная речь мужчин монологична, менее ориентирована на собеседника, а речь женщин диалогична, более эмоциональна, адресатно ориентирована, женщина-преподаватель при объяснении задает больше вопросов, пытается сделать свою речь максимально понятной ученику (см.: [Антонова, 2007]).

Саратовские лингвисты описали речевые портреты предпринимателей, провели многоаспектное исследование речи этой социально-профессиональной группы (см.: [Милехина, 2006; Кормилицына, Сиротинина, 2007]). «Было проведено сопоставление реальных предпринимателей и образа предпринимателя в современных СМИ разного типа (негативный образ в массовых изданиях и отлакированный в «глянцевых»), в современной художественной литературе, кинофильмах и русской литературе XIX–XX вв. с образом, возникшим при чтении мемуаров предпринимателей и их друзей. Доказано, что ни в прошлом, ни теперь за редким исключением в литературе нет неискаженных представлений ни о самих предпринимателях, ни об их речи, которая, как это показал исследованный материал, вовсе не изобилует жаргонной лексикой» [Кормилицына, Сиротинина, 2007, с. 62].

Проанализированы особенности лексикона и речевого поведения современных студентов на материале записей устной речи студентов в неофициальной обстановке, студенческих сайтов, анкетирования студентов г. Са-

ратова, а также граффити на стенах, столах и шкафах в учебных и жилых помещениях вузов г. Саратова. Показано, что в студенческой речи традиции русской речевой культуры постепенно трансформируются, это проявляется в лаконизации этикетных формул, пренебрежении ими в процессе общения, возрастании агрессивности речи, частом употреблении инвектив, демонстрации в речи фамильярного отношения к преподавателям (см.: [Леорда, 2006]). Изучение ЯЛ студента приобретает актуальность в связи с тем, что молодые люди быстрее всех реагируют на различные изменения в языке и именно от них будет зависеть формирование, отбор и сохранение норм языка в дальнейшем.

В ряде работ рассмотрены элитарные ЯЛ ученых. Описана ЯЛ врача и педагога, профессора Саратовского медицинского университета К. И. Бендера [Кочеткова, 1997, 1998, 1999], подробно охарактеризованы конституирующие признаки элитарной ЯЛ: условия формирования, личностные качества и собственно языковые характеристики.

Выявлены необходимые условия формирования ЯЛ носителя элитарной речевой культуры: культурная среда, в которую ребенок погружен с детства (богатые духовные традиции интеллигентной семьи, социально-бытовая обстановка проживания, правильная литературная речь окружения), воспитание и хорошее образование, постоянное самообразование. Личностные свойства данного типа ЯЛ (моральные, интеллектуальные и волевые): уважение к окружающим и владение этическими нормами общения, высокий интеллект, тяга к постоянному получению новой информации, высокий уровень культуры, чувство социальной ответственности, высокая требовательность к себе. Собственно языковые и речевые признаки элитарной ЯЛ: высокий самоконтроль речи, безупречная правильность речи, хорошее чувство стиля, владение всеми формами устной и письменной речи, всеми функциональными стилями литературного языка, большой объем словаря, использование представляющих культурную ценность прецедентных текстов, жанровое и тематическое разнообразие создаваемых текстов, умение позитивно воздейство-

вать на собеседника с помощью внушения и убеждения [Кочеткова, 1998, 1999, 2000].

Проведен анализ наиболее важных составляющих ЯЛ Ю. М. Лотмана, показано, что на его становление повлияли такие факторы, как семейное окружение, опыт речевой коммуникации, приобретенный во время войны, общение с выдающимися учеными и педагогами – профессорами филологического факультета Ленинградского университета, занятия семиотикой, приобщение к эстонскому языку и культуре. Ориентиром для собственного эпистолярного творчества ученого служили эпистолярные образцы пушкинской эпохи (см.: [Парсамова, 2004]).

Саратовскими лингвистами проведено исследование ЯЛ представителей административно-политической элиты общества (см.: [Паршина, 2004, 2005; Кормилицына, Сиротинина, 2007 и др.]). Анализ радио- и телевыступлений Президента РФ, членов Правительства РФ, крупных политических деятелей, генерального прокурора и т. д. выявил соблюдение/несоблюдение ортологических, этических и коммуникативных норм, риторических стратегий и тактик, типичных для того или иного деятеля, степень их риторической грамотности. Исследование показало, что «самый низкий уровень речевой культуры демонстрируют представители судебной власти, особенно прокуроры и низовые работники аппарата местной власти и милиции, что в немалой степени влияет на снижение авторитета судебной власти в России» [Кормилицына, Сиротинина, 2007, с. 60].

В ряде исследований Саратовской лингвистической школы рассматривается функционирование русского языка в средствах массовой информации (см.: [Иванчук, 2005; Кормилицына, Сиротинина 2007; Шаповалова, 2008]), в рамках этого направления созданы речевые портреты отдельных журналистов, установлено, что разные типы речевой культуры наиболее четко проявляются в публицистическом стиле.

Исследование коммуникативного поведения популярных ведущих теле- и радиопрограмм и участников онлайн-форумов показало, что в совре-

менных средствах массовой коммуникации (теле- и радиодискурсе, интернет-общении) сформировалась модель конфликтной языковой личности – «обобщенно-типичного образа участника массмедийного дискурса, для которого конфликтность является статусным компонентом коммуникативного поведения» [Шаповалова, 2008, с. 5]. Основная коммуникативная черта выявленной модели – «стремление к конфликтной манипуляции партнером по общению с помощью элементов лингвокреативности» [Там же].

Таким образом, для типологии языковых личностей значимо выделение типов коммуникативного поведения, установление того, как соотносятся типы речевых культур с формами речевого воздействия. О. Б. Сиротинина и М. А. Кормилицына пишут о том, что «дискурс, который строится в соответствии с требованиями кооперативной коммуникации, можно считать принадлежностью полнофункционального (элитарного) типа речевой культуры... В обыденном метатекстовом сознании личность, демонстрирующая в общении... черты кооперативного взаимодействия, определяется как интеллигентная. Активная и пассивная центрация выступает приметой среднелитературного типа речевой культуры. Наконец, разные виды и формы речевой агрессии, как правило, характеризуют нелитературные типы речевой культуры. Этические нормы поведения, которые проявляются в формах кооперации, нельзя напрямую соотнести с уровнем образованности и интеллекта, однако они должны учитываться при оценке общей культуры поведения человека, стать одним из критериев при разработке типологии речевых культур...» [Кормилицына, Сиротинина, 2007, с. 64].

Саратовские лингвисты решают проблему ЯЛ также в аспекте связи жанров с речевым портретированием [Милехина, 2000, 2006; Паршина, 2005; Седов, 2007].

Ученик О. Б. Сиротининой профессор К. Ф. Седов, который был одним из главных генераторов идей в области теории ЯЛ в Саратовской лингвистической школе, в своей докторской диссертации и в монографии «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции» представил результаты

исследований онтогенеза речевого мышления, предложил пути решения одной из главных проблем современной онтолингвистики (возрастной психоллингвистики) – проблемы становления ЯЛ ребенка, показал, каким образом «становление структуры дискурса отражает (и выражает) особенности эволюции коммуникативной компетенции личности» [Седов, 2004, с. 4]. Под коммуникативной компетенцией в работах К. Ф. Седова понимается «умение строить эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которое соответствует нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу» [Там же, с. 23].

К. Ф. Седов рассмотрел закономерности становления коммуникативной компетенции человека после завершения у него стадии самонаучения языку – на основе сопоставительного анализа речевого материала трех возрастных срезов (6–7, 10–11 и 15–16 лет) в четырех аспектах: грамматическом (текстовом), прагмалингвистическом, психолингвистическом и социопсихолингвистическом. Особого внимания заслуживает специально разработанная К. Ф. Седовым методика анализа речевого материала, которая учитывает новейшие достижения современной теории языкознания и психолингвистики. Ученым также разработана методика определения типа ЯЛ на основе речевого поведения в конфликтной ситуации.

С дискурсивно-коммуникативным исследованием ЯЛ в Саратовской научной школе «Изучение функционирования русского языка» сближается прагмалингвистический подход к исследованию ЯЛ, предложенный профессором Волгоградского государственного педагогического университета В. И. Карасиком, в его основе лежит выделение типов коммуникативной тональности, характерной для того или иного дискурса. Под коммуникативной тональностью понимается эмоционально-стилевой формат общения, который определяет установки и средства общения коммуникантов, а под дискурсом – общение посредством текста.

В монографии «Языковые ключи» названы шесть ведущих положений, по которым может строиться типология дискурса, выделяемого на основе

прагмалингвистического критерия: «1) одноплановость/многоплановость смыслов, 2) заданность/открытость реакций, 3) серьезность/несерьезность общения, 4) кооперативность/конфликтность общения, 5) приоритет содержания/формы общения, 6) конкретность/отвлеченность тематики» [Карасик, 2009, с. 320].

В соответствии с перечисленными положениями с позиций дискурсивной персонологии было предложено выделять типы дискурсивных субъектов в зависимости от их предпочтений в определенном типе дискурса: «одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и перформативный» [Там же, с. 325]. Этим типам субъектов были даны следующие характеристики:

1. Личность, предпочитающая прямолинейное общение, – это *одномерный дискурсивный субъект*. Человек, использующий непрямую коммуникацию, склонный шифровать свои высказывания, пользоваться намеками, иронизировать, – это *многомерный субъект общения*.

2. *Сценарный субъект* ведет себя активно в соответствии со сценарием определенного коммуникативного действия, часто претендует на лидерство, его действия являются поступками. *Несценарный субъект* предпочитает оставаться в тени, часто отмалчивается.

3. *Игровой дискурсивный субъект* склонен к шутке, игре, иронии, *серьезный субъект общения* не понимает юмора и чувствует себя дискомфортно в условиях карнавального переворачивания смыслов.

4. Типичный участник кооперативного дискурса – это *этикетный дискурсивный субъект*. Типичный участник агонального (сопоставительного) дискурса – это *агональный дискурсивный субъект*. (Выделение этикетного и агонального субъектов соотносится с предложенной К. Ф. Седовым (1999) типологией личностей в зависимости от установки коммуникантов на кооперативность либо конфликт, где описаны три типа личностей – куртуазная, инвективная и рационально-эвристическая).

5. *Артистический дискурсивный субъект* большое значение придает форме общения, для него важна коммуникация, которая ведется для получения удовольствия от общения, *неартистический субъект* форме уделяет гораздо меньше внимания, для него на первый план выходит содержание.

6. *Аргументативный дискурсивный субъект* склонен к рассуждениям, выбирает отвлеченную тематику дискурса, дискуссионно-гипотетическую тональность общения. *Перформативный дискурсивный субъект* отдает предпочтение действиям, конкретной тематике дискурса, обиходно-практической тональности.

В. И. Карасик обращает внимание на то, что рассматриваемые на основе типов коммуникативной тональности типы дискурса не являются взаимоисключающими, а представляют собой разные аспекты общения.

В работах саратовских лингвистов ЯЛ рассматривается также в аспекте связи с отдельными уровнями языка: лексического [Куликов, 2004] и словообразовательного. Так, было установлено, что на сознание личности оказывает влияние языковой стандарт, поскольку «все индивидуально-авторские новообразования, включая те, которые созданы по так называемым окказиональным моделям, в той или иной степени системны» [Хромова, 2007, с. 4], в то же время «автор избирательно подходит к словообразовательным моделям, по которым создает новые слова: некоторые из них входят в круг его предпочтений, тогда как другие остаются невостребованными» [Там же, с. 5].

Итак, в развитие теории ЯЛ вносят вклад следующие разработки дискурсивно-коммуникативного направления:

- типология речевой культуры и соотнесение с нею типов речевого поведения, понятий риторической и коммуникативной компетенции;
- речевые портреты представителей разных профессий, риторические портреты представителей административно-политической элиты общества;
- исследование функционирования русского языка в средствах массовой информации, речевые портреты отдельных журналистов;

- установление соотношения типов речевых культур с формами речевого воздействия;
- исследование онтогенеза речевого мышления, изучение становления языковой личности ребенка;
- изучение языковой личности в аспекте связи с отдельными уровнями языка.

Таким образом, дискурсивно-коммуникативный подход к изучению ЯЛ открывает новые перспективные пути исследования человека говорящего, содержательно дополняет теорию ЯЛ.

1.5. Исследование языковой личности с позиций лингвокультурологии

Лингвокультурологический подход к анализу ЯЛ активно разрабатывают волгоградские лингвисты. Результаты деятельности волгоградской научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» отражены в сборниках научных трудов и материалов конференций: «Языковая личность и семантика» – 1994, «Языковая личность: проблемы значения и смысла» – 1994, «Языковая личность: культурные концепты» – 1996, «Языковая личность: проблемы обозначения и понимания» – 1997, «Языковая личность: жанровая речевая деятельность» – 1998, «Языковая личность: система, нормы, стиль» – 1998, «Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты» – 1998, «Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики» – 1999, «Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики» – 1999, «Языковая личность: институциональный и персональный дискурс» – 2000, «Языковая личность: проблемы креативной семантики» – 2000, «Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации» – 2001, «Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности» – 2001.

С 2002 года ЯЛ изучается волгоградскими лингвистами в научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика», в центре

внимания ученых находятся ценности культуры. По словам В. И. Карасика, «постоянные характеристики (константы) языкового сознания и коммуникативного поведения определяют тип личности, группы и этноса и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения <...> Доминанты сознания и поведения в концентрированном виде выражаются как ценности культуры» [Карасик, 2002, с. 5].

Разные аспекты ЯЛ исследованы в докторских и кандидатских диссертациях, подготовленных волгоградскими учеными: [Леонтьев, 1999; Жура, 2000; Шестак, 2003; Мироненко, 2005; Шевченко, 2005; Коротенко, 2006; Черкасова И. С., 2006; Дмитриева, 2007; Селиверстова, 2007; Ашихманова, 2009; Бондаренко, 2009; Гуляева, 2009; Лутовинова, 2009; Мурзинова, 2009; Масыч, 2010; Белоножкин, 2010; Щеглова, 2010 и др.].

В волгоградской лингвистической школе разработаны типологии языковых личностей, построенные на различных основаниях (это возможно, поскольку ЯЛ – многомерное образование). В монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В. И. Карасик предложил следующие классификации языковых личностей:

а) с позиций этнокультурной лингвистики выделяются «типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция “свой – чужой”» [Карасик, 2002, с. 9–10];

б) «...прагматика фразеологизмов позволяет противопоставить два типа языковой личности – эгоцентрический и социцентрический» [Там же, с. 16]. Эгоцентрическая ЯЛ с целью самопрезентации и украшения речи насыщает ее необычными и яркими выражениями, среди которых немало фразеологических единиц. Социцентрическая ЯЛ для подтверждения своего статуса и для идентификации членов своей социальной группы использует клишированные выражения.

В. И. Карасик и О. А. Дмитриева в монографии «Языковые ключи» (2009), в разделе «Лингвокультурный типаж как предмет изучения», дают теоретическое обоснование **лингвокультурологического** описания языко-

вой личности. Ученые отмечают, что ЯЛ – это сложное образование, и лингвоперсонология, будучи интегративной областью гуманитарного знания, связана с лингвистикой, литературоведением, психологией, социологией, культурологией. Наряду с лингвистическими, литературоведческими, психологическими, социологическими классификациями личностей, существуют культурологические классификации. Они «предполагают выделение тех личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры» [Карасик, 2009, с. 179].

В. И. Карасик обращает внимание на то, что «лингвокультурологические исследования по своей природе предполагают сопоставление изучаемых явлений, но такое сопоставление может быть двояким: 1) контрастивный анализ языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах и 2) типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например в виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы <...> В первом случае исследование должно базироваться на данных, полученных из нескольких, минимум двух, языков, во втором случае вполне оправданным представляется обращение к фактографии одного языка» [Карасик, 2002, с. 76].

Представители других этносов оценивают этнокультурный тип в целом (*NN ведет себя как типичный американец*), а в рамках соответствующей культуры получают оценку социокультурные типы (*американский ковбой, русский интеллигент, английский аристократ*). Эти социокультурные типы рассматриваются в Волгоградской лингвокультурологической школе как **модельные личности** – им подражают либо противопоставлены представители той же самой культуры. Модельные личности устанавливают ценностные ориентиры поведения.

Волгоградские ученые предложили и более широкое понятие – **лингвокультурные типажи**, это обобщенные образы личностей, «чье поведение

и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева, 2007, с. 3]. Понятие *лингвокультурный типаж* пересекается с понятиями *языковая личность*, *модельная личность*, *роль*, *стереотип*, *амплуа*, *персонаж*, *имидж* и *речевой портрет*.

«Языковая личность, рассмотренная в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения, становится лингвокультурным типажом <...> В отличие от модельной личности, которая выступает как эталон поведения и пример для подражания, лингвокультурный типаж подобным примером не является (ср., например, модельную личность «учитель» и лингвокультурный типаж «бомж»)» [Там же, с. 10].

Лингвокультурный типаж менее ярок, чем модельная личность. «Таким образом, понятие *лингвокультурный типаж* уточняется по признакам яркости и оценочного знака: 1) яркий лингвокультурный типаж (модельная личность), 2) неярко лингвокультурный типаж, 3) положительный лингвокультурный типаж, 4) отрицательный лингвокультурный типаж. Признаки яркости и оценки взаимодополнительны.

Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта» [Карасик, 2009, с. 180].

Представители Волгоградской лингвокультурологической школы, развивая теорию лингвокультурных типажей, создали целую серию работ. Учеными описаны лингвокультурные типажы в рамках русской культуры: «интеллигент», «купец» [Карасик, 2009], «чиновник» [Карасик, 2009; Щеглова, 2010], «гусар», «казак», «декабрист», «светский москвич» [Дмитриева, 2007]; лингвокультурные типажы в рамках культур других стран: «американский супермен» [Карасик, 2009], «американский адвокат» [Гуляева, 2009], «звезда Голливуда» [Селиверстова, 2007], «британская королева» [Мурзинова, 2009], «английский чудак» [Ярмахова, 2004; Карасик, 2009], «английский дворецкий» [Бондаренко, 2009], «английский сноб» [Коровина, 2008], «светский па-

рижанин», «французский буржуа», «французская гризетка», «французский модник» [Дмитриева, 2007]; лингвокультурные типажи виртуального дискурса [Лутовинова, 2009].

Приведем несколько примеров описания лингвокультурных типажей.

Основные критерии для выделения лингвокультурных типажей – это социальный класс, территориальный и событийный признаки, этнокультурная уникальность и трансформируемость. Сравнение лингвокультурных типажей России и Франции XIX века показало, что «для русской лингвокультуры приоритетным является образ героя, воплощенный в типажах, имеющих отношение к защите Отечества, для французской лингвокультуры – образ обычного человека, воплощенный в типажах, проявляющихся в повседневной жизни общества.

Представители доминирующего социального класса более детально представлены в ряду лингвокультурных типажей по сравнению с представителями других классов общества, в России XIX века дифференцируются представители дворянства, во Франции – представители буржуазии» [Дмитриева, 2007, с. 6–7].

В исследовании О. А. Дмитриевой отмечается, что возрастные характеристики лингвокультурных типажей могут быть фиксированными и размытыми. Наиболее типичный возраст для обобщенной личности – это 30–40 лет, когда основные качества человека проявляются наиболее ярко. Типажи героического архетипа моложе типажей обыденного архетипа.

Сориентированные на героический архетип лингвокультурные типажи, даже если нарушают некоторые социальные нормы, положительно оцениваются в обществе; сориентированные же на повседневное поведение типажи оцениваются амбивалентно: по моральным и утилитарным критериям – с позиций своей социальной группы, по моральным и эстетическим – с позиций других социальных групп.

Ценностную основу русского национального характера составляют такие качества, как удаль, сила, готовность к самопожертвованию, гостеприим-

ство и др., – они выражены в русских лингвокультурных типажах. Соответствующими доминантами французского национального характера являются рациональность, оптимизм, галантность, умение жить и др. – они отличают французские лингвокультурные типажи.

О. А. Дмитриева показала, что понятийные и образные характеристики лингвокультурных типажей XIX века в сознании современных носителей русской и французской лингвокультур размываются и обедняются, один из оценочных признаков гипертрофируется – таким образом, типаж превращается в имидж.

Конститутивные понятийные признаки лингвокультурного типажа «чиновник» в русском языковом сознании следующие: «1) должностное лицо; 2) находящееся на государственной службе; 3) имеющее классный чин или служебное звание; 4) выполняющее свою работу формально. К конститутивным примыкают дополнительные понятийные признаки: ‘принадлежность к высшему эшелону власти’ и ‘принадлежность к привилегированной прослойке населения’. Понятийные характеристики типажа «чиновник» в русской лингвокультуре противоречивы.

Лингвокультурный типаж «чиновник» в русском языковом сознании распадается на разновидности по уровню власти и сфере деятельности и обладает следующими основными перцептивно-образными признаками: 1) мужчина; 2) среднего возраста; 3) полный; 4) лысый; 5) с портфелем; 6) владеющий дорогой машиной и престижным жильем; 7) меняющий свое коммуникативное поведение в зависимости от социального положения собеседника» [Щеглова, 2010, с. 4]. Этот лингвокультурный типаж в русском языковом сознании оценивается противоречиво: положительно – с позиций государственной власти (характеризуется эффективностью деятельности чиновника), преимущественно отрицательно – с позиций остальной части населения (дается оценка как эффективности работы чиновников, так и манеры их поведения по отношению к людям). В художественной литературе и публицистике типаж «чиновник» критикуется наиболее резко. Было выявлено,

что оценка лингвокультурного типажа «чиновник» в настоящее время меняется: интеллектуальные и коммуникативные качества современных чиновников оцениваются высоко, вместе с тем коррумпированность типажа характеризуется традиционно отрицательно.

С позиций лингвокультурологии выделены и исследованы особые типы языковых личностей, реализующиеся в виртуальном дискурсе, то есть в тексте, погруженном в ситуацию общения в виртуальной реальности, которая «является видом символической реальности, созданной на основе компьютерной и некомпьютерной техники и реализующей принцип обратной связи» [Лутовинова, 2009, с. 5].

Виртуальная ЯЛ выражает себя с помощью текстов, которые создает и интерпретирует в процессе виртуальной коммуникации. Выделены следующие признаки такой ЯЛ: измененное отношение ко времени и пространству, высокая степень поглощенности виртуальной деятельностью, смещение акцентов мировосприятия. Виртуальная ЯЛ более компетентна в техническом и менее грамотна в языковом отношении, ее отличает доминирование фатической тональности над информативной, притупленное чувство страха за сохранность собственной жизни, полярность поведения. Она постоянно экспериментирует, играет со своей идентичностью. Выявлены три специфических, по сравнению с реальным дискурсом, составляющих коммуникативной компетенции виртуальной ЯЛ: энциклопедическая, лингвистическая и интерактивная.

Таким образом, в большинстве исследований представителей Волгоградской лингвистической школы на первый план выходит лингвокультурологический анализ, что, по-видимому, связано с тем, что волгоградские лингвисты проводят анализ ЯЛ на материале не только русского, но и других языков. Это дает им возможность проанализировать русскую ЯЛ в сопоставительном аспекте. Особо следует отметить заслуги В. И. Карасика, в трудах которого и в работах его учеников (О. А. Дмитриевой, О. В. Лутовиновой и

др.) получила дальнейшее развитие методология исследования ЯЛ, объединяющая достижения лингвоперсонологии и лингвокультурологии.

1.6. Комплексное многоаспектное изучение конкретной диалектной языковой личности

Уникальным примером многолетнего многоаспектного изучения конкретной диалектной ЯЛ стала ведущаяся на протяжении более тридцати лет работа Томской диалектологической школы. Обосновывая такой путь развития лингвоперсонологии, профессор Е. В. Иванцова пишет: «Объектом и предметом» лингвоперсонологии В. П. Нерознак называет «частночеловеческую ЯЛ», связывая изучение «многочеловеческой» ЯЛ с лингвокультурологией. Он противопоставляет две данные области знаний по основной таксономической единице: в первой из них это идиолект (язык индивидуальной личности), во второй – полилект (национальный язык как совокупность идиолектов). На наш взгляд, более точной была бы трактовка конкретной ЯЛ как *объекта* лингвоперсонологии, тогда как предмет изучения определяется аспектами описания объекта (ЯЛ) и задачами исследования» [Иванцова, 2010, с. 22–23].

С 1981 года томские лингвисты описывают речь одной диалектной ЯЛ – носителя сибирских старожильческих говоров В. П. Вершининой. «Данная ЯЛ была избрана в качестве объекта изучения прежде всего как типичная: во-первых, как рядовой носитель языка, каких среди носителей языка вообще подавляющее большинство, во-вторых, как типичный житель села, владеющий одной из основных форм национального языка – диалектом. Со вторым параметром связан выбор ЯЛ старшего поколения, в архаическом варианте языка которого наиболее полно сохраняются черты традиционного говора и народной крестьянской культуры. В то же время информант обладает способностью к языковой рефлексии, образной и выразительной речью и вследствие этого интересен как одновременно типичный и ярко индивидуальный

носитель языка» [Иванцова, 2006, с. 6]. Таким образом, уже сам выбор ЯЛ в качестве объекта изучения свидетельствует о том, что в работах представителей Томской школы соединяется анализ типических и индивидуальных черт говорящего.

Характеризуя работу томских лингвистов, Е. В. Иванцова выделяет следующие особенности работы данной школы.

1. Принципиальная ориентация на изучение реальной ЯЛ.
2. Особенности материала, служащие основой для анализа. Томские диалектологи создали фундаментальную текстовую базу конкретного рядового носителя языка во всех типичных для него формах речи: речь В. П. Вершининой записывали в ситуации непринужденного общения с 1981 по 2004 год.

3. Разнообразие источников изучения ЯЛ: а) первичные источники: дешифрованные с магнитной ленты тексты (более 10 000 печатных страниц), фонотека речи В. П. Вершининой (более 200 часов звучания), б) вторичные источники: картотека недифференцированного толкового словаря ЯЛ, рукопись «Полного словаря языковой личности», аспектные словари.

4. Последовательно проводимый комплексный подход к изучению ЯЛ. «Для решения глобальной задачи всестороннего исследования феномена диалектной ЯЛ в работах томских лингвистов изначально был выдвинут принцип многоаспектного, системного описания различных форм проявления этого объекта, определения его доминантных характеристик» [Иванцова, 2006, с. 8].

Пока что наиболее детально описан лексикон диалектоносителя (см.: [Быкова, 2004; Иванцова, 1998, 2000]): соотношение элементов активного и пассивного запаса, системные связи единиц индивидуального словаря, объем лексикона и входящих в него элементов разных грамматических классов и др.

Одним из центральных аспектов анализа ЯЛ, как и во многих исследованиях этого феномена представителями других лингвистических школ, стал

лексикографический аспект. В 1994 году в Томском университете началась работа над «Полным словарем диалектной языковой личности». Это недифференциальный толковый словарь, включающий всю лексику и фразеологию из идиолекта информанта, – около 22 500 единиц. (Отметим для сравнения, что в изданном в Москве в 1956 году «Словаре языка Пушкина» насчитывается 21 191 слово.) Концепция словаря принадлежит Е. В. Иванцовой, а коллектив авторов насчитывает 40 человек. По мнению одного из ведущих лексикографов Сибири, автора нескольких словарей Л. Г. Самогик, «“Полный словарь диалектной личности” – далеко неординарное явление в русской лексикографии... значение которого со временем будет открываться перед исследователями и всеми, интересующимися русской языковой культурой, все новыми гранями» [Самогик, 2008, с. 147]. В последние годы лингвисты Томска разрабатывают новые типы идиолектных словарей (см.: [Иванцова, 2004]).

Достаточно подробно рассмотрены особенности строения текста диалектной ЯЛ, стилевая организация ее дискурса, выразительные средства, используемые диалектоносителем в речи: метафора, гипербола, сравнение, ирония и др. (см.: [Иванцова, 2002]). В статьях и кандидатской диссертации Т. Ф. Волковой «Сравнения в речи диалектной языковой личности» сравнения в речи В. П. Вершининой проанализированы в разных аспектах: структурно-семантическом, функциональном, когнитивном и лексикографическом (см.: [Волкова, 2000, 2001, 2004]).

В ряде исследований рассмотрена система речевых жанров, используемых В. П. Вершининой (см.: [Демешкина, 1994, 1997; Гынгазова, 1998, 2001, 2005; Иванцова, 2004]). Составлена номенклатура простых и сложных речевых жанров, а также гипержанров в дискурсе В. П. Вершининой, описана их структура и функционирование, выявлены ведущие стратегии и тактики исследуемой ЯЛ. Сделаны следующие выводы о ЯЛ информанта: «В. П. относится к коммуникативно ориентированному типу ЯЛ, к типу личностей, находящихся на высоком уровне развития. В речевом общении В. П. всегда на-

строена на положительный контакт, умеет вести беседу, направить ее в нужное русло, привлекать и удерживать внимание адресата. В то же время В. П. умеет активно слушать, не перебивая собеседника, демонстрируя ему свой положительный настрой и помогая говорящему оформить мысль точно» [Казакова, 2005, с. 22].

Рассмотрено метаязыковое сознание диалектной ЯЛ, в частности, отмечено, что «к своеобразию метаязыкового сознания данной личности можно отнести негативную оценку своей речи, затрудненное осознание мотивационных связей слов, развитое и точное подражание чужой речи, преобладание показаний метаязыкового сознания, касающихся области речевого этикета» [Иванцова, 2002, с. 288].

Томские лингвисты реконструировали языковую картину мира диалектной ЯЛ, особенности ее мировосприятия и мировоззрения через анализ лексических единиц. Описано идеографическое устройство лексикона диалектоносителя в целом и отдельных его полей. Реконструирован ряд ключевых концептов в картине мира В. П. Вершининой: «Земля», «Душа», «Дом», «Жизнь», «Смерть», «Пространство», «Грех». Для понимания мировоззренческих установок носителя традиционной культуры важным является вывод о том, что обусловленность морально-этических приоритетов ЯЛ высшим началом «носит опосредованный характер, так как глубокая укорененность христианского миропонимания в индивидуальном сознании в значительной мере определяется традицией, а не религиозным чувством» [Гынгазова, 2007, с. 19]. Специфика мировосприятия ЯЛ обусловлена как внешними, так и внутренними детерминациями.

В Томской диалектологической школе рассматривались также вопросы речевого этикета диалектоносителя, чужая речь в дискурсе ЯЛ, фонетические и грамматические особенности идиолекта информанта и т.д.

Таким образом, томские лингвисты выполнили разноаспектное описание конкретной ЯЛ в синтезе характеристик лексикона, текста и языкового сознания. Эти вопросы получили обобщение в монографии и докторской

диссертации Е. В. Иванцовой «Феномен диалектной языковой личности». В настоящее время в Национальном исследовательском Томском государственном университете комплексное изучение конкретной диалектной ЯЛ продолжается и многое делается для того, чтобы лингвоперсонология развивалась как полноценная самостоятельная научная дисциплина.

1.7. Разработка лингвоперсонологической гипотезы языка

В сибирских городах Барнауле и Кемерове лингвисты многое сделали для развития лингвоперсонологии как в плане генерирования новых идей, так и в объединении усилий работающих в этом направлении ученых из разных регионов России. В Барнауле и Кемерове издано несколько коллективных монографий, учебных пособий, сборников научных статей и материалов конференций, которые вносят весомый вклад в разработку теоретических оснований новой науки. Перечислим наиболее значимые из них: «Человек – коммуникация – текст» – Барнаул, 1997; «Становление гуманитарной культуры личности в системе образования» – Барнаул, 2000; «Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты» – Москва, Барнаул, 2004; «Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций» – Барнаул, 2005; «Концептуальные сферы “МИР” и “ЧЕЛОВЕК”» – Кемерово, 2005; «Вопросы лингвоперсонологии» – Барнаул, 2007; «Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку» – Кемерово, 2009; «Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1» – Москва, 2014; «Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2» – Москва, 2016.

Кроме того, лингвистические работы антропоцентрической направленности публикуются в барнаульско-московском ежегоднике «Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты»

(выходит с 1993 года), публикуются в журнале «Филология и человек» (издается в Барнауле с декабря 2006 года, выходит 4 раза в год).

В Барнауле и Кемерове теория ЯЛ разрабатывается в нескольких направлениях, результаты работы ученых отражены в докторских [Фомин, 2004; Чернышова, 2005; Катышев, 2005; Сологуб, 2009; Ким Л. Г., 2010; Мельник, 2011; Шпильная, 2016] и кандидатских диссертациях [Ермолаев, 1999; Комиссарова, 2002; Прокудина О. Н., 2002; Аникин, 2004; Киркинская, 2004; Макарова, 2004; Маланина, 2006; Оленев, 2006; Паули, 2006; Татаринцева, 2007; Чабаненко, 2007; Артемова, 2008; Головина, 2008; Певнева, 2008; Корнеева, 2009; Прокудина, 2009б; Подгорная, 2010; Шпильная, 2010; Напреенко, 2015].

В ряде этих исследований ЯЛ является основным объектом изучения, в остальных работах анализ основного объекта соприкасается с теорией ЯЛ в определенных аспектах.

Наиболее яркой отличительной чертой барнаульских и кемеровских исследований является разработка положений о лингвоперсонологическом функционировании и лингвоперсонологической вариативности языка. Размышляя о том, что представляет собой лингвоперсонология, Н. Д. Голев и Н. В. Сайкова вслед за В. И. Карасиком выделяют два аспекта этой науки – с позиций личности и с позиций языка:

«Аспект 1. Персонология в языковом измерении как аспектуальное направление персонологии – наука о личности (С. Трубецкой, Э. Мунье, Ш. Ренувье и др.) <...>

Аспект 2. ЛИНГВИСТИКА в персонологическом измерении, предполагающем описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте. Здесь язык (лексема, категория, текст, речевая деятельность) – предмет изучения, но изучается он сквозь призму характеристик личности. Язык функционирует в личностном универсуме (по Э. Мунье), или лингвоперсонологическом пространстве, а потому, согласно данному подходу, устройство языка, разнообразие типов речевых произведений и типов речевого

поведения объясняется в том числе и разнообразием языковых личностей. При таком подходе типы языковой личности выделяются по результатам исследования, типологизации продуктов речевой деятельности носителей языка» [Голев, Сайкова, 2007, с. 8–9].

Лингвисты Кемерова и Барнаула преимущественно работают в рамках второго аспекта лингвоперсонологии – лингвистики в персонологическом измерении.

Суть лингвоперсонологической гипотезы языка такова: «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме. Такая корреляция восходит к генетической взаимодетерминации и к синхронному взаимодействию языка и социальной психологии <...>

Применительно к языковой системе в генетическом аспекте данный вариант гипотезы может быть представлен следующей формулой: язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковых личностей (носителей разных вариантов языковой способности) и по этой причине имеет на своих полюсах разные качества и свойства» [Голев, 2004, с. 41–42].

Изоморфизм структуры языка и структуры персонной сферы определяется генетически и синхронно-функционально. Различные коммуникативные потребности имеют субъективную природу и вместе с тем обуславливают наличие тех или иных тенденций в языке. Системоцентрические и антропоцентрические детерминанты языка взаимосвязаны. «Так, находят свое соответствие в персонологической сфере противостояние и взаимодействие тенденций к мотивированности и немотивированности, к аналитизму и синтетизму, к выводимости и идиоматичности, к динамике и статике, к нормативности и креативности, к корпоративности в коммуникации и индивидуализме, к актуализации и деактуализации метаязыкового плана, к импликации – экспликации содержания и т. п. Каждая из таких тенденций поддерживает

ся или тормозится определенным типом языковых личностей, и «борьба» этих тенденций есть «борьба» соответствующих коммуникативных потребностей» [Голев, 2009, с. 24–25]. Лингвоперсонологическая гипотеза языка получила подтверждение в ряде работ. Рассмотрим в качестве примера положения некоторых из них.

Было доказано, что «части речи, функционируя в текстах, имеют лингвоперсонологическую отмеченность: тяготеют к тем или иным типам языковой личности в плане преимущественного использования» [Головина, 2008, с. 4]. Было выделено два типа ЯЛ: *частеречно-характеризованный* и *частеречно-нехарактеризованный*. В свою очередь, в первый из них входит три подтипа: *процессуально-характеризованный*, *субстантивно-характеризованный* и *атрибутивно-характеризованный* – в зависимости от доминирующего способа обобщения объективной действительности. Критерий регулярности различает *последовательно-характеризованный* и *непоследовательно-характеризованный* подтипы.

Сравнительный анализ частотности частей речи в прозе русских писателей конца XIX – второй половины XX века показал, что *частеречно-нехарактеризованными ЯЛ* являются нарраторы художественных произведений А. С. Новикова-Прибоя и А. П. Чехова (20 % от исследуемых ЯЛ).

Частеречно-характеризованные ЯЛ – В. П. Астафьев, И. А. Бунин, В. В. Быков, А. С. Грин, А. И. Куприн, К. Г. Паустовский, И. С. Тургенев, В. М. Шукшин. *Глагольная константа* выступает маркером текстов В. В. Быкова и В. М. Шукшина. Предпочтение в использовании существительных (*субстантивная константа*) имеет регулярный характер в выборках В. П. Астафьева и К. Г. Паустовского и не совсем регулярный в выборках А. С. Грина. *Адъективная константа* является маркером текстов А. И. Куприна, И. С. Тургенева и И. А. Бунина. Таким образом, подтверждается главный тезис лингвоперсонологической гипотезы языка: вариативность языка коррелирует с вариативностью ЯЛ.

Эту гипотезу подтверждает и анализ персонотекстов (термин Н. Д. Голева), то есть текстов, в которых воплощены ЯЛ их авторов и из которых лингвист получает информацию о ЯЛ.

В качестве лингвоперсонологической категории рассматривается *лингвокогнитивный стиль репродуцирования*, то есть «индивидуально-своеобразные особенности деривационных преобразований при репродуцировании исходного текста, обусловленные спецификой его восприятия, понимания, воспроизведения, а также аналитико-синтетической обработки / переработки, интерпретации, структурирования и оценивания, реализованные в репродуцированном тексте» [Прокудина И. С., 2009б, с. 7].

На основе типологии стилей репродуцирования предложена классификация русских ЯЛ, выделены следующие их типы: зависимый / независимый, дифференцирующий / интегрирующий, фрагментирующий / сканирующий, рациональный / эмоциональный. Кратко остановимся на их описании.

Зависимый тип ЯЛ не способен отвлечься от исходного текста, при репродуцировании воссоздает его смысловую структуру и использует языковые средства, содержащиеся в нем. Для этого типа ЯЛ трудны самостоятельные умозаключения, он зависит от мнения других участников текстовой коммуникации, боится взять ответственность за свои высказывания.

Независимый тип ЯЛ способен отвлечься от исходного текста, при его репродуцировании самостоятельно выбирает языковые средства, делает собственные выводы, стремится изменить смысловую структуру исходного текста, на его основе создает собственный текст, не зависит от мнения других участников текстовой коммуникации, не боится взять ответственность за свои высказывания.

Дифференцирующий тип ЯЛ предпочитает строить различного рода детализирующие ряды, выделяет и запоминает различные фактические данные.

Интегрирующий тип ЯЛ предпочитает обобщать информацию, оперируя ее большими объемами, выявляет общие закономерности.

Фрагментирующий тип ЯЛ не умеет восстанавливать цельное содержание исходного текста, концентрируя внимание на одном или нескольких его фрагментах, иногда не самых важных.

Сканирующий тип ЯЛ умеет восстанавливать цельное содержание исходного текста.

У *рационального типа ЯЛ* преобладает рациональный тип мышления, в репродуцированном тексте не выражаются эмоции, дается рациональная оценка.

У *эмоционального типа ЯЛ* преобладает эмоциональный тип мышления, в репродуцированном тексте выражены эмоции, дается эмоциональная оценка, исходный текст вызывает эмоции.

Таким образом, в репродуцированном тексте отражаются особенности ЯЛ его автора, текст выступает как *персоготекст*.

С позиций лингвоперсонологической гипотезы языка была разработана классификация языковых картин мира (ЯКМ), присущих носителям русского языка. В качестве одного из структурных компонентов ЯКМ была выделена *ментальная интенция*, то есть природная предрасположенность носителя языка к определенному типу ментально-речевого поведения. Была предложена модель речемыслительной деятельности, основные звенья которой – это *картина мира, ЯКМ и текст*. Для того чтобы смоделировать механизм действия ЯКМ, была создана экспериментальная ситуация, в которой разные носители языка должны были вербализировать один и тот же фрагмент внеязыковой действительности. Студентам и слушателям подготовительных курсов педагогического института было предложено написать сочинение по картине В. А. Серова «Девочка с персиками» в аудиторных условиях. Подверглись анализу 159 текстов, полученных в результате эксперимента.

Неоднородный характер экспериментальных текстов подтвердил гипотезу «о наличии у ЯКМ текстопорождающей функции и о включенности

ЯКМ в механизм речемыслительной деятельности языковой личности в качестве ментально-языковой детерминанты, опосредующей порождение текста определенного типа. Проведенное исследование показало, что ЯКМ осуществляет трансформацию дотекстовых и текстовых элементов речемыслительной деятельности и тем самым определяет качественные особенности порождаемого текста» [Шпильная, 2010, с. 20–21]. Таким образом, лингвоперсонологическая природа ЯКМ обнаруживается в ее варьировании, в различных трансформациях внеязыковой ситуации в языковой текст: внешней или внутренней, рациональной или эмоциональной, образной или номинативной.

Была предложена модель вариативно-интерпретационного функционирования текста, ее новаторство в том, что она моделирует ЯЛ реципиента текста. Было установлено, что на смысловую вариативность текста влияют два взаимодействующих фактора: с одной стороны, универсальное свойство вариативности языка, с другой – вариативность языковой рецептивной деятельности адресата-интерпретатора и вариативность применяемых им *интерпретационных стратегий* – комплексов речевых действий, «используемых в процессе смыслочитывания интерпретируемого и смыслопостроения интерпретирующего текстов и направленных на достижение коммуникативного результата» [Ким Л. Г., 2010, с. 39]. Было показано, что языковые личности, интерпретируя текст, выбирают определенные интерпретационные стратегии, которые связаны с разными аспектами интерпретации текста. Таким образом, смысл текста зависит от рецептивной деятельности ЯЛ слушающего в не меньшей степени, чем от деятельности говорящего субъекта.

Лингвоперсонологическая гипотеза языка последовательно разрабатывается лингвистами Кемерова и Барнаула с 2004 года. Результаты исследований, представленные в серии диссертаций, показали перспективность этого направления лингвоперсонологии, которое помогает объяснить вариативность языка с позиций антропоцентризма.

Необходимо отметить, что в ряде лингвоперсонологических работ большое внимание уделяется синтезу теории и практики, связи лингвистики

с дидактикой: «теоретические исследования в области языковой личности, выявляющие ее основные признаки и параметры описания, и типология на основе данных параметров служат основой для практической диагностики и портретирования, а также проекции исследований в лингводидактическую сферу, предполагающую разработку методик обучения родному и иностранным языкам с учетом индивидуально-типовых характеристик учащихся» [Голев, Сайкова, 2007, с. 9–10]. Лингводидактические исследования показывают, что «разнообразие качеств способности учащихся есть высочайшая жизненная ценность (изначально биологическая, но далее социализированная, окультуренная), которая должна в соответствии с этим стать важнейшей презумпцией образования» [Голев, 2009, с. 9].

Методическая работа лингвистов Кемерово и Барнаула направлена на то, чтобы изменить образовательную стратегию отечественной школы, которая учитывает не все типы ЯЛ. Как отмечает Н. Д. Голев, «суперпроблема современной школы – неумение работать с «правополушарными детьми» с сильно развитой интуицией, склонностью к образному мышлению и т. п.» [Там же, с. 16]. Лингвоперсонологические разработки призваны помочь преодолеть гуманистическую ограниченность технократического подхода к обучению в современной средней и высшей школе.

Таким образом, лингвоперсонологическая гипотеза языка, с одной стороны, связывает системоцентрический и антропоцентрический подходы к изучению языка, с другой – имеет непосредственный выход в практику преподавания русского языка.

Выводы

Подводя итоги анализа того, как осуществляется исследование ЯЛ в современной отечественной лингвистике, отметим, что в настоящей работе мы руководствовались логикой, которая ведет от общего к частному: *антропоцентризм – теория языковой личности – лингвоперсонология*. Разработка

теории ЯЛ стала одним из проявлений антропоцентрической парадигмы современного языкознания, а лингвоперсонология – одной из множества дисциплин, исследующих ЯЛ. Отличие же лингвоперсонологии от этих дисциплин в том, что ЯЛ является главным объектом ее исследования.

В то же время подчеркнем, что вопрос о том, какие работы относятся к области лингвоперсонологии, не всегда решается однозначно. Отвечая на него, мы руководствовались следующим принципом: относили к области лингвоперсонологии работы тех лингвистов, которые сами себя к ней причисляли в письменных научных текстах. Иначе говоря, главным принципом нашего анализа был принцип следования логике авторов, который коррелирует с методом анализа метанаучной рефлексии лингвистов. Именно поэтому мы выделяем две лингвоперсонологических школы – в Томске и в городах Барнауле и Кемерове, их представители наиболее эксплицитно осуществляют такую рефлексию. ЯЛ на любом уровне абстракции настолько сложный, многомерный объект исследования, что ее изучение требует коллективных усилий. Поэтому наибольших успехов достигают те ученые, которые объединили свою деятельность в научных школах.

В теории ЯЛ ярко проявились главные черты современной лингвистики: антропоцентризм, экспансионизм и экспланаторность. Количество работ, посвященных данной проблеме, огромно. Они относятся к разным научным направлениям. Полипарадигмальный характер понятия «языковая личность» позволяет ученым, работающим практически в любом направлении лингвистики, внести свой вклад в теорию ЯЛ. Однако следует признать, что магистральные пути разработки этой теории намечаются в рамках лингвоперсонологии.

В настоящей главе были охарактеризованы структурный, дискурсивно-коммуникативный, лингвокультурологический и комплексный подходы к исследованию ЯЛ, а также ее изучение с позиций лингвоперсонологической гипотезы языка. Эти направления связаны с работой пяти научных лингвистических школ России. Еще раз обратим внимание на их отличительные чер-

ты. Научная школа «Русская языковая личность» под руководством Ю. Н. Караулова стояла у истоков формирования теории ЯЛ, внесла большой вклад в разработку психолингвистических ассоциативных и тезаурусных методов исследования ЯЛ, предложила уровневую модель ЯЛ. Волгоградская лингвистическая школа отличается лингвокультурологическим подходом к исследованию ЯЛ. Саратовская школа уделяет большое внимание разным аспектам дискурса ЯЛ. Томские лингвисты на протяжении многих лет проводят уникальное в своем роде исследование одной конкретной ЯЛ. В Барнауле и Кемерове разрабатывается лингвоперсонологическая гипотеза функционирования языка.

Мы рассмотрели не все российские лингвистические школы, проводящие исследование ЯЛ. Тем не менее наш анализ показывает, насколько разнообразны подходы к изучению ЯЛ, поскольку эта категория способствует объяснению многих процессов, происходящих в языке и речи. В каждом из направлений по изучению ЯЛ в той или иной мере рассматриваются вопросы семантики языковых единиц. Пришло время вычленения семантической персонологии в отдельное направление.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

2.1. Отличительные черты семантической персонологии

Как было показано в первой главе, в настоящее время в России существует множество подходов к описанию языковой личности, и так как ЯЛ – сложный феномен, то методы ее исследования различны. «Дальнейшая эффективная разработка проблематики, связанной с изучением языковой личности, возможна на основе интеграции разных областей знания, позволяющих наиболее полно описать данный многоаспектный феномен» [Болотнова, 2014, с. 29]. В зависимости от области знания, с которой происходит интеграция исследования ЯЛ, выделяются следующие направления лингвоперсонологии: социологическое, психологическое, когнитивное, культурологическое, коммуникативное, гендерное, дидактическое, соционическое и др. (см.: [Башкова, 2011, с. 28–83]).

Вместе с тем, несмотря на разные цели и задачи, которые ставят в своих работах ученые различных научных школ, многие из них используют методы семантики для исследования ЯЛ, поскольку объектом их изучения стала семантика языковых единиц, входящих в созданные ЯЛ тексты, и семантика самих этих текстов. Данный процесс закономерен, так как лингвистика признала первостепенную роль значения, единственно важного для его носителей.

Разработанная Ю. Н. Карауловым уровневая модель ЯЛ признается многими лингвистами. Как уже было сказано в предыдущей главе настоящей работы, в этой модели, с опорой на три известных аспекта семиотики: синтактику, семантику и прагматику – выделяется **три структурных уровня: вербально-грамматический; когнитивный и прагматический** [Караулов, 1997, с. 672].

В книге «Русский язык и языковая личность» уровни структуры языковой личности были названы иначе: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный, а в соответствии с психологическими аспектами они были обозначены как семантический, когнитивный и прагматический. Таким образом, первый уровень языковой личности в своей модели Ю. Н. Караулов определяет как вербально-грамматический, вербально-семантический или семантический, второй уровень – как когнитивный или тезаурусный, третий уровень – как прагматический или мотивационный.

В настоящей работе мы опираемся на эту трехуровневую модель ЯЛ Ю. Н. Караулова, однако в понимание уровней вносим уточнения.

Первый уровень ЯЛ – вербально-семантический. К этому уровню мы, вслед за Ю. Н. Карауловым, относим единицы, которые традиционно используются при описании лексического и грамматического строя языка: морфему, лексему, синтаксему, слово, лексико-семантический вариант, словосочетание, предложение, высказывание. Отличительная особенность единиц этого уровня в том, что все они являются знаками – обладают формой и значением. Следовательно, анализ этих единиц неизбежно включает и анализ их семантики.

Современная теоретическая семантика рассматривает значение слова как многомерную структуру, в которой выделяется несколько макрокомпонентов. Основные слои семантики слова – когнитивный и прагматический. Когнитивный макрокомпонент включает сигнификативный и денотативный компоненты (см.: [Гак, 1990, с. 261–263]). Сигнификативный компонент – это слой значения, который отражает действительность в сознании человека. «Совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов называется сигнификатом слова» [Кобозева, 2000, с. 81]. Денотативный компонент значения обусловлен обращенностью мышления к миру. Применительно к слову термин «денотат» имеет виртуальное понимание. Прагматический макрокомпонент значения слова включает информацию об отношении использующего слово человека к обозначаемому объекту или к адресату сообщ-

щения, а также информацию о прагматических функциях лексемы. Эта информация неоднородна и в разных исследованиях называется по-разному: экспрессивной [Городецкий, 1969; Шмелев, 2008], прагматической [Апресян, 1974, 1995], коннотативной [Телия, 1986], стилистической [Винокур, 1990].

С позиций современного семантического синтаксиса смысловая организация высказывания включает объективное и субъективное начала – модус и диктум, в терминологии Ш. Балли (см.: [Шмелева, 1995, с. 8]).

Такое понимание семантической структуры языковых единиц обуславливает необходимость включения ряда единиц, которые Ю. Н. Караулов относит к когнитивному и прагматическому уровню ЯЛ, в состав вербально-семантического уровня: это денотат, сигнификат, экстенционал, интенционал, пресуппозиция, дейксис. Тезаурус, с нашей точки зрения, тоже является частью вербально-семантического уровня ЯЛ, поскольку лексические единицы (слова и их лексико-семантические варианты) необходимо рассматривать в системе парадигматических отношений: синонимических, гиперонимических, паритивных, антонимических, конверсивных, ассоциативных.

Все сказанное неизбежно приводит к тому, что основными методами анализа единиц вербально-семантического уровня ЯЛ становятся методы, используемые в лингвистической семантике, они будут рассмотрены далее.

Второй уровень ЯЛ – когнитивный. Вслед за Ю. Н. Карауловым, мы считаем, что этот уровень отражает языковую модель мира личности. Но состав его единиц необходимо уточнить. Как уже было сказано, часть единиц этого уровня мы относим к вербально-семантическому уровню. К когнитивному же уровню относятся понятие, фрейм, генерализованное высказывание (афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур. И, кроме того, учитывая когнитивную парадигму современной лингвистики, основной единицей когнитивного уровня ЯЛ следует считать концепт. Из этого вытекает, что с понятием языковой модели мира личности связано понятие концептосферы. Языковую модель мира личности

можно реконструировать через анализ семантики языковых единиц. Следовательно, языковую модель мира личности тоже можно рассматривать в рамках семантической персонологии.

Третий уровень ЯЛ, по Ю. Н. Караулову, **прагматический**, он отражает интенции и цели носителя языка, его активную позицию в мире и динамику его картины мира. Мы предлагаем назвать этот уровень **дискурсивно-прагматическим**, опираясь на известное определение дискурса: дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 137]. Ю. Н. Караулов включает в третий уровень ЯЛ элементы рефлексии, оценку, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программу действий. С нашей точки зрения, сюда же входят стратегии и тактики речевого поведения ЯЛ, жанры речи, которые она использует. В исследованиях дискурсивно-прагматического уровня учитываются социальный статус и социальные роли ЯЛ, которые определяют ее коммуникативное поведение. Отсюда следует, что третий уровень ЯЛ можно назвать **коммуникативным** уровнем, методы его анализа обладают своей спецификой.

Таким образом, в структуре ЯЛ мы выделяем три уровня: вербально-семантический, когнитивный и дискурсивно-прагматический (или коммуникативный). Эти уровни различаются составом единиц, для исследования каждого из них используется своя методика. Все сказанное предопределило филиацию лингвоперсонологии на три раздела: семантическую, когнитивную и дискурсивно-прагматическую (коммуникативную) персонологию. Эти разделы взаимодействуют друг с другом, поскольку анализ семантики языковых знаков позволяет перейти к исследованию когнитивного и дискурсивно-прагматического уровней ЯЛ, а их изучение не может обойтись без обращения к семантике.

К настоящему времени накоплен значительный багаж подходов и методов моделирования вербально-семантического уровня ЯЛ. И сейчас наступил момент, когда разрозненные исследования необходимо интегрировать в самостоятельное научное направление. Для его обозначения более всего под-

ходит термин **семантическая персонология**. Осознание самостоятельности данного направления позволит более последовательно и целенаправленно использовать достижения современной семантики в изучении ЯЛ. Семантическая персонология, формируясь на основе интеграции с семантикой, обретает самостоятельность, подобно тому, например, как это произошло с семантическим синтаксисом в 1970–1980-е годы. Трудно найти лингвоперсонологическое исследование, в котором в той или иной мере не затрагивались бы вопросы семантики, тем более что занимающиеся ей ученые «понимают ее предмет по-разному» [Кобозева, 2000, с. 13]. Как писал сравнивший семантику с «владетельной принцессой» В. А. Звегинцев, «наша принцесса обладает волшебным качеством: каждый из поклоняющихся ей видит ее по-иному – в том качестве, в каком она представляется ему наиболее привлекательной. И каждый из ее паладинов отважно защищает свой образ, стремясь подчинить своему видению и других» [Звегинцев, 1976, с. 60].

Итак, **семантическая персонология** изучает вербально-семантический уровень ЯЛ и ставит своей целью рассмотрение семантики языковых единиц, входящих в тексты ЯЛ, и выявление того, как в этой семантике отражаются особенности ЯЛ. Системное же изучение семантики позволяет перейти к анализу языковой модели мира личности, то есть к рассмотрению когнитивного уровня ЯЛ.

Каковы же отличительные черты семантической персонологии?

Во-первых, это объект исследования – вербально-семантический уровень ЯЛ: семантика слов, морфем, предложений, входящих в тексты, созданные ЯЛ.

Во-вторых, это методы исследования, используемые в современной лексической, морфемной и синтаксической семантике.

В-третьих, это системность в применении данных методов по отношению к ЯЛ.

В данной главе остановимся подробно на том, какие идеи и методы современной семантики составляют теоретическую основу семантической персонологии.

2.2. Вербально-семантический уровень языковой личности как объект исследования семантической персонологии

Большинство ученых, исследующих ЯЛ, убедительно показывают, что именно вербально-семантический уровень ярко отражает индивидуальные черты личности. При этом наибольшее внимание уделяется лексической семантике. Так, Е. В. Иванцова пишет: «...томские диалектологи особое внимание уделяют анализу лексики, так как именно она является наиболее благодатной почвой для реконструкции «внеязыковой составляющей» ЯЛ: особенностей ее мировосприятия и миропонимания, характера ценностных установок в сложной связи типического и индивидуального начал» [Иванцова, 2014, с. 310].

Богатство или бедность идиолексикона – яркая черта ЯЛ, поэтому в лингводидактике большое внимание уделяется формированию вербально-семантического уровня (см., например: [Козырев, Черняк, 1995; Кононенко, Лелекина, 1996; Филилеев, Волкова, Караваева, 2004; Петрова, 2008 и др.]).

Во многих лингвоперсонологических работах анализируется как семантика отдельного слова, так и парадигматические семантические отношения в лексике (см., например: [Баркав, 1996а; Черняк, 1997; Иванцова, 2000; Крепов, 2001; Неронова, 2002; Чурилина, 2002а, 2002б; Тарасова, 2004; Доменко, 2005; Кузьменко, 2005; Швец, 2005; Караулов, 2006; Толстова, 2007; Зудаева, 2008; Колясева, 2008; Соломина, 2008; Наличникова, 2009 и др.]).

Через анализ семантики и парадигматики слов, входящих в определенные словообразовательные гнезда, выявляются аксиологические установки личности (см.: [Гынгазова, Иванцова, 2013]).

Примечательно, что не только лингвисты, но и литературоведы обращали внимание на важность семантики слова для выражения индивидуальности человека. Так, М. М. Бахтин в работе 1934–1935 годов «Слово в романе» вводит понятие **идеологемы** – слова, которое отражает индивидуальную точку зрения на мир говорящего человека: «Говорящий человек в романе – в той или иной степени идеолог и слово его всегда – идеологема. Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость. Именно как идеологема слово и становится предметом изображения в романе, и потому роман не подвергается никакой опасности стать беспредметной словесной игрой» [Бахтин, 1975, с. 146].

Термин идеологема, предложенный М. М. Бахтиным, получил развитие в современной лингвистике (см.: [Безродная, 2013, с. 141]). А. П. Чудинов дает следующее определение этого понятия: «идеологема – это слово, в значение которого входит идеологический компонент, его смысловое содержание неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов. Особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов, 2012, с. 92]. Социальная составляющая индивидуально-авторской ЯКМ личности ярко проявляется в семантике идеологемы.

В 2003 году Ю. Н. Караулов предлагает **словоцентрический, лексикографический метод исследования языковой личности**. Ученый показывает, что этот метод дает возможность рассмотрения всех уровней ЯЛ писателя, и отмечает, что «некоторые особенности мира автора заложены в его произведениях уже на уровне «буквальных значений», т. е. в семантической структуре используемых слов» [Караулов, 2003, с. 117]. «Словари языка выдающихся мастеров художественного слова составляют самостоятельную отрасль мировой и отечественной лексикографии, являясь одновременно и продуктом исследовательской деятельности лингвиста на пространстве «от текста к словарю», и аналитическим инструментом изучения особенностей художественного дискурса на пространстве «от словаря к целостному, сис-

темному описанию языка писателя». «Героем» лексикографического представления языка писателя, естественно, оказывается отдельное слово» [Караулов, 2007а, с. 636].

Для изучения языка писателя Ю. Н. Караулов вводит понятие **идиоглоссы**. «Термин идиоглосса является производным от понятий «идиолект» (индивидуальный язык автора) и «идиостиль» (индивидуальный авторский стиль) и несет комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных мирообразующих и миротформирующих идей автора и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики его языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса – это слово-знак, но не обычный, а знак сублимированный, знак второго порядка, поскольку его содержанием является не только семантическая составляющая, как у обычного слова, но также миротформирующая функция строительного элемента в картине мира автора» [Караулов, 2003, с. 111].

Идеи, высказанные Ю. Н. Карауловым, были реализованы коллективом ученых в работе над «Словарем языка Ф. М. Достоевского». В 2015 году была защищена докторская диссертация И. В. Ружицкого «Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление». В этой работе нашла практическое воплощение идея о том, что «наиболее показательным способом отражения картины мира конкретной языковой личности является идеографическое представление ее лексикона» [Ружицкий, 2015, с. 10].

Анализ идиоглоссария позволяет раскрыть мир писателя как языковой личности. «Решить такую задачу означает **перешагнуть уровень языковой семантики**, подняться на ступень знаний о мире, на когнитивный уровень анализа и описания языка. А этот уровень уже может заинтересовать не только филолога – лингвиста и литературоведа, – но философа, историка, психолога, социолога, культуролога, т. е. специалиста в области наук о человеке, исследователя, изучающего мир и ключевые точки, связывающие человека с миром» [Караулов, 2007а, с. 644].

В приведенной цитате мы хотим обратить внимание на выделенное нами словосочетание «перешагнуть уровень языковой семантики». Представляется, что этот уровень до сих пор не изучен в должной мере исследователями ЯЛ. В связи с тем, что отличительной чертой современной лингвистики является ее экспансионизм и обусловленный им междисциплинарный подход к выбору объекта исследования и методов его анализа, собственно лингвистические методы в лингвистических работах отходят на второй план. Как признают сами ученые, «данные нелингвистических областей гуманитарного и негуманитарного знания и практики... во многих случаях оказываются более существенными... чем данные собственно лингвистики» [Кушнир, 2013, с. 14–15]. Все это приводит к тому, что методы, которые предлагает современная лингвистическая семантика, проявляющая повышенный интерес к языковой картине мира и системным явлениям в лексике, неоправданно игнорируются. Между тем корректный лингвистический анализ многое дает для понимания культуры и ЯЛ как носителя этой культуры: «семантический анализ единиц некоторого языка может быть ключом к пониманию культуры, пользующейся данным языком, – при условии, что анализ проводится корректно с лингвистической точки зрения» [Шмелев, 2012а, с. 610].

Блестящим примером такого подхода к исследованию языка и культуры являются работы Анны Вежбицкой. «Анализируя семантику значимых единиц языка (слов, конструкций, морфем), она обнаруживает скрытые свойства человеческой природы, которые при этом оказываются различными у людей, говорящих на разных языках. Таким образом, национально-специфическое в значении единиц данного языка оказывается материалом, на котором может основываться исследователь «национального характера»» [Зализняк Анна А., 2012, с. 188]. В этой цитате обратим внимание на то, в каком направлении идет исследователь: исходной точкой анализа является **семантика значимой языковой единицы**. «...наличие некоторого слова безусловно указывает на наличие соответствующего концепта и, более того, на его значимость для данной культуры» [Там же, с. 188].

В России идеи Анны Вежбицкой развивает «новомосковская школа концептуального анализа» под руководством А. Д. Шмелева. Главным объектом анализа в исследованиях этой школы является **семантика слова**. В коллективной монографии «Константы и переменные русской языковой картины мира» (2012 г.) представлены работы с 1994 по 2009 год, в них анализируется семантика русских **лингвоспецифичных слов**. «Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (language-specific) – в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [Там же, с. 12].

Применительно к ЯЛ можно говорить о **персоноспецифичных словах**: в их значение входит какая-то важная для автора идея. К персонспецифичным словам относятся идиоглоссы и идеологемы. «Слово обращено к речи: речь – устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы – живая сфера его существования. Именно поэтому слово открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства» [РСС, с. XIV].

Таким образом, вербально-семантический уровень ЯЛ, семантика составляющих его слов – это основной объект исследования семантической персонологии, которая решает следующие задачи: определение персонспецифичности значения, толкование идеологем и идиоглосс, входящих в тексты ЯЛ, выявление системных связей между единицами идиолексикона.

2.3. Принцип системного описания лексики в лингвистической семантике и семантической персонологии

Для того чтобы осознать, в чем состоит типичность и индивидуальность языка личности, необходимо проводить его анализ, отталкиваясь от системы общенационального языка. Являясь частью современной лингвистики, семантическая персонология ставит своей задачей изучение системных отношений между используемыми ЯЛ языковыми знаками, и в первую очередь – между лексическими единицами. В предыдущем параграфе была показана значимость анализа лексического значения для семантической персонологии, в этой части работы выясним, какие идеи системного рассмотрения семантики языковых единиц могут быть использованы в семантической персонологии.

Семантика традиционно отличается повышенным интересом к системным явлениям в лексике, к системным связям слова с другими словами. Как известно, именно наличие отношений между элементами делает множество не простым набором этих элементов, а системой. Данный вопрос связан с общей философской проблемой существования миропорядка и его познаваемости. «Стремление к привнесению порядка в мировой хаос считалось многими философами (а в искусстве романтиками) свойством человеческого рассудка, а следовательно, и языка: язык упорядочивает беспорядок мира» [Арутюнова, 1999а, с. 79]. Рассматривая эту проблему, Н. Д. Арутюнова цитирует Ф. Бэкона и Л. Витгенштейна, который, для того чтобы решить вопрос о существовании порядка в мире, проводил эксперименты над языковыми, коммуникативными и другими правилами.

В лингвистике о системном характере лексики и о закономерностях семантических связей между языковыми единицами писали уже в конце XIX – начале XX века такие ученые, как А. А. Потебня, М. М. Покровский, Р. Мейер, Г. Шпербер, Г. Ипсен и др. (см. обзорные работы: [Виноградов, 1956; Уфимцева, 1962; Кузнецова, 1963]).

С приходом структурных методов анализа в языкознании утвердилась мысль о том, что значение слова не может быть правильно описано без его сопоставления со значениями других слов. «В наиболее четкой форме обусловленность значения знака теми отношениями, в которых данный знак находится с другими знаками в системе, была сформулирована Ф. де Соссюром. Он ввел термин «значимость» специально для обозначения места знака в системе – места, которое определяется чисто дифференциально, на основе противопоставленности знака другим знакам» [Кобозева, 2000, с. 85]. «Для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием... его надо, кроме того, сравнить... с другими словами, которые можно ему противопоставить» [Соссюр, 1977, с. 144].

Представление о том, что «множество лексических значений естественного языка системно организовано» [Апресян, 2005, с. 11], стало общепризнанным. Вместе с тем принцип системности в описании лексики в разных работах проявляется по-разному.

Семантическое поле – это, пожалуй, наиболее распространенный способ систематизации языковых единиц, особенно при изучении национальной и индивидуально-авторской языковых картин мира. Основоположителем теории семантического поля считается немецкий ученый Й. Трир, разработавший новые принципы системного анализа лексики и применивший их в исследовании большого фактического материала (см.: [Васильев, 1971, с. 106]).

В отечественном языкознании полевой подход к изучению языковых единиц в определенной мере имел место уже в работах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, активное же его использование началось во второй половине XX века, и до сих пор полевой подход остается актуальным (см.: [Виноградов, 1956; Филин, 1957; Уфимцева, 1962; Кузнецова, 1963; Кацнельсон, 1965; Щур, 1974; Беляева, 1990; Стернин, 1985; Новиков, 1997; Рожков, 2007; Кадырова, 2014 и др.]).

В современной лингвистике семантическое поле определяется как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов, 1990, с. 380]. Более конкретным является следующее определение: семантическое поле – это «ряд парадигматически связанных слов или их отдельных значений, в составе которых есть общий (интегральный) семантический признак, которые различаются, по крайней мере, по одному дифференциальному признаку и отражают в языке определенную понятийную сферу» [Новиков, 1997, с. 458]. В семантическое поле могут входить единицы, принадлежащие разным частям речи.

Все единицы поля объединяет общий семантический признак, который обычно выражается архилексемой (лексемой с обобщенным значением), являющейся ядром семантического поля [Кузнецов, 1990]. Все остальные единицы в зависимости от смысловой близости к общему значению поля располагаются на разном удалении от центра, куда входят лексемы, реализующие в определенных типах контекстов свою первичную функцию. Слова, относящиеся к периферии поля, могут принадлежать и другим семантическим полям, располагаясь на их пересечении. Примеры семантических полей: поле времени, цветообозначений, имен родства, глаголов восприятия, глаголов движения и т. д.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) представляет собой семантическое поле небольшого объема, слова в ней связаны общностью категориально-лексической семы и относятся к одной части речи. Так, внутри семантического поля «болезнь» выделяются ЛСГ «названия болезней», «симптомы болезни».

Э. В. Кузнецова выделила следующие особенности ЛСГ [Кузнецова, 1989]:

- 1) иерархическое строение;
- 2) сходство словообразовательных возможностей;

- 3) сходство сочетаемости;
- 4) регулярная многозначность.

Единицы семантического поля связывают различные типы отношений: синонимия, гипонимия, меронимия, антонимия, конверсивность, семантическая производность.

Семантическое поле многими лингвистами признается основной формой репрезентации концептуальных структур, составляющих языковую картину мира, поэтому полевой подход к описанию языка является эффективным инструментом анализа как национальной, так и индивидуально-авторской ЯКМ.

Изучение семантического поля стало шагом к осмыслению концептуального поля. Специфической разновидностью семантики, учитывающей данные культурологии, когнитологии, социологии и прочих смежных дисциплин, стала лингвоконцептология (см.: [Карасик, 2013, с. 93]). «От структурной семантики к лингвоконцептологии перешли основные исследовательские методы – компонентный (семный) анализ и теория поля» [Воркачев, 2014, с. 12]. К непосредственным предшественникам, внесшим вклад в развитие лингвокультурной концептологии, относят Анну Вежбицкую, Н. Д. Арутюнову, Ю. С. Степанова.

В 60–80-е годы XX века в связи с антропоцентрической направленностью языкознание вышло за пределы формальных методов и установило более тесные контакты с такими областями гуманитарного знания, как философия, психология, социология, антропология. Произошло расширение семантического аппарата, который стали применять «не только к значениям конкретных слов того или другого языка, но и к концептам, нередко распределенным между разными словами и словосочетаниями» [Арутюнова, 1999в, с. 10].

Начиная с 1986 года группа ученых «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой, куда, помимо лингвистов, привлекались логики и философы, регулярно проводила конференции, посвященные анали-

зу культурных концептов и концептуальных полей: «судьба», «истина», «добро», «красота», «начало» и «конец», «порядок» и «беспорядок» и др. Итогом этих конференций стала серия сборников.

Как отмечала Н. Д. Арутюнова, начало анализа культурных концептов было положено крупными философами современности: Л. Витгенштейном, Г. Х. фон Вригтом, М. Хайдеггером, Х. Г. Гадамером, М. Бубером, а в нашей стране – Н. С. Бердяевым, Г. П. Федотовым, П. А. Флоренским, Ф. А. Степунном, А. Ф. Лосевым и др. Культура требует особого комплексного анализа, и лингвисты, исследуя общечеловеческие мировоззренческие понятия, определяющие «практическую философию» человека, такие как *истина, правда, ложь, свобода, судьба* и др., используют самые различные методы. «Инвариантный смысл названных слов и их коннотации вырисовываются на фоне контекстов их употребления, формирующих то, что можно условно назвать «языком» (или «грамматикой») того или другого концепта» [Арутюнова, 1999в, с. 10]. Реконструкция концептов, определение их национальной специфики и места в обыденном сознании человека осуществляется при помощи анализа этимологии слов, круга их сочетаемости, типичных синтаксических позиций, семантических полей, оценок, образных ассоциаций, метафоры – всего того, что создает для каждого понятия особый «язык».

Применение собственно лингвистических методов исследования сочетается с анализом контекстов разных культур и разных философских и религиозных систем.

Интерес к связи языка и культуры привел к тому, что в 90-е годы XX века в российской лингвистике в отдельное научное направление выделилась лингвокультурология, предметом которой стали отраженные в языке и речи проявления духовной культуры народа (см.: [Маслова, 1997, с. 8; Воркачев, 2001, с. 64–65; Воркачев, 2014, с. 12]). В свою очередь, в рамках лингвокультурологии возникла новая научная дисциплина – лингвоконцептология, которая «изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные (лингвокультурными) концептами» [Воркачев, 2014, с. 12].

Основная единица лингвоконцептологии – это концепт, который, помимо значения конкретных языковых единиц, включает в себя семантику паремий, афоризмов, художественных произведений.

Пожалуй, наиболее цитируемым определением (лингвокультурного) концепта является следующее: «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово <...> В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2004, с. 43].

Последнее определение созвучно пониманию концепта в когнитивной лингвистике: концепт – это «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др., 1996, с. 90].

Концепт, будучи многомерным ментальным образованием, содержит три составляющих: образную, понятийную и ценностную. В. И. Карасик относит к образной стороне концепта «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти»; к понятийной стороне – «языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно»; к ценностной стороне – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. «Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Карасик, 2001, с. 8].

Особое внимание в лингвокультурологии уделяется образной составляющей концепта, которая «находит яркое выражение в тропах: метафорах, компаративах, олицетворениях и эпитетах <...> Опыт лингвокультурологи-

ческого исследования творчества многих русских писателей свидетельствует, что в текстах их произведений отражена «наивная картина мира», которая, как известно, создана по «антропологическому канону» и находит выражение в самой возможности мыслить абстрактные понятия или явления природы как живые существа или «опредмеченные» константы, обладающие динамическими и ценностными свойствами (см. об этом: [Телия])» [Фельде, 2009, с. 214].

Будучи межсловным образованием и обладая дискурсопорождающими потенциями, концепт является одним из средств систематизации языковых единиц. В самом широком смысле концепт – это «сложившаяся совокупность правил и оценок в организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров, 2006, с. 303].

Наряду с понятием «концепт» в таком широком смысле употребляются менее распространённые термины «лингвокультурема», «мифологема», «логосистема», «семантическая константа». По самым разным признакам выделяются виды лингвокультурных концептов: «телеономные, эмоциональные, иллюкутивные, регулятивные, параметрические и др. концепты», а также «культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж».

В свою очередь, концепты, обладающие какими-либо общими признаками, объединяются в группы, которые называют концептуальными областями, полями или концептосферами. Например, выделяют концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр. (см.: [Воркачев, 2014, с. 17]).

Исследование концептов, содержащихся в текстах, созданных ЯЛ, является одним из способов систематизации языковых единиц, составляющих вербально-семантический уровень ЯЛ, и, конечно же, средством структурирования индивидуально-авторской языковой картины мира. Существует множество работ, в которых исследуется концептосфера, представленная в художественных текстах (см., например: [Чурилина, 2002а; Закурдаева, 2003;

Сороченко, 2003; Анохина, 2004; Долбина, 2004; Осипова, 2005; Головатина, 2006; Пашина, 2006; Орешко, 2007]).

Системность – один из основных принципов теоретической семантики, которыми руководствуются представители Московской семантической школы (МСШ), возглавляемой Ю. Д. Апресяном. На практике это осуществляется в обнаружении и описании системообразующих смыслов на основе анализа сквозных семантических оппозиций. «Предполагается, что вся семантическая система языка покоится на едином каркасе повторяющихся, «сквозных» семантических оппозиций. В лексике они проявляют себя в том, что весь словарь сложным образом разбивается на многократно пересекающиеся классы лексем (лексикографические типы), обладающие какими-то общими свойствами. В силу общности этих свойств они одинаково или очень похожим образом реагируют на различные лингвистические правила. Элементарным лексикографическим типом является синонимический ряд» [Апресян, 2003, с. IX].

Системообразующие смыслы – это смыслы, которые обладают двумя важными свойствами: 1) они входят в большое число языковых единиц разной природы (лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и других); 2) при определенных условиях они одинаково проявляют себя во многих правилах взаимодействия значений (см.: [Апресян, 2005, с. 12–13]). Принцип системности практически реализован в «Новом объяснительном словаре синонимов» и в «Активном словаре русского языка», которые описывают лексические единицы. Дальнейшее развитие идея системности получила в других работах представителей МСШ, например, в докторской диссертации В. Ю. Апресян «Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке» [Апресян В. Ю., 2015], где наряду с лексическими анализируются грамматические средства.

Для семантической персонологии учет системообразующих смыслов тоже важен. В данной работе эти смыслы используются в толкованиях лексических значений слов.

С понятием системообразующих смыслов в МСШ связано представление о семантических лейтмотивах, или ключевых идеях ЯКМ: «Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими и даже просодическими. Часто язык заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания» [Апресян, 2005, с. 8].

Чем больше в языке существует средств выражения для определенной идеи, тем больше оснований она имеет на лингво-, или этноспецифичный статус. Выделяют два вида этноспецифичности: 1) в сильном смысле – когда в исследуемом языке есть единицы с таким значением, которое в других языках выражается только описательно; 2) в слабом смысле – когда какое-то значение, которое можно выразить в других языках, имеет в исследуемом языке особый статус.

Разнообразие средств выражения сближает семантические лейтмотивы с системообразующими смыслами. К семантическим лейтмотивам относится, например, смысл ‘неподконтрольность ситуации субъекту и неопределенность той силы, которая является причиной наблюдаемого положения дел’.

Понятие «ключевых идей», или «сквозных мотивов» ЯКМ, является основополагающим для Новомосковской школы концептуального анализа, где оно объясняется через понятие презумпций: «многие презумпции повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода «сквозные мотивы» языковой концептуализации мира, а кроме того, различные презумпции определенным образом согласуются друг с другом» [Апресян, 2005, с. 8]. Эти повторяющиеся и согласующиеся друг с другом презумпции составляют «ключевые идеи русской ЯКМ».

К ключевым идеям русской ЯКМ исследователи относят, в частности, следующие (см.: [Зализняк Анна А., 2005]):

- идею непредсказуемости мира (*авось, а вдруг, на всякий случай, если что* и др.);
- представление о том, что для любого действия необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно (*собираться, заодно*);
- особую значимость оппозиции «высокое – низкое» (*быт – бытие, истина – правда, радость – удовольствие* и др.);
- идею справедливости (*справедливость, правда, обида*);
- хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, душа нараспашку, хохотать*);
- плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный*).

Такая концептуализация мира закодирована в том языке, которым в повседневной речевой практике пользуются современные городские жители. Описание системы презумпций данной концептуализации может служить основой для диахронических исследований и для сопоставлений картин мира, представленных в разных вариантах языка. Для семантической персонологии это особенно важно, поскольку ЯЛ может владеть несколькими вариантами национального языка, и выявление системы презумпций становится средством определения тех вариантов ЯКМ, которые входят в индивидуально-авторскую картину мира.

Всем перечисленным системным классификациям лексики противопоставлена идея об организации лексики по принципу сети. Идея сети состоит в том, что «любая семантическая единица языка может рассматриваться как узел грандиозной сети, где некоторые связи уникальны, другие же многократно повторяются и становятся системными элементами самих семантических единиц» [Шайкевич, 2007, с. 696].

Наиболее полно реализация принципа сетевой организации лексики представлена в «Русском ассоциативном словаре», где систематизация слов базируется на психологических ассоциациях предметов или понятий, называемых словом. Лексические единицы сгруппированы в поля, в центре каж-

дого из которых стоит слово, объединяющее другие слова, ассоциирующиеся с ним по смыслу. Слова располагаются по принципу «от стимула к реакции» или «от реакции к стимулу». Ассоциативно-вебальная сеть является субстратом языковой способности говорящего.

Существует два способа построения семантических сетей. Первый, наиболее распространенный способ – это проведение психолингвистических ассоциативных экспериментов. Второй способ представляет собой дистрибутивно-статистический анализ текстов, который устанавливает попарные текстуальные связи между словами. Такой анализ использован в электронной версии «Статистического словаря языка Достоевского» (см.: [Шайкевич и др., 2003]).

Современные компьютерные технологии существенно расширяют возможности выявления системных лексических отношений. Так, например, сервер Sketch Engine автоматически генерирует тезаурусы почти для любого слова на основе алгоритмов, анализирующих многомиллиардные текстовые корпуса (см.: [Pavel Rychlý, Adam Kilgarriff, 2007]).

Вместе с тем исследование сетевой организации лексики с помощью дистрибутивно-статистического анализа текстов пока что не позволяет рассмотреть всю имеющуюся в текстах ЯЛ лексику в системе, удобной для восприятия, и не дает возможности сопоставить идиолексиконы разных ЯЛ на единых основаниях.

Завершая обзор способов системного описания лексической семантики, который может быть использован в семантической персонологии, рассмотрим систематизацию языковых единиц в виде семантического древа на основе иерархической классификации. Наиболее полно такая систематизация представлена в «Русском семантическом словаре» 1998 года под общей редакцией академика Н. Ю. Шведовой. На концепции авторов этого словаря остановимся особенно подробно, поскольку именно она берется за основу в настоящем исследовании.

Если основой, исходной точкой полевой классификации лексики является содержание, понятийная сфера, то начальным пунктом анализа в иерархической классификации служит разделение слов на части речи, то есть, помимо лексического, учитывается и грамматическое значение, а следовательно, и форма языковой единицы. И уже на следующих этапах членения деление лексики осуществляется на собственно семантических основаниях. «Каждая часть речи образуется словами, сгруппированными в собственно лексические классы, предстающие в виде разветвленного дерева с ветвями, расходящимися от вершины к основанию» [РСС, 1998, с. IX].

Иерархическую классификацию лексической системы представляют следующие понятия и термины:

«1) **часть речи** – макрокласс, каждый из которых в большинстве случаев членится на понятийные сферы, которые могут иметь свое собственное внутреннее деление;

2) **лексический класс**, располагающийся в пределах той или иной понятийной сферы рядом с другими подобными классами и имеющий вид дерева, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом (словозначением), которое является семантической доминантой лексического класса;

3) **лексические множества и подмножества** – ветви дерева, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение;

4) **лексико-семантический ряд** – конечная единица лексического дерева, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности» [РСС, 1998, с. X].

Лексико-семантический ряд (ЛСР) похож на лексико-семантическую группу тем, что в него входят единицы, относящиеся к одной части речи, объединенные на основе сходства значений. Ср. такие лексико-семантические ряды, как «Названия родства, свойства, породнения», «Назва-

ния лиц по внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или непривлекательности», «Названия лиц по совместному участию в чем-нибудь, по совместному состоянию, по партнерству». Слово (словозначение), которое является семантической доминантой лексического класса, как и ядро лексико-семантического поля, имеет обобщенное значение. Отличие же лексико-семантического ряда от лексико-семантической группы в том, что он включает отдельные словозначения и однозначные слова, а в лексико-семантическую группу могут входить многозначные слова.

Иерархическая классификация опирается на самую природу языковых множеств; в ней, в противоположность полевой классификации, проявляется такое свойство современной семантики, как интерпретирующий подход к описанию языковых единиц, сменивший в 80–90-е годы XX века установку на порождение (о смене парадигм в лингвистической семантике см.: [Падучева, 2009]).

Иерархическая классификация лексики показывает, что картина мира, сложившаяся в языке, включает три аспекта. «Во-первых, она открывает мир реалий, всего того, что познано и осмыслено носителями языка в пределах материального и духовного мира... Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим... В-третьих, это картина оценок, оценочных характеристик, разлитая по разным лексическим классам и открывающаяся через разнообразные словесные множества» [РСС, 1998, с. XVI].

Преимущество иерархической классификации лексики перед другими в том, что она охватывает весь лексический материал без остатка, в то же время открыта для пополнения и, наконец, наглядно демонстрирует системную сгруппированность словозначений, которая создана самим языком. Таким образом, иерархическая классификация подтверждает системность организации лексики с помощью собственно языковых оснований.

Иерархическая классификация лексики, предложенная «Русским семантическим словарем», стала удобным инструментом анализа лексикона

ЯЛ, что нашло подтверждение в ряде исследований. Так, с учетом «Русского семантического словаря» был рассмотрен лексический состав наименований лиц в текстах русских писателей: А. С. Пушкина [Соловьева, 2006], П. И. Мельникова-Печерского [Сулейманова, 2008], А. П. Чехова [Садр, 2011; Гусева, 2017]. Данные этого словаря учитывались и при анализе лексикона коллективной ЯЛ: были исследованы номинации человека в воронежских и брянских говорах [Литвинова, 2011; Седойкина, 2012], изучена национально-культурная специфика наименований лиц [Катермина, 2005].

Подводя итоги данного раздела, отметим, что наиболее разработанными способами системного описания лексики в лингвистической семантике являются описания семантических и концептуальных полей, которые основываются на выявлении системообразующих смыслов и сквозных семантических оппозиций, описание семантического древа на основе иерархической классификации лексики, а также описание организации лексики по принципу сети. Все эти способы применяются в исследованиях вербально-семантического и когнитивного уровней языковой личности. В настоящей работе используется классификация, предложенная «Русским семантическим словарем», поскольку она позволяет наглядно представить, как соотносится идиолексикон конкретной ЯЛ с национальным лексиконом.

2.4. Изучение национальной и индивидуально-авторской языковых картин мира с позиций лингвистической семантики и русской семантической персонологии

Изучение лексической семантики – это один из главных способов воссоздания языковой картины мира благодаря тому, что за словом, которое является знаком, стоят понятие (сигнификат) и элементы мира действительности (денотат). Коротко говоря, идея ЯКМ такова: «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязанный в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплоща-

ется цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян, 1986, с. 5]. В соответствии с концепцией, принятой в «новомосковской» школе концептуального анализа, представления о мире, которые язык «навязывает» всем говорящим на нем, содержатся «в неассертивных компонентах семантики языковых единиц: пресуппозициях, коннотациях, фоновых компонентах значения» [Шмелев, 2012в, с. 537].

Изучение ЯКМ в европейской лингвистике началось в середине XIX века с работ В. фон Гумбольдта, который писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1984, с. 80]. Затем долгое время эти вопросы почти не рассматривались, и только в 1930-е годы они были вновь поставлены Э. Сепиром и Б. Уорфом. В нашей стране в 1930–1940-е годы этой проблематики касался В. И. Абаев, он ввел понятие идеосемантики, схожее с картинами мира, на что указывали Т. М. Николаева и В. М. Алпатов (см.: [Николаева, 2000; Алпатов, 2014]). Значительную роль на становление учения о ЯКМ оказали идеи Л. В. Щербы: его указания на отличия отраженной в языке наивной картины от научных представлений о тех же самых предметах и замечания о лингвоспецифичности различных языковых картин мира.

Начиная с 1970-х годов в результате «семантического взрыва» происходит возрождение интереса к идее о ЯКМ, основным способом реконструкции ЯКМ являлось изучение лексики в ее парадигматических, эпидигматических и синтагматических связях (см., например: [Роль человеческого фактора в языке, 1988]). Появляются работы классика этого направления А. Вежбицкой, которая опубликовала много книг и статей по данным вопросам. К настоящему времени картины мира в своих работах описали многие отечественные исследователи: Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, В. В. Дементьев, Анна А. Зализняк, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова, И. Б. Левонтина, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, А. Д. Шмелев и др.

Е. В. Падучева, анализируя тенденции, свойственные современной семантике, отмечает: «До последнего времени в лингвистике всерьез принималось во внимание только соотношение между формой и смыслом... Сейчас в рассмотрение входит третья – денотат, или референт; грубо говоря, сама действительность».

Существенно то, что концептуализация одного и того же фрагмента действительности может быть различной: для разных людей (и даже для одного и того же человека в разное время) и, что главное, для разных языков – каждый язык порождает свою модель мира.

Важный вклад в эту проблематику вносят работы, посвященные языковой модели мира: разные языки по-разному концептуализуют состояние страха, ощущение счастья и даже причинное отношение» [Падучева, 2009, с. 638].

На наш взгляд, при описании ЯКМ наиболее строго и последовательно используют методы семантики представители московской семантической школы интегрального описания языка и системной лексикографии, возглавляемой Ю. Д. Апресяном, исследователи, входящие в новомосковскую школу концептуального анализа под руководством А. Д. Шмелева, а также лингвисты из школы Н. Ю. Шведовой.

Для семантической персонологии задача исследования ЯКМ тоже актуальна. Языковая модель мира личности относится к когнитивному уровню трехуровневой модели ЯЛ. И хотя этот уровень изучается преимущественно в рамках когнитивной персонологии, те проблемы, которые можно решить, используя методы семантики, рассматривает и семантическая персонология.

С понятием ЯКМ соотносится понятие **«индивидуально-авторская ЯКМ»** – это представления о мире, которые содержатся в текстах созданных ЯЛ, а также в неассертивных компонентах семантики языковых единиц, входящих в эти тексты.

Почти пропорционально росту популярности ЯКМ увеличивается число ее толкований и определений, предлагаются разные методы ее исследования.

Подробное реферирование и критический анализ всех накопившихся к настоящему времени в науке точек зрения на рассматриваемый феномен не входят в задачи настоящей работы. Рассмотрим лишь некоторые аспекты данной проблемы, необходимые для уточнения методологического фундамента семантической персонологии. Выделим те вопросы, которые нужно учитывать при изучении индивидуально-авторской ЯКМ.

Лежащая в основе общей семантики гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа о том, что язык влияет на нашу картину мира и одновременно отражает ее, неоднократно подвергалась критике, но очевидна с позиций обыденного здравого смысла и получила подтверждение в ряде лингвистических работ.

Современной лингвистической семантике свойственно «осознание не прямой связи между действительностью и ее отражением в языке» [Падучева, 2009, с. 638]. Духовная индивидуальность нации проявляется в том, «какие схемы обыденного мышления встраиваются в язык... В этом сказываются, разумеется, также и условия жизни народа» [Арутюнова, 1999б, с. 793]. Еще в 1854 году И. И. Давыдов, анализируя отличительные свойства русского языка, писал в приложении к своей грамматике: «Место, занимаемое народом, время его существования, соседство и сношения с другими народами, степень развития умственной жизни – все это действует на преимущественное развитие слова, одного из деятелей нашего духа» [Давыдов, 1854, с. 155; цит. по: Арутюнова, 1999б, с. 793].

Влияние экстралингвистических факторов на ЯКМ может быть обусловлено разными причинами: «наличие в языке слова для обозначения некоторого явления может указывать как на его распространенность в соответствующей культуре, так и на его редкость (так что оно сразу обращает на себя внимание и заслуживает специального обозначения)» [Шмелев, 2011].

Конечно, далеко не всегда особенности ЯКМ, языкового членения мира можно объяснить внеязыковыми причинами, однако если они очевидны, то их не следует игнорировать. Для семантической персонологии важно выявление связи между индивидуально-авторской ЯКМ и «внеязыковым началом» ЯЛ, то есть экстралингвистическими факторами, определяющими индивидуальность языка личности (территориальными, гендерными, возрастными, психологическими, социальными особенностями ЯЛ). Как и в литературоведении, в семантической персонологии может быть использован биографический метод.

В национальном языке существуют синхронные варианты, для диалектологов это всегда было очевидно. При описании литературного языка тоже учитывались некоторые территориальные различия; так, с давних пор различают петербургскую и московскую произносительные нормы. С середины XX века с возникновением социолингвистики внимание к синхронной вариативности языка усилилось. Эту идею принимают во внимание и исследователи русской ЯКМ.

Современная лингвистика признает, что в каждый период времени существует несколько вариантов ЯКМ. Исследование русской ЯКМ одним из первых начал Ю. Д. Апресян, используя понятие «наивная картина мира». Он отмечал: «Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях.

Во-первых, наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках... Во-вторых, наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается» [Апресян, 1995, с. 57–59].

Неоднородность национального языка обуславливает вариативность национальной ЯКМ. «Ясно, например, что язык церковной проповеди и язык советской газеты существенно отличаются набором используемых языковых единиц и скрывающихся за ними концептуальных конфигураций; тем самым различаются и соответствующие языковые картины мира» [Шмелев, 2012а, с. 310]. Например, «христианское представление, в соответствии с которым едва ли не важнейшей добродетелью является *смирение*, характерно для картины мира церковной проповеди, но совершенно чуждо для картины мира советской пропаганды» [Шмелев, 2012в, с. 538]. Существование разных вариантов ЯКМ отдельного языка, например русского, «связано с историческими изменениями в языке и неоднородностью языка в данный момент времени (литературный язык, диалекты и пр.)» [Алпатов, 2014, с. 19]. Можно говорить о ЯКМ «некоторой разновидности языка (подъязыка или даже идиолекта), так же, как и о «картине мира» некоторого текста <...> Те или иные фрагменты картины мира разных подъязыков одного и того же языка или разных текстов на одном и том же языке могут значительно отличаться друг от друга» [Шмелев, 2012б, с. 618]. «...Существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека» [Корнилов, 2003, с. 4].

Под руководством профессора З. И. Резановой в Национальном исследовательском Томском государственном университете разрабатывается концепция дискурсивной картины мира. В серии монографий «Картины русского мира» (2005, 2007, 2009, 2011) реконструируются разновидности русской ЯКМ: фольклорной, метафорической, научной, виртуальной и др. «Изучение разных дискурсивных картин мира, с одной стороны, позволяет выявить их

специфику, с другой стороны, обеспечивает комплексное исследование целостной и единой национальной картины мира» [Никитина, 2014, с. 165].

Функциональные варианты языковых форм воплощения региональных культур изучает современная лингвокультурология. Например, в Томском государственном педагогическом университете успешно разрабатывается проект «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность». Исходным положением данного проекта является «тезис о том, что специфика воплощения в текстах томских художников слова модусов региональной причастности всегда будет включать в себя маркеры субкультурной самоидентификации творца» [Орлова, Сластина, 2014, с. 174].

Вместе с тем четкое разграничение вариантов ЯКМ далеко не всегда возможно, поскольку границы между разными стратами общества открыты, что стало отличительной особенностью XX века по сравнению с предыдущими историческими периодами. Произошел массовый исход сельского населения в город, были уничтожены целые социальные классы, многие люди прошли через тюрьмы и лагеря, в то же время для огромного числа людей стало доступно среднее и высшее образование. Люди по собственной и чужой воле меняли место жительства, переезжая из одного конца огромной страны в другой. Все эти процессы нашли отражение в языке. Так, одно слово может иметь в разных словарях (а нередко и в одном словаре) стилистические пометы, указывающие на разные сферы функционирования: просторечное и областное, областное и жаргонное и т. д. (см.: [Емельянова, 2013]). В. В. Виноградов отмечал, что социально-историческое и социально-географическое изучение семантики слова «следит и за последовательными сменами и наслоениями значений слова в пределах одной социальной среды и за переходами слова из одного социального круга в другой» [Виноградов, 1994].

«С позиций семантической персонологии проблема неоднородности национальной ЯКМ сопрягается с задачей выявления вариантов русской ЯКМ в текстах, созданных одной ЯЛ.

Исследование текстов творческой ЯЛ показывает, что они содержат лексику, представляющую разные варианты национального языка. К прописным истинам современной культуры речи относится идея о том, что отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность» [Башкова, 2015, с. 112–113]. «Главная функция языка художественной литературы – эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться не только функциональные разновидности литературного языка, но и нелитературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и др.» [Ширяев, 1998, с. 19].

В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротина разработали концепцию типов речевой культуры, которая «наглядно показывает отличия в становлении дискурсивного мышления разных людей» [Седов, 2004, с. 96]. Носители элитарного типа речевой культуры владеют всеми функциональными разновидностями литературного языка, для них характерно «незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи...» [Сиротина, 2001].

Кроме того, «известны люди, хорошо говорящие на трех языках, и это свидетельствует о том, что человек может владеть тремя языковыми картинами мира и в нужный момент переключаться с одной на другую» [Шмелев, 2011].

«По аналогии с вышеуказанными фактами можно сказать, что творческая ЯЛ владеет несколькими формами национального языка, с каждым из которых связан свой вариант русской ЯКМ. Поэтому в текстах творческой ЯЛ эти варианты могут сосуществовать. Знание разных форм национального языка обеспечивает говорящего (пишущего) разными интерпретационными семантическими стратегиями» [Башкова, 2015, с. 113].

Необходимость изучения диахронической вариативности языка, свойственная историческому языкознанию, осознается и представителями других направлений лингвистики. Так, при описании норм русского литературного произношения стало почти общепринятым признание сосуществования старшей и младшей нормы. М. В. Панов видел в этом приеме одно из средств строгого разграничения синхронии и диахронии (см.: [Шмелев, 2010, с. 254]). Анализ ЯКМ тоже должен учитывать диахроническую вариативность.

ЯКМ не остается постоянной, что обусловлено развитием языка и общества. В мире происходят изменения, которые находят отражение в лексическом составе языка: одни слова устаревают и уходят из употребления, другие появляются, наконец, есть слова, которые меняют свое значение. «В слове заключен залог постоянного движения, развития» [Копорская 2013, с. 540]. Такое развитие изучает диахроническая лексикология.

С наибольшей интенсивностью изменения происходят в языке (соответственно, и в ЯКМ) в периоды смены политического строя. В XX веке в нашей стране лингвисты имели возможность неоднократно наблюдать эти взаимосвязанные процессы, которые были описаны в ряде работ (см., например: [Купина, 1995; Мокиенко, 1998; Вепрева, 2005; Павлова, 2011; Зализняк Анна А., 2012]).

«Семантическая эволюция слов в рамках культурных эпох и, особенно, при переходе от одной эпохи к другой отвечает на сформированные культурные запросы, отражает трансформацию социокультурного опыта» [Глебкин, 2014, с. 150].

В Советском Союзе изменения в ЯКМ во многом были обусловлены формированием и воздействием всепроникающего языка советской пропаганды, всем носителям русского языка навязывалась соответствующая картина мира. После падения коммунизма происходил процесс «десоветизации» языка: с одной стороны, стали элиминироваться компоненты значения слов, которые были обусловлены марксистской идеологией; с другой стороны, в речь стали проникать семантические кальки из западных языков, что привело

к устранению из русской ЯКМ многих традиционных представлений (см.: [Шмелев, 2012в]). При этом зафиксированные в языке советские и постсоветские представления о мире какое-то время могут сосуществовать в сознании носителей языка. «Современное языковое сознание постсоветского человека амбивалентно, потому что в нем синхронно отражается весь спектр происходящих политических событий, получающих вербальное отражение в массово непрофессиональном толковании» [Вепрева, 2005, с. 315].

С позиций семантической персонологии изменения, происходящие в индивидуально-авторской ЯКМ, можно исследовать в следующих аспектах:

- 1) в связи с особенностями функциональных разновидностей языка, используемых ЯЛ, а также в связи с жанровыми особенностями текста;
- 2) в связи с индивидуальными изменениями, обусловленными возрастом личности, изменением ее социального статуса и социальной роли;
- 3) в связи с отразившимися в языке изменениями, касающимися жизни всей страны.

Важный вопрос, который встает перед исследователями ЯКМ, – это вопрос о необходимости и возможности разграничения идеологической и языковой картин мира. По мнению В. М. Алпатова, «надо проводить грань между языковыми картинами мира («идеологией, выраженной в языке», «мировидением») и мировоззрением («идеологией, выраженной с помощью языка»). Последнее, вероятно, можно назвать картинами мира, но вряд ли это *языковые картины*. Мировоззрений много, в том числе и у носителей одного и того же языка в том же варианте в то же время» [Алпатов, 2014, с. 19].

Однако на практике такое разграничение мировидения и мировоззрения не всегда возможно даже на лексическом уровне, поскольку существует много лексем, в значение которых входит оценочный прагматический компонент, он «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (о ее прагматических

функциях)» [Кобозева, 2000, с. 78]. Ср.: *лодырь, туняедец и сибарит, обжора и гурман, бережливый и скупердяй, учитель и училка, политик и политикан, помощник и пособник.*

Н. Д. Арутюнова, работая в традициях лингвистической философии, основанной на семантическом анализе, показала, что «именно язык, несмотря на действующие в нем процессы исторических изменений, дает ключ к реконструкции сознания и обеспечивает относительную стабильность основных терминов духовной культуры» [Арутюнова, 1999г, с. 617]. Она ссылается на В. Н. Волошинова, который подчеркивал связь жизненной идеологии с речью и ее зависимость от языковых ресурсов: «Можно сказать, что не столько выражение приспосабливается к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспосабливается к возможностям нашего выражения и его возможным путям и направлениям» [Волошинов, 1929, с. 108; цит. по: Арутюнова, 1999г, с. 617].

Вместе с тем идеология, официальная и бытовая, оказывает влияние на язык и, соответственно, на ЯКМ. Исследования, проведенные представителями новомосковской школы концептуального анализа, это убедительно показывают. Анализ неассертивных компонентов семантики языковых единиц – пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения – позволяет увидеть, как меняется значение слова под воздействием идеологии. Так, было замечено, что «идеологические представления (идеологемы), скрытые в семантике единиц языка пропаганды, не исчерпывались положительной или отрицательной оценкой; они включали в себя целый комплекс представлений, содержащихся в марксистском учении, «творчески развиваемом» советскими идеологами» [Шмелев, 2012в, с. 539–540]. В советское время произошел сдвиг в семантике слов, относящихся как к сфере политики, так и к другим сферам жизни: *счастье, гордость, мещанин, мещанский, космополит, космополитизм, буржуазный* и др. В свою очередь, после распада Советского Союза изменилась система ценностей в русской ЯКМ, что нашло отраже-

ние в стихийных изменениях в языке последних двух десятилетий (см.: [Левонтина, 2012б]).

«Каждая эпоха имеет свой образ прошлого, свою легенду о нем. Не подлежит сомнению, что идеологическая модернизация прошлого, его тенденциозное освещение в духе той или иной теории искажает историческую перспективу развития значений слова [Виноградов, 1994].

Итак, слово является частью языка, оно связано парадигматическими и синтагматическими отношениями с другими словами, вместе с тем оно существует в культурно-историческом контексте и его семантика обусловлена экстралингвистическими факторами. Культурно-исторический контекст, информационный фон влияют и на формирование и развитие языковой личности, и на тексты, которые она создает. Эти факторы обязательно нужно учитывать при исследовании вербально-семантического уровня ЯЛ и индивидуально-авторской ЯКМ.

Объективная реконструкция ЯКМ возможна только при анализе всей совокупности языковых единиц. Практически это неосуществимо, но сделать исследование в максимальной степени объективным можно на большом по объему материале. Все серьезные современные семантические исследования ЯКМ учитывают значительное количество примеров. Так, работа над вторым изданием «Нового объяснительного словаря синонимов» под руководством Ю. Д. Апресяна осуществлялась на материале машинного корпуса текстов, который содержит 1650 источников общим объемом в 34 000 000 словоупотреблений [Апресян, 2003, с. X]. В книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» было проанализировано более 1000 лексических единиц. Современные языковые корпуса, корпусные менеджеры значительно расширяют возможности лингвистических исследований (см.: [Захаров, Богданова, 2011]). К примеру, размещенный на сервере Sketch Engine корпус Russian Web 2011 (ruTenTen11) содержит тексты, включающие 14 553 854 113 словоупотреблений.

Такой объем материала вызывает необходимость учитывать количественный аспект языка. Идея изучения статистических закономерностей, получившая распространение в лингвистике с конца 1940-х годов, в наше время стала особенно актуальной в связи с развитием цифровых технологий. В большинстве исследований в той или иной степени используется метод количественных подсчетов. Частотные словари становятся все более популярными.

Учет статистических закономерностей при исследовании национальной ЯКМ и индивидуально-авторской ЯКМ позволяет увидеть, какие смыслы наиболее значимы для ЯКМ, какие единицы находятся в центре языковой системы, а какие составляют ее периферию.

Таким образом, вопросы, встающие перед исследователями национальной ЯКМ с позиций лингвистической семантики: связь ЯКМ с внеязыковой действительностью, вариативность ЯКМ, обусловленная социальной и территориальной дифференциацией общества, влияние временного контекста на динамику ЯКМ, взаимовлияние и взаимопроникновение идеологической и языковой картин мира, значимость количественного фактора для выявления центра и периферии ЯКМ, – актуальны и для анализа индивидуально-авторской ЯКМ. В решении данных вопросов семантическая персонология опирается на опыт лингвистической семантики.

Так как семантическая персонология рассматривает идиолексикон на фоне системы национального языка, а индивидуально-авторскую ЯКМ – на фоне национальной ЯКМ, следует конкретизировать название этого направления лингвоперсонологии в зависимости от языка, носителем которого является исследуемая ЯЛ, в настоящей работе дается обоснование **русской семантической персонологии**.

2.5. Лексикографический метод исследования языковой личности

Важнейший метод исследования ЯЛ – это метод словарного описания, или лексикографический метод. Значимым результатом семантической персонологии является словарь ЯЛ. Рассмотрим кратко существующие словари подобного типа.

Словарь языка личности – это словарь, составленный на основе корпуса текстов, автором которых является одна языковая личность. Центральный объект описания в таком словаре – это лексикон, словоупотребление отдельной конкретной ЯЛ. В зависимости от типа ЯЛ существующие в русской лексикографии словари можно разделить на 1) словари рядовых носителей языка и 2) авторские словари творческих ЯЛ: писателей, философов, ученых, политиков и т. п., – то есть личностей, профессионально создающих тексты (поэтому точнее было бы говорить о профессиональных ЯЛ, поскольку в текстах рядовых носителей языка тоже присутствуют элементы творчества, в некоторых случаях – в очень большой степени). Подавляющее большинство словарей первой группы составляют словари диалектных ЯЛ, во второй группе – словари языка писателей. (Существуют также словари типичных ЯЛ, материалом для которых являются корпуса текстов, созданных разными ЯЛ, принадлежащими к одному типу, например словарь молодежного сленга, профессиональные словари. Однако их рассмотрение не входит в задачи настоящей работы.)

На сегодняшний день наиболее полное описание языка диалектной ЯЛ представлено в «Полном словаре диалектной языковой личности» под редакцией Е. В. Иванцовой [Томск, 2006–2014. Т. 1–4].

Среди словарей языка писателей по объему и полноте охвата материала выделяются словари языка А. С. Пушкина, М. Горького и Ф. М. Достоевского (они перечислены в списке использованной литературы).

Основные словарные формы (жанры) в авторской лексикографии: толковый словарь, глоссарий, словоуказатель, частотный словарь, конкорданс.

Частные словарные формы: авторский словарь неологизмов, фразеологизмов, сравнений, эпитетов, метафор, экспрессивных слов и др. Разножанровые словарные структуры дают представление о составе авторского лексикона, его стилистическом, частотном и ином распределении (см.: [Шестакова, 2012, с. 8]).

В России увеличивается число словарей ЯЛ, относящихся к разным типам и жанрам, они создаются в соответствии с актуальными тенденциями современной лингвистики, включая семантику. Л. Л. Шестакова отмечает, что в развитии современной авторской лексикографии обнаруживается тенденция, которая заключается в направлении «от простейших справочников регистрирующего типа к теоретически обоснованным словарям сложной структуры, ориентированным на воссоздание авторской картины мира» [Там же, с. 32]. Эта же тенденция наблюдается и в работе над словарями диалектной ЯЛ.

Так, в Томской лингвистической школе изучают отдельные фрагменты ЯКМ диалектоносителя: его перцептивную и эмоциональную картину мира, ключевые концепты народной культуры. На основании данных исследований появляются фрагменты словаря, построенного на семантических (идеографических) основаниях. Например, в кандидатской диссертации С. С. Кузнецовой «Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности» содержится приложение «Список перцептивов в идиолекте В. П. Вершининой», в котором приведен сгруппированный по идеографическому принципу перечень лексических и фразеологических единиц с семантикой восприятия.

Частотные словари языка писателя помогают определить наиболее значимые фрагменты его индивидуально-авторской ЯКМ. В 2003 году был издан «Статистический словарь языка Достоевского» А. Я. Шайкевича, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребецкой. В нем указаны частоты слов, характерные для текстов Ф. М. Достоевского, относящихся к разным жанрам: художественных произведений, критических и публицистических статей, а также писем. Показательно, что в зависимости от того, в текстах каких жанров

употреблены слова, их частоты иногда существенно различаются: например, слово *деньги* встречается в художественных текстах Достоевского 95 раз на каждые сто тысяч словоупотреблений, в его критических статьях – 36, а в письмах – 282. Эти частотные различия, безусловно, свидетельствуют о различиях в приоритетах писателя в разных сферах жизни.

Помимо указания на частоту встречаемости слов в текстах определенного жанра в электронной версии «Статистического словаря языка Достоевского» построена семантическая сеть на основании формального (т. е. не апеллирующего к смыслу) дистрибутивно-статистического анализа текстов (ДСАТ) писателя. Такой анализ устанавливает попарные текстуальные связи между словами (см.: [Шайкевич, 2007]).

Наличие современных технологий позволяет с меньшими трудозатратами включать информацию о частоте словоупотребления в разные типы авторских словарей, что дает возможность проводить сравнение фрагментов ЯКМ разных авторов на статистических основаниях.

Так, если с помощью словарей языка писателей сравнить частотность употребления температурных прилагательных русскими авторами (для примера возьмем А. С. Пушкина, И. А. Бунина и Ф. М. Достоевского), то получим следующие данные: в текстах Пушкина: *теплый* – 20, *горячий* – 25, *холодный* – 151 (см.: [Словарь языка Пушкина, 2000]); в текстах И. А. Бунина: *теплый* – 319, *горячий* – 246, *холодный* – 345 (см.: [Краснянский, 2008]).

От Пушкина и Бунина, предпочитающих эпитет *холодный*, отличается Достоевский: в его текстах чаще всего встречается прилагательное *горячий* – 382 раза (прилагательные *теплый* и *холодный* не зафиксированы в «Словаре языка Достоевского» 2001 г.).

Иное словоупотребление у В. П. Астафьева. В его автобиографической книге «Последний поклон» преобладает прилагательное *теплый* – 86, затем следуют *холодный* – 68 и *горячий* – 61. В мире Астафьева жизнь – это наивысшая ценность, и так как тепло – обязательное условие ее существования (что особенно понятно жителям Севера и Сибири), оно входит в систему ос-

новых ценностей «Последнего поклона», причем физическое тепло является ценностью только тогда, когда сопровождается теплом душевным.

Таким образом, словарь ЯЛ не только отражает индивидуально-авторскую картину мира, но и позволяет сравнить ЯКМ разных авторов.

При создании словарей ЯЛ необходимо учитывать опыт национальной лексикографии, особенно актуально это для семантической персонологии, поскольку ее главной теоретической базой является лингвистическая семантика, тесно связанная с лексикографией. Научным результатом лексической семантики является словарь, и в русле общего интереса лингвистов к проблемам реконструкции ЯКМ в последние десятилетия отечественные лексикологи и лексикографы все чаще ставят вопрос о возможности лексикографического отражения национальной ЯКМ. Эту задачу предлагается решать разными способами. Рассмотрим основные типы словарей, которые это делают: идеографические словари, семантические (структурно-семантические) словари, толковые словари, словари синонимов, частотные словари. Полный системный обзор словарей не является нашей задачей, главное для нас – показать, какие аспекты реконструкции ЯКМ представлены в разных типах словарей.

Многие лингвисты считают, что идеографическая классификация лексики – это основной способ лексикографического описания ЯКМ (см., например: [Корнилов, 2011, с. 307]).

«Идеографический словарь, или тезаурус, – это своего рода толковый словарь «наоборот». Если в толковом словаре «входом» в словарную статью является слово, а содержанием словарной статьи – толкование смысла этого слова, то в идеографическом словаре «входом» служит смысл, «идея» (отсюда название этого вида словарей – идеографические), а содержанием словарной статьи – перечень слов, выражающих данный смысл» [Крысин, 2013, с. 550]. Один из лучших идеографических словарей был издан в середине XIX века – это «Тезаурус английских слов и выражений» П. Роже.

В современной русской лексикографии есть несколько идеографических словарей:

- комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка», созданный под руководством В. В. Морковкина [М., 1984], предназначен для обучения русскому языку и выработки активных навыков его использования;
- «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова [М., 1995];
- «Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке» В. И. Убийко [Уфа, 1998];
- «Тематический словарь русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой и В. В. Морковкина [М., 2007] содержит около 25 тысяч лексических единиц, сгруппированных по трем крупным классам: «Человек», «Общество», «Природа», которые ступенчато ветвятся на более мелкие подклассы; значение и употребление слов иллюстрируются наиболее употребительными словосочетаниями;
- «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» под редакцией Н. Ю. Шведовой [М., 2011]. В словаре описано 80 основных концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека: *Бог, беда, бедность, богатство, весна* и др. – и тех единиц, которые образуют ближайшее окружение концепта.

К идеографическому типу словарей близки семантические словари, которые, как и идеографические, появились в русской лексикографии во второй половине XX века. Существует традиция, объединяющая семантические словари в одну группу с идеографическими, несмотря на некоторые различия в принципах их составления. Однако есть и другая точка зрения на классификацию словарей. Так, А. С. Белоусова, один из авторов «Русского семантического словаря» (1998 г.), выделяет семантические словари в отдельный тип. В нашей работе мы придерживаемся этой точки зрения. (Весьма примечатель-

но, что под руководством академика Н. Ю. Шведовой были созданы как семантический, так и идеографический словари.)

Задача семантических словарей, как и идеографических, это описание структурно-семантической организации лексического уровня языка (всей лексики в целом или ее отдельного участка). Отличительная же особенность семантических словарей состоит в том, что они «строятся на основе углубленного анализа значения слова, выявлении отношений этого значения с другими соответствующими единицами и последующего абстрагирования таких отношений и их иерархизации» [Белоусова, 2013, с. 482]. В русской лексикографии к семантическому типу можно отнести следующие словари:

- «Русский семантический словарь» под редакцией С. Г. Бархударова [М., 1982], созданный авторами с помощью ЭВМ; это первый словарь такого типа в нашей стране, в нем содержится 10 тысяч русских слов, разнесенных по 1600 понятийным группам, в основе выделения которых – повторяющиеся элементы толкований слов в толковых словарях: например, 'действие', 'свойство', 'инструмент' и т. п.;

- учебный словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» под общей редакцией Т. В. Матвеевой [Свердловск, 1988];

- словарь «Лексико-семантические группы русских глаголов» под редакцией Э. В. Кузнецовой [Иркутск, 1989];

- «Экспериментальный синтаксический словарь» под редакцией Л. Г. Бабенко [М., 2002], в словаре использован идеографический подход к описанию русской глагольной лексики, который дополнен семантико-синтаксическим аспектом: представлены лексико-семантические группы русских глаголов и сопрягаемые с ними семантические модели русских глагольных предложений;

- «Системный семантический словарь русского языка» Л. М. Васильева [Уфа, 2005–2008], где систематизирована предикатная лексика и фразеология, классификация которых опирается на семантические категории и субкатегории разной степени иерархии, например, на категории

бытия, состояния, отношения, количества, свойства, действия, воздействия и др. По таким категориям в словаре выделяется 17 основных разделов: 1) бытийные предикаты; 2) предикаты пространственной локализации (локативы); 3) предикаты отношения (релятивы) и др. Конечным объектом анализа являются предикаты, стоящие на низшей ступени иерархии значений. Например, предикаты состояния описываются в следующих подразделах: 1) предикаты физического состояния; 2) предикаты физиологического состояния; 3) предикаты психического состояния; 4) предикаты социального состояния; 5) предикаты функционального состояния; а предикаты физиологического состояния в конечных рубриках: состояние сна, состояние усталости, болезненное состояние и т. д. Внутри таких рубрик (конечных подразделов классификации) дано описание базовых предикатов, а также их дериватов и именных коррелятов.

Самым полным по охвату лексики семантическим словарем является шеститомный «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [М., 1998–2013], в котором представлено около 300 тысяч лексических значений. В разделе 2.2, рассматривая принцип системного описания лексики в лингвистической семантике, мы уже анализировали этот словарь, однако, поскольку именно он использован в настоящей работе для классификации лексики, входящей в тексты В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, остановимся на принципах его построения подробнее. Основной научной концепцией словаря является положение о том, что словесный состав современного русского литературного языка (собственно литературного языка и принимаемого им при определенных условиях просторечия) представляет собой «сложную, исторически сложившуюся, саморазвивающуюся и самодостаточную естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это достаточно четко очерченная целостность, состоящая из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определенным законам взаимодействующих друг с другом и в то же время подчиняющихся

системе в целом» [РСС, 1998. Т. I, с. VII]. Именно под таким углом зрения и представлен материал в данном словаре.

Во главе всей семантической классификации лексики в «Русском семантическом словаре» лежит «слово». «Сама семантическая классификация строилась на основе фронтального семантического анализа значений слов, извлеченных прежде всего из однотомного словаря, а также и из других источников, путем пошагового разбиения материала: от выделения самых общих классов («макроклассов»), внутри которых единицы связаны наиболее абстрактными отношениями, – ко все более и более конкретным лексико-семантическим объединениям» [Белоусова, 2013, с. 483].

В результате в словаре представлено следующее распределение лексики. Во-первых, все слова языка разделены на четыре класса: единицы указующие (местоимения), 2) именующие (знаменательные слова), 3) собственно связующие (союзы, предлоги, глаголы-связки), 4) классифицирующие (модальные слова, частицы, междометия). Во-вторых, внутри каждого класса все слова распределены по частям речи. В-третьих, внутри каждой части речи выделены множества и подмножества на основании тематической близости или, напротив, противопоставленности значений слов. В результате каждый макрокласс, представляющий часть речи, показан «в словаре как разветвленное лексическое древо, расходящееся (на основе последовательного семантического сужения) на многочисленные ветви, которые направлены от вершины к основанию и завершаются конечными лексико-семантическими рядами» [РСС, 1998. Т. I, с. VIII]. Количество ступеней членения на некоторых участках достигает до 11–16 шагов разбиения.

Такая классификация позволяет полностью охватить всю имеющуюся лексику, а ее открытость дает возможность включения в нее новых слов. «Толковый словарь, систематизированный по классам слов и, внутри них, по множествам лексических значений, открывает перед читателями исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира» [Там же, с. XVI].

Существует точка зрения, согласно которой и алфавитные толковые словари способны воссоздать ЯКМ. Очевидно, что толковые словари, созданные в разное время: «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, словари Н. А. Ушакова и С. И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка конца XX столетия» Г. Н. Складневской и др., – отражают разные синхронные срезы русской ЯКМ. В совокупности эти словари дают представление об историческом развитии русской ЯКМ, однако эксплицитно задача реконструкции ЯКМ в этих словарях не ставилась, ее решают современные лексикографы.

Представители научной школы академика Н. Ю. Шведовой реализуют данную идею с учетом современных технологий при работе над «Новым толковым словарем современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)». Одна из основных задач данного словаря формулируется его авторами как представление словарного состава русского литературного языка как отражающего национальный образ мышления, национальное видение мира и национальную ЯКМ.

Н. Ю. Шведова отмечала, что в алфавитном словаре задачу отображения организации словесного состава языка берет на себя отдельная словарная статья и все словарные статьи в своей совокупности несмотря на то, что лексика в таком словаре получает принципиально асистемное изображение. Словарная статья самой своей структурой, характером сведений, заключенных в ней, показывает, что слово существует в составе разнообразных множеств как член этих множеств, тем самым сообщается о наличии в языке целостностей, к которым относятся отдельно входящие в них единицы. Таким образом, асистемность представления лексического состава в толковом словаре не может помешать воссоздать ЯКМ (см.: [Копорская, 2013, с. 537]).

Словари синонимов тоже отражают ЯКМ, среди таких словарей ориентацией на отражение ЯКМ выделяется «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», созданный под руководством Ю. Д. Апресяна.

Проявляющийся в нем повышенный интерес к ЯКМ и системным явлениям в лексике объясняется высоким уровнем современной лингвистической семантики. Среди принципов, на которых основан словарь, отметим следующие (см.: [Апресян, 2003]):

- Ориентация на отражение «наивной», или языковой, картины мира. При описании очередного синонимического ряда его авторы пытались увидеть в нем определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам. При реконструкции таких фрагментов (наивной этики, наивной анатомии, наивной психологии, наивной телеологии, наивной физики пространства и времени, наивной риторики и т. п.) использовались только языковые данные.

- Идеографичность. В соответствии с идеографическим принципом исследования материала были обработаны сразу большие семантические поля слов, например синонимические ряды со значением речевых актов, эмоций и ментальных состояний человека; лексика, описывающая «наивную анатомию», или «наивную этику», или причинно-следственные отношения, или целеполагание, или идею уступки и т. п.

Отметим также, что большинство синонимических рядов в «Новом объяснительном словаре синонимов» отобраны по принципу антропоцентричности, то есть объединены общей идеей человека. Это лексика, которая описывает тело и душу человека, его физиологические и эмоциональные реакции на мир, различные физические, речевые, ментальные и волевые действия, состояния и свойства и многое другое.

В «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под общей редакцией Л. Г. Бабенко (2008 г.) синонимические ряды впервые группируются на идеографических основаниях, показано, сколько и каких именно синонимических рядов входит в ту или иную смысловую группу, – таким образом, представлена отображаемая русскими синонимами картина мира.

Частотные словари показывают, какие слова наиболее часто употребляются в письменных текстах, что помогает выявить лексику, входящую в активный словарный состав языка. На основании этих данных можно делать выводы о центре и периферии ЯКМ.

В отечественной лексикографии частотные словари начали создаваться в 1970-е годы, в XXI веке их число значительно возросло.

Наиболее известные русские частотные словари:

- «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейфельдта (М., 1973);
- «Частотный словарь русского языка» под ред. Н. Н. Засориной (М., 1977, около 40 тыс. слов);
- «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова (М., 2009)].

Частотные словари создаются на основе корпусов текстов, которые во многих случаях ограничены в том или ином отношении, например включают тексты одного стиля или жанра.

Таким образом, в каждом типе словарей по-своему решается задача воссоздания ЯКМ. Идеографические словари, базируясь на понятийных категориях, показывают, как в языке представлены концептуальные структуры, отражающие устройство мира. Структурно-семантические словари учитывают, как языковая категоризация мира соотносится с формой языковых единиц, и в иерархической семантической классификации описывают всю лексику без остатка. В алфавитных толковых словарях все словарные статьи в своей совокупности дают представление о ЯКМ того или иного периода существования языка, читатель таких словарей должен сам делать выводы о системной организации лексики. Словари синонимов через описание синонимических рядов отражают определенные фрагменты некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Частотные словари помогают определить центр и периферию национальной ЯКМ или варианта ЯКМ.

Создавая словарь языка личности, необходимо учитывать рассмотренный лексикографический опыт, тем более если ставится задача воссоздать индивидуально-авторскую ЯКМ в словаре. С нашей точки зрения, в «Русском семантическом словаре» представлена наиболее подходящая матрица для создания семантического словаря ЯЛ. Основываясь на этой модели, исследователь получает возможность сравнить идиолексикон ЯЛ с национальным лексиконом и выявить типические и индивидуальные особенности авторской ЯКМ.

Выводы

Языковая личность, личность, проявляющая себя в коммуникации, в создании и восприятии текстов – это сложный феномен, который можно представить в виде модели. Трехуровневая модель ЯЛ, предложенная Ю. Н. Карауловым, является удобным инструментом ее анализа и потому признается многими лингвистами, работающими в области лингвоперсонологии. Вербальное проявление личности – это та реальность, которую может исследовать лингвист с помощью собственно лингвистических методов, и потому именно вербально-семантический уровень ЯЛ следует признать основным объектом изучения лингвоперсонологии, отталкиваясь от которого можно переходить к рассмотрению когнитивного и дискурсивно-прагматического уровней ЯЛ. Таким образом, важнейшей частью лингвоперсонологии является семантическая персонология.

Экспансионизм, свойственный современной лингвистике, взаимодействие с другими науками, приводит к тому, что размываются границы собственно лингвистики. С нашей точки зрения, пришло время редукционизма, целенаправленного ограничения лингвистического исследования собственно лингвистическими методами. Эти методы лингвистическая персонология получает у лингвистической семантики для рассмотрения вербально-семантического уровня ЯЛ.

Объектом исследования семантической персонологии является вербально-семантический уровень ЯЛ: семантика языковых знаков, входящих в тексты, созданные ЯЛ, и прежде всего – семантика слов. Системный семантический анализ лексикона ЯЛ, а также выявление персонспецифичных слов, идиоглосс и идеологем становятся отправным пунктом исследования особенностей мировидения ЯЛ. Сопоставление лексикона одной или нескольких языковых личностей с национальным словарем позволяет увидеть не только типичные и индивидуальные черты этого идиолексона, но и типично национальное и индивидуальное в языковой картине мира личности.

Перед исследователем встает проблема: какой из национальных словарей может быть использован в качестве основы для сопоставительного анализа? Можно создать свой собственный словарь или классификацию и использовать их в качестве базы для сравнения, что было сделано, например, в работе [Гусева, 2017]. Но можно взять за основу имеющийся семантический словарь, авторитет которого признают многие лингвисты. Мы выбираем именно этот путь. Иерархическая классификация лексики в виде семантического древа, предложенная «Русским семантическим словарем», на наш взгляд, позволяет наглядно представить, как соотносится идиолексон конкретной ЯЛ с национальным лексиконом, а также сопоставить лексиконы нескольких ЯЛ на единых основаниях.

Составление и анализ индивидуального словаря личности позволяют перейти к исследованию индивидуально-авторской ЯКМ. При решении этой задачи семантическая персонология опирается на методiku, используемую в лингвистической семантике: семантические оппозиции, системообразующие смыслы выявляются через анализ неассертивных компонентов семантики языковых единиц (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения). При описании индивидуально-авторской ЯКМ необходимо учитывать и то, как лингвистическая семантика решает проблемы организации национальной ЯКМ: проблему связи ЯКМ с внеязыковой действительностью; проблему вариативности ЯКМ, обусловленную социальной и территориаль-

ной дифференциацией общества; проблему влияния временного контекста на динамику ЯКМ. И, конечно же, семантическая персонология должна использовать современные технические возможности для исследования количественного фактора, обуславливающего центр и периферию идиолексикона и индивидуально-авторской ЯКМ.

В заключение главы подчеркнем, что в настоящей работе дается обоснование **русской семантической персонологии**, поскольку в исследовательском фокусе находятся носители русского языка. В названии «русская семантическая персонология» отражена одна из основных проблем лингвоперсонологии: соотношение типического и индивидуального в языке личности. Определение «русская» отсылает к типическому, номинация «персонология» – к индивидуальному. Определение «семантическая» указывает на объект и методы обосновываемого направления лингвоперсонологии.

ГЛАВА 3

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ В ЛЕКСИКОНЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

3.1. Языковая личность русского писателя как эталон русской языковой личности определенного социального типа

Исследование ЯЛ писателя для семантической персонологии имеет особое значение, поскольку такую личность можно рассматривать в качестве эталона ЯЛ определенного социального типа. В настоящей работе проанализированы особенности вербально-семантического уровня языковых личностей В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина – выдающихся русских писателей, признанных классиков завершившегося столетия. Данный выбор обусловлен следующими причинами.

В судьбах этих писателей отразились социальные перемены в истории России, повлиявшие на изменения в русской ЯКМ XX столетия. Все трое – это переселившиеся в город выходцы из крестьянских сибирских семей, свидетели и участники значимых для страны событий.

«В. П. Астафьев в детстве видел насильственную коллективизацию и раскулачивание, «разрушение» крестьянства как опоры державы, был участником самой страшной войны XX века, пережил развал СССР, тяжелое постперестроечное время» [Башкова, 2015, с. 113]. В. М. Шукшин до того, как отучился в Институте кинематографии и стал кинорежиссером и актером, работал слесарем, разнорабочим, служил в Военно-Морском флоте СССР, преподавал в школе сельской молодежи и одновременно был директором школы. В. Г. Распутин, окончив историко-филологический факультет Иркутского государственного университета, прежде чем стать профессиональным писателем, работал в газетах Иркутска и Красноярска, бывал на строительстве

Красноярской ГЭС и магистрали Абакан – Тайшет, в годы перестройки и после распада СССР много сил отдавал общественно-политической деятельности. Таким образом, для изучения соотношения типичного и уникального в русской ЯЛ исследование языковых личностей В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина представляет неоспоримую ценность.

Богатый жизненный опыт способствовал тому, что эти языковые личности освоили несколько вариантов национального русского языка: нормированный литературный язык, просторечие, территориальный и социальные диалекты, которые они использовали в своих художественных произведениях. Особенностью идиостилей В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина является то, что их произведения насыщены разностилевой лексикой. Семантическое исследование стилистически разнообразных текстов этих писателей и входящей в них лексики может способствовать решению проблемы вариативности русской ЯКМ, проявляющейся на вербально-семантическом уровне конкретной ЯЛ.

Для изучения русской ЯЛ важно то, что В. П. Астафьев, В. М. Шукшин и В. Г. Распутин – это истинно национальные писатели, что признают как отечественные, так и зарубежные исследователи (см.: [Parthé, 1992]), относя их творчество к «деревенской прозе» – ядру русской традиционной литературы соответствующего периода. Каждый из этих писателей обладает опытом человека, «выросшего “на земле” и оттого так драматично пережившего “отрыв” от нее» [Разувалова, 2015, с. 560]. Они остро чувствовали сопричастность к «Руси уходящей» и совместили в своих произведениях конкретный социоисторический (современность XX века) и традиционный социокультурный (национальное прошлое) пласты, представили мир вечных земледельческих ценностей, выявили лучшие первоосновы национального характера (см.: [Большакова, 2004, с. 398]). Вместе с тем В. П. Астафьев, В. М. Шукшин и В. Г. Распутин не идеализировали русского человека; представив в своих книгах национальное воплощение современника, они показали разные его проявления, как лучшие, так и худшие. В. П. Астафьев заме-

тил: «Кто-то говорит, что знает русского человека. Какого ты русского человека знаешь? Это такая бездна, где столько тьмы и света. Это как в колодеце. Вот смотришь в глубокий колодец, на дне отражается луна или солнце, свет, а окунишь – утонешь в этом колодеце с головою» [Астафьев, 2002].

Наконец, значимость исследований ЯЛ писателя для лингвоперсонологии связана с тем, что писатель, как никто другой, обладает сильной метаязыковой рефлексией, и его метаязыковые рассуждения представляют большой интерес для лингвиста, анализирующего вербально-семантический уровень русской ЯЛ.

Итак, выбор языковых личностей В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина в качестве объекта описания в настоящей диссертационной работе обусловлен тем, что это подлинно национальные писатели, показавшие разнообразные качества русского человека с точки зрения русского человека. Это люди с уникальной судьбой, в то же время в их жизни много типичного для XX века, прежде всего – переезд из деревни в город, они представили в своих текстах идеологемы и стереотипы своего времени, разные варианты русской ЯКМ.

3.2. Центральное место лексики, именующей человека, в лексиконе языковой личности

Исследование вербально-семантического уровня ЯЛ, на наш взгляд, следует начинать с анализа лексики, именующей человека. Обоснование этого утверждения содержится в данном разделе работы.

Тезис об антропоцентричности языка входит в аксиоматику современной лингвистики, для которой суперпарадигмой стала антропоцентрическая парадигма. В настоящее время человек является целью не только лингвистической, но и философской мысли, которая развивается под знаком языка. «Язык занимает важнейшее место в таких крупных направлениях философии, как феноменология и герменевтика, экзистенциализм и философия жиз-

ни, аналитическая философия и философия морали» [Арутюнова, 1999е, с. 324]. Для человека, по выражению М. Хайдеггера, домом бытия стал язык, а не природа. «Путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки. Природе подчинен физический человек, но она ничего не знает о духовной личности» [Там же].

«Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова, 1999в, с. 3]. В семантике названий лиц сема ‘человек’ является ядерной.

Именно интересом к человеку объясняется большое количество работ, в которых анализируется лексика, входящая в семантический класс названий лиц. В отечественном языкознании изучать проблему человека по данным языка одним из первых стал В. В. Виноградов. В 1946 г. была опубликована его небольшая статья под названием «Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в.» [Виноградов, 1946]. Более обширное исследование на эту тему было издано только в 1994 г. [Виноградов, 1994], в нем Виктор Владимирович через анализ изменения семантики слова *личность* в русском языке рассматривает основные этапы развития представлений о человеке в русском национальном сознании.

Семантика существительных, именующих человека в русском языке, проанализирована в работах известных отечественных лингвистов [Арутюнова, 1999д; Степанов, 2004 и др.]. В 1999 г. в серии «Логический анализ языка» вышел сборник под названием «Образ человека в культуре и языке», полностью посвященный проблемам, относящимся к феномену человека. В этом сборнике в ряде статей рассматриваются способы обозначения человека в языке [Антонян, 1999; Вайс, 1999; Гак, 1999; Казакевич, 1999; Красухин, 1999; Кронгауз, 1999; Нильсон, 1999]. На сегодняшний день существительные, обозначающие человека, рассмотрены в десятках диссертаций. И тем не менее проблема обозначения человека продолжает оставаться одной из са-

мых актуальных. Это вечная проблема, поскольку человеку более всего интересен человек.

В большинстве литературных жанров главная фигура – это человек. И если лингвист изучает ЯЛ писателя, то без рассмотрения лексики, именующей человека, обойтись невозможно, поскольку в выборе данной лексики своеобразие автора проявляется всегда.

Существительные, именующие человека, названия лица – это один из наиболее разработанных пластов русской лексики. Так, в «Русском семантическом словаре» в раздел «Названия лиц» вошло около 15 000 единиц, считая заголовочные словосочетания, ближайшие производные от них, а также фразеологические единицы. «В целом классификация имен лица наглядно демонстрирует, какими широкими и разнообразными средствами располагает русский язык для именованья человека и шире – лица» [РСС, с. 63].

Среди всех объектов действительности человек выделяется тем, что в его языковых номинациях фиксируется наибольшее количество признаков, сторон, аспектов. Наричательные существительные, репрезентирующие человека, представляют собой гиперонимические номинации: *человек, личность, лицо*; демографические номинации по полу, возрасту, национальности, происхождению, профессии: *мужчина, старик, поляк, крестьянин, железнодорожник*; функциональные номинации, указывающие на выполняемое или претерпеваемое лицом действие: *отправитель, раненый*; относительные номинации, показывающие родственную, профессиональную и какую-либо еще соотнесенность данного лица с другим: *отец, друг, сменщик*; оценочные номинации: *умница, молодец, мерзавец*. Кроме того, в тексте человек может обозначаться именами собственными или местоимениями (см.: [Гак, 1999, с. 74–75]).

Поскольку человек в жизни играет разные роли, в тексте он обозначается разными именами. Этим он отличается от других объектов. «Кроме этого используются многочисленные номинации человека, данные по признакам пола и возраста, семейного и служебного статуса, по профессии или месту в

социальной иерархии. Особые номинации используются в обращениях» [Арутюнова, 1999в, с. 5]. Таким образом, наименования человека множественны, в тексте они распределены между разными мирами и пространствами.

Наличие в языке большого количества слов, именующих человека, объясняется тем, что человек, как ничто другое в ЯКМ, обладает большим количеством параметров. Ю. С. Степанов отметил, что «с точки зрения культуры... предметы «параметризуются» в зависимости от того ряда, к которому их относят или в отношении к которому их рассматривают» [Степанов, 2004, с. 717]. При переходе в разные ряды меняются названия предметов. Трава остается травой, пока она растет на лугу; когда ее скосили, она превращается в сено. Срубленное дерево, используемое как материал, превращается в древесину. «Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров», тем больше он «параметризован»» [Там же]. В культуре и в ЯКМ человек занимает вершинное место, поскольку ничто так не параметризовано, как он.

В связи с этим анализ способов обозначения человека в текстах конкретного автора позволяет выявить человеческие качества, которые в первую очередь фиксируются у обозначаемых лиц данной ЯЛ, что составляет значимый фрагмент индивидуально-авторской ЯКМ.

Особенностью поведения названий лиц в тексте является то, что они способны выполнять как идентифицирующую, так и предикатную функции. «В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом – имена качественные, приспособленные к предикированию. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании» [Арутюнова, 1999д, с. 63].

Сообщая о каком-либо лице, говорящий, с одной стороны, должен его идентифицировать, индивидуализировать, с другой стороны, выразить свое отношение к нему. «При необходимости уяснить собеседнику, о ком идет

речь, говорящие прибегают к имени собственному. “Неоцененное прагматическое удобство собственных имен состоит в том, что они дают возможность говорить о ком-либо, заранее не договариваясь, какие именно свойства должны обеспечивать идентичность референта” [Searle, 1975, с. 140]» [Арутюнова, 1999д, с. 63]. Но даже выбирая форму имени собственного: фамилию, имя, отчество – только фамилию – только имя, полное или уменьшительное, – говорящий показывает, как он относится к названному лицу (см.: [Формановская, 2010, с. 126]).

Среди нарицательных существительных статус референта по отношению к автору и адресату фиксируется прежде всего реляционными дескрипциями (*мать, брат, друг, любимый, начальник*) и названиями лиц по социальному свойству (*барин, высокопревосходительство, мужик, хозяин, нищенка*).

Для идентификации предмета сообщения обычно используется «три категории имен лица – имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*)... В этих же целях применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке, выводимом из конкретной ситуации. Ср.: *преступник, пришедший, потерпевший, больной, укушенный* (в известном скетче) и др.» [Арутюнова, 1999д, с. 63].

Преимущественно предикатную функцию выполняют качественные и оценочные имена лица, «поскольку основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего» [Там же, с. 62].

Особенностью названий лиц является то, что многие из них включают в себя оценку. «Оценка пронизывает весь класс названий лиц» [РСС, с. 62]. Оценочный компонент может занимать разное место в семантической структуре словозначения: во-первых, он может дополнять характеризующий компонент значения (*писака, рифмоплет, сапожник*); во-вторых, он может обра-

зовывать сложные диффузные сочетания с характеризующим компонентом (*белоручка, бессребреник, жмот, бестолочь, дурак, недоумок*); в-третьих, он может быть единственным или доминирующим компонентом значения (*молодец, душечка, милашка* – в «Русском семантическом словаре» такие слова составляют подмножество «Собственно оценка», тогда как первая и вторая группы словозначений в словаре включены в подмножество названий лица по характерному признаку).

Таким образом, в значение большинства наименований человека включены когнитивный и прагматический компоненты, благодаря чему названия лиц в тексте могут выполнять идентифицирующую и предикатную функции.

Значимость номинаций лица в лексической системе русского языка отражена в многочисленных лингвистических работах. Исследования языковых единиц (существительных и фразеологизмов), именующих человека, занимают важное место в современной отечественной русистике. Перечислим проблемы, которые рассматриваются в данном направлении:

1. Номинации человека в кодифицированном литературном языке. Структура лексико-семантического поля «Человек». Состав отдельных лексико-семантических групп существительных, именующих человека, параметры обозначения человека: наименования лиц женского пола [Еременко, 1998], наименования лиц по социальному статусу [Галеев, 2013; Кашпур, 2005], наименования лиц по отношению к труду [Зленко, 2004], наименования лиц по профессии [Кашпур, 2005; Яковлева, 2009], наименования лиц речевой деятельности [Джамил Мохаммед Садун, 2006], инвективные имена лица [Саржина, 2005], наименования множеств лиц [Румянцева, 2009] и др.

2. Модель аспектно-структурного семного описания значений наименований лиц [Маклакова, 2014].

3. Стилистическое варьирование существительных, входящих в лексико-семантические группы со значением «Названия лиц» [Пуговкина, 2006].

4. Номинации человека в разных формах, сферах и жанрах русского языка: в говорах, диалектах [Алексеенко, Литвинникова, 2007; Гурская, 2010;

Литвинова, 2011; Седойкина, 2012; Шкабара, 2012; Щербакова, 2011], в жаргоне [Чжао Сяохэн, 2013; Хомяков, 2009; Шиповская, 2006], в социально-политической сфере [Карева, 2003], в финансово-экономической сфере [Труфанова Н. О, 2006], в брачных объявлениях [Зырянова, 2009], в эпистолярном дискурсе [Ланге, 2011], в предвыборном дискурсе [Яппарова, 2010], в газетных текстах [Чэнь Сяохуэй, 2011].

5. Динамика лексико-семантического поля «Человек», способы пополнения лексико-семантических групп существительных, именующих человека: словообразовательная деривация, семантическая деривация, прямые и косвенные номинации, заимствования, возвращение из пассивного словаря [Варламова, 2008; Галимова, 2004; Демина, 2004; Землякова, 2005; Сидоренко, 2005; Алексеенко, Литвинникова, 2007; Щербакова, 2011].

6. Номинации лица в синтаксических конструкциях и тексте: функционально-семантическое поле обращений [Глаголева, 2004], социальная и социально-культурная специфика обращений [Айсакова, 2008; Буравцова, 2007; Кожухова, 2009; Черняева, 2008], атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных номинаций лица [Комкова, 2011]; семантические типы номинаций человека в тексте [Гусева, 2017].

7. Концепт «Человек» в русской ЯКМ, образы различных типов людей [Салимьянова, 2011].

8. Номинации лица и концепт «Человек» в художественных произведениях русских писателей: А. С. Пушкина [Соловьева, 2006], П. И. Мельникова-Печерского [Сулейманова, 2008], А. П. Чехова [Садр, 2011], И. М. Ермакова [Пашина, 2006], В. Маканина [Анисимова, 1997], В. Пелевина [Орешко, 2007] и др.

9. Национальная специфика наименований лиц и образа человека, сопоставление номинаций лица в русском и других языках [Ухина, 1991; Катермина, 2005; Маклакова, 2006; Метельская, 2012; Шиповская, 2006; Зленко, 2004; Кашпур, 2005; Хомяков, 2009; Галимова, 2004].

Здесь перечислены далеко не все лингвистические работы, в которых анализируются номинации человека, но и этого достаточно, чтобы понять, насколько важен данный фрагмент лексической системы и как разнообразны аспекты, с ним связанные. Несмотря на такое большое количество исследований, в данной области осталось много нерешенных вопросов.

Таким образом, особенность существительных, называющих человека, в том, что, будучи предметными по своей архисеме, они могут включать в свое значение указание на все составляющие человеческой жизни: события, в которых человек участвует в качестве субъекта (*кормилец, воин, учитель*) или объекта (*арестант, адресат, пациент*); оценку данного человека (*душечка, злодей, мерзавец*); характеристику человека по определенному параметру (*старик, девочка, врач*); иерархию человеческих отношений (*начальник, раб, король*). Именно поэтому номинации человека входят в ядро лексической системы языка и ЯКМ.

Названия лиц – это одна из наиболее быстро меняющихся групп лексики. Изменения, происходящие в сфере общественной, политической, экономической жизни и даже в технической сфере приводят к появлению новых слов, обозначающих человека, таких как *единоросс, пиарщик, перестроечник, бюджетник, интердевочка, наркокурьер, челнок, неформал, межрегионал, рыночник, блогер, сисадмин* и т. д. (Примеры взяты из [Карева, 2003]). Следовательно, названия лиц – это один из самых динамичных фрагментов языковой картины мира.

В названиях лиц ярко проявляется территориальная и социальная стратификация языка. Ср. существительные, обозначающие лиц по отнесенности к месту жительства или народу, такие как *сибиряк и чалдон, украинец и хохол, китаец и ходя*. Ср.: *мздоимец* (книжн.) – *стяжатель* – *взяточник* – *хапуга* (прост. презр.).

Таким образом, названия лиц – важнейший фрагмент лексики, который отражает практически все аспекты жизни человека: территориальную, социальную, возрастную, гендерную и иную стратификацию общества. Кроме то-

го, это фрагмент лексики, в котором изменения происходят особенно быстро. Именно поэтому названия лиц постоянно находятся в центре внимания лингвистов.

В силу всего сказанного становится понятным, почему изучение названий лиц особенно важно для понимания того, что представляет собой ЯЛ. Так как в языке содержится огромное количество слов, именующих человека, то те номинации лиц, которые ЯЛ усвоила и использует в своих текстах, отражают многие параметры, характеризующие эту личность:

- 1) временные: время жизни и возраст человека;
- 2) территориальные: место взросления и проживания;
- 3) социальные: происхождение человека, уровень его образования, его социальный статус, профессию;
- 4) гендерный параметр;
- 5) психологические: темперамент, характер, чувство юмора и т. д.

Наконец, названия лиц свидетельствуют о многих особенностях мировидения ЯЛ, о том, что является приоритетным в ее индивидуально-авторской ЯКМ.

3.3. Лексический класс названий лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина на фоне «Русского семантического словаря»

Цель данного раздела – показать, какие возможности для анализа русской языковой личности дает «Русский семантический словарь» под общей редакцией академика Н. Ю. Шведовой. С помощью этого словаря сравниваются фрагменты вербально-семантического уровня ЯЛ трех выдающихся русских сибирских писателей: Виктора Петровича Астафьева, Василия Макаровича Шукшина и Валентина Григорьевича Распутина.

Важнейшая задача, стоящая перед исследователем ЯЛ, – это классификация отдельных ее особенностей как типических или индивидуальных. В

идеале – их сопоставление с эталоном, существующем в языке. На наш взгляд, в качестве такого эталона можно использовать «Русский семантический словарь». Почему?

Прежде всего, потому, что в РСС, по сравнению со всеми имеющимися русскими идеографическими словарями, наиболее полно представлена семантическая классификация лексики XX и отчасти XIX столетий. Авторы словаря использовали опыт работы нескольких поколений русских лексикографов. Основным источником РСС послужила картотека, составленная на основе материалов из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (изд. 1–23, 1949–1989) и из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (изд. 1–4, 1993–1997). Кроме того, в словарь вошли материалы из следующих источников: «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, тт. 1–4, 1909–1909, переизд. 1995, 1998); «Словаря современного русского литературного языка» (тт. 1–17; 1948–1965, 2-е изд., перераб. и доп., тт. 1–7, 1991–1996), «Толкового словаря русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова; тт. 1–4, 1935–1940; переизд. 1994), «Словаря русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой, тт. 1–4, 2-е изд., испр. и доп., 1981–1984); словарей иностранных слов, общих энциклопедических словарей XIX–XX вв., а также многочисленных специальных энциклопедий и справочников. «Состав «Русского семантического словаря» регулярно пополнялся материалами из современной литературы – художественных произведений, публицистики, из теле- и радиовещательных программ, а также из живой разговорной речи и граничащего с ней просторечия» [РСС: XVIII]. В итоге такой работы в РСС максимально полно представлена лексика, относящаяся к разным социальным, территориальным и временным вариантам русского языка. Как уже говорилось, в раздел «Названия лиц» вошло около 15 000 единиц. Все сказанное позволяет использовать РСС в качестве эталона, по сравнению с которым можно анализировать лексикон конкретной ЯЛ, жившей во второй половине XX века.

В каждой ЯЛ представлено индивидуальное сочетание каких-либо типических черт. Индивидуальность ЯЛ проявляется тогда, когда у нее есть выбор. Чем больше возможность выбора, тем больше оснований говорить о том, что на этот выбор повлияли факторы, характеризующие ЯЛ: возраст, пол, социальная принадлежность, место и время ее жизни, психологические особенности, ее мировоззрение и др. Художественная сфера речи, язык художественной литературы как функциональная разновидность языка предоставляют ЯЛ максимальную возможность выбора, в особенности по сравнению со строгими стилями: официально-деловым и научным. Лексико-семантический класс существительных, называющих человека, в силу своего объема, как никакой другой лексико-семантический класс, позволяет проявиться индивидуальности ЯЛ.

Таким образом, соединение двух факторов, в максимальной степени позволяющих ЯЛ сделать выбор: 1) сфера художественной речи, 2) семантический класс существительных, называющих человека, – дает исследователю адекватный инструмент для выявления индивидуальных и типичных черт ЯЛ. Обращение же к РСС позволяет увидеть, насколько типичны те или иные особенности лексикона ЯЛ.

В настоящей работе проанализированы все существительные, называющие человека в повести в рассказах В. П. Астафьева «Последний поклон», в рассказах В. М. Шукшина и в повестях и рассказах В. Г. Распутина. (Полный перечень проанализированных текстов представлен в приложении 1). Выбор материала для анализа обусловлен следующим: во-первых, все тексты принадлежат к художественной сфере речи, к жанрам рассказа и повести, являются вершиной творчества их авторов, относятся к деревенской прозе, написаны преимущественно во второй половине XX (с 1958 по 2003 год); во-вторых, тексты, созданные каждым из рассмотренных авторов, сопоставимы по объему.

Таблица 1. Количество проанализированных языковых единиц

Писатели	Количество слово-форм (слов) в проанализированных текстах	Количество лексико-семантических рядов, включающих номинации человека	Количество номинаций человека (лексико-семантических вариантов, слово-значений)
В. П. Астафьев	261 548	233	1531
В. М. Шукшин	267 389	248	1598
В. Г. Распутин	264 101	209	977

Это количественное сопоставление показывает, что в текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина номинации человека более разнообразны, чем в текстах В. Г. Распутина, более сдержанного в их выборе. Чем обусловлена такая количественная разница, может показать семантический анализ номинаций. В приложениях 1 и 2 к диссертации представлено распределение всех входящих в указанные произведения В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина номинаций человека по лексико-семантическим рядам (ЛСР), выделенным в РСС. Кроме того, в этих приложениях в строки с названиями ЛСР включена информация о количестве единиц, входящих в эти ряды.

В РСС в раздел «Названия лиц», как уже было сказано, входит около 15 000 единиц, не все из них актуальны для нашего исследования. При подсчете количества номинаций человека нами были приняты во внимание следующие единицы, представленные в словаре: словозначения – заголовки словарных статей, входящие в текст словарных статей образования с суффиксами субъективной оценки (уменьшительности, ласкательности, увеличительности, уничижительности), образования с суффиксом женскости и фразеологизмы под знаком (◆◆◆): *спутник жизни, посаженная мать, персона грата* и подобные. Это было необходимо, потому что для анализа лексикона ЯЛ существенно учитывать словообразовательные дериваты и переносные номинации, так как они являются яркой особенностью вербально-семантического уровня ЯЛ. В связи с тем, что нас интересуют только названия лиц, в настоящей работе не учитывались наречия, относительные и притяжательные прилагательные, фразеологизмы со знаком «ромб» (◆): *Кесарю кесарево, а Богу – Богово* и под., а также номинации, составляющие подмножество «Ре-

лигиозные, мифологические, сказочные, фантастические, человекоподобные существа». Таким образом, по нашим подсчетам, **количество номинаций лиц в РСС – 10 500**. Сюда входят словозначения, составляющие подмножества 9–44, включающие 300 ЛСР.

В РСС иерархическая классификация названий лиц в виде семантического дерева имеет ступенчатый характер, в некоторых фрагментах классификации подмножество «Лицо, человек» имеет до двенадцати ступеней членения. Как отмечают авторы словаря, в ряде случаев комплексы, составляющие ветви лексического дерева, «настолько диффузны, что отнесение соответствующих единиц к тем или иным узким лексическим объединениям оказывается в достаточной степени условным» [РСС, с. 61–62]. Представленная в РСС «языковая классификация имен лиц не является единственно возможной» [Там же, с. 63]. Тем не менее в настоящем исследовании мы будем пользоваться данной классификацией в том виде, в каком она представлена в словаре. Эта классификация опубликована, проверена временем, известна в лингвистическом мире и может служить **условным образцом**, по отношению к которому можно рассматривать лексикон языковой личности, реализовавшей себя в текстах во второй половине XX века.

Сопоставительный анализ может быть проведен на каждой из ступеней классификации. Единица измерения, которая используется для количественного сопоставления идиолексиконов со словарем, – это **наполненность лексической парадигмы**. Парадигма, представленная в РСС, в нашем исследовании выполняет функцию **условного эталона**.

Для того чтобы показать, как соотносятся парадигмы, состоящие из лексических единиц, входящих в тексты ЯЛ, со словарными парадигмами предлагаем использовать **метод условно-эталонного количественного семантического анализа**, который может быть представлен в виде следующего алгоритма:

- 1) вычленение всей лексики определенного семантического класса из текстов, созданных ЯЛ;

- 2) распределение этой лексики по парадигмам: лексическим подмножествам и ЛСР в соответствии с РСС;
- 3) определение наполненности лексических подмножеств и ЛСР в текстах личности и в РСС;
- 4) определение соотношения наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в РСС;
- 5) выявление доминантных ЛСР в текстах ЯЛ и РСС и установление соотношений между ними.

Если объектом исследования становятся несколько ЯЛ, указанный метод дополняется **методом условно-эталонного квантитативно-сопоставительного семантического анализа**, выявляющим соотношение наполненности лексико-семантических рядов, входящих в тексты нескольких ЯЛ.

Лексический класс «Названия лиц» в РСС включает 35 подмножеств, каждое из которых имеет свое название в словаре и обозначается цифрой от 9 до 44.

Таблица 2. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический класс «Названия лиц», в РСС и в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина

Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество			
		в РСС	в текстах Астафьева	в текстах Шукшина	в текстах Распутина
9	Общие обозначения человека	33	13	15	11
10	По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению	157	44	39	35
11	По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-н., по восприятию кого-чего-н.	473	23	29	13
12	По врожденному или приобретенному интеллектуальному или интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству	261	44	63	37
13	По свойствам природы, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами	1212	194	256	89

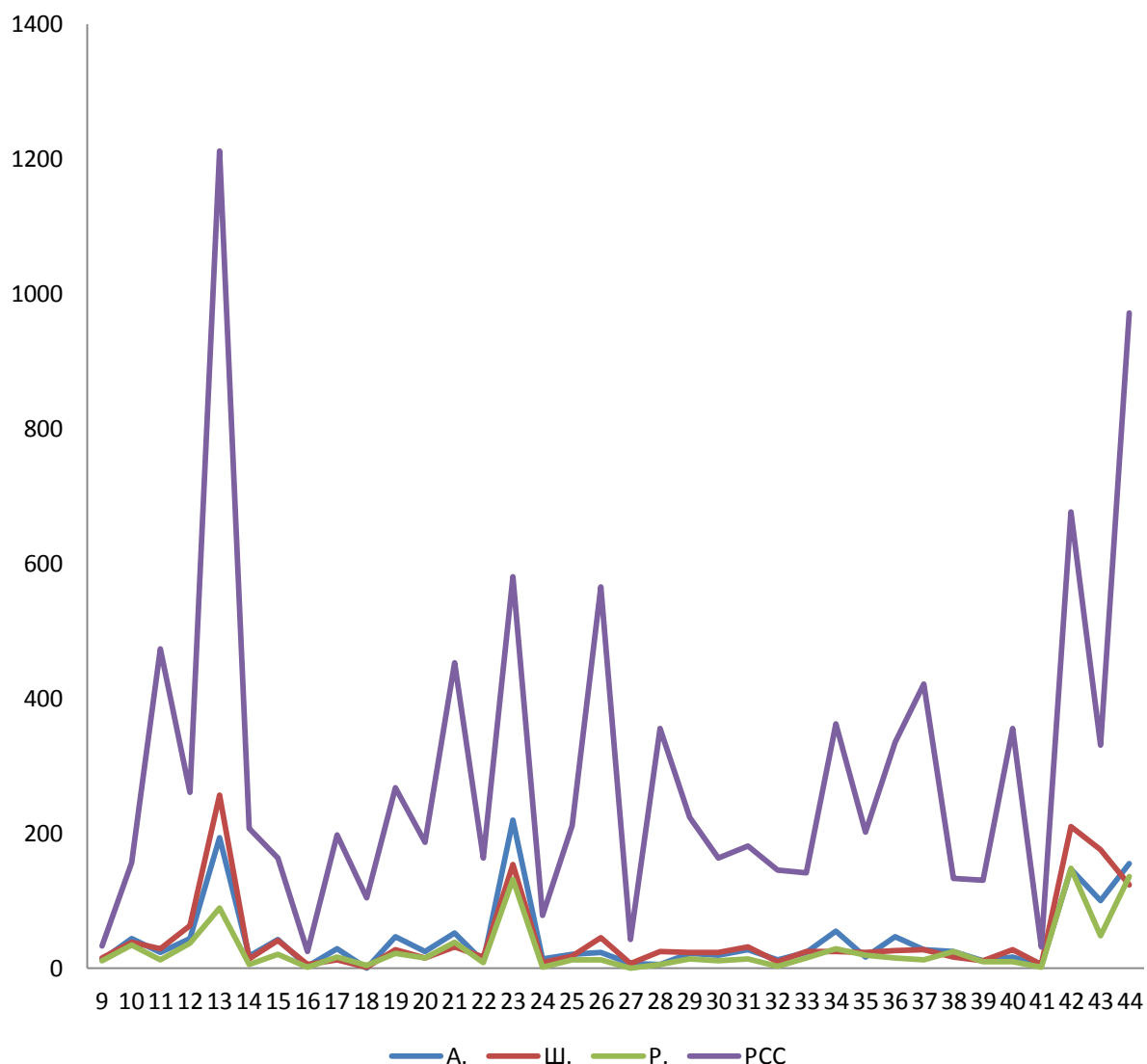

14	По социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям	207	18	14	6
15	По сословному положению, по состоянию личного господства или зависимости	163	42	41	20
16	По положению в какой-н. общественной среде, по социальной значимости, авторитету или их отсутствию	25	3	5	1
17	По социально-экономическому положению, по отношению к собственности, к средствам существования	198	29	13	17
18	По отношению к социально-экономическим, административно-правовым действиям и обусловленному ими состоянию	105	0	2	4
19	По отношению к гражданству, к административно-правовым нормам, к закону, суду	268	46	28	22
20	По окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием	186	25	15	15
21	По характерному или разовому действию, поступку, функции	453	52	31	38
22	Передача, получение или восприятие информации	164	9	17	8
23	По личным, общественным отношениям, связям	580	219	154	132
24	Общие обозначения, а также названия, общие для нескольких видов деятельности (по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям)	78	14	8	2
25	В сфере религии, культов	211	21	18	12
26	В сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям	566	24	45	13
27	В сфере общественной, общественно-политической деятельности, благотворительности	42	7	7	0
28	В сфере науки, ее практического применения, специальных разысканий, обучения, медицины	355	6	25	6
29	В сфере просвещения, преподавания, обучения	224	22	23	14
30	В сфере медицины, врачевания, фармакологии, гигиены, парикмахерского искусства	163	19	24	11

31	В сфере власти, служебной, официальной, должностной деятельности	181	28	32	14
32	Должностные, выборные лица в государственных структурах, во властных государственно-административных органах, в органах самоуправления	146	13	10	3
33	Служащие разных других учреждений, а также предприятий, заведений, общественных органов, вспомогательных хозяйственных служб	141	24	25	15
34	В военной, военизированной сферах деятельности	362	55	25	29
35	Комплексное множество, пересекающееся с другими множествами (В сфере почтовой, технической связи + в сфере предпринимательства, торговли, финансов + в сфере финансов, торговых, хозяйственных расчетов, ростовщичества + в сфере обслуживания, ведения хозяйства, неквалифицированного физического труда)	202	17	24	19
36	В хозяйственной, экономической сферах деятельности (в сфере материального производства, промыслов + в сфере строительства, землепользования + в сфере сельского, лесного хозяйства и смежных с ним видов деятельности + в промышленной сфере)	335	46	26	15
37	В сфере промышленного и кустарного производства, изготовления, обработки, переработки, технического обслуживания	421	28	28	13
38	В сфере транспорта, перевозок	133	25	16	25
39	Торговля, торговое посредничество	130	11	11	9
40	В сфере спорта, туризма, а также отдыха, свободного времяпрепровождения	356	17	27	10
41	По кругу дел, занятий, сопутствующих разным сферам деятельности	31	4	5	1
42	По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию	677	147	210	148
43	Названия собственно оценки, обращения	331	100	175	48
44	Совокупности лиц	972	155	123	136

Диаграмма 1 наглядно показывает соотношение наполненности лексических подмножеств в РСС и в текстах исследуемых ЯЛ.

Диаграмма 1. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический класс «Названия лиц», в РСС и в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина

Вертикальная ось диаграммы отражает количество единиц в подмножествах. На горизонтальной оси обозначены номера подмножеств с 9 по 44. Линия РСС отражает наполненность подмножеств в словаре, линия А. – наполненность подмножеств в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева, линия Ш. – наполненность подмножеств в проанализированных рассказах В. М. Шукшина, линия Р. – наполненность подмножеств в проанализированных повестях и рассказах В. Г. Распутина.

Диаграмма 1 показывает, что пропорции соотношения наполненности лексических подмножеств в РСС и наполненности лексических подмножеств в исследуемых текстах в чем-то совпадают, в чем-то различаются.

Из таблицы 2 и диаграммы 1 видно, что в РСС самыми наполненными являются следующие подмножества:

- 1) 13 «По свойствам природы, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» – 1212 единиц,
- 2) 44 «Совокупности лиц» – 972 единицы;
- 3) 42 «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» – 677 единиц;
- 4) 23 «По личным, общественным отношениям, связям» – 580 единиц;
- 5) 26 «В сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям» – 566 единиц;
- 6) 11 «По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.» – 473 единицы;
- 7) 21 «По характерному или разовому действию, поступку, функции» – 453 единицы;
- 8) 37 «В сфере промышленного и кустарного производства, изготовления, обработки, переработки, технического обслуживания» – 421 единица;
- 9) 34 «В военной, военизированной сферах деятельности» – 362 единицы;
- 10) 40 «В сфере спорта, туризма, а также отдыха, свободного времяпрепровождения» – 356 единиц.

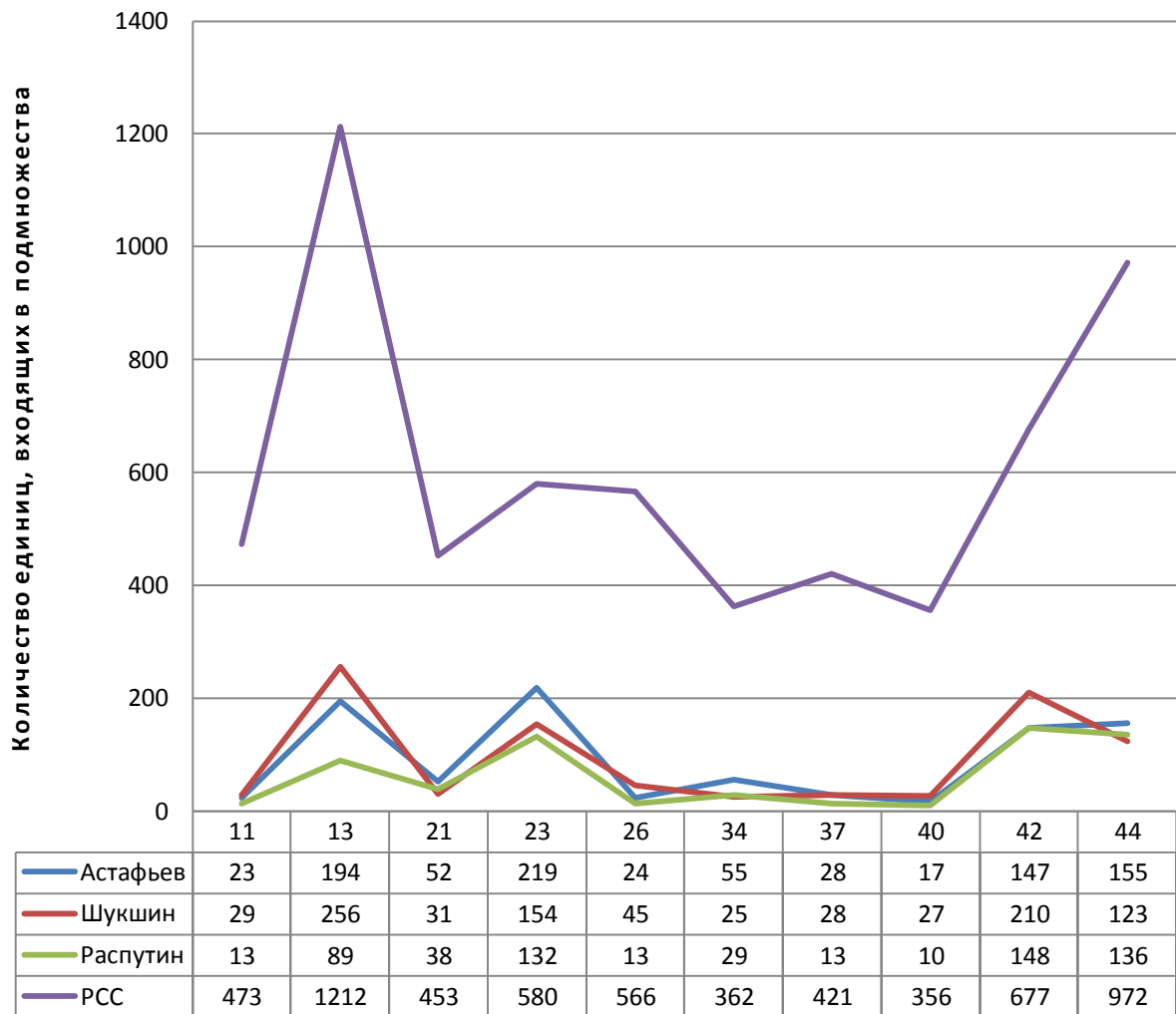
На наполненность лексических подмножеств и ЛСР влияют различные факторы:

- денотативное разнообразие, связанное с разнообразием обозначаемого внешнего мира, в котором существует человек (например, в подмножество 44 входят обозначения народов, племен, населения государств: *абазины, абиссинцы, абхазы, аварцы, австралийцы* и т. д.; в подмножество 26 – обозначения артистов, исполнителей: *аккордеонист, альтист, арфист, балалаечник, бандурист* и т. д.);

- денотативное и сигнификативное разнообразие, связанное с разнообразием выделяемых физических, физиологических, психических, социальных, поведенческих свойств человека и их значимостью для человека (например, в подмножество 13 входит ЛСР «Неаккуратность, медлительность, нерасторопность, невнимательность, неловкость, суетливость»: *ворона, головотяп, грязнуля, замарашка, квашня, недотепа, растяпа, торопыга, увалень* и т. д.);
- прагматическое разнообразие, соединенное с деривационным потенциалом слова (например, в подмножество 23 входит ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения»: *бабушка, бабуся, бабуля, бабуленька, бабуленька, бабулечка, бабулька; брат, братец, братик, братка, братан, брательник, братуха, братишка; дочь, дочка, доченька, дочурка, дочушка; мама, мамочка, мамуля, мамуся, мамуленька, мамусенька, маменька, мамонька, мамка, мамаша, маманя; мать, матерь, матка, матушка* и т. д.);
- стратификационное разнообразие: стилистическое и сферное, наличие книжной и сниженной, диалектной, профессиональной и жаргонной лексики, наличие разнообразной по происхождению лексики, наличие активной и пассивной лексики, историзмов, архаизмов, неологизмов (например, в подмножество 13 входит ЛСР «Насмешничанье, критиканство, сутяжничество, вздорность, драчливость»: *архаровец* (прост.), *баламут* (разг.), *бандит* (прост.), *башибузук* (устар. разг.), *безобразник* (разг.), *бретер* (устар.), *буйн* (разг.), *дуэлянт, интриган* и т. д.).

Диаграмма 2 показывает, как соотносятся доминантные лексические подмножества РСС с лексическими подмножествами в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. В верхней строке таблицы диаграммы указаны номера лексических подмножеств, включающих номинации человека, представленные в РСС. В ячейках таблицы отражено количество единиц, входящих в подмножества.

Диаграмма 2. Доминантные лексические подмножества лексического класса "Названия лиц"

Сопоставительный анализ выявил, что четыре лексических подмножества из десяти наиболее наполненных лексических подмножеств РСС являются доминантными подмножествами и в произведениях всех исследуемых ЯЛ: 13, 23, 42, 44. Они будут проанализированы в дальнейшем тексте работы.

Наибольшие расхождения по наполненности наблюдаются в подмножествах, обозначающих человека по сфере его деятельности: 26, 28, 37, 40, – а также в подмножествах 11 «По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.» и 18 «По отношению к социально-экономическим, административно-правовым действиям и обусловленному ими состоянию».

Несколько факторов стали причиной такого расхождения:

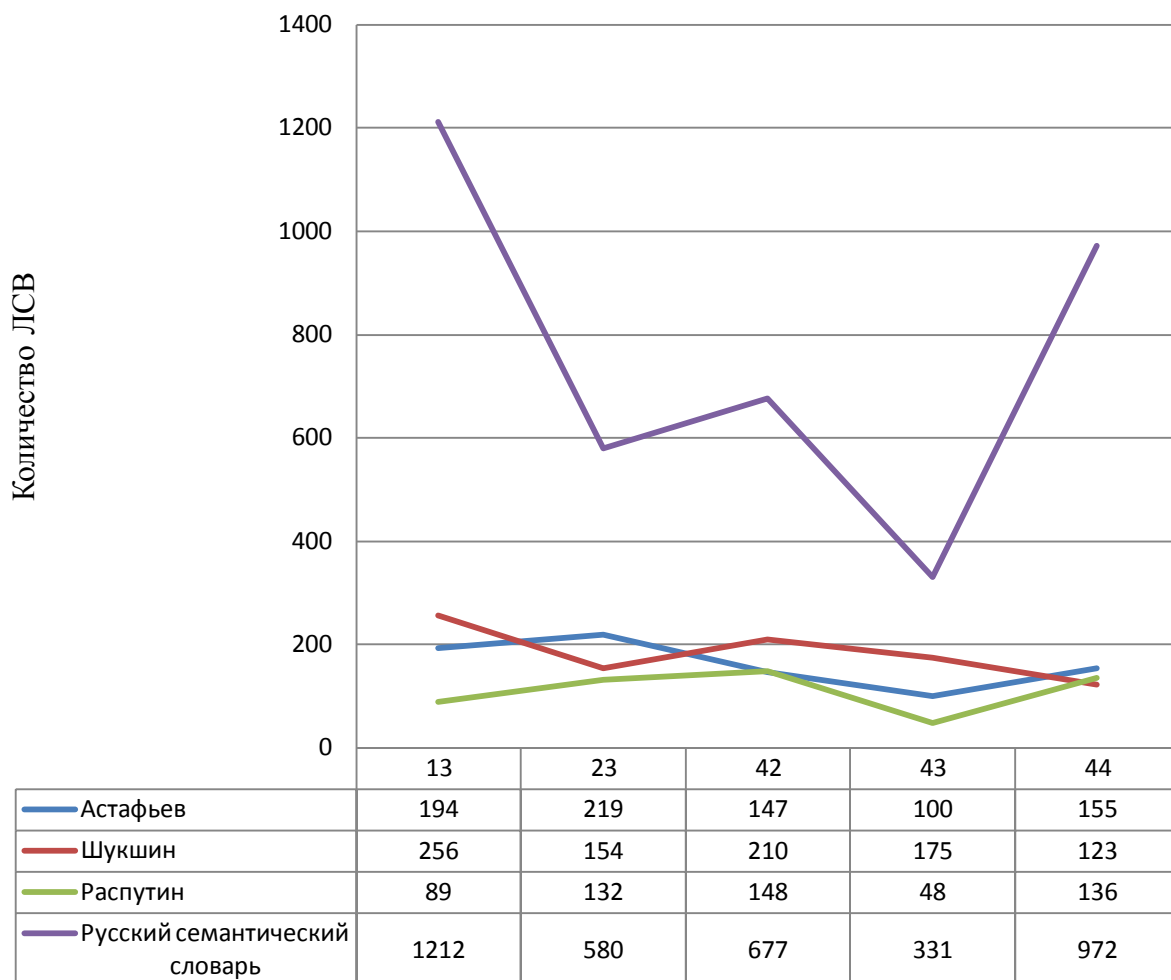
1. Денотативный фактор: профессиональная деятельность человека, социально-экономическая и административно-правовая сферы жизни не являются специальными темами в рассматриваемых текстах, поэтому в них количество обозначений лиц в конкретных сферах деятельности весьма ограничено. Хотя следует заметить, что сумма всех обозначений лиц по профессии и роду занятий значительна (это подмножества 24–41): в РСС – 3647 единиц (34,73 % от общего количества слов), у В. П. Астафьева – 381 единица (24,88 % от общего количества слов), у В. М. Шукшина – 379 единиц (23,72 % от общего количества слов), у В. Г. Распутина – 192 единицы (19,65 % от общего количества слов). Исследование С. С. Гусевой показало, что в текстах А. П. Чехова, относящихся к разным жанрам и сферам речи, номинации человека по роду занятий составляют 27,2 % от общего количества слов [Гусева, 2017, с. 53].

2. Сигнификативный и стратификационный факторы: свойства человека, обозначаемые номинациями из подмножества 11, оказываются менее значимыми, по сравнению с другими свойствами, для писателей-«деревенщиков». Важно и то, что в РСС многие номинации, входящие в подмножество 11, являются заимствованиями и носят книжный характер: *апологет*, *апостол*, *неофит*, *диссидент*, *политеист* и др. Многие номинации, входящие в подмножество 18 в РСС, относятся к специальной или официальной лексике: *дебитор* (спец.), *депонент* (спец.), *наследодатель* (спец.), *залогодатель* (офиц.), *налогоплательщик* (офиц.), *страхователь* (офиц.), *поручитель* (офиц.).

Проведенное исследование позволило выявить **пять доминантных лексических подмножеств** в произведениях **всех трех сибирских писателей** и увидеть, что у каждого из них свои приоритеты в выборе номинаций человека.

В следующей диаграмме отражено сопоставление доминантных лексических подмножеств, входящих в тексты В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, с подмножествами из РСС:

Диаграмма 3. Доминантные лексические подмножества лексического класса "Названия лиц" в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина

В ячейках таблицы отражено количество единиц, входящих в подмножества. В верхней строке таблицы указаны номера лексических подмножеств, включающих номинации человека, представленные в РСС:

13 – «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами»;

23 – «По личным, общественным отношениям, связям»;

42 – «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию»;

43 – «Названия собственно оценки, обращения»;

44 – «Совокупности лиц».

Если за 100 % принять количество номинаций, составляющих сумму пяти доминантных лексических подмножеств (13, 23, 42, 43, 44), то их процентное соотношение в РСС и в текстах каждой из рассматриваемых ЯЛ таково:

Таблица 3. Процентное соотношение наполненности доминантных лексических подмножеств

		13: По свойствам натуры, чертам характера, а также по по- ступку, пове- дению, опре- деляемому та- кими свойст- вами, чертами	23: По личным, общественным отношениям, связям	42: По физиче- скому, физио- логическому, психическому состоянию, свойству, дей- ствию	43: Названия собственно оценки, обращения	44: Совокуп- ности лиц
РСС	100% (3772 ЛСВ)	32,131% (1212 ЛСВ)	15,376% (580 ЛСВ)	17,948% (677 ЛСВ)	8,775% (331 ЛСВ)	25,769% (972 ЛСВ)
Астафьев	100% (815 ЛСВ)	23,803% (194 ЛСВ)	26,871% (219 ЛСВ)	18,037% (147 ЛСВ)	12,27% (100 ЛСВ)	19,018% (155 ЛСВ)
Шукшин	100% (918 ЛСВ)	27,887% (256 ЛСВ)	16,775% (154 ЛСВ)	22,876% (210 ЛСВ)	19,063% (175 ЛСВ)	13,398% (123 ЛСВ)
Распутин	100% (553 ЛСВ)	16,094% (89 ЛСВ)	23,87% (132 ЛСВ)	26,763% (148 ЛСВ)	8,68% (48 ЛСВ)	24,593% (136 ЛСВ)

Таким образом, в РСС среди пяти рассмотренных лексических подмножеств доминантную позицию занимают номинации из подмножества 13 «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» – 32,131 % (1212 ЛСВ). В семантической структуре словозначений, входящих в данное подмножество, сложным образом сочетаются когнитивный (характеризующий) и прагматический (оценочный) компоненты: *труженик, неслух, умник, мямля, лодырь, развратник, жадина* и т. д.

Второе место по наполненности в РСС занимает подмножество 44 «Совокупности лиц», в котором больше половины единиц входят в ЛСР «Наро-

ды, племена, население государств», что связано с фактором денотативного разнообразия – 25,769 % (972 ЛСВ): *армяне, армянка, ассирийцы, ассирийка, афганцы, афганка, ацтеки* и т. д.

На третьем месте по наполненности находится подмножество 42 «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» – 17,948 % (677 ЛСВ): *женщина, мужчина, подросток, ребенок, больной, слепец, живой* и т. д. Четвертое место занимает лексическое подмножество 23 «По личным, общественным отношениям, связям» – 15,376 % (580 ЛСВ): *родственник, холостяк, жених, незнакомец, друг, одноклассник, коллега* и т. д. В семантической структуре словозначений, входящих в данные подмножества, как и в подмножестве 13, сочетаются когнитивный (характеризующий) и прагматический (оценочный) компоненты.

Наименее наполненным среди этих подмножеств в РСС является лексическое подмножество 43 «Названия собственно оценки, обращения» – 8,775 % (331 ЛСВ), где доминирующий компонент словозначения у большинства ЛСВ – оценочный: *дуралей, хмырь, цаца, мерзавец, кровинка, лапушка, родимый* и т. д. Подмножество 43 не входит в десятку наиболее наполненных подмножеств РСС.

Для В. П. Астафьева в «Последнем поклоне» самыми значимыми оказываются номинации человека из подмножества 23 «По личным, общественным отношениям, связям» – 26,871 % (219 ЛСВ). В рассказах В. М. Шукшина на первый план выходят номинации из подмножества 13 «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» – 27,887 % (256 ЛСВ). В текстах В. Г. Распутина доминантными оказываются номинации из подмножества 42 «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» – 26,763 % (148 ЛСВ).

Таким образом, у В. М. Шукшина, по сравнению с В. П. Астафьевым и В. Г. Распутиным, преобладают номинации, в семантике которых значительное место занимает оценочный компонент. Кроме того, в текстах

В. М. Шукшина гораздо больше, по сравнению с двумя другими авторами, «Названий собственно оценки, обращений». В текстах В. Г. Распутина, напротив, процент оценочных номинаций человека минимален.

Таблица 4. Абсолютная и относительная наполненность доминантных подмножеств лексического класса «Названия лиц» в РСС и в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина

	13: По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами	23: По личным, общественным отношениям, связям	42: По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию	43: Названия собственно оценки, обращения	44: Совокупности лиц
РСС	100% (1212 ЛСВ)	100% (580 ЛСВ)	100% (677 ЛСВ)	100% (331 ЛСВ)	100% (972 ЛСВ)
Астафьев	16% (194 ЛСВ)	37,76% (219 ЛСВ)	21,71% (147 ЛСВ)	30,21% (100 ЛСВ)	15,95% (155 ЛСВ)
Шукшин	21,12% (256 ЛСВ)	26,56% (154 ЛСВ)	31,02% (210 ЛСВ)	52,87% (175 ЛСВ)	12,65% (123 ЛСВ)
Распутин	7,34% (89 ЛСВ)	22,76% (132 ЛСВ)	21,86% (148 ЛСВ)	14,50% (48 ЛСВ)	13,99% (136 ЛСВ)

В таблице 4 за 100 % принято количество единиц, входящих в лексическое подмножество РСС. Номинативная наполненность лексических подмножеств в текстах ЯЛ высчитывается относительно наполненности словарных подмножеств: цифры в ячейках, входящих в строки ЯЛ, – это процент наполненности лексического подмножества в текстах ЯЛ относительно наполненности лексического подмножества в РСС, – обозначим этот параметр как **относительная наполненность лексического подмножества**. Подобным способом рассчитывается **относительная наполненность лексико-семантического ряда**. В таких вычислениях за эталон (100 %) берется количество единиц, входящих в лексическое подмножество или ЛСР «Русского семантического словаря». Такие подсчеты позволяют увидеть, какую часть ресурсов определенного фрагмента языка ЯЛ использует в своих текстах, а

следовательно, насколько значимым для ЯЛ является тот или иной фрагмент лексической системы русского языка.

На наш взгляд, в сопоставительном исследовании идиолексиконов конкретных ЯЛ с национальной лексической системой определение соотношений значительно важнее, чем абсолютный количественный подсчет, поскольку в исследованиях такого рода всегда существуют погрешности, обусловленные разными причинами, начиная от различий в методиках выявления словозначений и заканчивая степенью внимания исследователя. Даже в Национальном корпусе русского языка существуют погрешности в количественных подсчетах.

Наше исследование вербально-семантического уровня трех языковых личностей показывает, что наиболее значительные различия в идиолексиконах данных авторов наблюдаются в лексических подмножествах 43 «Названия собственно оценки, обращения» и 13 «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами».

Сопоставление абсолютной и относительной наполненности лексических подмножеств и ЛСР в словаре и идиолексиконах языковых личностей помогает выявить особенности идиолектов на объективных основаниях. Рассмотрим данное утверждение на примере анализа четырех доминантных подмножеств, включающих названия лиц. (В настоящей работе мы не будем анализировать номинации совокупностей лиц, это тема отдельного серьезного исследования.)

Наш анализ начнем с описания **лексического подмножества 43 – «Названия собственно оценки, обращения»**, так как именно в нем наиболее ярко проявляются особенности идиолектов В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. В таблице 5 представлена абсолютная и относительная наполненность лексико-семантических рядов, входящих в лексическое подмножество «Названия собственно оценки, обращения». Проценты обознача-

ют наполненность индивидуального ЛСР относительно РСС, цифры в скобках – это количество единиц, входящих в ЛСР.

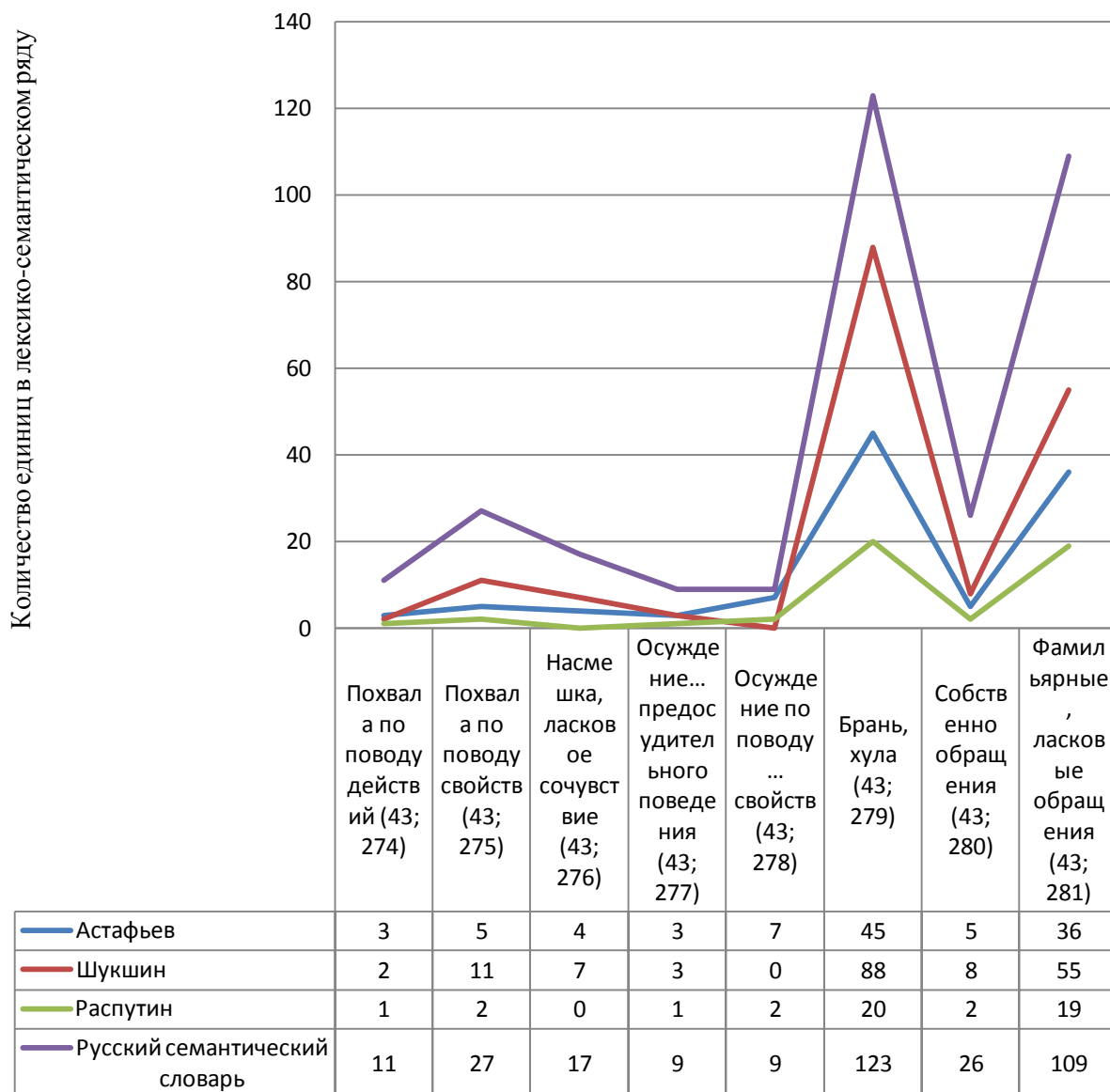
Таблица 5. Абсолютная и относительная наполненность ЛСР, входящих в лексическое подмножество 43 – «Названия собственно оценки, обращения»

	Похвала по поводу действий (43; 274)	Похвала по поводу свойства (43; 275)	На-смешка, ласковое сочувствие (43; 276)	Осужде-ние... предо-судительного поведе-ния (43; 277)	Осужде-ние по пово-ду... свойств (43; 278)	Брань, хула (43; 279)	Собст-венно обраще-ния (43; 280)	Фамиль-ярные, ласко-вые обра-щения (43; 281)
РСС	100% (11 ЛСВ)	100% (27 ЛСВ)	100% (17 ЛСВ)	100% (9 ЛСВ)	100% (9 ЛСВ)	100% (123 ЛСВ)	100% (26 ЛСВ)	100% (109 ЛСВ)
Астафьев	27,27% (3 ЛСВ)	18,52% (5 ЛСВ)	23,53% (4 ЛСВ)	33,33% (3 ЛСВ)	77,77% (7 ЛСВ)	36,59% (45 ЛСВ)	19,23% (5 ЛСВ)	33,03% (36 ЛСВ)
Шукшин	18,18% (2 ЛСВ)	40,74% (11 ЛСВ)	41,18% (7 ЛСВ)	33,33% (3 ЛСВ)	-	71,54% (88 ЛСВ)	30,77% (8 ЛСВ)	50,46% (55 ЛСВ)
Распутин	9,09% (1 ЛСВ)	7,40% (2 ЛСВ)	-	11,11% (1 ЛСВ)	22,22% (9 ЛСВ)	16,26% (20 ЛСВ)	7,69% (2 ЛСВ)	17,43% (19 ЛСВ)

Диаграмма 4 наглядно представляет соотношение наполненности ЛСР этого подмножества в РСС и в идиолексиконах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. В верхней строке таблицы диаграммы обозначены названия ЛСР, в скобках указан номер ряда в соответствии с РСС, первая цифра обозначает лексическое подмножество, цифра после точки с запятой – номер самого ЛСР. Цифры в ячейках отражают наполненность ЛСР.

В РСС в данном подмножестве доминантными ЛСР, то есть самыми наполненными, являются «Брань, хула» (43; 279) – 123 ЛСВ и «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения» (43; 281) – 109 ЛСВ. Эти же ряды являются доминантными у В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. В идиолексиконе Шукшина они максимально приближаются к эталону. (В приложении 1 единицы, входящие в ЛСР в текстах трех писателей, представлены в полном объеме.)

Диаграмма 4. Названия собственно оценки, обращения

Как можно объяснить разницу в наполненности ЛСР этого множества у трех языковых личностей?

1. Количество диалогов в рассказах В. М. Шукшина превышает количество диалогов в произведениях В. П. Астафьева и В. Г. Распутина, рассказы Шукшина театральны, речевому поведению персонажей в них уделено больше внимания, поэтому и обращений персонажей друг к другу в рассказах Шукшина гораздо больше.

2. Герои произведений В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина не похожи друг на друга, несмотря на то что все три автора,

как уже было сказано, относятся критиками к общему литературному направлению – к деревенской прозе. «Их произведения отличаются вниманием к выработанным веками и запечатленным в национальном характере чертам» [Холодкова, 2009, с. 4]. Но национальные характеры различны, часто они противоречивы, Д. С. Лихачев отмечал, что «правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален» [Лихачев, 1968, с. 137].

Персонаж художественного произведения может рассматриваться как модель реальной языковой личности [Караулов, 1989, с. 3–7]. По способности ЯЛ к кооперации в повседневном речевом поведении выделяют конфликтный, центрированный и кооперативный типы (см.: [Седов, 2016, с. 51]). Среди персонажей В. М. Шукшина много конфликтных ЯЛ, которые демонстрируют установку против партнера по коммуникации. «В основе этого типа характера лежит агрессивность, которая в коммуникативном поведении проявляется в разных речевых формах» [Там же, с. 2]. На вербально-семантическом уровне это проявляется в том, что количество бранной лексики в языке такой личности максимально.

«Для В. П. Астафьева конфликтное поведение человека может быть оправдано его активной жизненной позицией, стремлением жить для других» [Башкова, 2010, с. 690]. Шукшинские и астафьевские герои не стесняются выражать свои чувства, они часто дают оценки, как положительные, так и отрицательные. Многие герои В. Г. Распутина, в особенности старухи, погружены в себя, они больше думают, чем говорят. Они редко вслух оценивают собеседника: не только не ругают, но и не хвалят.

3. В. Г. Распутин старается не допускать бранной лексики в свои тексты, он ставит жесткие барьеры на пути брани. Если его персонажи ругаются, то писатель сообщает об этом, но не показывает, какими словами они это делают. В таком изображении проявляется отношение писателя к читателю.

Языковые личности персонажей в какой-то степени отражают черты реальных ЯЛ создателей текстов. В. М. Шукшин, будучи режиссером и сце-

наристом, вносил элементы театральности в свои рассказы, для него было важно внешнее проявление событий. Кроме того, по воспоминаниям современников, он не был сдержан в проявлении своих эмоций. В. П. Астафьев тоже ярко выражал свои эмоции в обычной жизни, был очень раскрепощенным, мог употребить сниженную эмоционально-оценочную лексику даже перед телекамерой, например в документальном фильме «Виктор Астафьев. Веселый солдат» (2010, режиссер Андрей Зайцев). В. Г. Распутин, напротив, был сдержанным человеком.

Лексическое подмножество 13 – номинаций лиц «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» в РСС включает 22 лексико-семантических ряда и 1212 единиц. Это самое наполненное подмножество РСС. В большинство составляющих его словозначений входит оценка, преимущественно отрицательная.

В таблице 6 представлена абсолютная и относительная наполненность составляющих подмножество 13 лексико-семантических рядов в проанализированных текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина.

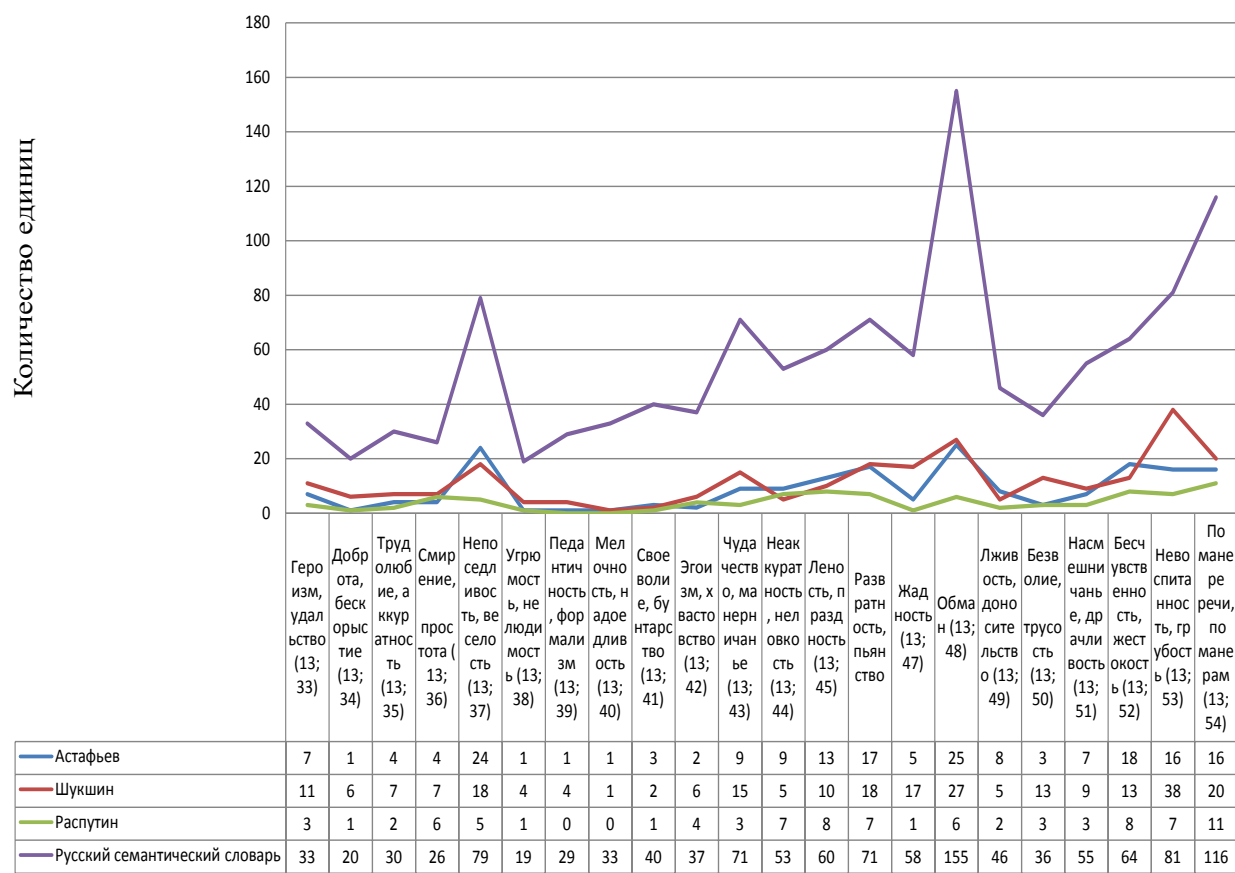
Диаграмма 5 показывает соотношение наполненности ЛСР, составляющих подмножество 13 в текстах писателей и в словаре.

Таблица 6. Абсолютная и относительная наполненность ЛСР, входящих в лексическое подмножество 13 – «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами»

Распутин	Шукшин	Астафьев	РСС – 100%	
3 / 9,09%	11 / 33,33%	7 / 21,21%	33	Героизм, удалство, подвижность (13; 33)
1 / 5%	6 / 25%	1 / 5%	20	Доброта, бескорыстие (13; 34)
2 / 6,66%	7 / 23,33%	4 / 13,33%	30	Трудолюбие, аккуратность (13; 35)
6 / 23,08%	7 / 26,92%	4 / 15,38%	26	Смирение, простота (13; 36)
5 / 6,33%	18 / 22,78%	24 / 30,38%	79	Непоседливость, веселость (13; 37)
1 / 5,26%	4 / 21,05%	1 / 5,26%	19	Угрюмость, нелюдимость (13; 38)
-	4 / 13,79%	1 / 3,45%	29	Педантичность, формализм (13; 39)
-	1 / 3,03%	1 / 3,03%	33	Мелочность, надоедливость (13; 40)
1 / 2,5%	2 / 5%	3 / 7,5%	40	Своеволие, бунтарство (13; 41)
4 / 10,81%	6 / 16,22%	2 / 5,4%	37	Эгоизм, хвастовство (13; 42)
3 / 4,23%	15 / 21,13%	9 / 12,68%	71	Чуждость, манерничанье (13; 43)
7 / 13,20%	5 / 9,43%	9 / 16,98%	53	Неаккуратность, медлительность (13; 44)
8 / 13,33%	10 / 16,66%	13 / 21,67%	60	Леность, праздность (13; 45)
7 / 9,86%	18 / 25,35%	17 / 23,94%	71	Развратность, пьянство (13; 46)
1 / 1,72%	17 / 29,31%	5 / 0,9%	58	Жадность, стяжательство, торгашество (13; 47)
6 / 3,87%	27 / 17,42%	25 / 16,13%	155	Обман, хитрость (13; 47)
2 / 4,35%	5 / 10,87%	8 / 17,39%	46	Лживость, доносительство (13; 49)
3 / 8,33%	13 / 36,11%	3 / 8,33%	36	Безволие, трусость (13; 50)
3 / 5,45%	9 / 16,36%	7 / 12,73%	55	Насмешничанье, драчливость (13; 51)
8 / 12,5%	13 / 20,31%	18 / 28,13%	64	Бесчувственность, жестокость (13; 52)
7 / 8,64%	38 / 46,9%	16 / 19,75%	81	Невоспитанность, грубость (13; 53)
11 / 9,48%	20 / 17,24%	16 / 13,79%	116	По манере речи, по манерам (13; 54)

Диаграмма 5. Номинации лиц по свойствам природы, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами

В РСС доминантными лексико-семантическими рядами в этом подмножестве являются следующие ряды:

1) «Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность» (13; 48) – 155 единиц;

2) «По определенной манере речи, говорения, вообще по манерам, внешним особенностям поведения, по отношению к еде» (13; 54) – 116 единиц;

3) «Невоспитанность, неразвитость, грубость, подлость» (13; 53) – 81 единица;

4) «Непоседливость, ловкость, бойкость, веселость, общительность, озорство» (13; 37) – 79 единиц;

5) «Чуждость, оригинальничанье, легкомыслие, щегольство, манерничанье» (13; 43) – 71 единиц;

б) «Развратность, волокитство, мотовство, беспутство, пьянство» (13; 46) – 71 единица.

Среди трех рассмотренных языковых личностей наиболее наполненным это подмножество является у В. М. Шукшина: оно включает 256 единиц, относительная наполненность составляет 21,12 % (см. таблицу 4). Во многом это связано с тем, что обилие эмоционально-оценочной лексики является отличительной чертой идиолексикона В. М. Шукшина.

В рассказах В. М. Шукшина доминантным является ЛСР «Невоспитанность, неразвитость, грубость, подлость». В этот ряд входит 38 единиц, относительная наполненность ЛСР составляет 46,9 %: *бессовестный, бесстыдник* (разг.), *бесстыдница, варвар, выродок, гад* (перен., прост. презр.), *гадина* (презр., разг.), *гнида, деревенский* (перен.), «*деревня*», *животный, зараза* (прост., бран.), *крот, наглец, нахал* (разг.), *нахалюга* (прост.), *охальник* (прост.), *падла, поганец* (прост.), *поганка* (прост.), *погань* (прост.), *подлец, подонок, прохвост* (разг. бран.), *проходимец* (разг. презрит.), *скот* (прост. бран.), *скотина, солдафон в юбке, стерва, стервец, стервоза, стерва* (прост. презр., бран.), *сучка, тварь* (прост., устар.), *урод, хам* (презр. бран.), *хамло* (прост. бран.).

Рассматриваемое лексическое подмножество в идиолексиконе В. П. Астафьева включает 194 единицы, его относительная наполненность – 16 % (см. таблицу 4). Для этого автора доминантным по наполненности в данном подмножестве является ЛСР «Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность», куда входит 25 единиц, относительная наполненность этого ряда – 16,13 %: *артист* (перен.), *артис, выжига* (прост.), *гусь* (перен.), *деляга* (прост. неодобр.), *жиган, жох* (прост.), *изуит, лизоблюд* (разг. презр.), *кликуша* (перен.), *лиса патрикеевна, ловкач* (разг.), *мошенник, плут, подхалим, прилипала, проныра* (разг.), *симулянт, стрикулилка, хитрован, хитрюга* (разг.), *холуй* (перен.), *шаромыжка* (прост.), *шаромыжник, шельма* (прост., также бран.).

По параметру относительной наполненности доминантным в этом подмножестве у В. П. Астафьева является ЛСР «Непоседливость, ловкость, бойкость, веселость, общительность, озорство» – 30,38 %, сюда входит 24 единицы: *баловень, бес* (перен.), *бродяга, зубоскал* (прост.), *зубоскалка, муха, оголец* (прост.), *озорник, оторви-голова, оторва, отчаюга, просмешница, разбойник, скиталец, сорвиголова* (разг.), *сорванец* (разг.), *ухарь* (разг.), *хохотун* (разг.), *хохотунья, хохотуша, чертененок, шпаненок, шустряга, шутник*.

У В. Г. Распутина, по сравнению с В. П. Астафьевым и В. М. Шукшиным, лексическое подмножество номинаций лиц «По свойствам природы, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» наполнено гораздо меньше: подмножество включает 89 единиц, относительная наполненность – всего 7,34 % (см. таблицу 4). Как уже было отмечено, негативной оценки людей писатель старался избегать, автор и его персонажи дают отрицательную оценку поступкам, результатам действия, а не человеку. В этом подмножестве у В. Г. Распутина доминантным по наполненности является ЛСР «По определенной манере речи, говорения, вообще по манерам, внешним особенностям поведения, по отношению к еде», в этот ряд входит 11 единиц: *бурлык, говорун* (разг.), *горлохват, дребезжалка, горлодерка, крикун, охальница, сорока, трекало, трепало, прорва*.

По параметру относительной наполненности у В. Г. Распутина доминантный ряд – это «Смирение, скромность, простота, наивность» – 23,08 %, ряд включает 6 единиц: *послушница* (прост.), *простак* (устар., прост.), *простота, простуша, ребенок, тихоня*.

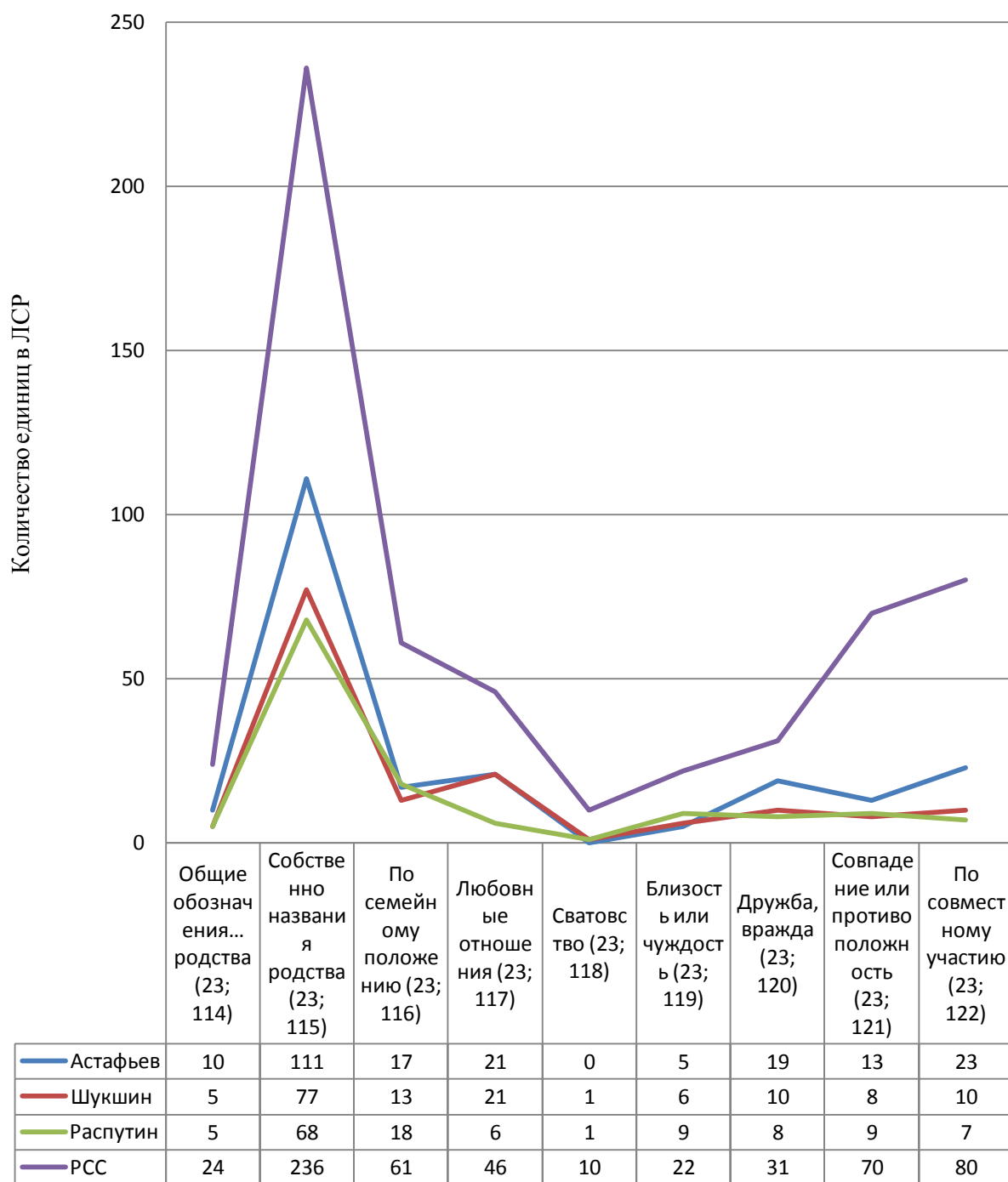
Таким образом, мы видим, что у трех авторов на первый план выходят разные свойства и черты характера человека:

- у В. М. Шукшина – невоспитанность, неразвитость, грубость, подлость;

- у В. П. Астафьева – непоседливость, бойкость, веселость, озорство, а также обман, хитрость, ловкачество;
- у В. Г. Распутина – смирение, скромность, простота, наивность, а также определенная манера речи, говорения.

Лексическое подмножество 23 – номинаций лиц «По личным, общественным отношениям, связям» в РСС включает 9 лексико-семантических рядов и 580 единиц. В РСС в этом подмножестве доминантным является ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения» (23; 114), он включает 236 единиц. Этот ряд является самым наполненным и у всех трех рассматриваемых писателей. Многие лингвисты отмечают, что родственные отношения занимают особое место в русской ЯКМ, так как семейные связи очень важны для русского человека. В языковом плане это проявляется в том, что названия лиц по родственным связям используются в качестве обращений к незнакомым людям: *мать, отец, браток, сестра, сынок* и т. д., на что указывает, например, [Кронгауз, 1999]. Прилагательное *родной*, в том числе и в субстантивированной форме, используется для обозначения высшей степени близости между людьми. Мы можем назвать родным близкого человека, который не является нашим родственником (см.: [Левонтина, 2012а]). Наше исследование это тоже подтверждает. Диаграмма 6 наглядно показывает преобладание названий родства в подмножестве 23.

Диаграмма 6. Названия лиц по личным, общественным отношениям, связям

В таблице 7 представлена относительная наполненность составляющих подмножество 23 лексико-семантических рядов в проанализированных текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина.

Таблица 7. Абсолютная и относительная наполненность ЛСР, входящих в лексическое подмножество 23 – «По личным, общественным отношениям, связям»

	Общие обозначения (23; 114)	Собственно названия родства, свойства, породнения (23; 115)	По семейному положению, по состоянию в браке, по месту или положению в семье (23; 116)	Любовные отношения, ухаживание (23; 117)	Сватовство, участие в свадебном обряде (23; 118)	Близость, знакомство или чуждость, неизвестность (23; 119)	Дружба, вражда, соперничество, союз (23; 120)	Совпадение или противоположность, сходство, несходство в чем-н. (во взглядах, в происхождении, в именовании и др.) (23; 121)	По совместному участию в чем-н., по совместному состоянию, по партнерству (23; 122)
РСС – 100%	24	236	61	46	10	22	31	70	80
Астафьев	10 / 41,67%	111 / 47,03%	17 / 27,87%	21 / 45,65%	-	5 / 22,73%	19 / 61,29%	13 / 18,57%	23 / 28,75%
Шукшин	5 / 20,83%	77 / 32,63%	13 / 21,31%	21 / 45,65%	1 / 10%	6 / 27,27%	10 / 32,26%	8 / 11,43%	10 / 12,5%
Распутин	5 / 20,83%	68 / 28,81%	18 / 29,51%	6 / 13,04%	1 / 10%	9 / 40,91%	8 / 25,81%	9 / 12,86%	7 / 8,75%

В этом лексическом подмножестве наиболее приближен к словарному эталону В. П. Астафьев, что отражено в диаграмме 6 и таблице 7. Чем это можно объяснить? Для того чтобы ответить на этот вопрос, ср. представленные в текстах писателей номинации человека, входящие в ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения». В таблице 8 лексические единицы, входящие ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения» расположены по семантическому принципу, курсивом выделены лексические единицы или формы, которые не зафиксированы в РСС.

Таблица 8. Собственно названия родства, свойства, породнения (23; 115)

Номинации в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева	Номинации в рассказах В. М. Шукшина	Номинации в повестях и рассказах В. Г. Распутина
<ol style="list-style-type: none"> 1. Отец 2. Батюшка 3. Папа 4. Папаша 5. Папка 6. Папуля 7. Родитель 8. Тятя 9. Тятенька (<i>тя-а-атенька-а-а</i>) 10. Тятька 11. Глава семейства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отец 2. Батя 3. Батька 4. Батюшка 5. Папа 6. Папаня 7. Папаша 8. Папка 9. Папочка 10. Родитель 11. Тятя 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отец 2. Батюшка 3. Папа 4. Папка 5. Родитель 6. Тятя 7. Тятька
<ol style="list-style-type: none"> 1. Мать 2. Матушка 3. Матуха 4. Мама (<i>мам</i>) 5. Мамочка 6. Мамонька 7. Мамка 8. Родительница 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мать 2. <i>Мать-старушка</i> 3. Матерь 4. Мама 5. Мамаша 6. «Мамка» 7. Мамочка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мать 2. Матушка 3. Матерь 4. Мама 5. Мамка 6. Мамынька
<ol style="list-style-type: none"> 1. Дед (деда) 2. Дедонька 3. Дедушка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дед 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дед 2. Дедушка
<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабушка 2. Баушка 3. Баба (<i>Баб! Ба-аб!</i>) 4. Бабка 5. Бабонька (<i>ба-абонька-а!</i>) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабушка 2. Баба 3. Бабка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабушка 2. Баба 3. Бабка 4. Бабуля
<ol style="list-style-type: none"> 1. Прадед 2. Глава рода 		<ol style="list-style-type: none"> 1. Прадед
<ol style="list-style-type: none"> 1. Прабабка 2. Прабабушка 		
<ol style="list-style-type: none"> 1. Сын 2. Сынок 3. Сыночек 4. Сынишка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сын 2. Сынишка 3. Сынок 4. Сыночек 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сын 2. Сынок 3. Сыночек 4. Хвост
<ol style="list-style-type: none"> 1. Дочь 2. Дочка 3. Доченька 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дочь 2. Дочка 3. Доченька 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дочь 2. Дочерь

4. <i>Доча</i>	4. <i>Доча</i>	
1. Внук 2. Внучек 3. <i>Мнучек</i> 4. <i>Мнученочек</i>	1. Внук 2. Внучек	1. Внук 2. Внучонок 3. <i>Бабенок</i>
1. Внучка 2. Внученька	1. Внучка	1. Внучка 2. Внученька 3. <i>Внука</i>
		1. Правнучка 2. <i>Девчонка-правнучонка</i>
1. Брат 2. Братец 3. Братик 4. Братишка 5. Братан	1. Брат 2. Братик 3. Братишка 4. Братан 5. Брательник 6. Братка	1. Брат (<i>братовья</i>) 2. Братишка
1. Сестра 2. Сестренка 3. Сестрица 4. Сеструха	1. Сестра 2. Сестренка 3. Сеструха	1. Сестра 2. Сестренка 3. Сестричка
1. Дядя 2. Дядюшка	1. Дядя	1. Дядя 2. Дядюшка
1. Тетка 2. Тетя 3. Тетушка	1. Тетка 2. Тетя	1. Тетка 2. Тетя 3. Тетушка
1. Племянник 2. Племянничек 3. Племяш	1. Племянник 2. Племянничек 3. Племяш	
1. Племянница	1. Племянница	1. Племянница
1. Муж 2. Муженек 3. Мужик 4. Супруг 5. «Сам» 6. Хозяин	1. Муж 2. Муженек 3. Хозяин	1. Муж 2. Муженек 3. Мужик 4. <i>Мой</i> 5. <i>Сам</i> 6. <i>Свой</i> 7. Хозяин
1. Жена 2. <i>Жана</i> 3. Женушка 4. <i>Жинка</i>	1. Жена 2. Баба 3. <i>Моя</i> 4. Половина	1. Жена 2. <i>Своя</i> 3. Хозяйка

5. Баба 6. Супруга 7. «Сама» 8. «Сяма» 9. Хозяйка	5. Супруга 6. Супружница 7. Хозяюшка	
1. <i>Свекр</i>		1. Свекор
1. Свекровь 2. Свекровка	1. Свекровь	1. Свекровь
	1. Тесть 2. Тестюшка	
	1. Теща	1. Теща
1. Зять	1. Зять 2. Зятек	1. Зять
1. Невестка	1. Невестка 2. Сноха	1. Невестка
1. Деверь		
1. Шурин 2. <i>Шуряк</i>		
1. Золовушка		
	1. Свояк 2. <i>Своячок</i>	1. Свояк
1. Свояченица		1. Свояченица
1. Сват	1. Сват	1. Сват
1. <i>Хресный</i>	1. Крестный	
1. Крестная 2. <i>Хресная</i> 3. <i>Лелька</i>		
1. Крестник 2. Крестничек 3. <i>Хресник</i>		
1. Кум (<i>кумэ</i>)	1. Кум	
1. Кума		
	1. Отчим	

1. Мачеха		
1. Пасынок		
1. Побратим		
<i>С дополнительной характеристикой по социальному, сословному положению</i>		
1. Генеральша 2. Декабристка 3. Купчиха 4. Куркуленок 5. Матросенок 6. Морячка 7. Попадья 8. Солдатка 9. Царевич	1. Генерал-адмиральша 2. Княжна 3. Царевна	1. Солдатка

Из этой таблицы видно, что преобладание номинаций в этом ЛСР в текстах В. П. Астафьева обусловлено следующими факторами:

1. В повести «Последний поклон», по сравнению с произведениями В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, собственно названия родства, свойства, породнения связаны с большим количеством денотатов. Перечислю родственников и свойственников, которых нет ни у Шукшина, ни у Распутина в проанализированных текстах: *прабабка, деверь, золовушка, шурин, крестная, крестник, кума, мачеха, пасынок, побратим*. Кроме того, в подгруппе ЛСВ со значением «С дополнительной характеристикой по социальному, сословному положению» у Астафьева 9 единиц, у Шукшина – 3, у Распутина – 1.

2. У В. П. Астафьева больше словообразовательных дериватов и фонетических вариантов, передающих диалектные и индивидуальные особенности произношения: *баушка, мнучек, мнученочек, хрестная, хрестный, хрестник*. Таким образом, в данном ЛСР проявилось такое свойство ЯЛ писателя, как стремление к разнообразию выразительных номинаций, многие из которых он употребляет лишь единожды.

Если же говорить о том, как приоритет В. П. Астафьева в этом лексическом множестве связан с его реальной личностью, то можно отметить, что

потеря матери и раннее сиротство, повлияли на то, что он особенно ценил большую семью бабушки и дедушки. Тема семьи, родства – одна из главных тем «Последнего поклона».

Относительная наполненность ЛСР в идиолексиконе ЯЛ тоже многое может сказать об особенностях индивидуально-авторской ЯКМ, представленной в определенной группе текстов. Так, по этому показателю доминантным рядом в идиолексиконе В. П. Астафьева является ЛСР «Дружба, вражда, соперничество, союз» – 61,29 % (19 единиц). Тема дружбы в «Последнем поклоне» – одна из ведущих. Вместе с тем в идиолексиконе В. П. Астафьева отсутствуют номинации лиц из ЛСР «Сватовство, участие в свадебном обряде», так как в «Последнем поклоне» и в других его текстах нет описания свадебного обряда, свадьбы. В этом отражаются обстоятельства личной жизни писателя и его поколения в целом, когда происходило разрушение традиционного уклада жизни, когда мужчина и женщина «сходились» и начинали семейную жизнь без свадьбы, без венчания, нередко и без регистрации в ЗАГСе.

Относительная наполненность ЛСР «Любовные отношения, ухаживания» в идиолексиконах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина очень высока – 45,65 %. Теме любовных отношений в их текстах уделяется больше внимания, чем в повестях и рассказах В. Г. Распутина, у которого относительная наполненность данного ЛСР составляет 13,04 %.

В целом, номинаций человека в повестях и рассказах В. Г. Распутина значительно меньше, чем в произведениях В. П. Астафьева и В. М. Шукшина, поэтому все ЛСР, в которых у В. Г. Распутина больше номинаций, чем у этих писателей, обращают на себя внимание. Так, относительная наполненность ЛСР «По семейному положению, по состоянию в браке, по месту или положению в семье» у В. Г. Распутина составляет 29,51%, что больше, чем у В. П. Астафьева и В. М. Шукшина. Традиционные семейные ценности для героев В. Г. Распутина очень значимы, поэтому все отклонения от нормального семейного положения обозначаются специаль-

ными лексемами: *безмужние, бобыль, вдова, вдовица, вдовушка, мать-одиночка, одиночка, приемши, семейные, сирота, сиротинушка*, – также отмечается положение ребенка в семье: *заскребыш, заскребушка, младшенький, младший, первенец, средний, старший*.

ЛСР «Близость, знакомство или чуждость, неизвестность» по параметру относительной наполненности у В. Г. Распутина, по сравнению с В. П. Астафьевым и В. М. Шукшиным, также выходит на первое место – 40,91 %. В данный ЛСР у писателя входят следующие лексические единицы: *встречный, знакомый, знакомец, незнакомый, неродной, посторонний, свой, чужачка, чужой*. Эксплицитная оценка по признаку ‘близость/чуждость’ имеет большое значение в его текстах. Примеры: *«Так и жила – не своя и не чужачка; должно быть, так же, как деревенских, держала она на расстоянии и Савелия»* [Распутин. Изба]; *«– Ой, не трави ты мое сердце! – обмирала Настасья и прижимала к груди дряблые руки, закрывала глаза. – Я там в одну неделю с тоски помру. Посередь чужих-то!»* [Распутин. Прощание с Матерой]; *«У нас мужики извеку, почитай, все свои были, материнские. Чужих не сильно примали»* [Распутин. Прощание с Матерой]; *«– Не мы с тобой стали никому не нужными, а все кругом, все! Время настало такое провальное, все сквозь землю провалилось, чем жили... Ничего не стало. Встретишь знакомых – глаза прячут, не узнают»* [Распутин. В ту же землю].

Таким образом, в лексическом подмножестве номинаций лиц «По личным, общественным отношениям, связям» проявилось различие между персонажами и самими языковыми личностями трех рассматриваемых писателей: коллективизм героев В. П. Астафьева, для которого родственные и дружеские отношения составляют наибольшую ценность; настороженное отношение к чужакам героев произведений В. Г. Распутина; значимость любовных отношений для героев В. П. Астафьева и В. М. Шукшина.

Лексическое подмножество 42 – номинаций лиц «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» в «Русском семантическом словаре» включает 677 номинаций, распределен-

ных по 12 лексико-семантическим рядам. Доминантным в РСС является ЛСР «По виду заболеваний, аномалий, отклонений» (42; 269), который включает 215 единиц. Второе место занимает ЛСР «По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте, по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости)» (42; 266), в него входит 114 единиц. На третьем месте находится ЛСР «По полу, а также по полу и возрасту» (42; 262) – 85 единиц. Эти три ряда значимы и для наших писателей, однако распределение позиций между ними иное.

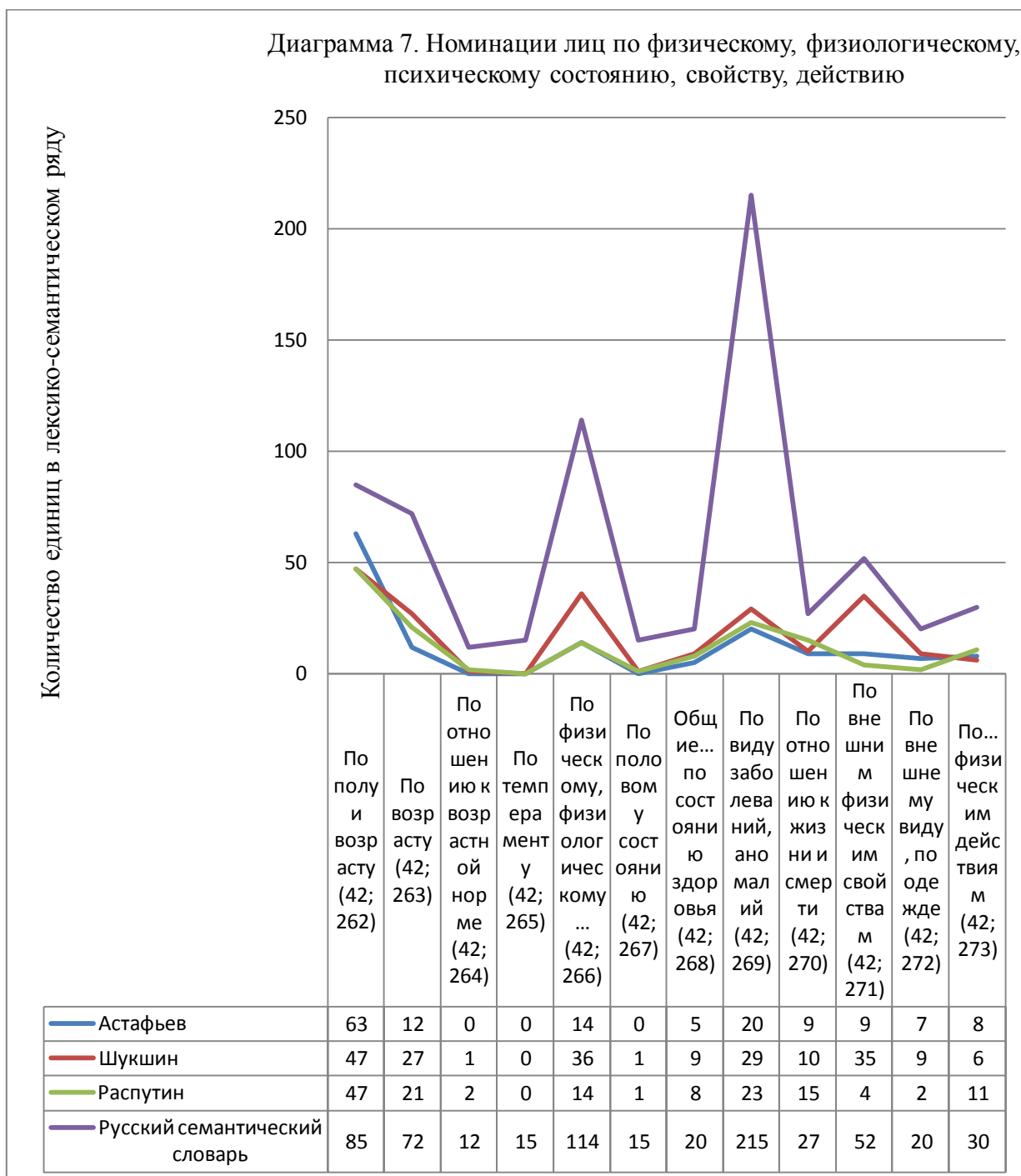

Таблица 9. Абсолютная и относительная наполненность ЛСР, входящих в лексическое подмножество 42 – номинаций лиц «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию»

Распутин	Шукшин	Астафьев	РСС – 100%	
47 / 55,30%	47 / 55,30%	65 / 76,47%	85	По полу, а также по полу и возрасту (42; 262)
21 / 29,17%	27 / 37,5%	12 / 16,67%	72	По возрасту, а также по возрасту в сочетании с другими характеристиками (42; 263)
2 / 16,67%	1 / 8,33%	-	12	По отношению к возрастной норме, возрастному рубежу (42; 264)
-	-	-	15	По темпераменту, психическим наклонностям, психической или генетической предрасположенности к чему-н. (42; 265)
14 / 12,28%	36 / 31,58%	14 / 12,28%	114	По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте, по чувству сытости или голода, по состоянию презреости) (42; 266)
1 / 6,67%	1 / 6,67%	-	15	По половому состоянию, по отношению к деторождению (42; 267)
8 / 40%	9 / 45%	5 / 25%	20	По состоянию здоровья, по отношению к жизни и смерти. Общие обозначения (42; 268)
23 / 10,70%	29 / 13,49%	20 / 9,30%	215	По виду заболеваний, аномалий, отклонений (42; 269)
15 / 55,56%	10 / 37,04%	9 / 33,33%	27	По отношению к жизни и смерти (42; 270)
4 / 7,70%	35 / 67,31%	9 / 17,31%	52	По внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или не привлекательности (42; 271)
2 / 10%	9 / 45%	7 / 35%	20	По внешнему виду, по одежде (42; 272)
11 / 36,67%	6 / 20%	8 / 26,67%	30	По разовым или характерным физическим действиям (42; 273)

У всех рассмотренных авторов доминантным по количеству входящих единиц является ЛСР «По полу, а также по полу и возрасту»: у

В. П. Астафьева в этот ряд входит 67 единиц, его относительная наполненность – 76,47 %; у В. М. Шукшина и В. Г. Распутина ряд включает по 47 единиц, его относительная наполненность – 55,30 %. В таблице 10 номинации этого ЛСР распределены по семантическим признакам ‘пол’ и ‘возраст’.

Таблица 10. Номинации лиц, входящие в ЛСР
«По полу, а также по полу и возрасту» (42; 262)

		Номинации в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева	Номинации в рассказах В. М. Шукшина	Номинации в рассказах и повестях В. Г. Распутина
Номинации лиц женского пола	Старший возраст	1. Баба 2. <i>Старая</i> 3. Старуха 4. Старушка 5. Старушонка	1. Бабка 2. <i>Старая</i> 3. Старуха 4. Старушка	1. Бабка 2. Бабушка 3. <i>Старая</i> 4. <i>Старуня</i> 5. Старуха 6. Старуха-хозяйка 7. Старушка
	Средний и молодой возраст	1. Баба 2. Бабенка 3. <i>Бабонька</i> 4. Дама 5. Дамочка 6. Женщина 7. Молодка 8. Молодуха 9. «Тета» 10. <i>Тетанька</i> 11. Тетенька 12. Тетка 13. Тетя	1. Баба 2. Бабенка 3. Бабочка 4. Дама 5. Женщина 6. Тетенька 7. Тетка 8. Тетя	1. Баба 2. Бабенка 3. <i>Бабешка</i> 4. <i>Бабонька</i> 5. Женщина 6. Молодайка 7. Молодка 8. Молодуха 9. <i>Полбабы</i> 10. Тетка 11. Тетя
	Молодой возраст	1. Деваха 2. Девица 3. Девка 4. <i>Невка</i> 5. Девушка 6. <i>Деушка</i> 7. <i>Дешка</i> 8. Молодица	1. Дева 2. Деваха 3. Девица 4. Девка 5. Девушка 6. Дивчина 7. <i>Телка</i>	1. Дева 2. Деваха 3. Девица 4. <i>Девица-молодица</i> 5. Девка 6. Девушка 7. <i>Телка</i>
	Детский возраст	1. Девочка 2. Девчонка 3. Девчушка 4. <i>Мокрошиэлка</i> 5. <i>Сикуха</i>	1. Девочка 2. Девчонка 3. Девчушка	1. Девочка 2. Девчонка 3. Девчушка

Номинации лиц мужского пола	Старший возраст	1. Старец 2. Старик 3. Старикан 4. Старичок 5. <i>Старичонка</i> 6. <i>Старый</i>	1. Дед 2. <i>Дедун</i> 3. Дедушка 4. Старик 5. Старичок 6. <i>Старичочек</i> 7. <i>Старый</i>	1. Дед 2. <i>Дедка</i> 3. Дедушка 4. Старик 5. Старичок 6. <i>Старый</i>
	Средний возраст	1. Дядя 2. Дядька 3. Дяденька 4. Мужик 5. Мужичище 6. Мужичок 7. Мужичонка 8. Мужчина 9. <i>Мушшина</i>	1. Дядя 2. Дяденька 3. Мужик 4. Мужичок 5. Мужичонка 6. Мужина	1. Дядя 2. Мужик 3. Мужичок 4. Мужичонка 5. Мужчина
	Молодой возраст	1. Малый 2. Молодец (доб- рый) 3. <i>Парняга</i> 4. Парень 5. <i>Палень</i> 6. Юноша	1. Малый 2. <i>Парняга</i> 3. Парень 4. Юноша	1. Молодец 2. Парень 3. Парнишка
	Детский возраст	1. Малец 2. <i>Малой</i> 3. Мальчик 4. Мальчишка 5. Мальчонка 6. Отрок 7. <i>Пареван</i> 8. Паренек 9. <i>Парничек</i> 10. Парнишка 11. Парнишечка 12. <i>Парнишонка</i> (<i>парнишонка</i>) 13. Хлопец	1. Мальчик 2. <i>Мальчишечка</i> 3. Мальчишка 4. Отрок 5. Паренек 6. Парнишка 7. Пацан	1. Малый (<i>старый</i> <i>да малый</i>) 2. Мальчик 3. <i>Мальчишечка</i> 4. Мальчишка 5. Мальчонка 6. Пацан

Большее номинативное разнообразие идиолексикона В. П. Астафьева, по сравнению с В. М. Шукшиным и В. Г. Распутиным, в данном ЛСР, как и в ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения», связано с вхождением в текст «Последнего поклона» большого количества словообразовательных дериватов и фонетических вариантов, отражающих особенности диалектной и индивидуальной речи героев произведения.

Из таблицы 10 видно, что в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева и в рассказах В. М. Шукшина преобладают номинации лиц мужского пола: 34 и 24 единицы (против 31 и 22 номинаций лиц женского пола соответственно). В рассказах и повестях В. Г. Распутина преобладают номинации лиц женского пола: 28 единиц (против 20 номинаций лиц мужского пола). В какой-то степени такое распределение отражает мужской взгляд на мир в текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина и женский – в текстах В. Г. Распутина, главными героинями многих его произведений являются женщины. (К этой проблеме мы еще вернемся в дальнейшем тексте настоящей работы.)

Абсолютная и относительная наполненность ЛСР, включающих номинации лиц в текстах трех рассматриваемых ЯЛ, отражает особенности их идиостилей и индивидуально-авторских ЯКМ.

Диаграмма 7 и таблица 9 показывают, что В. М. Шукшин в значительно большей степени, чем В. П. Астафьев и В. Г. Распутин, использует номинации лиц «По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте)», номинации лиц «По внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или непривлекательности», а также номинации лиц «По внешнему виду, по одежде».

Номинации «По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте)» в рассказах В. М. Шукшина: *богатырь, боров гладкий, бугай, верзила, верста коломенская, громадина, грудастый, детина, длинный, долговязый, доска, жердь, жеребец, журавль, загогулина, здоровячка, земледав, колода, корова, корсак, крепыш, мордастый, недомерок, несильный, оглобля, окорок, палка, полненькая, сгусток неизработанных мышц и сала, сильный, стройненькая, толстый, туша, худой, шкелет* (жирным шрифтом выделены слова, не вошедшие в «Русский семантический словарь».)

Примеры: «*Пришел... и оторопел: на диване, где он вчера еще вольно полулежал, весьма тоже вольно полулежал здоровый бугай в немыслимой рубашке, сытый, даже какой-то светлый от сытости*» [Шукшин. Привет

Сивому]; «Сам Колька Малашкин, губастый **верзила**, нахально смотрел маленькими глазками...» [Шукшин. Думы]; «Эта... назовем ее молодая **Здоровячка**, эта от души кокетничала, хихикала, может, даже волновалась. Такие обычно стоят на обочине трактов, на станциях, здоровые, не то что глупые, но... не интеллектуалки, смотрят на проезжающие машины, поезда и чего-то терпеливо ждут» [Шукшин. Хмырь].

Номинации «По внешним физическим свойствам» в рассказах В. М. Шукшина: **бледный, большеголовый, волосатик, длинноволосый, косматый, красноглазый, красношарый, кривоносик, кудрявый, курносенькая, курносый, курчавый, кучерявый, лобастый, лысан, лысая коленка, лысый, носатый, пучеглазая, руль, рыжая, рыжий, синеглазый, синеокая, скуластый, смуглый, усатый, чернобровая**; номинации «По внешней привлекательности или непривлекательности»: **богиня (очкастая), грация, кикимора болотная, краля, красавец, красавица, образина косая, терка**.

Примеры: «Я зевал, **рыжий** тоже позевывал... Было ему лет тридцать, крепкий, весь рыжий-рыжий, а глаза голубые» [Шукшин. Рыжий]; «**Большеголовый** прикурил, заботливо отмахнул от окна белое облачко дыма» [Шукшин. Заревой дождь]; «– Ну и радуйся... со своей **пучеглазой**» [Шукшин. Вечно недовольный Яковлев]; «**Усатый** опять смотрел на Костю, и опять глаза его круглые слабо осветились жизнью: опять ему стало интересно» [Други игрищ и забав]; «С утра, часов в девять, на скамейку под моим балконом садятся три **грации** и беседуют. Обо всем: о чужих мужьях, о политике, о прохожих...» [Шукшин. Три грации].

Номинации «По внешнему виду, по одежде» в рассказах В. М. Шукшина: **больничные пижамы, голяшка, замухрышка, лахудра, очкарик, плащ, полосатый, хромовые сапоги, чучело, шляпа**.

Примеры: «Эта история о том, как Михаил Александрович Егоров, кандидат наук, длинный, сосредоточенный **очкарик**, чуть не женился» [Шукшин. Привет Сивому]; «Собрались три бледно-зеленые **больничные пижамы** решать вопрос: как мужику в одной лодке переплавить через реку

волка, козу и капусту?» [Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту]; «Третья бледно-зеленая **пижама** – это Курносый» [Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту]; «– Ну!.. Но мы знаете, что делаем? Мы эти обычные манкируем, а собираемся одни мужчины, заказываем какой-нибудь такой... с **голяшками**... Не уважаете? – Семен Иванович неуверенно посмеялся. – Интересно вообще-то!» [Шукшин. Генерал Малафейкин]; «И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, **замухрышка**, можно сказать» [Шукшин. Наказ].

Из 80 единиц, входящих в данные ЛСР, 56, то есть 70 %, не включены в «Русский семантический словарь», это субстантивированные прилагательные и просторечные слова в переносных значениях, метафорически репрезентирующие человека по внешним качествам. Такие номинации – яркая особенность идиостиля В. М. Шукшина, свидетельствующая о театральности, сценичности его рассказов, как и наличие большого количества диалогов, о чем было сказано выше. Как видно из приведенных примеров, данные номинации обладают как предикатной, так и конкретной референцией, даже могут использоваться вместо имени собственного (*Здоровячка*). Во многих случаях внешние признаки – это символ социальных и/или психологических качеств человека: «– *Ти-ха!* – *вовсю разошелся Максимыч.* – *Вы – хромовые сапоги, а я – лапоть.* Но я умею останавливать истерики. Я специалист по истерикам...» [Шукшин. Ночью в бойлерной].

В рассмотренных повестях и рассказах В. Г. Распутина номинаций человека «По отношению к жизни и смерти» намного больше, чем в рассказах В. М. Шукшина и в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева: **виселец**, **живой**, **живший**, **жилец**, **мертвец**, **мертвый**, **неживой**, **покойник**, **покойник-отец**, **покойница**, **почивший**, **убитый**, **умерший**, **усопшая**, **утопленник**.

Пример: «*Спала Матера-деревня. Старухам снились сухие тревожные сны, которые слетали к ним уже не по первой очереди, но старухи о том не знали. Только ночами, отчалив от твердого берега, сносятся живые с*

мертвыми, – приходят к ним мертвые в плоти и слове и спрашивают правду, чтобы передать ее еще дальше, тем, кого помнили они. И много что в беспмятстве и освобожденности говорят живые, но, проснувшись, не помнят и ищут последним зряшным видениям случайные отгадки» [Распутин. Прощание с Матерой].

Главные героини повестей В. Г. Распутина «Последний срок», «Прощание с Матерой», рассказов «В ту же землю», «Изба» – это старухи, завершающие свою жизнь. Соотношение жизни и смерти является одной из главных тем данных произведений и важным фрагментом индивидуально-авторской картины мира писателя. Все это обуславливает большое количество номинаций человека «По отношению к жизни и смерти» в произведениях В. Г. Распутина, в большинстве случаев эти номинации имеют обобщенную референцию, как в приведенном примере, что говорит о философичности идиостиля этого автора.

Завершая семантический и квантитативный анализ четырех лексических подмножеств, являющихся доминантными в идиолексиконах трех писателей, отметим, что на первом месте по наполненности у В. П. Астафьева и В. Г. Распутина находится ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения», на втором – ЛСР номинаций «По полу, а также по полу и возрасту». Эти ЛСР значительно превосходят все остальные по количеству входящих в них единиц. У В. М. Шукшина эти ЛСР занимают второе и четвертое места соответственно (на первом месте находится ЛСР «Брань, хула», на третьем – ЛСР «Фамильярные, ласковые обращения»). Функции названий родства и номинаций по полу и возрасту в высказывании схожи: те и другие преимущественно выполняют идентифицирующую функцию, обладая конкретно-референтным денотативным статусом.

Разница же этих номинаций в том, что названия родства фиксируют постоянный статус референта по отношению к другому лицу: номинации *мать* и *отец* указывают на уникальный статус человека по отношению к конкретному лицу, другие названия родственников тоже обозначают ограни-

ченный круг лиц. Вследствие этого названия родства могут использоваться вместо имен собственных, в подавляющем большинстве контекстов у названий родства определенная референция. В предложениях, выражающих идентификацию, названия родства выполняют функцию предиката (ниже см. пример 4).

Примеры 1, 2: *«Гулевой, ветреный, к устойчивому труду мало склонный, **папа** мой был еще и люто ревнив – стоило ему попасть с **мамой** в компанию, как он принимался шиньгать ее, щипать до синяков, чтоб она "не заглядывалась на других", и до того довел молодую женщину, что сгребла она его однажды в беремя и потащила в Енисей. Уж на мостках **папу** отобрали»* [Бурундук на кресте // Астафьев. П. п. Кн. 2]; *«О том, что я у Зыряновых долго не нажил бы, **бабушка** умолчала, а о том, что **родитель** мой, дорогой **папуля**, «из прынцыпу» не отдал бы меня «в люди», помалкивал я»* [Заберега // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В приведенных примерах у существительных *папа, мама, бабушка, родитель, папуля* конкретно-референтный определенный денотативный статус, у существительного *папуля*, выполняющего в высказывании синтаксическую функцию обособленного приложения, этот статус совмещается с предикативным.

Номинации лиц по полу и возрасту используются для указания на незнакомых и на знакомых людей, в тексте у этих существительных может быть определенная, неопределенная и обобщенная референция.

Пример 3: *«Мы вкатились в старый двор с гостеприимно распахнутыми резными воротами, возле которых, прихватив у горла толстовязаную шаль, стояла **женщина** (1), приветливо, однако без улыбки нам кланяясь.*

*Эта **женщина** (2) и отхаживала меня, засунув мои ноги в лохань со снегом. Боясь громко орать в тихой, беленькой, пахнувшей травами, пихтой, лампадным маслом и свежей известкой избушке, я ронял слезы на половики, в лохань, на горячую железную печку, и **женщина** (3) шепотом, но настойчиво просила меня отворачиваться, чтоб на печку слезы не ронять – «гла-*

зоньки испекутся, красной болезнью покроются» [Бурундук на кресте // Астафьев. П. п. Кн. 2].

Пример 4: «Пока мы с Мишей обнимались, плакали да месили гряды сапогами, прошло, видать, немало времени, потому что, когда я оторвался от Миши, возле нас уже толклось несколько ребятишек, как на подбор веснушчатых, в стороне стояла в телогрейке, из-под которой свисал мокрый холщовый фартук, крепкая и тоже конопатая **женщина** (1).

– **Моя жена** (2). **Полиной** (3) зовут, – слышим от слез голосом возвестил Миша и, почему-то застеснявшись, улыбнулся, обводя вокруг себя рукой: – А это ребятишки... наши...

Я подошел и подал **Полине** руку» [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Слово *женщина* (1), появляясь впервые в приведенных для примера контекстах, имеет неопределенную конкретную референцию, обозначает неизвестное автору и читателю лицо, на что указывает порядок слов: препозиция предикатов, в обоих случаях выраженных глаголом *стояла*.

Дальнейшая идентификация лица, обозначенного существительным *женщина*, в этих примерах осуществляется по-разному. В примере 3 для этой цели используется указательное местоимение *эта*, и в последующем тексте слово *женщина* употребляется уже без идентифицирующего конкретизатора, обозначая конкретного определенного человека, то есть субъекта с конкретно-референтным определенным денотативным статусом.

В примере 4 акт идентификации осуществляется в два приема: сначала Миша сообщает, что женщина является его женой, а затем называет ее имя *Полина*, в дальнейшем тексте женщина обозначается именем собственным *Полина*, так как произошел переход от знания к знакомству. (О разных типах идентифицирующих предложений см.: [Арутюнова, 1976].)

Пример 5: «Я потянул носом и вспомнил шорницкую, **Дарью Митрофановну** – надо будет занести ей на вареве–два мяса, вот обрадуется **женщина**» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В примере 5 слово *женщина* обозначает субъекта с конкретно-референтным определенным денотативным статусом, замещая имя собственное в тексте, подобно анафорическому местоимению. Препозиция предиката в этом примере не является показателем неопределенной референции, обратный порядок слов выражает экспрессивность разговорной речи.

Пример 6: «*Но все же кое-где играли **ребятишки**, шли в потребилровку **женщины** и, конечно же, обращали внимание на меня, иной раз довольно пристальное*» [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В примере 6 у субъектов, репрезентированных существительными *ребятишки* и *женщины*, конкретно-референтный неопределенный денотативный статус, выражение которого в данном высказывании осуществляется с помощью порядка слов (препозиции предикатов *играли* и *шли*) и локатива, репрезентированного местоименным наречием *кое-где* с неопределенным значением.

Пример 7: «*Примостившись на край стола мягко раздавшимся задом, она закуривала и, когда я снова принялся за еду, еще спросила: – Не знаешь, что ли, **мужчине женщину** бить не полагается?..*» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].

Пример 8: «*А чтобы жарков, стародубов или саранок нарвать – этого **мужики** никогда не делают и детей своих сызмальства приучают дразнить и презирать людей вроде Васи-поляка, сапожника Жеребцова, печника Махунцова и всяких других самоходов, падких на развлечения, но непригодных для охотничьего промысла*» [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В примерах 7 и 8 у субъектов, репрезентированных номинациями лиц по полу *мужчина*, *женщина*, *мужики*, родовой денотативный статус. В примере 7 обобщение связано с ирреальной модальностью запрета, выраженного глаголом с отрицательной частицей: *не полагается*. В примере 8 генерализованное значение выражено темпоративом с обобщающим значением *никогда*.

Таким образом, ‘пол’, ‘возраст’, ‘родство’ – это наиболее значимые параметры при описании человека, поэтому номинации лица по полу и возраст-

ту можно использовать в тексте для идентификации даже незнакомых людей, а номинации по родственным связям можно употреблять в высказывании вместо имени собственного. Совокупный экстенционал существительных, обозначающих человека по признакам 'пола', 'возраста', 'родства', охватывает всех людей на Земле и не имеет территориальных, временных и социальных ограничений. Все это является основой того, что существительные из ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения» и ЛСР номинаций лиц «По полу, а также по полу и возрасту» активно используют все авторы. При этом относительная наполненность последнего из названных ЛСР наиболее высокая у всех трех языковых личностей: у В. П. Астафьева – 76,47 %, у В. Г. Распутина и В. М. Шукшина – 55, 3 %. Относительная наполненность ЛСР «Собственно названия родства, свойства, породнения» ниже: у В. П. Астафьева – 47,03 %, у В. М. Шукшина – 33,9 %, у В. Г. Распутина – 29,51 %. В то же время по абсолютной наполненности ЛСР соотношение количественных показателей иное (см.: диаграмму 7 и таблицу10).

Данная закономерность – это проявление **принципа обратной зависимости величины относительной наполненности**: чем более наполнен словарный ЛСР, тем меньше его относительная наполненность в текстах ЯЛ. Два ЛСР с одинаковой абсолютной наполненностью в текстах ЯЛ по своей относительной наполненности могут существенно различаться. Так, ЛСР «По виду заболеваний, аномалий, отклонений» в словаре включает 215 единиц, у В. П. Астафьева в этот ряд входит 20 единиц, его относительная наполненность – 9,3 %, у В. М. Шукшина в этот ЛСР входит 29 единиц, его относительная наполненность – 13,49 %, у В. Г. Распутина абсолютная наполненность этого ряда – 23 единицы, относительная наполненность – 10,7 %. Словарный ЛСР «Любовные отношения, ухаживание» включает 46 единиц, у В. П. Астафьева и В. М. Шукшина в этот ряд входит по 21 единице, его относительная наполненность у обоих авторов – 45,65 %.

Таким образом, относительная наполненность ЛСР – это показатель того, в какой степени ЯЛ использует потенциал лексической системы данного языка. Высокая величина относительной наполненности какого-либо лексико-семантического ряда у большого числа языковых личностей – показатель освоенности, востребованности данного фрагмента лексической системы в определенный период.

Исследование типичных черт и индивидуальных особенностей языковых личностей может проводиться разными способами. Во-первых, можно сравнить несколько или много ЯЛ и выяснить, чем они отличаются, а чем похожи. Во-вторых, можно выяснить, в какой мере ЯЛ реализует в своих текстах возможности, предоставляемые языковой системой, и на основании этого делать выводы о типичном и индивидуальном в языке личности. Предлагаем совместить данные подходы. Для этого необходимо оттолкнуться от исследования, в котором система языка представлена наиболее полно и адекватно, кроме того, такое описание должно иметь удобную для использования форму. На наш взгляд, для описания вербально-семантического уровня ЯЛ наиболее подходит модель описания лексических значений, представленная в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Иерархическая классификация словозначений, учитывающая грамматические признаки (частеречную принадлежность) и лексические признаки (характеризующий и субъективно-оценочный компоненты словозначения), позволяет анализировать всю лексику, входящую в тексты ЯЛ, без остатка. Наполненность словарного лексико-семантического ряда мы принимаем за условный эталон и по отношению к нему определяем, в какой мере ЯЛ использует возможности языковой системы. Применяя методы условно-эталонного количественного и количественно-сопоставительного семантического анализа и сравнивая, как несколько языковых личностей реализуют потенциал национальной лексической системы в своих текстах, мы можем делать выводы об особенностях их вербально-семантического уровня и о том, какие фрагменты

языковой системы наиболее востребованы в текстах тех или иных типов языковых личностей.

Таким образом, использование «Русского семантического словаря» в качестве матрицы для анализа идиолексона русской ЯЛ и обращение к словарному лексико-семантическому ряду как условному эталону для измерения относительной наполненности индивидуального лексико-семантического ряда позволяет сделать следующее:

1. Соотнести идиолексон с национальным лексиконом.
2. Представить особенности идиолексона в цифровом выражении и обратить внимание на его неявные, но значимые особенности.
3. Перейти от анализа идиолексона к анализу идиостиля и индивидуально-авторской ЯКМ и выявить их типические и индивидуальные черты на объективных основаниях.

В заключение подчеркнем, что в таком анализе более значимы не точные цифры, отражающие количество лексических единиц (поскольку есть много факторов, влияющих на результат подсчетов). Более значимо выявление соотношений:

- 1) между индивидуальным и национальным лексиконом;
- 2) между лексико-семантическими рядами, входящими в идиолексон одной ЯЛ;
- 3) между лексико-семантическими рядами, принадлежащими разным ЯЛ.

3.4. Модус предложения как актуализатор лексической персонсемантики

В число задач семантической персонологии, как было отмечено ранее, входит задача выявления **лексической персонсемантики** – компонентов семантики слова, отражающих те или иные свойства ЯЛ: социальные, ментальные и психологические характеристики автора текста, в который входит

анализируемое слово. В настоящей работе рассматривается семантика слова в художественном тексте, где всегда проявляются личностные смыслы, поскольку «художественное значение слова в принципе всегда индивидуально, лично, так как в полной мере оно может быть раскрыто только в пределах художественного произведения, которое всегда уникально» [Поцепня, 1997, с. 86–87]. Основные положения данного паранрафа ранее опубликованы в: [Башкова, 2018, с. 105–111].

Важным фактором актуализации лексической персонсемантики, являются **модусные категории** – субъективные смыслы предложения, в которое включено слово. Положения о модусе и модусно-диктумном устройстве высказывания развивали многие ученые: Т. Б. Алисова, В. А. Белошапкова, Э. Бенвенист, А. Вежбицкая, М. В. Всеволодова, В. Г. Гак, Т. А. Демешкина, Г. А. Золотова, Т. А. Колосова, М. В. Ляпон, Е. В. Падучева, Н. И. Формановская и др. (обзор работ см.: [Гричин, 2017, с. 7]). Наше исследование опирается на теорию модуса Т. В. Шмелевой, которая представляет модусные категории как системный комплекс смысловых признаков – модус-потенциал.

Взаимодействие модусных категорий предложения с персонсемантикой слова рассмотрим на примере функционирования существительного *учитель* и его дериватов в повести В. П. Астафьева «Последний поклон», в рассказах В. М. Шукшина и В. Г. Распутина.

В следующей таблице отражено количество использования указанных слов в проанализированных нами текстах:

Таблица 11. Количество употреблений слова *учитель* и его дериватов

В. П. Астафьев. Последний поклон	В. М. Шукшин. Рассказы	В. Г. Распутин. Рассказы и повести
Учитель – 84 Учительница – 13 Учителка – 4 Учительша – 2	Учитель – 92 Учительница – 30 Училка – 1 Учительша – 2	Учитель – 5 Учительница – 12

В «Русском семантическом словаре» представлено три значения слова *учитель*:

1. Специалист, обучающий чему-н., преподаватель || ж. *учительница*.
2. Глава, основатель какого-н. учения.
3. Человек, к-рый учит кого-н., обычно важному, большому [РСС, с. 163, 168, 232].

«В «Последнем поклоне» слово *учитель* употребляется в первом значении, однако во многих контекстах первое и третье значения совмещаются: высокая оценка, включенная в третье значение, в произведении В. П. Астафьева включена в первое значение рассматриваемого слова. В рассказах В. М. Шукшина и В. Г. Распутина тоже наблюдается такое словоупотребление.

В книге «Последний поклон» в рассказе «Фотография, на которой меня нет» В. П. Астафьев рисует образ идеального учителя, работающего в сельской школе, в рассказе «Без приюта» дан крайне негативный образ учительницы географии, показано, каким не должен быть учитель. В рассказах В. М. Шукшина и В. Г. Распутина преобладают положительные образы учителей. Таких отрицательных образов, как у В. П. Астафьева, нет.

Из всех модусных категорий в предложениях со словом *учитель* и его дериватами обращают на себя внимание следующие категории» [Башкова, 2018, с. 107].

«**Метакатегории модуса** осмысляют высказывание относительно условий и условностей общения. В этот разряд модусных категорий входят смыслы говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого действия, а также речевого жанра и выполнение правил речевого поведения» (см.: [Шмелева, 1994, с. 27]). Метакатегории содержатся в любом высказывании, но в норме эксплицитно не проявляются. Наличие какого-либо метасредства в предложении сигнализирует о том, что что-то в высказывании не соответствует, по мнению автора, стандартам речевого общения (см.: [Шмелева, 1995, с. 14–21]).

В большинстве рассмотренных нами примеров употребление слова *учитель* никак не комментируется, поэтому наличие метакомментариев указывает на особые компоненты в значении слова:

Пример 1. *«Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна. Мои земляки уверяют, что не только именем-отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Чисто брат с сестрой!..» Тут, я думаю, сработала благодарная человеческая память, сблизив и сроднив дорогих людей, а вот фамилии учителя с учительницей никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька»* [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн.1].

Пример 2. *«“Все меняется. Древние профессора могли называть себя учителями... А сегодня мы только профессора”, – подумал профессор* [Шукшин. Экзамен].

Пример 3. *«Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да еще и смеется надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподает, называется»* [Распутин. Уроки французского].

«Во всех приведенных примерах выделенные метакомментарии указывают на положительную оценку, которая содержится в прагматическом компоненте значения слова *учитель*. В примере 1 в слове *учитель* совмещаются первое и третье значения, представленные в «Русском семантическом словаре»: 1) ‘специалист, обучающий чему-н., преподаватель’ и 3) ‘человек, к-рый учит кого-н., обычно важному, большому’.

В примере 2 слово употреблено в третьем значении. В примере 3 – в первом значении, при этом положительная оценка в семантике слова тоже содержится, в данном тексте она такова: ‘учительница – это честный человек, который не может мошенничать’. В приведенном фрагменте из рассказа «Уроки французского» учительница поступает так, как поступать, по мнению мальчика, не должна, поэтому она не может называться словом *учительница*» [Башкова, 2018, с. 108]. Ср. более широкий контекст этого словоупотребления: «*Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу ее чистой воды мошенничество, она как ни в чем не бывало продолжала двигать монету*» [Распутин. Уроки французского].

Актуализационные категории указывают на то, как «сообщаемое в диктуме относится к действительности в координатах “лицо”, “модальность” и “время”, а также “пространство”» [Шмелева, 1994, с. 28]. «В большинстве рассмотренных примеров слово *учитель* имеет конкретную или предикатную референцию и обозначает третье лицо или его свойства. Случаи обобщенной референции, связанной с употреблением слова, встречаются в немногочисленных генерализованных высказываниях, в которых выражается оценка; в этих высказываниях и время обобщенное – настоящее неактуальное, то есть *всегда*» [Башкова, 2018, с. 108].

Пример 4. «*Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Еще уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника мужа, на свекровку*» [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 1].

Пример 5. «*Никитич очень любил учителей*» [Василий Шукшин. Охота жить].

Пример 6. *«Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, – нет, а за то, что случилось с нами после»* [Распутин. Уроки французского].

В 4, 5 и 6 примерах репрезентированы пропозиции, в которых представлено отношение людей к учителям, и это отношение связано с высокой оценкой. В примере 4 генерализация касается субъекта оценки – это все люди, в примерах 5 и 6 генерализованным является объект оценки – учителя.

Пример 7. *«– Как же я с вами буду играть?»*

– А что такое?

– Вы же учительница (1)!

– Ну и что? Учительница (2) – так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей (3), учить и учить без конца. Постоянно одергивать себя: то нельзя, это нельзя, – Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстраненно смотрела в окно. – Иной раз полезно забыть, что ты учительница (4), – не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное – не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому» [Распутин. Уроки французского].

«В этом примере слово *учительница* встречается четыре раза (для удобства анализа словоупотребление пронумеровано нами): в первом, третьем и четвертом случаях слово является предикатом, во втором – у слова генерализованная референция, оно обозначает не конкретную, а любую учительницу. У слова *учитель* тоже обобщенная референция. В примере 7 представлена экспликация оценочного, характеризующего компонента, включенного в семантику слов *учитель, учительница*. В речи мальчика в значении содержится компонент ‘высокий социальный статус учителя обуславливает серьезность его поведения, отличающегося от поведения обыч-

ных людей'. Лидия Михайловна опровергает такие представления об учителе, выводит этот прагматический компонент из значения слова.

Таким образом, примеры 4, 5, 6, 7 показывают, что генерализованная референция связана с оценочным компонентом в слове» [Башкова, 2018, с. 109].

В состав **кваликативных модусных категорий** входят модальность, авторизация, персуазивность и оценочность (см.: [Шмелева, 1994, 1995]). Для анализа персонсемантики первостепенное значение имеют авторизация и оценочность.

Авторизация – это указание на источник и способ получения информации, обязательная модусная категория. Если информация своя, то показателей авторизации в предложении, как правило, нет. Это стандарт речевого общения. **Оценочность** – это выражение авторского позитивного или негативного отношения к содержанию высказывания.

Социальные категории – это отношение между автором и другими участниками общения. «Здесь слышна степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или безоглядной категоричности» [Там же, с. 35]. «В настоящее время изучением социальных категорий занимается прагматика. При исследовании лексической семантики в художественном тексте социальные категории нужно учитывать прежде всего в тех случаях, когда писатель использует стилистически разнородную лексику: просторечную, жаргонную, разговорную, книжную. Выбор той или иной лексемы определяется тем, каков социальный статус персонажа, как относится к нему автор, как персонажи относятся друг к другу, как относится автор к читателю и, наконец, как сам автор определяет свой социальный статус» [Башкова, 2018, с. 109].

Т. В. Шмелева отмечает, что модусные категории во многих случаях в предложении взаимодействуют друг с другом. Наше исследование показало, что при актуализации значения слова в предложении тоже происходит взаимодействие модусных смыслов.

Рассмотрим, как соотносятся показатели авторизации со стилистической принадлежностью слова, с его социальной (просторечное, жаргонное, специальное) или территориальной (областное, диалектное) дифференциацией. Три из встречающихся в текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина дериватов слова *учитель* стилистически маркированы: *учительша* – просторечное слово, *учителка* и *училка* относятся к жаргону или просторечию школьников.

По данным «Русского семантического словаря», в русском языке среди обозначений педагогов очень много разговорных и просторечных слов: *предметник* (разг.), *ботаничка* (прост.), *географичка* (прост.), *физрук* (разг.), *экзаменаторша* (разг.) и т. д. В словаре отмечается, что большинство просторечных наименований встречается в речи школьников.

Примеры употребления слова *учительша*:

Пример 8. «*Выслушав гомонящее учительство, милиционер надел шапку и буркнул: учительша-де тоже птица хороша. Сами-де тут разбирайтесь, да прежде покормите малого и одежонку из каких-нибудь фондов выделите...*» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].

Пример 9. «– *Вот на смену вышел, тогда я еще на рядовой работе стоял, – важно заметил дядя Левонтий, – колю бадоги, а вопрос Санькин не идет у меня из башки. Я вечером в сельсовет. Покрутили там, повертели письмо Александра. Обормот, говорят, он был, ваш Санька, обормотом и остался – не мог уж без фокусов отцу-матери написать. Тогда я сказал сельсоветским кое-што! И к учительше. Она дрова пилит, усталая, ничего не соображает*» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В примере 8 просторечное слово *учительша* входит в косвенную речь, передающую слова милиционера из маленького заполярного города Игарка. В примере 9 оно включено в прямую речь сельского жителя, бывшего моряка, бывшего заключенного, десятника дяди Левонтия.

Пример 10. «– *Деда, а знаешь, почему наша речка летом разливается? Другие весной – нормально, а наша в середине лета. Знаешь?*

– *Почему?*

– Потому что она берет начало в горах. А снег, сам понимаешь, в горах только летом тает.

– Это вам **учительша** все рассказывает?

– Ага.

– Она верно понимает. Какие теперь люди пошли! Ей небось и тридцати нету?

– Это я не знаю.

– А?

– Не знаю, говорю!

– Ей, наверное, двадцать так. **А она уж столько понимает.** Почти с мое.

– **Она умная.** – Петька поднял камень и кинул в воду» [Шукшин. Демагоги].

Пример 11. «– Завтра зайду к **учительше**, – сказала мать и тоже строго посмотрела на Ваньку, – узнаю, как он там...» [Шукшин. Далекие зимние вечера].

В примере 10 слово *учительша* входит в прямую речь деда, беседующего с внуком, в примере 11 – в адресованную детям прямую речь матери. Таким образом, и у В. П. Астафьева, и у В. М. Шукшина это просторечное слово входит в речь взрослых персонажей в авторизованных конструкциях. Отметим, что в примере 8 выражена отрицательная оценка учительши (*птица хороша*), в примере 10 содержится положительная оценка (*А она уж столько понимает; Она умная*).

Примеры употребления слова *учителка*:

Пример 12. «Тяжелое, злобное торжество над всей этой трусливо умолкнувшей мелкотой охватило меня, над **учителкой**, которая продолжала **керкать**, выкрикивать что-то, но голос ее уже начал опадать с недоступных высот.

– Ч-что? Что такое?.. – забуксовала, завертелась на одном месте **учителка**» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].

Пример 13. «Голик рассыпался в руке – ни прутика, я сгреб *учителку* за волосья, свалил на пол и затоптал бы, забил до смерти *жалкую, неумную тварь*, но судьба избавила меня от тяжелого преступления, какой-то народ навалился на меня, придавил к холодным доскам пола» [Там же].

Пример 14. «– Дальше тут описывается, как изуит этот *исхвостал учителку*. Слух катится – бродит по Игарке страшный второгодник и колет финкой молодых *учителок*, исключительно молодых. По выбору! Запорол он их не то шешнацать, не то двадцать штук! Ведутся подсчеты» [Там же].

В примерах 12 и 13 представлена несобственно-прямая речь подростка, второгодника и беспризорника, которым повествователь был когда-то, здесь трудно отделить голос подростка от голоса взрослого автора. Таким образом, просторечное слово включено в авторский текст и сопровождается резкой отрицательной оценкой (*керкать; жалкую, неумную тварь*).

В примере 14 слово *учителка* входит в прямую речь: записку, написанную директором школы и ее завучем и адресованную родителям Вити, читает его одноклассник и друг Тишка Ломов. Фрагмент записки он пересказывает своими словами, издеваясь над ее содержанием. В прагматический компонент слова *учителка* включена ироническая оценка.

Пример 15. «Но тут кто-то крикнул:

– *Училка!*

Всю кучу ребятишек как ветром сдуло» [Шукшин. Далекие зимние вечера].

В примере 15 слово *училка* входит в прямую речь ученика. Имплицированный смысл данного высказывания: 'Разбегайтесь, *училка* будет ругать, не даст играть'. Это говорит о том, что в прагматический компонент существительного *училка* входит значение 'строгий человек с высоким социальным статусом, может запретить делать то, что нравится ученикам'.

Таким образом, В. М. Шукшин, в отличие от В. П. Астафьева, слово, относящееся к просторечию (или жаргону) школьников, употребляет в авто-

ризованной конструкции. У обоих авторов в значение слова входит отрицательная оценка, но у В. П. Астафьева она сопровождается интенсивностью и иронией: особенностью его ЯЛ является высокая степень категоричности в выражении отрицательных оценок.

В большинстве рассмотренных в данном параграфе примеров употребления слова *учитель* содержится оценочный компонент, преимущественно это положительная оценка. Приведем еще несколько примеров такой оценки.

Пример 16. *«Я очень рад и доволен, что учитель пьет у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и все у нас есть, и стыдится перед таким редким гостем за угощение не приходится»* [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 1].

Пример 17. *«Не шумела в этот день бабушка ни на кого, даже со мной и с Шариком толковала мирным голосом, а хвасталась, а хвасталась! Всем, кто заходил к нам, подряд хвасталась, что был у нас учитель, пил чай, разговаривал с нею про разное. И так разговаривал, так разговаривал!»* [Там же].

Пример 18. *«К весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.*

Как он много знал!» [Там же].

Пример 19. *«Из Овсянки вышли академик, два майора и один полковник, несколько приличных учителей и врачей, два-три инженера, много шоферов, трактористов, мотористов, механиков, три-четыре пары мастеровых людей и много-много солдат, polegших на дальней стороне. Но сколько же оно породило за мой только век убийц, хулиганья, воров, стяжателей, кляузников, сплетников и просто людей недобрых, кроме зла ничего на свете не сделавших и не оставивших... Много, слишком много мешающего утвердительно говорить о разумном смысле человеческой жизни. Люди в*

моем селе не столько жили, сколько мучались и мучали» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В примере 19 противопоставляются люди, названные по их профессиональной деятельности, и недобрые люди, названные словами, в значении которых совмещается негативная оценка с указанием на их действия или поступки. В большинстве номинаций человека по профессии содержится презумпция положительной оценки. Исключение составляют учителя и врачи. Это те профессии, в которых качество выполнения профессиональных обязанностей и отношение к людям особенно важны. Плохие учителя и врачи опасны для общества. И наоборот, хорошие учителя и врачи оцениваются максимально высоко.

Таким образом, В. П. Астафьев в «Последнем поклоне» грамматическими и лексическими средствами создает обобщенные образы разных типов учителей – лингвокультурные типажи (определение этого понятия см.: [Карасик, 2009, с. 180]). В «Последнем поклоне» представлены лингвокультурные типажи с противоположной оценкой: *учитель* и *учителка*.

В рассказах В. М. Шукшина в авторской речи во многих случаях *учитель* – это добрый, умный человек. Положительная оценка вмонтирована в значение слова *учитель*.

Пример 20. *«У Смородина был и учитель, оказывается: деревенский любитель, добрый человек, не от мира сего, дядя Иван, коновал, философ и художник»* [Шукшин. Пьедестал].

Пример 21. *«Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбужденного Моню...»* [Шукшин. Упорный].

Особенностью рассказов В. М. Шукшина является то, что отношение к учителю характеризует персонажей, выражающих это отношение. Например, в примерах 5 и 10 любовь и уважение к учителям, которые испытывают Никитич, дед и мальчик Петька, вызывают у читателя ответную симпатию к

этим героям рассказов. В свою очередь, если человек не любит учителей, это неслучайно.

Пример 22. *«Почему-то Анатолий невзлюбил учителя. Почему? – он и сам не понимал. Учитель говорил вежливо, не хотел обидеть... Всякий раз, когда Анатолий встречал учителя на улице, тот первым вежливо здоровался... и смотрел в глаза Анатолию – прямо и весело. Вот, пожалуй, глаза-то эти и не нравились. Вредные глаза! Нет, это он пустил по селу “Дебила”, он, точно»* [Шукшин. Дебил].

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в употреблении слова *учитель* проявляется сложное устройство социальных категорий в художественных текстах В. М. Шукшина.

Таким образом, модусный анализ высказываний, в которых употребляются слова *учитель*, *учительница*, *учительша*, *училка* и *учителка* в повести В. П. Астафьева «Последний поклон», в рассказах В. М. Шукшина и В. Г. Распутина показал следующее.

«Экспликация метасмысла название выявляет положительные коннотации, входящие в значение слова *учитель*, в текстах всех трех авторов.

Генерализованная персонализация является средством типизации, В. П. Астафьев показывает положительный, эталонный и отрицательный лингвокультурные типажи – *учитель* и *учителка*. В. М. Шукшин и В. Г. Распутин представляют лингвокультурный типаж *учитель* с положительной оценкой.

Учитель – это профессия, которая, по мнению В. П. Астафьева, предъявляет особые требования к человеку, поэтому он сопровождает описание учителей оценкой с высокой степенью интенсивности, как положительной, так и отрицательной. В произведениях В. М. Шукшина и В. Г. Распутина оценка учителя представлена более сложно. В рассказах В. М. Шукшина высказанная персонажами оценка учителей характеризует и самих авторов оценки. В рассказе «Уроки французского» В. Г. Распутин разрушает стереотипные оценки поведения учителей.

Стилистически маркированные номинации учителей В. Г. Распутин не использует в проанализированных нами текстах, что является яркой характеристикой его идиостиля в сравнении с В. П. Астафьевым и В. М. Шукшиным. Обе именующие учительницу просторечные лексемы – *учительша* и *училка* – в текстах В. М. Шукшина маркируются, употребляются в авторизованных конструкциях. В повести «Последний поклон» просторечная лексема *учительша* маркируется, а при слове *учителка* нет показателей авторизации: отличительная черта идиостиля В. П. Астафьева – включение в авторский текст сниженной лексики» [Башкова, 2018, с. 110].

Таким образом, в актуализации значения слова в авторском тексте принимают участие взаимодействующие друг с другом модусные категории: метакатегории, актуализационные, квалификативные и социальные; средства репрезентации модуса предложения одновременно могут выполнять функцию экспликации персоносемантики слова. Все это позволяет рассматривать модус в качестве актуализатора лексической персоносемантики.

3.5. Номинации лиц по отношению к вере, религии в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина

В предыдущем параграфе были проанализированы доминантные множества и ЛСР номинаций человека как часть вербально-семантического уровня языковых личностей В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. Но и менее наполненные лексические множества и ЛСР не менее важны для понимания особенностей ЯЛ, для моделирования ее индивидуально-авторской ЯКМ. Особенно значимы малонаполненные лексико-семантические ряды в тех случаях, когда параметр, по которому характеризуется человек в данных номинациях, не становится специальной темой текста, но важен для автора и читателя. Так, анализ номинаций человека по отношению к вере, религии может стать ключом к пониманию того, как ЯЛ от-

носится к религии. Три рассматриваемых нами автора формировались как ЯЛ и создавали большую часть своих произведений в советское время, когда миллионы людей были насильственно отлучены от церкви. В результате чего вопрос о том, кого считать верующими, а кого неверующими, для многих советских людей, в том числе и для В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, оказался очень непростым. В высказываниях с номинациями людей по отношению к вере, религии отразились поиски ответа на данный вопрос.

Время действия в произведениях и время их создания оказали свое влияние на семантику рассматриваемых существительных, прежде всего – на коннотации, оценки, дополняющие основное лексическое значение. В. П. Астафьев начал работать над «Последним поклоном» в 1960-е годы, когда в нашем государстве господствовал атеизм, и завершил написание книги в 1991 году, в последний год существования СССР, когда жесткая борьба с верующими была прекращена. Естественно, в 1990-е годы писатели обрели большую свободу в проявлении своего религиозного чувства. В «Последнем поклоне» отражено время со второй половины 1920-х до второй половины 1940-х годов и вторая половина 1980-х годов. Начало действия «Последнего поклона» – 20-е годы XX века – время, когда антирелигиозная борьба только начиналась в Сибири, время, когда истинно верующие еще не боялись открыто выражать свое отношение к Богу, именно таким человеком является бабушка главного героя книги Катерина Петровна.

Рассказы, в которых содержатся номинации человека по отношению к вере и религии, В. М. Шукшин написал с 1960 по 1974 год: «Степка» (1960–1971), «Начальник» (1960–1971), «Два письма» (1966), «Охота жить» (1966–1967), «Миль пардон, мадам!» (1968), «Материнское сердце» (1969), «Халхаль» (1969), «Мастер» (1969–1971), «Думы» (1970), «Непротивленец Макар Жеребцов» (1970), «Сапожки» (1970), «Обида» (1970–1972), «Гена пройдисвет» (1970–1974), «Генерал Малафейкин» (1970–1974), «Психопат» (1970–1974), «Билетик на второй сеанс» (1971), «Верую!» (1971), «Ораторский при-

ем» (1971), «Как зайка летал на воздушных шариках» (1972), «Беседы при ясной луне» (1972–1974), «Мужик Дерябин» (1974). Время действия в этих рассказах в основном совпадает со временем их написания – это время господства атеизма в Советском Союзе. В школе процветало атеистическое воспитание, сельские церкви были разрушены, очень немного храмов сохранилось в городах. Священник был экзотической фигурой в советском обществе. Текст Библии невозможно было достать рядовому гражданину.

В. Г. Распутин написал свои лучшие повести в 1970-е годы, тоже во времена атеизма: «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976), – рассказы, которые будут анализироваться в этом параграфе (в них встретились номинации лиц по отношению к вере, религии), были написаны уже в конце 1990-х – начале 2000-х: «В ту же землю» (1995), «Новая профессия» (1998), «В непогоду» (2003). В это время в России начали восстанавливать храмы, многие люди приняли крещение, отчасти это даже превратилось в моду.

В «Русском семантическом словаре» ЛСР номинаций лиц «По отношению к вере, религии. Общие обозначения» включает 15 словарных статей, куда входит 26 лексических единиц: *атеист, атеистка, безбожник, безбожница, вероотступник, вероотступница, верующий, верующая, диссидент, диссидентка, изувер, многобожец, монотеист, монотеистка, неверующий, неверующая, неофит, неофитка, поклонник, поклонница, политеист, политеистка, фанатик, фундаменталист, церковник, церковница.*

В рассматриваемых произведениях В. М. Шукшина и В. П. Астафьева в этот ЛСР входит по 4 единицы, в рассмотренных повестях и рассказах В. Г. Распутина таких словозначений нет.

В таблице 12 представлены лексические единицы, входящие в ЛСР «Номинации лиц по отношению к вере, религии. Общие обозначения» в РСС, в рассказах В. М. Шукшина и в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева. В первом столбце таблицы жирным шрифтом выделены те номинации, которые

встречаются в рассмотренных произведениях, цифры во втором и третьем столбцах обозначают количество словоупотреблений.

Таблица 12. Номинации лиц по отношению к вере, религии. Общие обозначения

Русский семантический словарь	Рассказы В. М. Шукшина	«Последний поклон» В. П. Астафьева
Атеист , атеистка	Безбожник – 1	Атеист – 1
Безбожник , безбожница	Верующий – 13	Безбожник – 7
Вероотступник, вероотступница	Духобор (ирон.) – 1	Верующий – 2
Верующий , верующая	Новообращенный – 2	Неверующий – 2
Диссидент, диссидентка		
Изувер		
Многoboжец		
Монотеист, монотеистка		
Неверующий , неверующая		
Неофит, неофитка		
Поклонник, поклонница		
Политеист, политеистка		
Фанатик		
Фундаменталист		
Церковник (устар.), церковница		

Относительная наполненность данного ЛСР в текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина составляет 15,38 %. В ЛСР, представленном в «Русском семантическом словаре», наиболее общими значениями обладают слова *верующий*, *неверующий*, *атеист*, *безбожник*. Все эти слова используются в книге В. П. Астафьева «Последний поклон». В рассказах В. М. Шукшина встречаются слова *верующий* и *безбожник*, кроме того, не зафиксированная в РСС лексема *новообращенный* и переосмысливается значение существительного *духобор*. Отсутствие входящих в словарный ЛСР лексических единиц с более сложным значением в текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина – показатель того, что эти авторы далеки от церковной, религиозной сферы жизни. В рассмотренных нами текстах В. Г. Распутина таких номинаций нет вообще.

Если сопоставить словоупотребление названий лиц из данного ЛСР в рассматриваемых произведениях, то можно заметить, что у В. М. Шукшина преобладают номинации верующих: *верующий*, *духобор* и *новообращенный* –

15 словоупотреблений, в то время как у В. П. Астафьева их всего 2. В то же время В. П. Астафьев уделяет больше внимания неверующим: *атеист, безбожник и неверующий* – 10 словоупотреблений, у В. М. Шукшина встречается только одно: *безбожник*.

Перейдем к анализу семантики этих слов. В РСС дано следующее толкование значения существительного *верующий*:

«**ВЕРУЮЩИЙ**... Человек, исповедующий какое-н. вероучение, убежденный в существовании Бога. *Паломничество верующих в святые места.* // *ж. верующая*» [РСС, с. 75] .

В этом толковании обратим внимание на семантический признак ‘исповедующий какое-н. вероучение’: вероучений много, и ни одно из них не выделяется как приоритетное. Теперь рассмотрим, какое значение этого слова представлено в текстах наших авторов.

Пример 1: «*И сразу забегало по лесу начальство, спинывая с дымящихся костерков каски и котлы с картошкой, послышалось привычное, как для верующих “Отче наш”: “Мать! Мать! Мать!..”*» [Сорока // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Пример 2: «*Многое я уже забыл из того, что обязан был помнить в ту пору и что знал, несмотря на малую грамоту, как верующий человек – “Отче наш”*» [Соевые конфеты // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В этих высказываниях содержатся сравнительные обороты, включающие название главной христианской молитвы «Отче наш» – молитвы, которую в Евангелиях от Матфея и от Луки произносит Иисус Христос. Эти сравнительные обороты выявляют следующую презумпцию в значении существительного *верующий*: ‘человек, хорошо знающий молитву «Отче наш», то есть христианин’. Таким образом, в категорию верующих включаются только христиане. Такое понимание верующих характерно для части населения нашей страны. Люди, исповедующие другие религии, кроме христианства, не считаются верующими. (Заметим, что в повестях «Пастух и пастушка», «Обертон», в «Затесях» В. П. Астафьева встречаются обозначения предста-

вителей других религий: *мусульмане, иудеи, язычники.*) Существительное *верующий* в «Последнем поклоне» входит в авторский текст, В. П. Астафьев изменяет фразеологизм *знать как «Отче наш»*, включает в него существительное *верующий*, тем самым акцентирует внимание на таком качестве верующих, как знание молитв. Примечательно, что в «Последнем поклоне» несколько раз встречается описание того, как молится бабушка Катерина Петровна.

Пример 3: *«И знаю я: раньше всех поднявшись, бабушка осторожно опустится на колени перед иконостасом и, глядя на неподвижный синенький свет лампы, **будет молиться** и просить, чтобы все дни были похожи на прошедший благостный день. “Дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день... Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами... Дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, прощать и любить. Аминь”»* [Пеструха // Астафьев. П. п. Кн. 2].

И хотя несколько раз описание того, как молится бабушка, сопровождается шутивным и даже ироническим комментарием, важно то, что автор показывает, что в своем детстве он слышал тексты молитв.

Пример 4: *«Бабушка **молилась**, стоя на коленях перед иконостасом в горнице. Я видел сквозь листья герани и завесы красных сережек, как голова ее то возникала за цветками, то опускалась ниже окна.*

*– Мира Заступница, Мати всенежная, я пред Тобою, грешница, мраком одетая. Ты меня благодатью покрой, если постигнет скорбь и страдание... – Все чаще и чаще мелькала бабушкина голова в окне, слышно было, как она **бухалась лбом об пол** и голос ее уже на слезе. Мне казалось, бабушка знала, что дед слышал ее, и потому она **прибавляла прыти в молитве**, чтоб пронять его, доказать, какая она усердная в веровании, а он – грешник, но она по доброте своей и его грехи замолит. – Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородица, надеющимся на тя. Да не погибнем мы, да*

избавимся от бед, ты бо еси спасение... Ша-а-рик, гадина такая! Я вот тебе! – Забрнчала бабушка в раму...

Шарик устраивал спектакль, – не давал бабушке молиться. Он не мог долго быть без нее, выманивал бабушку на улицу» [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В. П. Астафьев включает тексты молитв не только в прямую речь бабушки, но и в авторское повествование, как в примере 5, где фрагмент молитвы «Со святыми упокой» включен в авторский текст.

Пример 5: *«В том же году не стало дяди Митрия, он поместился в одной ограде с моей мамой. С того тихого, ничем не приметного лета оградка над Фокинской речкой все пополняется и пополняется. Кроме мамы, двух моих сестренок, дяди Митрия, Ксенофонта-рыбака, покоятся там дедушка, бабушка, тетя Мария, дядя Ваня и его жена, тетя Феня, дочка Кольчи-младшего Лидочка и малый его сынок Володенька.*

Старые и малые – все опять вместе, в тишине, в единстве и согласии – “там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная”...» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В примере 5, в отличие от примера 4, молитва возвышает авторский текст, становится средством, с помощью которого автор размышляет о жизни вечной.

Таким образом, в «Последнем поклоне» показано, что в раннем детстве повествователь получил молитвенный опыт, он молился вместе с бабушкой, в школе же его отучили молиться, но знания, полученные в детстве, оказали значительное влияние на его личность. Еще раз подчеркнем, что в «Последнем поклоне» выделяется такой признак верующего, как знание текстов молитв. Кроме того, в повести сужается значение существительного *верующий*: это не ‘человек, исповедующий какое-н. вероучение’, как сказано в РСС, а ‘человек, исповедующий христианство’.

Перейдем к рассмотрению семантики данного слова в рассказах В. М. Шукшина. Существительное, а также прилагательное *верующий* у

В. М. Шукшина встречаются в рассказах «Космос, нервная система и шмат сала», «Два письма», «Охота жить», «Сапожки», «Гена Пройдисвет», «Верую». Если у В. П. Астафьева слово *верующий* – часть авторского текста, то у В. М. Шукшина оно входит в прямую или косвенную речь неверующих людей, которые дают характеристику верующим.

Пример 6: «– Душа болит, – сказал Максим. – Я пришел узнать: у **верующих** душа болит или нет?» [Шукшин. Верую].

Пример 7: «Поп говорил громко, лицо его пылало, он вспотел. – Ты пришел узнать: во что верить? Ты правильно догадался: у **верующих** душа не болит. Но во что верить? **Верь в Жизнь**. Чем все это кончится, не знаю» [Там же].

Пример 8: «– Знаешь что? – перебил Генка, глядя в глаза дяде Грише, словно он только что догадался, кто такой этот новообращенный, этот смиренный. – Знаешь, что я тебе скажу: ни хрена ты **не верующий**. Понял? Если б ты по-настоящему верил, ты бы молчал об этом. А ты, как сорока на колу, – в разные стороны: «Верю! Верю!» Не веришь, вот так» [Шукшин. Гена Пройдисвет].

Пример 9: «**Верующая душа**, по мнению Генки, – это такая душа, которая обязательно живет в хилом теле, кроме того, **человек верующий** должен быть немного глуп. И жить просто и одиноко. А дядя Гриша еще и хитрый... Как же это совместить?» [Там же].

Пример 10: «– Ты для чего пришел сюда?
– Понять, почему ты... Разоблачить тебя. **Я не верю, что ты правда поверил в Бога**. Слушай, да кто же так в Бога верит – повесил икону и заявил всем: я **верующий**! Ты что? Это же богохульство! Ты же ничего про Бога не знаешь. Я больше тебя знаю...» [Там же].

Пример 11: «Странно, но старик в Бога тоже не верит.
– Делать нечего – и начинают заполошничать, кликуши, – говорит он про **верующих**. – Робить надо, вот и благодать настанет» [Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала].

В примерах 6–12 неверующие люди дают эксплицитные, явные оценки верующим: верующие – это безобидные люди, у которых хилое тело, они немного глупы, живут просто и одиноко, душа у них не болит. Кроме того, со словом *верующий* связаны следующие коннотативные, т. е. сопутствующие оценки: верующим нечего делать, вместо того, чтобы работать, они молятся; верят они из корыстных побуждений: стремятся получить либо уважение людей, либо материальную выгоду. Так, в рассказе «Сапожки» водители рассуждают о доходах попов.

Пример 12: «– *Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?*

– *А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться?*

На! Пятьсот рублей хотел?

– *Он должен быть верующим.*

– *Когда оклад пятьсот рублей, можно верить. Я бы и то верил.*

– *Ты бы верил!..»* [Шукшин. Сапожки].

Многие герои рассказов В. М. Шукшина – это люди, поведение которых не вписывается в обыденную норму. И верующий человек, если он не старуха, тоже не соответствует представлениям советского человека о норме, в соответствии с которой нормальный здоровый взрослый человек не должен верить в Бога.

Пример 13: «*Вопрос этот – с чего дядя Гриша, нормальный мужик, вдруг уверовал в Бога, – вопрос этот всерьез заинтересовал Генку, даже встревожил. Отец Генки, умелый печник, хвастун, неутомимый бабник в прошлом, так объяснил братнино обращение в веру:*

– *Мужик, он ведь как: достиг возраста – и смяк телом. А башка ишо ясная – какие-нибудь вопросы хочет решать. Вот и начинается: один на вино напирает – башку туманит, чтоб она ни в какие вопросы не тыкалась, другой... Миколай вон Алфимов – знаешь ведь его? – историю колхоза стал писать. Кто куда, лишь бы голова не пустовала. А Григорий наш, вишь, в Бога ударился. Пускай, он никому вреда не приносит. С чего началось-то? А у нас же тут верующие-то есть, много. Старухи-то. Он стал к им похажи-*

вать от нечего делать, а те его сагитировали. Ты не досажай ему с этим, а то он сердится. Не надо. Они безобидные люди» [Шукшин. Гена Пройдисвет].

По сравнению с «Последним поклоном», обращает на себя внимание тот факт, что в рассказах В. М. Шукшина ничего не говорится о молитвах верующих, не приводится примеров молитв. Исключение составляет рассказ «Верую!», но молитву, которую в этом рассказе произносит поп, скорее, можно назвать молитвой атеиста, чем молитвой верующего в Бога человека. Тексты молитв не входят в когнитивный уровень ЯЛ В. М. Шукшина – автора коротких рассказов в качестве прецедентных текстов.

Доказательство существования Бога, которое приводит верующий дядя Гриша в рассказе «Гена Пройдисвет», скорее, доказывает обратное.

Пример 14: *«– Мы здесь – гости. Поживем – и пойдём отчитываться за наши дела. Ты задумайся, Геннадий, задумайся: за все придется отвечать. Безобразно живешь. Вино пьешь неумеренно, куришь, с девками блудишь... А ведь все учитывается! Мы как киноаппараты: живем, а на кинолентку все снимается, все снимается... Как поступил, как подумал, где против совести пошел – все снимается. И вот ты умираешь, киноаппарат этот – тело твое – хоронят, а пленку берут и проявляют: смотрят, как ты жил... Вот.*

– Хм... Ну-ка, еще что-нибудь, интересно. Поверить я, к сожалению, не смогу, но вообще это интересно. Даже технику стали использовать, надо же» [Шукшин. Гена Пройдисвет].

В примере 14 содержатся элементы канцелярского языка. С помощью канцелярита во многих своих рассказах В. М. Шукшин показывает хамство персонажей. Дядя Гриша, конечно, не относится к числу хамов, однако его проповедь с помощью канцелярита отталкивает его племянника от веры в Бога.

Пример 15: «— *Вы есть жуки навозные, вы думаете: вот наша навозная куча – это и весь мир. Воюете, деретесь, злитесь... А не знаете того, что вы все... все люди – под наблюдением.*

– *Почему же я не знаю, что под наблюдением? У меня – семнадцать выговоров, у меня это наблюдение вот здесь сидит.*

– *Не про то наблюдение я говорю. Это – ваше наблюдение, вы сами и разбирайтесь. Я говорю про высшее наблюдение, которое...»* [Там же].

В примере 15 содержится аллюзия к роману Джорджа Оруэлла «1984-й», к фразе из этого романа «*Большой брат следит за тобой*», к телекранам, с помощью которых проводилась слежка за людьми. Бог в интерпретации дяди Гриши очень напоминает большого брата.

Повторим: в рассказах В. М. Шукшина отражены советские представления о том, каким должен быть нормальный человек – этот человек не должен верить в Бога. Исключение составляют старики и старухи, для которых вера – естественное состояние, у них – своя норма жизни.

Пример 16: «*И тут-то он приметил в толпе старуху Отавину. Она была незнакомая, хоть жила здесь давно, Глухов ее знал. У старухи Отавиной никого не было в этом скорбном списке, но она со всеми вместе тихо плакала и крестилась. Глухов уважал набожных людей. За то уважал, что их – преследуют, подсмеиваются над ними... За их терпение и непоколебимость. За честность»* [Шукшин. Бессовестные].

В примере 16 даются положительные характеристики набожных людей. В своих рассказах В. М. Шукшин создает ряд образов верующих стариков и старух. Не верящий в Бога старик из рассказа «Космос, нервная система и шмат сала» не соответствует представлениям о норме (см. пример 11).

Таким образом, в большинстве рассказов В. М. Шукшина о верующих людях рассуждают те, кто в Бога не верит, писатель включает в свои произведения стереотипы, свойственные советскому человеку.

У слова *верующий* в рассмотренных текстах В. П. Астафьева и В. М. Шукшина три антонима: *атеист*, *безбожник* и *неверующий*. В РСС дано такое их толкование:

«**АТЕИСТ**... Последователь атеизма, отрицающий существование Бога, религию. *Убежденный, воинствующий а.* || ж. **атеистка**» [РСС, с. 75].

«**БЕЗБОЖНИК**... Человек, не верящий в Бога, отрицающий его существование. *Обратить безбожника к вере.* || ж. **безбожница**» [Там же].

«**НЕВЕРУЮЩИЙ**... Человек, отрицающий существование Бога, любое вероучение. *Обращение неверующих.* || ж. **неверующая**» [Там же].

В «Последнем поклоне» В. П. Астафьева встречаются все три этих слова, чаще всего, 7 раз, – *безбожник*, прежде всего, в прямой и косвенной речи верующей бабушки Катерины Петровны.

Пример 17: «– *Не блажи-ко ты, не блажи, – урезонил ее дедушка, – давно ли корке были рады?*

Бабушка сразу на него, конечно, безбожником, «коммунистом» и аспидом называла, корила, что крестится он для блезиру – перед едой, чтобы не подавиться, да перед севом и сенокосом, чтоб удача была, потому и хлеб казенный есть ему можно, ей же не пристало “скоромиться”» [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В этом примере в устах бабушки *безбожник* и *коммунист* стоят в одном ряду с существительным *аспид*, превращаются в бранные слова, из значения которых исчезла большая часть когнитивного, характеризующего компонента и была заменена субъективным, оценочным компонентом: дед не был коммунистом и верил в Бога, но бабушка называет его *безбожником* и *коммунистом*. В «Последнем поклоне», в зависимости от того, с чьих позиций описываются неверующие люди, меняются оценочные коннотации, входящие в значение их дескрипций.

Пример 18: «– *Да подай ты ему, подай! Он все одно промажет! – кричал уязвленный Санька. – Я вчерась имя кошку дохлу под заплот бросил: ни в жись не попадет, пока кошку не същут!..*

“*Вот оно что! – похолодел я. – Заколдовал, паразит! Заколдовал! Но мне плевать. Я неверующий! Советский школьник! Бабушка комунисом меня зовет! Значит, все мне нипочем!..*”» [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2].

В этом контексте употребленное в прямой речи мальчика существительное *неверующий* выражает положительную оценку: *неверующий* – это человек, на которого не действует колдовство. Здесь слышится детская бравада.

Но в книге третьей «Последнего поклона» о неверующих говорится с сожалением, здесь выражено отношение зрелого автора к значению веры в жизни человека, особенно в критические, трагические периоды жизни.

Пример 19: «*На фронте не раз мне доведется увидеть и услышать, как **неверующие** люди в смертный миг вспомнят о Боге да о матери, а больше ни о чем*» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Пример 20: «*Покаянно склоняясь головой, сиротливо стоял отец над холмиком. Ни о чем не обмолвившись, сделал мне отмашку, отойди, дескать, и мелко-мелко затрясся, шепча что-то, затем пошлепал по глине, не выбирая сухого пути, швыряя носом, утирая платочком лицо. Не крестясь, не прочтя ни одной молитвы, навсегда простился с близким человеком. До самой смерти он оставался неприкаянным **безбожником**, да и молитвы он давно все перезабыл*» [Забубенная головушка // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Существительные *верующий* и *безбожник* в «Последнем поклоне» образуют систему: *верующий* относится к старому миру, где сохраняются традиции, *безбожник* – к новому советскому, в котором традиционный уклад жизни разрушен, *верующий* знает молитвы, *безбожник* молиться не умеет. Отношение к *верующему* зачастую ироничное, *безбожник* вызывает сожаление из-за того, что у него нет твердой опоры в жизни, как у *верующего*.

Пример 21: «*Я глядел на исходящего радостным сиянием Тишку, который приволок нам такой подарок. Мне почему-то снова вспомнилась бабушка Катерина Петровна. Только теперь я понял, насколько она вместе с подружками своими, **Божьими старушками, счастливей нас – безбожников!***»

Сколь часто одариваемы они блаженством бывают. Живут-живут в грехах и мирском содоме, в земле ковыряются, полы скоблят, подштанники стирают, в головах ищутся – и раз им послание Божье, а то сам лик Господен явится, пусть даже и во сне, да и возвестит грядущее на небеси, по сравнению с которым жизнь на грязной, назьмом пахнувшей земле есть прозябание. В довершение ко всему деревенский батюшка покропит святой водой, перекрестит, елеем лоб мазнет и подтверждение словесное насчет царствия небесного даст, да еще ангельские голоса с хоров ликующе грянут: “Аллилуйя, аллилуйя!” – тут тебе и трепет души, и умильные слезы, и надежды на вознаграждение за земные муки...

*Но я же не просто второгодник, я еще и **атеист-безбожник**. Трепет, умиление и всякая подобная чепуха неведомы мне. Вместо этих чувств из моего черного нутра поднималось злорадное торжество и ярость, ненасытная ярость. Вишивую башку ровно бы гвоздем проткнуло и выцарапало из-под черепа, как сталь, твердую и решительную мысль: “Сожгу школу!”» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].*

В большей части примера 21 повествование ведется от лица подростка-беспризорника, весь фрагмент пронизан иронической оценкой, которая относится и к верующей бабушке с ее подружками, субъект оценки здесь – подросток, и к самому автору повествования – подростку-беспризорнику, субъект оценки в этом случае – зрелый автор текста. Примечательно, что в двух последних предложениях местоимение *я* в именительном падеже исчезает: сначала субъектную позицию занимают номинации чувств *торжество* и *ярость*, затем используются бессубъектные безличные конструкции с предикатами *проткнуло* и *выцарапало*. Отношение к верующим у автора-подростка и взрослого автора разное: зрелый писатель не разделяет иронию подростка.

У В. М. Шукшина слово *безбожник* встречается только один раз – в рассказе «Верую!».

Пример 22: «– Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Так сказал один знаменитый **безбожник**, сказал очень верно. Несколько самонаде-

янно, правда, ибо при жизни никто его за Бога и не почитал» [Шукшин. Верую!].

В рассказе нет точного указания на то, кто этот знаменитый безбожник, однако в 70-е годы XX века советскому читателю должно было быть понятно, что это Карл Маркс. Дело в том, что в СССР была широко растиражирована анкета Карла Маркса, которую он заполнил по просьбе своей дочери Женни: в 1961 году эта анкета была опубликована в журнале «Юность», в 1963 году – в 31-м томе пятидесятитомного собрания сочинений Маркса и Энгельса, позднее – в связанных с К. Марксом изданиях для школьников; вопросы анкеты копировались и раздавались для того, чтобы школьники сами на них отвечали (см.: [Архангельская, 2010]). Один из вопросов этой анкеты: «Ваше любимое изречение?», – ответ Маркса: «*Nihil humani a me alienum puto*».

Поп называет Маркса безбожником, поскольку тот был атеистом: согласно Марксу, «религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял» [Маркс, 1955, с. 414]. Последняя предикативная единица примера 22 содержит пресуппозицию: после смерти этого безбожника стали почитать за Бога; в СССР учение марксизма заменило религию, а основатель этого учения занял место Бога в сознании советских граждан.

Иеромонах Иов (Гумеров), анализируя афоризм *Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо* с позиций православия на сайте www.pravoslavie.ru, отмечает, что это высказывание, позже ставшее афоризмом, впервые появилось в 162 году до Р. Х. в комедии Публия Теренция Афры «Самоистязатель». В романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского этот афоризм произносит диавол в диалоге с Иваном Карамазовым. Явившийся Ивану собеседник говорит: «Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto». – «Как, как? Сатана sum et nihil humanum... это неглупо для черта!» – восклицает Иван и слышит в ответ: – «Рад, что наконец угодил». Гумеров приводит комментарий этого места романа, сделанный Преподобным Иустином (Поповичем): «Тайна лич-

ности Ивана раскрыта. Она состоит в интеллектуальном родстве и интимных дружеских отношениях с дьяволом. И как дьявол говорит Ивану: “Я – сатана, и поэтому ничто человеческое мне не чуждо”, с таким же правом и Иван может сказать дьяволу: “Я – человек и думаю, что ничто сатанинское мне не чуждо”. Человек и дьявол становятся как бы синонимами; они могут соперничать друг с другом и заменять один другого в нашем человеческом мире, а возможно, и еще в каких-то других мирах» (см.: [Иеромонах Иов (Гумеров), 2010]).

Изречение *Ничто человеческое мне не чуждо* устанавливает интертекстуальные связи рассказа «Верую!» сразу с несколькими прецедентными текстами, дает основание для многогранной интерпретации рассказа. Однако, с точки зрения современников В. М. Шукшина, первостепенное значение имеет отсылка к К. Марксу.

Подводя итоги, можно сказать, что в семантике номинаций верующих и неверующих проявилось отношение В. П. Астафьева и В. М. Шукшина к проблеме веры и неверия, а также время создания произведений. В рассказах Шукшина описываются 60-е – начало 70-х годов XX века, время, когда не верить в Бога было нормой, и верующие люди представлены с позиций неверующих. Существительное *верующий* обладает многими негативными коннотациями. В повести «Последний поклон» повествование начинается с 20-х годов XX века, времени, когда атеизм еще не победил окончательно в нашей стране, и заканчивается началом 90-х годов XX века, временем, когда уже можно было говорить о вере в Бога. В «Последнем поклоне» представлена точка зрения верующих на людей, не верящих в Бога, и преобладает номинация *безбожник*, которая обладает отрицательными коннотациями.

В начале этого параграфа мы отметили, что в рассмотренных нами повестях и рассказах В. Г. Распутина общие обозначения человека по отношению к вере и религии отсутствуют. Означает ли это, что писатель не затрагивал проблему веры и неверия в этих произведениях? Конечно, нет.

Пример 24: «– А че я? И я себя другой раз ловлю, что не то делаю. Ить ниче не стоит сделать как надо – нет, ноги не туды идут, руки не то берут. **Будто как по дьяволу науценью. Ежли это он, много он успел натворить, покуль народ хлестался, есть Бог али нету. Прости, Господь милостивый, прости меня грешную, – перекрестилась она в дверь, мимо Андрея. – Я че?! Не мне людей судить. Да ить глаза ишо видят, уши слышат. Я тебе боле того скажу, Андрюшка, а ты запомни. Думаешь, люди не понимают, что не надо Матеру топить? Понимают оне. А все ж таки топют» [Распутин. Прощание с Матерой].**

В повести «Прощание с Матерой» в разговоре с внуком Андреем старуха Дарья неумение человека жить так, как нужно, объясняет влиянием дьявола, сомнением человека в существовании Бога. В примере 24 жирным шрифтом выделены соответствующие предложения. Герои многих произведений В. Г. Распутина во внутренней речи обращаются к Богу. В текстах писателя содержатся номинации человека «По отношению к направлению, течению в религии, по вероисповеданию»: *крещеный, крещеная* («Последний срок», «В ту же землю»), *старообрядец* («Новая профессия»), *язычник* («В непогоду»), относительная наполненность данного ЛСР – 3,16 %.

Пример 25: «– Мы ить **крещеные**, у нас Бог есть» [Распутин. Последний срок].

Пример 26: «– Крестить тебя надо, - вспомнив, о чем говорили, сказала она.

– А ты **крещеная**?

– Нет! – С такой легкостью, как сейчас, твердел у нее голос и с таким трудом мягчел. – Я выпала, обо мне нет разговора. А тебе жить.

– Но я видела: совсем старых крестят.

– Ты, значит, бываешь в церкви?

– Мы с Соней из интересу заходим. Совсем старые есть, которые от советской власти родились...

– От кого родились? – охнула Пашута.

– *Ну, это так говорят*» [Распутин. В ту же землю].

Толкование слова *крещеный* в РСС:

«**КРЕЩЁНЫЙ**... То же, что православный (устар. прост.). || *ж. крещёная*» [РСС, с. 76].

В примерах 25 и 26 слова *крещеный*, *крещеная* входят в прямую речь. В повести «Последний срок» старуха Анна называет себя и свою подругу Миронику *крещеными*. В рассказе «В ту же землю» девушка Танька спрашивает свою приемную бабушку Пашуту, крещеная ли она. В этом рассказе, написанном в 1995 году, поднимается ставшая трагедией для нескольких поколений советских людей проблема оторванности человека от церкви.

Пример 27: «*Потом танцуют под магнитофонные записи, но все шейки да брейки, которым Алеша не обучился, и он, как старообрядец, невпопад новым ритмам, ходит поодаль, приобняв соседку по столу, в танговой раздумчивости*» [Распутин. Новая профессия].

В рассказе «Новая профессия» (1998) новые свадебные традиции, новое течение жизни после распада СССР оцениваются резко отрицательно. В данном контексте в значении слова *старообрядец* содержится положительная оценка, которая поддерживается внутренней формой данного слова с корнем *стар-*.

Пример 28: «*Но что и взять с них, с язычников, не вкусивших в исторических и духовных потемках ни истины, ни любви Христовой, прозябавших по-варварски в грубых и шумных развлечениях?!*» [Распутин. В непогоду].

В рассказе «В непогоду» слово *язычники* выражает отрицательную оценку, которой нет в толковании значения этого слова в РСС:

«**ЯЗЫЧНИК**... Последователь язычества – одной из первобытных неатеистических религий, основанной на многобожии. || *ж. язычица*» [РСС, с. 77].

В примерах 27 и 28 проявились изменения в идиостиле В. Г. Распутина: в более ранних произведениях, написанных в 1970-е годы, философские размышления о жизни включены в прямую, косвенную или несобственно-

прямую речь персонажей, в поздних текстах такие размышления входят в авторскую речь, оценки становятся более прямыми, усиливается публицистическое начало.

Таким образом, в употреблении общих и частных обозначений человека по отношению к вере, религии проявляется религиозность ЯЛ создателей текстов. В значение номинаций этого лексического подмножества в тексте добавляются положительные или отрицательные субъективные оценки в зависимости от того, кто их использует, эти словозначения тесно связаны со временем. Так, в рассказах В. М. Шукшина, написанных в 1970-е годы, преобладают отрицательные оценки. Автор с симпатией показывает верующих старух, но в описаниях людей активного возраста указывается на то, что вера в Бога не соответствует социальной норме того времени. В автобиографической повести В. П. Астафьева «Последний поклон» в значении дескрипций верующих содержатся разные оценочные коннотации: ироническая оценка – в описании детства и юности, сочувственная – в описании зрелых лет. В. Г. Распутин в лучших своих повестях, созданных в 1970-е годы, номинации верующих не включает в тексты (кроме одного слова *крещеные* в «Последнем сроке»). Размышления о вере в Бога входят в речь старух, при этом отрицательной оценки верующих нет. В. Г. Распутин или пишет о вере в положительном ключе, или не пишет ничего. В его поздних текстах оценочность становится более явной, резко негативно оцениваются неверующие, отошедшие от традиций люди. Для всех трех писателей верующий человек – это православный христианин.

С позиций лингвоперсонологии заключим, что к общепринятым в этой области лингвистики параметрам характеристики ЯЛ: гендерным, возрастным, психологическим, социальным, профессиональным – необходимо добавить параметр «вероисповедание», поскольку он оказывает существенное влияние на язык личности.

Выводы

Выявление типичных и индивидуальных черт языковой личности – это важнейшая задача лингвоперсонологии. Для решения этой задачи исследование ЯЛ подлинно национального писателя имеет неоспоримую ценность, поскольку в его языке уникальность и типичность проявляются с особой силой. Язык национального писателя в наиболее концентрированном виде обладает чертами, свойственными носителям языка определенного поколения и определенного социального типа. Запечатлевая в художественном тексте свое время, писатель представляет в этом тексте и язык своего времени. В. П. Астафьев, В. М. Шукшин и В. Г. Распутин – это истинно русские писатели. В их судьбах отразились перемены в жизни России, повлиявшие на изменения в русской лексике и русской ЯКМ XX столетия. Этих писателей объединяет то, что все трое, будучи выходцами из сибирских крестьянских семей, переехав из деревни в город, показали в своих произведениях жизнь деревни и ее уничтожение, постепенное или революционное разрушение сельского уклада жизни. Все они владели несколькими вариантами национального русского языка: нормированным литературным языком, просторечием, территориальными и социальными диалектами – и использовали эти варианты в своих художественных произведениях. Обладая сильной мета-языковой рефлексией, они отразили в своих текстах различия между семантикой языковых единиц, отсылающих к одному денотату, но относящихся к разным вариантам русского языка. Эти писатели в своих книгах показали русского человека. Вместе с тем их языковые личности существенно отличаются друг от друга, обладают яркой индивидуальностью. Все сказанное делает их ценным объектом описания с позиций лингвистической персонологии. В ходе исследования в настоящей работе решались две масштабные задачи: во-первых, показать, как соотносятся друг с другом типичные и индивидуальные особенности этих языковых личностей; во-вторых, на основе

этого анализа построить модель семантического описания любой русской языковой личности.

Характерные черты ЯЛ в наибольшей степени видны на том участке языка, где в максимальной степени возможен выбор. Таким участком, безусловно, является лексика, на лексическом же уровне класс «Названия лиц» один из самых разработанных. В нем ярко представлена территориальная и социальная стратификация языка, он репрезентирует один из наиболее динамичных фрагментов ЯКМ. Именно поэтому лексический класс «Названия лиц», как ядерная часть национального словаря и центральный фрагмент вербально-семантического уровня ЯЛ, стал объектом настоящей работы. Семантика названий лиц в нашем исследовании является отправной точкой, от которой следует переход к изучению особенностей идиостиля и анализу индивидуально-авторской ЯКМ.

Для того чтобы описать типичные и индивидуальные особенности ЯЛ, нужна база, сравнение с которой позволяет их обнаружить. В настоящее время для исследования русской ЯЛ, создававшей тексты во второй половине XX века, лучшей базой является «Русский семантический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой, поскольку в нем представлено самое полное семантическое описание номинаций лиц, количество которых, по нашим подсчетам, составляет 10 500 единиц. Значимость «Русского семантического словаря» для исследования русской ЯЛ обусловлена следующими факторами: во-первых, полнотой описания лексики, во-вторых, разработанной классификацией, которая позволяет включать в нее новые слова.

Описание лексики, представленное в виде лексико-семантических множеств, подмножеств и лексико-семантических рядов в РСС, в настоящей работе использовано в качестве условного эталона, по отношению к которому проанализирован лексикон языковых личностей, создававших свои тексты во второй половине XX века. Для сравнения лексиконов языковых личностей с русским словарем и друг с другом предложены две величины:

1) абсолютная наполненность лексического подмножества или ЛСР: эта величина показывает, сколько лексических единиц содержится в словарном или индивидуальном подмножестве или ряду;

2) относительная наполненность лексического подмножества или ЛСР: эта величина показывает процентное соотношение индивидуального и словарного лексических подмножеств или ЛСР, при этом словарные подмножества и ряды выступают в качестве эталона для сравнения.

Настоящее исследование показало, что для В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина доминантными являются пять лексических подмножеств: номинации человека «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами», «По личным, общественным отношениям, связям», «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию», «Названия собственно оценки, обращения» и «Совокупности лиц».

Вместе с тем среди этих пяти подмножеств у каждой ЯЛ приоритеты в выборе номинаций человека в проанализированных текстах свои:

- у В. П. Астафьева на первый план выходит подмножество названий лиц «По личным, общественным отношениям, связям»: его абсолютная наполненность составляет 219 единиц, относительная наполненность – 37,76 %;

- у В. М. Шукшина доминирует подмножество названий лиц «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами»: его абсолютная наполненность составляет 256 единиц, относительная наполненность – 21,12 %;

- у В. Г. Распутина самым наполненным является подмножество названий лиц «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию»: его абсолютная наполненность составляет 148 единиц, относительная наполненность – 21,86 %.

Эти количественные показатели отражают существенные черты идиостиля и индивидуально-авторских картин мира трех языковых личностей. Для В. П. Астафьева, рано оставшегося без матери и выросшего в большой

семье бабушки и дедушки, позднее воспитывавшегося в детском доме, прошедшего войну простым солдатом, очень важна идея коллективизма, родственных и дружеских связей. Для В. М. Шукшина значима эмоциональная, по большей части отрицательная оценка, которая содержится в большинстве названий лиц «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами», в его текстах много конфликтных диалогов, в которых герои высказывают друг другу нелицеприятные оценки. В. Г. Распутин сдержан в прямых оценках своих персонажей, которые больше размышляют, чем говорят; по сравнению с В. П. Астафьевым и В. М. Шукшиным, в его текстах гораздо меньше сниженной, грубой лексики, писатель выбирает в максимальной степени объективные номинации. Сравнительный количественный анализ лексико-семантических рядов тоже показывает разницу индивидуального мировидения и стиля трех писателей.

Значение слова в авторском тексте связано с репрезентацией взаимодействующих друг с другом модальных категорий предложения: метакатегорий, актуализационных, квалификативных и социальных; средства репрезентации модуса предложения одновременно могут являться средствами актуализации, экспликации персоносемантики слова. Репрезентация метасмысла названия, генерализованная актуализация выявляют положительную или отрицательную оценку, которая включена в семантику слова. Эксплицитная авторизация или ее отсутствие в предложениях, включающих стилистически маркированную лексику, указывает на отношение персонажей друг к другу и на отношение автора текста к читателю. Так, В. М. Шукшин и В. Г. Распутин не используют сниженную лексику в авторском тексте, она включена в речь персонажей, причем у В. Г. Распутина сниженной лексики совсем немного. В. П. Астафьев для выражения интенсивной отрицательной оценки включает сниженную эмоционально-оценочную лексику в авторский текст.

Номинации лиц связаны со всеми сферами человеческой жизни, и то, как их использует ЯЛ, характеризует ее саму. Например, в употреблении общих и

частных обозначений человека по отношению к вере, религии проявляется религиозность ЯЛ авторов текстов, к тому же эти словозначения тесно связаны со временем создания произведения. В рассказах В. М. Шукшина, написанных в 1970-е годы, когда в СССР шла жесткая борьба с церковью, преобладают отрицательные оценки верующих, показано, что вера в Бога не соответствует социальной норме того времени, хотя верующие старухи описываются с симпатией. В. Г. Распутин в тексты повестей, тоже созданных в 1970-е годы, номинации верующих не включает, он или пишет о вере в положительном ключе, или не пишет ничего. В его поздних рассказах резко негативно оцениваются неверующие, отошедшие от традиций люди. В автобиографической повести В. П. Астафьева «Последний поклон», работа над которой велась с 1968 по 1991 год, ироническая оценка в значении дескрипций верующих в описании детства и юности в начале и середине повести заменяется сочувственной оценкой в описании зрелых лет в ее конце. Для всех трех русских писателей верующий человек – это православный христианин, это говорит о том, что вероисповедание ЯЛ или ее окружения оказывает влияние на употребление номинаций лиц по отношению к вере, религии.

Таким образом, наше исследование показало, что созданный в 1998 году «Русский семантический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой является эффективным инструментом анализа русской языковой личности второй половины XX столетия, ее идиолексикона и индивидуально-авторской ЯКМ. Лексические множества, подмножества и лексико-семантические ряды словаря могут быть использованы в качестве условного эталона для изучения вербально-семантического уровня ЯЛ. Применение методов условно-эталонного количественного и количественно-сопоставительного семантического анализа в исследованиях идиолексикона позволяет увидеть, как личность использует ресурсы лексической системы языка.

ГЛАВА 4

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК ЧАСТЬ ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В. П. АСТАФЬЕВА

Задача настоящей главы – рассмотреть, как в семантике отдельного слова, входящего в тексты, созданные ЯЛ, проявляются особенности ее мировидения. В предыдущей главе, в целях строгого сопоставления идиолексиконов трех языковых личностей, материал исследования для каждой ЯЛ был ограничен кругом текстов, включающих от 260 000 до 270 000 словоупотреблений. В этой главе анализ проводится на материале текстов одной ЯЛ, а именно на материале книг «Последний поклон», «Царь-рыба», «Затеси», романа «Прокляты и убиты», повести «Пастух и пастушка», «Оды русскому огороду», а также публицистики. Ограничение по общему количеству словоупотреблений в проанализированных текстах в этой части работы снимается.

Важным отличием данной главы от предыдущей является также то, что здесь в каждом разделе анализируется несколько значений одного слова, прослеживается соотношение этих значений друг с другом, тогда как в третьей главе разные ЛСВ слова распределяются по разным лексико-семантическим рядам и лексическим подмножествам, подобно тому, как это сделано в РСС.

4.1. Вербализаторы антропостереотипов как маркеры социальных качеств языковой личности

В настоящей главе объектом анализа является семантика слов *сибиряк*, *чалдон*, *мужик*, *баба*, *женщина*, *пролетарий*, *большевик*, *коммунист*, *турист*, *крестьянин*. Эти номинации человека в текстах В. П. Астафьева выполняют символьную функцию, указывают на принадлежность ЯЛ к определенной социальной группе, поскольку в своей семантике содержат положи-

тельную или пейоративную оценку, связанную с социально обусловленными коннотациями. Такие особенности языковых знаков описаны в: [Крысин, 2015а, с. 35].

Взятые для анализа слова относятся к разным ЛСР, однако их объединяет то, что все они включают в свое значение стереотипные представления о социальных ролях человека. Исследование стереотипов входит в число ключевых задач современного гуманитарного знания. Стереотипы – это те знания о мире, те ценности, которые и объединяют, и разделяют общество; «они составляют содержание культурно-языковой компетенции носителей конкретного языка; на основе стереотипов формируются символы культуры, нации, времени» [Федорова, 2009, с. 5].

Существуют стереотипные представления о мире живой и неживой природы, в данной работе нас интересуют **антропостереотипы**, под которыми понимаются стандартные представления, имеющиеся у людей, принадлежащих к определенной части общества, о людях, входящих в эту же или другую часть общества. Среди антропостереотипов выделяются этнические, субэтнические, гендерные, возрастные, социальные, социально-идеологические, поведенческие, психологические, религиозные и другие стереотипы – в зависимости от аспекта рассмотрения человека. В русском языке есть много названий человека, вербализующих стереотипы (см.: [Токарев, 2014]). Важным свойством стереотипных номинаций человека является то, что в прагматическую зону их семантики входит оценка, связанная с отличиями представителей определенной части общества от всех остальных людей.

Значение слова может быть определено только через анализ его синтаксматики. В исследованиях по лексической семантике были выявлены синтаксические и контекстуальные способы использования слов в качестве стереотипных названий человека (см.: [Крысин, 2015б, с. 208–212]). К этим способам относятся: атрибутивные и генитивные словосочетания, сравнительные обороты, конструкции, выражающие обобщение и гиперболизацию че-

рез употребление кванторных слов, использование модальных наречий, усилительных частиц и оценочных прилагательных, имплицатуры с противительными и уступительными союзами, переносное употребление названий лиц, фразеологизмы, пословицы, анекдоты.

В идиолексиконе ЯЛ репрезентирующие стереотипы названия человека указывают на то, как эта ЯЛ позиционирует себя в обществе, к какой его части себя причисляет, какую социальную группу считает референтной (см.: [Крысин, 2015а, с. 32]), какие ценности считает своими. Таким образом, вербализаторы антропостереотипов являются маркерами социальных свойств ЯЛ в созданных ею текстах.

4.2. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих субэтнические стереотипы

Задача настоящего раздела – рассмотреть, как представлены субэтнические стереотипы в значениях слов *сибиряк* и *чалдон* в художественных текстах В. П. Астафьева. Идеи, высказанные в данном разделе, ранее опубликованы в: [Башкова, 2014в, 2014г].

«Слово *сибиряк* играет важную роль в дискурсе В. П. Астафьева, оно встречается во всех его главных произведениях, поскольку большинство их героев – это люди, рожденные или проживающие в Сибири.

В словарях русского языка даются следующие толкования слова *сибиряк*: «уроженец или житель Сибири» [РСС, с. 72], «житель, уроженец Сибири» [Ожегов, Шведова, 1993, с. 740]. Как видим, здесь представлен только когнитивный макрокомпонент значения, он такой же и в дискурсе В. П. Астафьева, однако в его произведениях в большинстве контекстов у слова *сибиряк* выявляется и прагматический макрокомпонент значения, который включает ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки.

В первую очередь прагматический макрокомпонент значения проявляется в контекстах, где слово *сибиряк* обладает родовым или предикативным

денотативным статусом, то есть в предложениях с обобщенной актуализацией или в предложениях, где рассматриваемое слово выполняет функцию сказуемого или обособленного приложения. В таких высказываниях выражены авторские представления о людях, называемых существительным *сибиряк*.

Из этих контекстов выходит, что сибиряк – это человек с грубой внешностью, за которой скрывается душа, зачастую непонятная людям, приехавшим в Сибирь: *«Не обнаружив бородатых мужиков, обутых в чуни, в звериные шкуры, в медвежьих шубы, жрущих сырое мясо и живую рыбу (хотя есть любители и того, и другого на Севере, да и в Москве они есть), шумные строители сразу утратили к сибирякам интерес, игнорировали их как в жизни, так и в своих художественных творениях. Более того, не приложив труда заглянуть поглубже в душу сибиряка, по внешней грубой его оболочке составили мнение о нем и враждебное к нему отношение выявили. Впрочем, часто оно бывало обоюдным...»* [Комментарии // Астафьев. П. п.].

Сибиряк обладает крепким телосложением, отменным здоровьем, он закаленный и выносливый: *«И братья-крепыши, сибиряки, и подвиг их творческий ужли напрасны?»* [Последняя народная симфония // Астафьев. Затеси. Тетрадь 6. Последняя народная симфония]; *«Булдаков брэнчал от холода зубами, однако балаболит насчет сибиряков, которым холодная вода – родная стихия»* [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты]; *«Сибиряк-то выносливый зверь, он может жить без пищи, на морозе, в снегу»* [Там же].

Сибиряк стесняется на людях проявлять нежные чувства: *«И вспомнил я, как при словах “как я любила, милай мой” жена дяди всегда гладила его по голове обеими руками, как бы обмывала ее, эту, ох, какую в молодости красивую, волной волос с прорыжью украшенную голову. И дядя мой, истинный сибиряк, сконфуженно произносил: “Да ладно те”»* [Монблан // Астафьев. Затеси. Тетрадь 1. Падение листа]. В то же время он становится сентиментальным во время гулянки: *«Нет плаксивей народа, чем сибиряки в гулянке»* [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1].

Сибиряк гостеприимен, почитает общество, обладает чувством собственного достоинства: *«Он везде и всюду обходился своими силами, но был родом здешний – **сибиряк** – и природой самой приучен почитать «опчество», считаться с ним, не раздражать его, однако шапку при этом лишка не ломать, или, как здесь объясняются, не давать себе на ноги топор ронить»* [Царь-рыба // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]; *«...**сибиряку** обносить ложкой или чаркой людей позор и наказание»* [Рыбак Грохотало // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

Сибиряк – суеверный человек: *«...кондовые **сибиряки** избегают называть собственным именем дьявола и всякую нечистую силу»* [На дне реки // Астафьев. Затеси. Тетрадь 1. Падение листа].

Сибиряк переживает за судьбу России: *«И России, стране добрых, душевных, отзывчивых людей, – спокойствия и добра. А нуждается во всем этом твоя многострадальная страна. Я ведь **сибиряк**, и все это понимаю, стараюсь понимать и переживаю все это по-своему»* [В Польше живет «сибиряк» // Астафьев. Затеси. Тетрадь 7. Рукою согретый хлеб]. В данном фрагменте в письме к В. П. Астафьеву сибиряком называет себя польский писатель Збышек Домино, в детстве живший в Сибири и с тех пор считающий себя сибиряком. Следовательно, сибиряк – это не только человек, связанный с территорией Сибири, но и человек с особым мироощущением. Примечательно, что в названии рассказа, из которого взят этот пример, слово *сибиряк* заключено в кавычки – метатекстовый показатель, сигнализирующий о том, что слово используется в несвойственном ему значении, а в тексте рассказа употребляется без кавычек.

Сибиряк материально обеспечен и любит украшать свою жизнь: *«Ни колокольца под дугой, ни медного позвякивания бляшек, какими любили **сибиряки** украшать упряжь»* [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Сибиряк многое умеет делать, в частности умеет управлять лодкой: *«...ты ж **сибиряк**, в лодке умеешь...»* [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

Таким образом, общая оценка сибиряка в этих контекстах положительная, и даже недостатки (такие, как суеверие) не порицаются.

Все сказанное объясняет закономерности употребления слова *сибиряк* с конкретно-референтным денотативным статусом, то есть закономерности функционирования слова в предложениях, где им названы конкретные люди. Это существительное В. П. Астафьев использует только для обозначения персонажей, к которым испытывает симпатию, которые обладают какими-либо положительными качествами, внешними или внутренними.

В романе «Прокляты и убиты» словом *сибиряки* именуются бойцы и командиры Сибирской стрелковой дивизии, знаменательно, что это слово появляется только во второй книге романа, где описываются боевые действия, во время которых молодые парни взрослеют, становятся настоящими солдатами, многие из них погибают: *«Еще здесь командирами рот были старые, кадровые сибиряки: казах Талгат, лейтенант Шапошников»* [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты]; *«Получив под начало резервную, вспомогательную армию, генерал-полковник Лахонин изловчился забрать под крыло свое и «родную» дивизию, где сибиряков осталось по счету»* [Там же].

В романе «Прокляты и убиты» сибиряки – это сильные люди, которые благодаря навыкам, полученным в тайге, умеют воевать: *«Здесь, здесь, в огне, под пулями, где сам человек спасает себя от смерти, борется, хитрит, ловчится, чтобы остаться живым, уничтожая другого человека, так называемого врага, все и выступает наружу: “Война и тайга – самая верная проверка человеку”, – говорят однополчане-сибиряки»* [Там же]; *«– Схотели сибиряка голой рукой... – гомонил Леха Булдаков, перевязывая и ободряя раненого товарища [Колю Рындина], – своего пакета не жалел»* [Там же].

В книгах «Последний поклон» и «Царь-рыба» словом *сибиряк* названы дети: *«Провела [бабушка] рукой по грудке и по пузицу кривоногого мужика. В ответ на это действие молодой сибиряк блаженно потянулся, зажмурился, выдал крепкий звук, отчего все захохотали»* [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1.]; *«Я подошел, поцеловал их [ребятишек-племяшей] в запылен-*

ные мордахи, чем смутил обоих до невозможности – эти молодые *сибиряки* к нежностям не приучены» [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1]. В обоих примерах существительное *сибиряк* сочетается с прилагательным *младой*, что усиливает мягкую юмористическую окраску данных контекстов.

Таким образом, в дискурсе В. П. Астафьева ярко проявляется прагматический макрокомпонент в значении слова *сибиряк*; выбирая его для обозначения персонажей, писатель показывает, что проявляет к ним симпатию, для него сибиряки – это свои, родные люди. «Автостереотип сибиряков вербализуют слова и словосочетания, содержащие в своей семантике положительную оценку свойств, типичных для “своих”» [Фельде, 2011, с. 60]. (Отметим, кстати, что единственный контекст, где сибирякам приписываются явно негативные качества, передает точку зрения персонажа-контрагента главного героя: *«Толковач – сука, знал, что слива обладает слабительным свойством, но не сказал сибирякам-невеждам об этом. Хохочет, радуется: все вот обдристались, он вот нет!..»* [Астафьев. Так хочется жить].)

В «Последнем поклоне» В. П. Астафьев эксплицитно выражает мысль о том, что стремится объективно описать жизнь своих земляков: *«Словом, думал я думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом. Они были интересны мне и любимы мной такими, какие есть на самом деле, и жизнь их обыкновенная была привлекательней всех выдуманных, из папье-маше слепленных, бутафорской краской выкрашенных героев, у которых всегда грудь вперед и «передовая мысль» наготове»* [Комментарии // Астафьев. П. п.].

Если иметь в виду только когнитивный макрокомпонент значения слова *сибиряк*, представленный в рассмотренных выше словарных толкованиях, то сибиряками можно назвать всех астафьевских земляков, в том числе и тех, которых он негативно оценивает. Однако наличие прагматического макрокомпонента в значении слова, положительных ассоциативных и эмоциональ-

но-оценочных смысловых признаков не позволяет этого сделать. Так, например, в «Последнем поклоне» отмечается, что в большом сибирском селе много больных и убогих: *«...он [Санька] оказывался «вне игры», валился на траву вместе с девчонками, с недоросшими до настоящих сражений парнишками, с увечными, больными, убогими, каких в любом селе, тем паче в большом, сибирском, всегда было полно»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]. Однако словом *сибиряк* писатель называет только здоровых, сильных людей (или детей, но в юмористическом контексте).

Из произведений В. П. Астафьева выходит, что для него сибиряк – это не просто житель Сибири, но человек, обладающий особыми внешними и внутренними положительными качествами. Писателю свойственна метаязыковая рефлексия, в своих художественных произведениях он часто комментирует слова, чтобы пояснить читателю их значение, обратить внимание на их особенности. Метаязыковой комментарий сопровождает и слово *сибиряк* во фрагменте, где его употребление автонимно: *«Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней. Много их полегло в войну. Всему миру известно прославленное имя – сибиряк»* [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 2]. По сути, данный комментарий касается прагматического макрокомпонента значения слова, словосочетание *прославленное имя* выражает положительный эмоционально-оценочный смысловой признак.

Современные исследования субэтнических стереотипов, входящих в языковое сознание сибиряков, позволяют рассмотреть вопрос о том, в какой мере индивидуально-авторская картина мира В. П. Астафьева соотносится с региональной языковой картиной мира. Так, анализ ассоциативного поля «сибиряки» показал, что в структуре рассмотренного субэтнического стереотипа «выделяются в первую очередь эмоциональные компоненты (позитивная интерпретация черт, приписываемых «своим»...)» [Фельде, 2011, с. 64].

Личностные смыслы слова *сибиряк* у В. П. Астафьева во многом обусловлены тем, что его родина – Сибирь и он является носителем субэтничес-

ских стереотипов данного региона, целенаправленно представляет эти стереотипы в своих произведениях. «С актуализацией личностных смыслов, безусловно, связан творческий характер разговорной и художественной речи. И хотя личностные смыслы и в той, и в другой сфере употребления языка опираются на общенародные значения, их преобразование в художественной речи, в отличие от разговорной, целенаправленно, эстетически мотивировано и системно» [Пощепня, 1997, с. 86].

Таким образом, в произведениях В. П. Астафьева отражена региональная языковая картина мира, которая ярко проявляется в персоносемантике слова *сибиряк*, обладающего в дискурсе писателя положительными коннотациями» [Башкова, 2014в, с. 102–104].

«Теперь рассмотрим значение слова *чалдон*. В «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» в словарной статье «Чалдон» собраны толкования этого слова, представленные в разных диалектных и толковых словарях [Аникин, 2000, с. 639]. Если их сопоставить, то можно выделить несколько лексико-семантических вариантов когнитивного и прагматического макрокомпонентов значения слова *чалдон* (*челдон*) в разных говорах русского языка (далее – г. р. яз.).

Варианты когнитивного макрокомпонента значения: 1) 'местный коренной житель' среднеуральские г. р. яз.; 2) мн. 'коренные жители, аборигены Сибири' новосибирские г. р. яз.; 3) 'коренной сибиряк, русский' г. р. яз. в Среднем Прииртышье, на Алтае, амурские; 4) 'коренной сибиряк' красноярские г. р. яз.; 5) 'первые русские поселенцы, старожилы Сибири' новосибирские г. р. яз.; 6) 'потомок русских поселенцев Сибири, вступивший в брак с аборигеном (аборигенкой) Сибири' сибирские г. р. яз.

Варианты прагматического макрокомпонента значения: 1) 'ругательное слово для коренного сибиряка' томские г. р. яз.; 2) 'глупый человек' среднеуральские г. р. яз.; 3) 'некультурный, неразвитый человек' русские говоры Кузбасса; 4) 'неграмотный человек' прибайкальские г. р. яз.; 5) 'бродяга, беглый, варнак, каторжник' иркутские г. р. яз.

Как видим из словарных толкований, при некоторых различиях когнитивного макрокомпонента значения слов *сибиряк* и *чалдон* общее в их семантике – это 'житель Сибири'.

Больше различий наблюдается в прагматической зоне значения: многие качества чалдона в диалектах оцениваются отрицательно. Иначе говоря, слово обладает отрицательными коннотациями.

В «Енисейском энциклопедическом словаре» слово *чалдоны* толкуется следующим образом: «назв. старожилов Сибири, первых поселенцев и их потомков. В Приенисейском крае дополнительное значение: упрямый, здоровый человек» [Самотик, 1998, с. 676]. Здесь представлена оценка внешности и характера чалдонов.

Оценка чалдона, включенная в значение всех лексико-семантических вариантов диалектного слова, явно выражена и в дискурсе В. П. Астафьева: писатель часто употребляет эту лексему в оценочных контекстах. Рассмотрим, какими качествами обладает чалдон в произведениях сибирского писателя.

Внешние, физические качества. У чалдона крепкое здоровье, могучее телосложение, суровый облик: «...играючи управляется с тяжелой ношей **могучий чалдон** <...>» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты]; «...**основательно сложенная, на чалдона-сибиряка ликом похожая, насупленная русская печь**» [Астафьев. Так хочется жить]. Одеваются чалдоны в меха и не боятся мороза: «**И прежде в Сибири зимы бывали не бархатные, однако ж сытые чалдоны, одетые с ног до головы в собачьи меха, не особенно их признавали**» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Внутренние, психические качества. Чалдоны суеверны, верят в чудо, вспоминают Бога только в критической, опасной для жизни ситуации: «**Как положено суеверным чалдонам, хозяева потаились два дня...**» [Астафьев. Прокляты и убиты. Кн. 1. Чертова яма]; «**И тронуло суеверные души чалдонов подозрение: “Слово знает!”**» [Царь-рыба // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]; «**Однако ж на то я и чалдон, чтобы верить в чудо, в наговор, в приворот, в**

сглаз и в прочую чертовщину» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «Со мной произошло то, что происходило со многими **чалдонами** прежде и теперь, – в крайнюю минуту они вспоминали Спасителя, хотя во здравии и благополучии лаяли Его» [Там же].

Чалдоны упрямы: «Это я, **упрямый чалдон**, фэззошник-уркаган, рванул к тетке в гости» [Там же]; «**Чтобы чалдона с места своротить, шибко много всего надо**. Ты ему: “Стрижено”, а он тебе: “Брито”» [Там же].

Чалдоны настырны, самолюбивы, жадны: «**Чалдонская настырность, самолюбство, жадность**, которую он почел азартом, ломали, корежили человека, раздирали на части» [Царь-рыба // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

Чалдоны доверчивы и простодушны, их легко обмануть, в то же время они сами могут ограбить другого человека и думают, что грехи можно искупить деньгами: «Леха Булдаков на базаре отыскал банду картежников, обогоривал **доверчивых простаков-чалдонов**» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты]; «**Золотишники-чалдоны ушлые были: пограбят, пограбят, потом каждый на свои средства – храм! И все грехи искуплены! Простодушные все-таки люди!**» [Астафьев. Пастух и пастушка].

Чалдоны неуравновешенны, сумасбродны, несдержанны в проявлении чувств, в работе долго не раздумывают, напиваются допьяна, дерутся: «**Китайцы редко гуляли, больше работали и никогда не напивались допьяна, не дрались, чем озадачивали чалдонов, которые все делали с маху и в работе вели себя, как в драке**» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Чалдоны умеют приспособиться к изменившейся социальной и политической ситуации, для того чтобы выжить: *...поселок Покровка состоит из чалдонов, из села сбежавших, быстренько пристроившихся к политическому курсу и переименовавших Покровку в слободу Весны* [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

Чалдоны бьют своих жен, держат семью в страхе, но женщины их любят: «**Конечно, поудовольствовать женищину так, как Вася, никакой поселенец не мог, тут им с нашими мужиками не тягаться, мало каши ели. Но**

всем остальным они затирали **чалдонов**. Тихой сапой, податливостью характера, трудолюбием и трезвостью большое они впечатление производили на здешних **женщин**, за которыми во все времена земляки гонялись с **кольями**, палили из **ружей в потолки** и вообще держали семью и хозяйство в **постоянном напряжении**. Не жизнь – маета сплошная была у наших баб, а сошлись с «нелюбыми» и, как тетка Дуня по своему Филиппу, **сохнут по первому мужу, тоскуют всю жизнь**» [Приворотное зелье // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Чалдоны любят много и вкусно поесть: «...**чалдоны в рыбе толк знают и чего с чем есть – очень даже хорошо разбираются**» [Стряпухина радость // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «**Чалдоны говорят, коли последний блин или пельмень в рот вкладываешь, а на первом сидишь, значит, все, насытился человек...**» [Там же].

Приведенные примеры показывают, что о чалдонах В. П. Астафьев часто пишет с юмором. Как и многим народам, чалдонам свойственна самоирония.

Несмотря на то что в своих книгах В. П. Астафьев показывает непривлекательные свойства чалдонов, писатель их любит, поскольку это свои, родные люди (любимая бабушка В. П. Астафьева была чалдонкой). На чалдона можно положиться в трудной ситуации, он не бросит человека в беде, обязательно спасет: «**Чалдон! Доподлинный чалдон! Пока встает и обувается, уж поворчит, поругается. Но пустит. Обязательно пустит. Обогреет, ототрет, последнее отдаст**» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Таким образом, проведенный анализ показал, что личностные смыслы слов *сибиряк* и *чалдон* у В. П. Астафьева во многом обусловлены тем, что его родина – это Сибирь и он является носителем субэтнических стереотипов данного региона, целенаправленно представляет эти стереотипы в своих произведениях, где отражена региональная языковая картина мира. Писатель использует эти слова для того, чтобы показать разные качества своих земляков.

Лексема *сибиряк* в дискурсе В. П. Астафьева обладает исключительно положительными коннотациями, а в значении слова *чалдон* содержатся отрицательные оценки, как и в сибирских говорах русского языка. Писатель не идеализирует своих земляков, но относится к ним с любовью и многие их недостатки описывает в юмористическом ключе» [Башкова, 2014г, с. 291–294].

4.3. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих гендерные стереотипы

Задача настоящего раздела – рассмотреть, как представлены гендерные стереотипы в значениях слов *мужик, мужчина, баба, женщина*; показать, как эти стереотипы связаны с персоносемантикой в художественных произведениях В. П. Астафьева: в книгах «Последний поклон» и «Царь-рыба», в романе «Прокляты и убиты», в повести «Пастух и пастушка», в «Оде русскому огороду». Идеи, высказанные в данном разделе, ранее опубликованы в: [Башкова, 2014д, 2014е, 2014ж].

Гендерные стереотипы рассматриваются преимущественно в рамках гендерной лингвистики, одного из наиболее популярных направлений современной западноевропейской и американской лингвистики (см.: [Gender and discours, 1997; Eckert, McConnell-Ginet, 2003; Lacoff, 2004; Coates, 2004]). В нашей стране гендерная лингвистика начинает активно развиваться с 90-х годов XX века.

Как уже было отмечено в предыдущей главе, названия лиц по полу и возрасту относятся к наиболее употребительной лексике. Таблица 13 отражает частотность словоупотреблений номинаций *мужик, мужчина, баба, женщина* в художественном дискурсе В. П. Астафьева:

Таблица 13. Количество словоупотреблений лексем *мужик*, *мужчина*, *баба*, *женщина* в произведениях В. П. Астафьева

	Количество словоупотреблений лексемы <i>мужик</i>	Количество словоупотреблений лексемы <i>мужчина</i>	Количество словоупотреблений лексемы <i>баба</i>	Количество словоупотреблений лексемы <i>женщина</i>
В книге «Последний поклон»	231	6	186	124
В повествовании «Царь-рыба»	103	16	50	59
В повести «Пастух и пастушка»	11	7	10	52
В романе «Прокляты и убиты»	94	12	76	82
В «Оде русскому огороду»	10	3	3	15
Общее количество	449	44	325	332

Такое количественное соотношение словоупотреблений отражает взгляд В. П. Астафьева на лиц мужского и женского пола. Лексему *мужик* писатель употребляет намного чаще, чем лексему *мужчина*. Главный герой большинства его произведений – это деревенский мальчик, парень, мужик, солдат, таежник, охотник, рыбак, для наименования такого типа героя больше подходит слово *мужик*. *Мужик* – это свой, деревенский. Отношение к лицам женского пола более сложное. С одной стороны, деревенские *бабы* – это свои. С другой стороны, *женщины* – это объект любви, поклонения. Слово *женщина* указывает на дистанцию между ЯЛ автора текста и лицами, которые именуются этим словом.

Начнем наш анализ с рассмотрения **семантики и синтагматики слова *мужик***. «В XXI веке возрастает интерес к проблеме российской маскулинности, появившиеся исследования характеризуются междисциплинарным и теоретическим разнообразием. «Типы маскулинности в России анализировались с точки зрения литературоведения и cultural studies, истории, искусствоведения, гендерных штудий, антропологии, политологии, социологии и пси-

хологии» [Коннор, 2008, с. 324–325]. Проблема маскулинности интересует и гендерную лингвистику (см.: [Горошко, 1996; Малишевская, 1999; Фомин, 2004; Прокудина И. С., 2009а]). Одним из способов решения данной проблемы является анализ функционирования слов, обозначающих человека мужского пола.

Слово *мужик* неоднократно привлекало к себе внимание лингвистов в связи с интересом к выражению гендерных стереотипов (см., например: [Гайфуллина, 2008; Ефремов, 2009; Лян Сюдзюань, 2009; Кувшинова, 2010; Жаданова, 2012]).

В художественном дискурсе В. П. Астафьева существительное *мужик* относится к числу наиболее частотных. Так, в книге «Последний поклон» оно употреблено 231 раз, в книге «Царь-рыба» – 103 раза, в романе «Прокляты и убиты» – 94 раза, в повести «Пастух и пастушка» – 11 раз. Другие лексемы с корнем «*муж*», в том числе и слово с наиболее общим значением *мужчина*, встречаются в астафьевских текстах значительно реже. В «Последнем поклоне»: *муж* – 68, *муженек* – 1, *мужичище* – 1, *мужичок* – 3, *мужичонка* – 10, *мужичье* – 3, *мужчина* – 6, *мушшина* – 1. В «Царь-рыбе»: *муж* – 17, *муженек* – 1, *мужичок* – 5, *мужичонка* – 24, *мужичье* – 2, *мужчина* – 13. В романе «Прокляты и убиты»: *муж* – 31, *мужичок* – 2, *мужичье* – 3, *мужчина* – 12, *мушшина* – 3. В повести «Пастух и пастушка»: *мужичонка* – 2, *мужчина* – 7.

Таким образом, в художественном дискурсе В. П. Астафьева взрослый человек мужского пола чаще всего обозначается словом *мужик*, и для реконструкции индивидуально-авторской ЯКМ писателя, входящих в нее гендерных стереотипов анализ семантики этого слова важен» [Башкова, 2014д, с. 105].

Словари русского языка дают следующие толкования рассматриваемого слова.

Словарь Д. Н. Ушакова: «**МУЖИ'К**, *á, м.* **1.** В устах «господ» (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин <...> **2.** В том же языке «господ» – грубый, невоспитанный человек вообще (разг. пренебр. устар.)

<...> **3.** Мужчина (обл. и простореч. фам.) <...> **4.** Муж (обл.)...» [Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, 1938, стб. 274–275].

Малый академический словарь: «**1.** *Устар.* Крестьянин <...> || *Прост. устар., бран.* О грубом, невежественном человеке <...> **2.** *Прост.* Мужчина <...> || Достигший зрелости, преимущественно женатый мужчина <...> **3.** *Прост.* Муж, супруг <...> **4.** *с определением.* *Устар.* Работник, выполняющий грязную, грубую работу по дому...» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1986. Т. 2, с. 309].

«Большой толковый словарь русского языка»: «**1.** *Трад.-нар.* Деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин <...> **2.** *Разг.-сниж.* О любом мужчине <...> **3.** *Разг.-сниж.* Муж, супруг; сожитель <...> **4.** *Разг.-сниж.* О грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2014].

В художественных произведениях В. П. Астафьева слово *мужик* употребляется в трех значениях:

1. Мужчина, достигший зрелости. «*После танцев мужики и парни, как и прежде, водили девушек по лесу, прижимая их спиной к деревьям*» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «*Да-а, вот бы поскорее бы вырасти да с мужиками бы на охоту да на рыбалку бы*» [Предчувствие ледохода // Астафьев. П. п. Кн. 3].

2. Крестьянин, деревенский мужчина: «*С пустыми руками и с порожними подводами город встречал мужиков неохотно*» [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «*Существовал закон, защищающий интересы крестьян. Но мужики закона того не знали*» [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «*Н-да, гладко ты баешь, а мужика-то, крестьянина, они охотули, извели*» [Не хватает сердца // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1.].

3. Муж, супруг, сожитель: «*Бабы грохнули, и каждая из них, выпив рюмочку, сказала про своего мужика такое, чего в другой раз не только сказать, но и помыслить не посмела б*» [Осенние грусти и радости // Астафьев П. п. Кн. 1]; «*Все свое имущество он оставил Михрютке-лярге, и она, с до-*

мом, с картошкой, с Васькиным и мужниным барахлом, скоро нашла себе другого **мужика** и тоже донимала его хныканьем насчет ребенка, которого у нее, как выяснилось, не было и быть не могло» [Сорока // Астафьев. П. п. Кн. 3].

«В. П. Астафьев не использует существительное *мужик* для выражения пренебрежительной оценки, указанной в качестве одного из значений этого слова в словарях. Индивидуально-авторская картина мира писателя во многом совпадает с диалектной ЯКМ, в которой своя система координат.

В мире, изображенном В. П. Астафьевым, слово *мужик* является наиболее общим, нейтральным обозначением взрослого человека мужского пола, а слово *мужчина* оказывается в большинстве контекстов (кроме повести «Пастух и пастушка») стилистически маркированным – указывает на высокий стиль, иронию или речь городского интеллигентного человека» [Башкова, 2014д, с. 105]: «...но главное – пример родителей Доната Аркадьевича, Татьяны Илларионовны, пример святого отношения **мужчины** к женщине, верный до гроба их союз должен же был когда-то и где-то отозваться» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты]; «Тучнеющий, несмотря на гимнастики, юноша-**мужчина** упорхнул на палубу, резво пробежал мимо окна с выводком девиц, жужжа кинокамерой» [Не хватает сердца // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]; «...она закуривала и, когда я снова принялся за еду, еще спросила: – Не знаешь, что ли, **мужчине** женщину бить не полагается?..» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].

«В дискурсе В. П. Астафьева слово *мужик* чаще всего употребляется в первом значении, в сочетаемости этого слова отражены мужские стереотипы, свойственные русской сибирской деревне 30–70-х годов XX века, особенно ярко эти стереотипы представлены в книге «Последний поклон», где мир изображен с позиции мальчика, мечтающего стать мужиком.

Наиболее распространенные коннотации, связанные со словом *мужик* в дискурсе В. П. Астафьева, следующие» [Башкова, 2014д, с. 105]:

1. Мужик выполняет тяжелую физическую работу, он хозяин: *«Мужик Миша, совсем мужик, в годах не таких бы и больших, да рано в работе распочатых – на лесозаготовках, на сплаву да на реке изъезженных»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«Как-то незаметно для всех Кеши сразу из парнишки превратился в мастерового, домовитого мужика, и пока мы еще лоботрясничали, вытворяли разные штуки, не желая разлучаться с детством, он уже вел хозяйство...»* [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«Суровы ликом сибирские деревни, и на нашем селе, придавленном снегами и морозом, еще и скорбь какая-то невыносимая – нет мужиков, стало быть, и лошадей нету, не звенят пилы, не стучат колуны по дворам...»* [Там же]; *«...должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2].

2. Мужик занимается охотой и рыбалкой: *«Мужики все на Мане из ружей палят да рыбачат, еще кедровые орехи добывают, продают в городе добычу»* [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«...к шестнадцати-семнадцати годам шурьшикарский пареван умел уже все: ходить на лодке, управляться с сетями и на сенокосе, промышлять в тайге, пить водку, любить и бить бабу. Оттого и жил шурьшикарский мужик на белом свете недолго, но уж зато наполненно, в большом удовольствии»* [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

3. Мужик – воин, защитник Родины, многие мужики не вернулись с войны: *«Молодые мужики за Родину, за народ жизни положили, стало быть, и за них, за баб, тоже...»* [Приворотное зелье // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«...почти все наши мужики ушли той дорогой на войну, многим из них не суждено было изведать счастья возвратного пути»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

4. У мужиков суровый характер, они не любят нежностей, мужики смелые, гордые, сильные, ловкие: *«Мы – мужики, пусть в игре, но мужики, и суд наш молчалив, а приговор суров: не брать хлюзду в игру!»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; *«Не принято у нас, у дураков, никаких нежно-*

стей. Маленькие еще, куда ни шло, можем приласкаться, но как в возраст вошел – шабаш, бука букой! Особенно если ты парень или **мужик**» [Приворотное зелье // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «...но я – **мужик**, охотником буду, зверовиком, стало быть, мне никак не полагается расти трусом» [Бурундук на кресте // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «Под вечер **мужики** с громким говором, возбужденные предчувствием рыбалки, требующей ловкости, сметки и быстроты, отправились на реку...» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «Вот это **мужик!** Сила!» [Дядя Филипп – судовой механик // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «Терпенья у степенных **мужиков** мало, гордости и дел много» [Карасиная погибель // Астафьев. П. п. Кн. 2].

5. Мужики пьют спиртные напитки: «Я схватил бутылку, задержал дыхание, остановил всякое движение в теле и в широко растворенный рот вылил спирт – так пьют настоящие умельцы, слышал я, так пьют **ходовые мужики**, покорители морей, воздушных, арктических пространств...» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «Хорошо им было, даже жарко возле такого пекла, но шибко закоптились да и от пьянства почернели **мужики**» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «Там вразброс спали и набирались сил самые прыткие на выпивку **мужики**» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1].

Слово *мужик* является социальной номинацией человека, обозначает социальное лицо. По определению И. Е. Кима, «**социальное лицо** объединяет в себе натурального человека и его знаковую ипостась, содержанием которой в принятой социологической терминологии является **социальный статус**, который определяют как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения. Статус – это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка» [Карасик, 1992, с. 3]. Именно соединение «физической сущности» ли-

ца и его социального статуса является **социальным лицом**» [Ким И. Е., 2010, с. 48].

«В. П. Астафьев показывает соотносительное положение мужика в социальной системе через оппозиции, в которые входит слово *мужик*. Их члены противопоставлены по признаку пола (*мужики – бабы, женщины*), возраста (*мужики – ребятишки, подростки, парни, старики*), месту в политической системе управления (*мужики – государство, органы власти*), месту жительства (*мужики – горожане*)» [Башкова, 2014д, с. 105].

Наиболее детально В. П. Астафьев рассматривает гендерную оппозицию прежде всего в книге «Последний поклон». Эксплицитным способом выражения сопоставительных отношений являются конструкции с союзом *а*: «*От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют...*» [Далекая и близкая сказка // Астафьев. П. п. Кн. 1].

В сложносочиненных предложениях с союзом *но* выражается несоответствие ожидаемому ходу событий: «*Мужикам в эту избу доступа сегодня не было и быть не могло. Проник было дядя Левонтий под тем видом, что не может найти нужную позарез вещь в своем доме, но женщины так зашумели, с таким удальством поперли на него, замахиваясь сечками и ножиками, что он быстренько, с криком: “Сдурели, стервы!” – выкатился вон*» [Осенние грусти и радости // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «*По всем статьям мужик, если он истинный гробовоз, должен бабу шугануть, столкнуть ее с кровати, но он послушно подвигается, пускает жену под одеяло да еще и подтыкает под спину, чтоб теплее и мягче жене было*» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «*Не знаю, что бы мы натворили, скорее всего до цели не дошли бы, схватились бы с кем-нибудь другим, но бабы, наши российские бабы, твердо знающие свою задачу: хранить мужиков от бед, напастей и дури, стали боевым заслоном у речки и за водный рубеж нас не пускали, бесстрашно вырывая дреколье, расталкивали по сторонам*» [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

На уровне простого предложения оппозиция *мужики – бабы* выражена актантным распределением ролей, это преимущественно субъектно-объектные отношения: «...**бабы**... все чепляют, чепляют друг дружку, в особенности **мужика**» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «...высоким голосом кого-то пушит **баба. Мужика**, конечно, кого сейчас еще бабам пушить?» [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «...**бабу** свою заодно утопил бы – не скалила чтоб зубы, когда **мужик** подыхает без курева!..» [Там же]; «Севши на бережок, **мужики** курят табак, обмениваются впечатлениями, поругивают **баб**...» [Предчувствие ледохода // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Особое внимание писатель обращает на разрушение традиционного уклада жизни и традиционного распределения ролей мужчины и женщины:

*«**Нынешняя баба-женщина** не пылила бы, не бранилась, взяла бы лом, топор и пошла бы лед долбить. Но в те годы равноправие утвердилось еще не полностью и **бабы не делали мужицкую работу, мужики – бабью**»* [Там же].

*«– Не-эт, парень, ко краю идем, вот что. Раз уж **баба с ножиком на мужика**, это уж все, это уж, парень, **полный переворот, последний, стало быть, предел наступил**. Остается только молиться о спасении. Вот у меня сам-то черта самого самовитее, и поругаемся когда, но **чтоб с топором, с ножиком на мужа?**.. Да Боже сохрани нас и помилуй. Не-эт, товаришшы дорогие, **крушенье укладу, нарушение Богом указанного порядку**»* [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1].

Не менее значима, хоть и не столь частотна в дискурсе В. П. Астафьева оппозиция *мужики – государство, представители власти*, поскольку тема уничтожения крестьянства – одна из главных тем его творчества: «*За старшего в семье ломил на лесобирже рубчицом второй мой дядя – пятнадцатилетний Ваня, и с него, как свидетельствует расчетная книжка, делались вычеты, как и со всех спецпереселенцев. Посадили кормильца, обозвали «элементом», да еще и «вредным», вот и пусть с четырнадцати лет кормит и*

содержит этот «элемент» *мордатых и беспощадных дядей с наганами*. Мудрая же политика – уничтожат, а потом спохватятся: “Ах ты, разакты, опять перегиб! Опять нас, наставников, охранителей передовой морали и строгого порядка, кормить некому! Сыскать мужика! Куда-то спрятался, хитрован? Мы за него работать должны?!”» [Осенние грусти и радости // Астафьев. П. п. Кн. 1].

«В приведенном выше фрагменте текста (отсылающем к «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина) люди, находящиеся в оппозиции к мужику, эксплицитно репрезентированы существительными и определяющими их прилагательными (они выделены жирным шрифтом). Однако часто В. П. Астафьев использует неопределенно-личные предложения, в которых никак не называет представителей власти, тех, кто уничтожает мужиков» [Башкова, 2014д, с. 106]. Такой способ репрезентации передает атмосферу страха перед неизвестным злом: *«Позднее мужиков просто скороспешно уничтожали и задним числом чохом составляли списки подсудимых»* [Бурундук на кресте // Астафьев. П. п. Кн. 2]; *«Когда упрямого, загнанного в самое болото мужика пришли кулачить в пятый раз – он повесился»* [Там же]; *«Мужики же овсянские нынче в разброде, на собраниях сидят, по бригадам бывших заимок толкутся да на мельнице пьянствуют. Их стали часто на какие-то комиссии да обследования вызывать. Несколько мужиков после вызовов в город домой не явились»* [Пеструха // Астафьев. П. п. Кн. 2].

«Определения, характеристики мужика, которые дает В. П. Астафьев в рассматриваемых произведениях, свидетельствуют о том, что для писателя важны и физические, и психо-ментальные, и поведенческие, и социальные особенности людей, называемых данным словом. Так, в книге «Последний поклон» В. П. Астафьевым выбирает следующие параметры для характеристики мужиков:

1) внешность: *большой, до костей изработанный мужик; плотный мужик в долгополом армяке, в рубахе из домотканого холста, в древних, за-*

лиселых сапогах; квадратный мужик с квадратным лицом, с руками квадратными, с носом квадратным, со лбом квадратным; мужик, присадистый, с толстыми жилами на шее, глубокими складками у рта и в узлы завязанными ревматизмом пальцами рук; высокий, грузный, с виду вяловатый мужик; заморенные мужики; одинакового ростика, даже лицами схожие, что родные братья, мужики; мужик в милицейской фуражке; голый мужик; мужик на деревянной ноге; хромой мужик; кривоногий мужик;

2) физические свойства: *сильные мужики; здоровые мужики; силой не обделены;*

3) возраст: *молодые мужики; еще молодой мужик; совсем мужик, в годах не таких бы и больших, да рано в работе распчатых; взрослые мужики;*

4) психические свойства или состояние: *гордые мужики; отчаянные мужики; мужики неробкого десятка; угрюмый мужик; остывающие мужики; истомившиеся мужики;*

5) интеллектуальные качества: *умный мужик; смекалистый мужик;*

6) умение трудиться, вести хозяйство: *умелые мужики; трудяга мужик; хозяин-мужик; мастеровой, домовитый мужик;*

7) поведение: *боевые мужики; степенные мужики; мужики, такие боевые в драках, неистовые при лупцовке баб своих, лошадей и всякой другой беззащитной скотины; непутевые мужики; мужик путевый, не шарпачня; еще не разбалованные, не извольничавшиеся, не разболтанные мужики; разболтанный, безалаберный мужик; хваткий мужик; ходовые мужики;*

8) отношение к спиртным напиткам: *пьющие мужики; пьющий мужик; самые прыткие на выпивку мужики; самые стойкие мужики; пьяный мужик; давно спиртного не пившие мужики; давно «не причащавшиеся» мужики;*

9) социальное положение: *рабочие мужики; мужики-лишенцы; мужик из современных новопровозглашенных хозяев жизни и радетелей перестройки;*

10) образование: *грамотный мужик;*

11) модальность: *позарез нужные заполярной стройке мужики*;
12) отношение автора: *славный мужик*;
13) именование: *мужик под названием Евланя, Евлампий, значит; мужик Федоран Фокин; мужик Кирила Мефодьевич Зимин; мужик по фамилии Девяткин; мужик Михаил Луконин.*

14) социальная локализация: *мужики у Потылицыных; мужик искони здешний; деревенский мужик; деревенские мужики; истинно русский мужик; овсянские мужики; сидоровские мужики; мушковские мужики;*

15) социальная актуализация (отношение сопричастности): *наши мужики, мой мужик; свой мужик; знакомый мужик*» [Башкова, 2014д, с. 106].

Два последних параметра выделены И. Е. Кимом и определяются следующим образом: «**Социальная локализация** представляет собой включение социального субъекта в состав другого социального субъекта, имеющего точное и независимое от участников коммуникативной ситуации или других индивидов расположение на «социальной карте» мира. **Социальная актуализация** связывает носителя социального статуса с участниками прагматической ситуации или людьми, входящими в их личную сферу» [Ким И. Е., 2010, с. 50].

«Таким образом, главные темы творчества В. П. Астафьева: война, сибирская деревня и тайга – предопределяют значимость мужского начала в его индивидуально-авторской ЯКМ. Анализ семантики и синтагматики слова *мужик* позволил выявить мужские стереотипы, представленные писателем. Большинство мужиков В. П. Астафьева много физически работают, охотятся и рыбачат, воюют, защищая Родину, гибнут на войне, мужики много пьют, любят и бьют баб, мужиков уничтожает собственное государство, поэтому, чтобы выжить, они должны быть сильными. Слово *мужик* в художественном дискурсе В. П. Астафьева употребляется в трех значениях: ‘мужчина’; ‘деревенский мужчина, крестьянин’; ‘муж’. Стилистическая окраска этого слова нейтральная, отрицательных коннотаций нет. На этом фоне нейтральное в литературном языке слово *мужчина* в произведениях В. П. Астафьева вос-

принимается как стилистически окрашенное, в большинстве контекстов сопровождающееся иронической оценкой» [Башкова, 2014д, с. 106]. Смещение стилистических акцентов в авторской картине мира В. П. Астафьева является показателем отличной от общепринятой официальной социальной иерархии: для писателя крестьянин, рабочий мужик обладает более высоким социальным статусом, нежели представитель власти.

Анализ семантики и синтагматики слова *баба*. Это слово многозначное. В толковых словарях русского языка его значения, связанные с именованием человека, определяются следующим образом:

«**БАБА** ж. Замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодницею, или вдова <...> | Мать отца или материна, жена деда <...> | Жена; крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою, разве хозяйкою <...> | Повитуха, повивальная бабка, приемница <...> | Бранно, мужчину зовут бабою...» [Даль, 1998. Т. 1, с. 32–34].

«**БАБА**, *ы, ж.* **1.** В устах “господ” (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка; *противоп.* девка <...> **2.** Жена (простореч.) <...> **3.** Вообще женщина (разг. вульг.) <...> **4. перен.** Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (разг. презрит.)...» [Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, 1935. Т. 1, стб. 73–74].

«**БАБА**, *-ы, ж.* **1.** *Устар.* Замужняя крестьянка <...> || Простая, необразованная женщина <...> **2.** *Прост. и обл.* Жена <...> **3.** *Прост., обычно пренебр.* Женщина вообще <...> **4.** *Разг. презр.* О слабом, нерешительном мужчине, мальчике <...> **5.** *(обычно с именем собственным).* *Разг.* То же, что бабушка...» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981. Т. 1, с. 53].

«**БАБА**, *-ы, ж.* **1.** *Трад.-нар.* Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка <...> **2.** *Разг.-сниж.* О любой женщине <...> // О неопрятной женщине. **3.** *Разг.-сниж.* Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена <...> **4.** В речи детей: бабушка <...> **5.** *Презрит.* О робком, сла-

бохарактерном мужчине, мальчике...» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2014].

«Большинство значений слова *баба* в словарях XX века сопровождается стилистическими пометами, многие из которых указывают на отрицательную оценку человека, названного этим словом: вульгарное, пренебрежительное, разговорно-сниженное, презрительное.

В художественном дискурсе В. П. Астафьева слово *баба* имеет следующие значения:

1. О любой женщине: «Она **баба**, женщина, хоть в крике забывается, отходит, облегчается ее изнывшая душа» [У золотой карги // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]; «Жена его, из местных чалдонок, **баба** боевая и тоже здоровая...» [Рыбак Грохотало // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

2. Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка, противоп. девка, старуха: «Тишком, бочком просочатся деревенские **бабы** в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туесок» [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «И все же, пусть и сквозь слепящую пленку, Лешка Шестаков заметил впереди на безлюдной улице **бабу** в клетчатом полушалке, в валенках, насунутых на босую ногу, с коромыслом и ведрами на плечах» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

3. Жена: «– Ты вот че, как выступишься, ко мне валяй – дрова пилить можешь, **баба** покормит» [Соевые конфеты // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «– Вот эта какая-то несчастная женщина тебе в **бабы** достанется...» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты]; «– Ты че задумал-то, о-о-ой! У меня ж **баба**, парнишка растет. – У меня тоже **баба**, двое детей, малых» [Там же].

4. Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.: «“**Баба** у тебя на фронте, конечно, была?” – “Была”. – “И не одна?” – “Не одна”. – “Много?” – “Не считал, некогда, воевать же надобно...”» [Там же]; «За фронтом тучей движется надзорное войско, строгое, умытое, сытое, с ба-

*бами, с музыкой, со своими штандартами, установками для подслушивания, пыточными инструментами...» [Там же]; «– Этот человек без особых претензий к миру – водка, **баба**, конвой помилосердней [Там же]; Битва, **бабы**, шнапс – это и есть жизнь настоящего воина» [Там же].*

5. Неопрятная, грубая женщина: *«Неуклюже ступающая, изрядно поддтая **баба** в ржаво-оплесканной куртке, которая еще в первой пятилетке была белой, разносила уху в щедро наполненных тарелках, из которых торчали аппетитные осетровые хрящи. Принесла Луконину – ничего. Юре принесла – тоже ничего. Но как пошла ко мне, тревожно мне сделалось: совсем развезло **бабу**, едва ковыляет, вцепившись в тарелку, погрузив оба больших пальца в горячее варево. Нарывают, видно, пальцы-то, врачи велели их в теплом держать. “Ой, кабы не облила она меня!” – подумал я, и только так подумал, **баба** хлесь мне уху на брюки, на французские-то. Угодила точь-в-точь ниже живота... Я вскочил, петухом закукарекал, брюки горячие оттягиваю, чтобы спасти что еще от войны осталось, а **баба** мне: “Расселся тут, как хер на именинах!..”» [Забубенная головушка // Астафьев. П. п. Кн. 3].*

6. Бабушка, мать отца или матери (преимущественно в речи детей): *«Растили Ксюшку, однако, дед с **бабой**, не жили и баловали ребенка, потому как зятя перевели в еще более отдаленный район, чуть ли не в дикую Монголию сунули» [Астафьев. Прокляты и убиты. Кн. 2. Плацдарм]; «Не разнимая рук, я кубарем перевалился через городьбу нашего огорода и, увидев бабушку, полющую гряды, завопил: “**Баба! Баба!**”» [Легенда о стеклянной кринке // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «– Ешь и ступай к дедушке на заимку. – Один, **баба?**» [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1].*

7. Старая женщина (в сочетании с именем собственным, так называют хороших знакомых): *«Понял я, что папа, будучи под градусами, возжаждал общения и подался за речку Быковку к **бабе** Даше – “на беседу”. К **бабе** Даше приехал младший сын, тоже большой выпивоха и страшный охотник, да и Паруня тут случилась» [Забубенная головушка // Астафьев. П. п. Кн. 3];*

«Как про бэ-тэ-тэи вымолвили, **баба** Капитолина и слегла, думая, что так нынче именуется энкавэдэ» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «Смотрю в окошко через переулочок. В огороде ковыряется глухая **баба** Ульяна, из-под серенького платочка цигарка торчит» [Там же].

С позиций компонентного анализа общие семы всех семи значений слова *баба* – 'человек', 'женский пол', 'взрослый', именно они составляют первое значение слова» [Башкова, 2014е, с. 108]. Семантические признаки 'человек' и 'женский пол' указывают на физические качества, признак 'взрослый' связан с физической и социальной сферами, поэтому даже в этом, первом значении слово *баба* обозначает социальное лицо (см.: [Ким И. Е., 2010]). В произведениях В. П. Астафьева социальный компонент значения этого слова отчетливо выражен, что проявляется и в синтагматике его дериватов: «И у меня была тетка. По отцу. Звали ее Авдотьей, но на селе знали как Дуню, потому что до **взрослого бабьего звания** она здесь не дотянула» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Выделенные здесь 2–7-е значения слова *баба* включают в себя семы, указывающие на социальный статус, социальное поведение, социальные, межличностные отношения.

«Прагматический компонент наиболее ярко представлен в 4–7-м значениях слова *баба*. 4-е и 5-е значения содержат отрицательную, пренебрежительную оценку человека, названного данным словом. 6-е и 7-е значения выражают положительную оценку, во многом обусловленную включением человека, названного словом *баба*, в личную сферу говорящего.

Употребление слова в 1–3-м значениях сопровождается как положительной, так и отрицательной оценками. В художественном дискурсе В. П. Астафьева оценка бабы во многом обусловлена позицией человека, дающего эту оценку: самого автора или персонажа. Получается, что оценка бабы характеризует не только бабу, но и автора оценки.

В художественном дискурсе В. П. Астафьева слово *баба* обладает следующими коннотациями» [Башкова, 2014е, с. 108]:

«1. У бабы трудная, тяжелая жизнь: *«Умерла тетка Агафья. Сергеевская Агафья – так звали ее на селе. Жизнь прожила она длинную и трудную, как и многие овсянские бабы»* [Кончина // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«...война будет долгой, и на долю нашего народа, стало быть, прежде всего на женскую долю падут такие тяжести, какие только нашим русским бабам и посылны»* [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

2. В жизни бабы много горя, тоски: *«Тетка Васенья торопливо утерлась передником, сидит, опершись на стол, тупая, послушная. В позе, в лице, в движениях ее такая неизбывная, дна не имеющая тоска, что и сравнить ее не с чем, потому что не для горя-тоски рождался этот человек, и оттого это горе-тоска раньше других баб размоют ее, разорвут, как злая вешняя вода рыхлую пашню»* [Там же]; *«Сникли бабы, головами затрясли, платками заутирались: – Да уж, ниверситет дак ниверситет, будь он проклятой! Есть че вспомнить! До горла в снегу, на военной пайке-голодайке... Мужички чембары подпояшешь, топор-пилу в руки – и на мороз, в трещебник!.. Слез-то сколько пролито, горя-то сколько пережито...»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

3. Баба бедна: *«Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки, все равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятишки»* [Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«Надо сказать, что достаток людей в нашем селе определялся по чудному. Считалось, например, если у бабы нет штанов, то уж распоследняя это, никудышняя баба, и грош ей цена!»* [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«...в городе ишио милиция гонит, лучишко не даст продавать. Что как расейская баба богатой сделается, в капиталиски выйдет?»* [Вечерние раздумья // Астафьев П. п. Кн. 3].

4. Многие бабы необразованны, бабе вредна грамота: *«Сама хозяйка была неграмотная, и в ней, как и во многих русских отсталых бабах, жила неистребимая мечта: во что бы то ни стало хоть одну девку вывести в настоящие, в культурные люди. Ради осуществления этой затеи не щадила*

она ни себя, ни девок. Конечно, по деревенским активисткам Авдотья Матвеевна видела – **бабе** грамота и лишняя умственность вредна, от нее разлад в голове и в бабьем организме» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

5. Баба своим трудом, своими способностями обеспечивает семейное благополучие: «Переживает дедушка. Думает, отчего он такой бесталаный уродился, все у него идет через пень-колоду... ладно вот **баба** попалась удалая, пропал бы без нее, пропа-а-ал! Тут и говорить нечего и думать не об чем» [Пеструха // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «Бабушка из Сисима, которой дед был всем обязан и виноват перед нею на веки вечные, умела, как и всякая русская **баба**, обратить потраченную ею во благо семьи доброту на угнетение супруга...» [Карасиная погибель // Астафьев. П. п. Кн. 2].

6. У многих баб нет нормальных мужей, они одни воспитывают детей: «Но больше наскоком жили самоходы. Пошумев, поозорничав, утащат чего-нибудь и испарятся навсегда, оставив молодую **бабу** с ребенком...» [Вечерние раздумья // Астафьев П. п. Кн. 3]; «– А вот не бродяжничай, не бродяжничай! Эт-то что же ты за моду взял: наскочишь, **бабу** обрюхатишь и как вихорь унесешься? – корила Терентия бабушка Катерина Петровна... – Ты подумал бы башкой своей удалой... как твои детки тут? Питть-есть чего у них имеется?» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «В память навсегда вклеилась привычная шурышкарская картина – в мужицкое одетая, мужиковато шагающая, курящая, пьющая **баба**, ведущая дом и хозяйство, в доме у нее выводок детей недогляженных, растущих что в поле трава, куда-то потом навсегда исчезающих, словно в бездонный человеческий омут запырывающих» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

7. Баба – объект сексуального удовольствия для мужчины: «Оберлейтенант, конечно, культурно отдыхает, глядит на фотки с голыми **бабами**...» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты]; «– Я, сучий рот, в мерзлоту в вечную вбуривался и там, в мерзлоте вечной, харч добывал, выпить добывал. Когда и **бабу!** – в который уже раз похвастался бродяга Шо-

рохов» [Там же]; «На другом, на живом берегу телефонисты тревожили постоянную жгучую тему – трепались про **баб** – голодной куме все хлеб на уме» [Там же]; [Мохнаков]: «– Мне вот юбку на бочонок с селедкой надень или платье на полевую кухню надень и скажи – **баба**, дай выпить – и полезу, никакой огонь меня не остановит!» [Астафьев. Пастух и пастушка].

8. Одно из главных свойств бабы – любить мужчину, заботиться о нем: «– Вот, – откидывая рукой выбившиеся из-под платка волосы, заговорила Люся, кивая на гимнастерку. – Ухаживать за любимым мужчиной, оказываешься, так приятно! – и сокрушенно покачала головой: – **Баба** все-таки есть **баба**! Никакое равноправие ей не поможет...» [Там же]; «**Баба**, она все-таки есть **баба**, хоть и в чинах, и при должности. Наград у нее больше, чем у мужа, характер рубаки, умна, самоотверженна и в то же время слаба – расстанется со своим оболтусом, скажет себе: «Все!», – да через неделю затоскует о нем, захочет его нестерпимо и поедет на попутной в полк, чтобы потом опять сутками стоять возле операционного стола, отрабатывая «увольнение», и выпрашивать затем внеочередной выходной» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

9. Несмотря ни на какие трудности, бабы поют: «– Эй, подружки, на печаль не сворачивай! – вмешивалась бабушка в разговор. – Печали наши до гроба с нами дойдут, от могилы в сторону увильнут и ко другим **бабам** прилипнут. Давайте еще споем. Пущай не слышно будет, как воем, а слышно, как поем» [Осенние грусти и радости // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «...все **бабы** с какой-то забубенностью, отчаянием, со слезливой растроганностью подхватывали протяжные песни» [Там же].

10. Бабы борются и побеждают: «Но битых **баб** во главе с закачинским «прокурором» – теткой Талей голой рукой не возьмешь, все они видели, всех победили вплоть до собственных мужей. В наступ **бабы** пошли, представительную комиссию отбросили за Качу, в руины старого базара» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «– Как вы, героически сокращая линию фронта, до Искитимских степей дойдете, мы, **бабы**, обороняться начнем

от фашиста, станем по очереди палить из этого единственного на три деревни оружия» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты]» [Башкова, 2014е, с. 108].

«Соотносительное положение бабы в социальной системе В. П. Астафьев показывает через оппозиции, в которые входит слово *баба*. Их члены противопоставлены по признаку пола (*бабы – мужики*) и возраста (*бабы – девчонки, девки, старухи*). В отличие от слова *мужик*, слово *баба* не входит в оппозиции по месту в политической системе управления и месту жительства: в индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева власть борется с мужиками, а не с бабами, уничтожает именно мужиков; город противопоставлен мужику, а не бабе.

Наиболее детально в рассматриваемых текстах представлена оппозиция *бабы – мужики*, которая на уровне простого предложения выражена актантным субъектно-объектным распределением ролей. Эти роли меняются в зависимости от пропозиций. Самые типичные из них следующие» [Башкова, 2014е, с. 108]:

1. Бабы ругают мужиков, мужики ругают баб, но бабе это занятие более свойственно: *«Севши на бережок, мужики курят табак, обмениваются впечатлениями, поругивают баб...»* [Предчувствие ледохода // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«...бабы... все чепляют, чепляют друг дружку, в особенности мужика»* [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«...высоким голосом кого-то пушит баба. Мужика, конечно, кого сейчас еще бабам пушить?»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

2. Мужики бьют баб: *«На бабу свою, жану богоданную, с топором да и ружьишком. Воин! Мятежник!..»* [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«Парни, перемигиваясь, снисходительно расступаются, но, потоптавшись, поприцелившись, мужик возвращает плитку со вздохом: “Нет, робяты, неча мараться. В глазе рябит... Я скоро и в бабу кулаком не попаду...”»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; *«Вместе выпили – мужик бабу бить»* [У золотой карги // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

Но есть бабы, которые сами бьют мужиков: *«Этак пойдет дальше дело, так он, пожалуй, возьмется свою бабу бить, а не она его»* [Дамка // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

3. Бабы угнетают, преследуют мужиков: *«С одной стороны, работа ответственная, с другой стороны, баба преследует, выпить не дает, с третьей – эти вот, рыбхалеи всякие»* [У золотой карги // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

В свою очередь мужики могут испортить бабью жизнь и бабью судьбу: *«И пойдешь ты по отцом проторенной дорожке, по тюрьмам да по этапам и погибнешь там. А воротиться? Таким же, как он, и воротиться, испортишь чью-то бабью жисть, может, и не едину, как он мою жисть испортил, загубил, подлец»* [Забубенная головушка // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«Не я один ослеплен был блеском золота, сколько девчоночьих и бабьих судеб перекусил, как нитку, теми зубами любимый мой дядя!»* [Сорока // Астафьев. П. п. Кн. 3].

4. Бабы оберегают, хранят мужиков, успокаивают их: *«Не знаю, что бы мы натворили, скорее всего до цели не дошли бы, схватились бы с кем-нибудь другим, но бабы, наши российские бабы, твердо знающие свою задачу: хранить мужиков от бед, напастей и дури, стали боевым заслоном у речки и за водный рубеж нас не пускали, бесстрашно вырывая дреколье, расталкивали по сторонам»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«Которая-то из наших баб-песельниц, в обнимку уводя по тропе остывающих мужиков, направляла их на мирную рельсу, продолжала как бы не прерывавшуюся песню: “С та-а-аско-о-ой по р-ро-оди-ине-е-е-е-е дале-о-о-окой...”*» [Там же].

Мужики защищают Родину, в том числе и баб: *«Молодые мужики за Родину, за народ жизни положили, стало быть, и за них, за баб, тоже...»* [Приворотное зелье // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Бабы молятся за своих защитников – мужиков, солдат: *«Через минуту Лешка обернулся: выйдя на дорогу, баба размашисто, будто в хлебном поле сея зерно, истово крестила войско вослед – каждую роту, каждый взвод,*

каждого солдата осеняла крестным знаменем русская женщина по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя Небесного, напутствуя в дальнюю дорогу, на ратные дела, на благополучное завершение битвы своих вечных защитников» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

«Таким образом, в индивидуально-авторской картине мира В. П. Астафьева между бабами и мужиками сложные отношения: они конфликтуют друг с другом и заботятся друг о друге» [Башкова, 2014е, с. 109–110]. Днем и ночью у них разные отношения: *«Вечер, покой благостный в дому, а она, баба, побрякивает да позвякивает посудой, пошвыривает да побрасывает поленья. В постель идет, в горницу, и одежду с себя не сымает – рвет. “Подвинься! – рычит на мужа. – Разлежся, как боров!”*

По всем статьям мужик, если он истинный гробовоз, должен бабу шугануть, столкнуть ее с кровати, но он послушно подвигается, пускает жену под одеяло да еще и подтыкает под спину, чтоб теплее и мягче жене было. И она сразу усмиряется, притихает, старики поскорее уносят лампу в куть. На кровати вроде бы даже и баловаться начнут, шалить, что дети, смешки, шепотки, мир, лад, согласие...

И уяснил я еще в детстве, пусть не буквально-досконально, пусть не до самого дна, но уяснил, что днем, на свету, на народе люди и живут для народа, для других людей то есть, и к народу они оборачиваются угодным тому обликом, отстраненным, сердитым, готовым к отпору, чтобы с отпором не опоздать, первые и набрасываются на всех, в особенности на тех, кто под рукой, кто поближе, но, оставшись наедине друг с другом, люди становятся сами собой и живут друг для друга, пусть и недолго, ночью лишь, но живут, как велит им сердце...» [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1].

«В рассматриваемых произведениях В. П. Астафьев выбирает следующие параметры для характеристики баб:

1) внешность: *крупная и красивая баба; ладная баба; голая баба; голые да справные бабы; растелешенная баба; баба неопределенного вида; баба с*

грубым массивным лбом и тяжелым подбородком; баба с одним зрячим глазом; баба в ржаво-оплесканной куртке; баба в старом пиджаке, с мулатски-костлявым коричневым лицом; в мужицкое одетая баба; укутанные в шерстяные шали бабы; баба в клетчатом полушалке, в валенках, насунутых на босую ногу, с коромыслом и ведрами на плечах; баба, легко одетая, в мужичьем пиджаке, надернутом на ситцевую кофту; баба, у которой семь пудов одна правая ляжка, тридцать два килограмма груди; толстые бабы; рыхлая баба; дебелая баба;

2) физические свойства: *здоровая баба; поврежденная баба; баба работой физицкой не уезжена;*

3) возраст: *баба неопределенного возраста; еще молодые бабы;*

4) психические свойства или состояние: *душевная баба; сердобольная баба; сердобольные бабы; бабы, не помнящие зла; отчаянная баба; отчаянные бабы; удалая баба; баба нраву бурного; впавшая в неистовство баба; алчная баба;*

5) интеллектуальные качества: *бабы себе на уме; хитрая баба;*

6) умение вести хозяйство: *баба-хозяйка;*

7) поведение: *боевая баба; бойкая баба; вздорная баба; бесовская баба; неразговорчивая баба; молчаливые бабы; ворчливая баба; баба-сплетница; бабы-песельницы; неуклюже ступающая баба; мужиковато шагающая баба; курящая баба; верная баба; податливая баба; ненаклончивая баба; увертливые бабы;*

8) отношение к спиртным напиткам: *изрядно поддавая баба; пьяная баба; пьющая баба;*

9) род занятий, профессия: *путьская баба; путьские бабы; бабы-укладчицы; бабы-резальщицы; конюха-бабы; военная баба;*

10) семейное положение: *семейные бабы;*

11) образование: *неграмотная, мудрая от жизни баба; отсталые бабы;*

12) трудный и/или несчастливый жизненный опыт: *битая баба; битые, топтанные да изработанные бабы; горемычная баба; много пережившие бабы; бабы бывалые, всего навидавшиеся;*

13) общая оценка: *ладная баба; богоданная баба; отпетая баба; бабы-стер-рвы; баба сучка;*

14) именование: *баба Даша; баба Капитолина; баба Ульяна; баба Уля;*

15) социальная локализация: *русская баба; русские бабы; российские бабы; расейская баба; деревенские бабы; овсянские бабы; «низовские» бабы; закачинские бабы; лассалевские бабы; барачные бабы; сидоровские бабы;*

16) социальная актуализация (отношение сопричастности): *наши бабы; своя баба; свои и чужие бабы; твоя баба; чужая, враждебная всему свету баба; бабы братанов Губиных»* [Башкова, 2014е, с. 110].

Таким образом, «в художественном дискурсе В. П. Астафьева слово *баба* употребляется в семи значениях, у этого слова есть как отрицательные, так и положительные коннотации. Бабы душевные, сердобольные, не помнят зла, в то же время они боевые и отчаянные. У баб трудная, тяжелая жизнь, часто несчастливая судьба. В авторской картине мира В. П. Астафьева резко отрицательно оцениваются бабы, похожие на мужиков, пьющие, курящие, особенно бабы-активистки. Главное предназначение баб – это забота о семье, о детях» [Там же].

Анализ семантики и синтагматики слова *женщина*. В толковых словарях русского языка значение слова *женщина* определяется следующим образом:

«1. Лицо, противоположное мужчине по полу <...> || Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала <...> 2. Взрослая, в противоп. девочке <...> || Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке <...> 3. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.)...» [Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, 1935. Т. 1].

«Лицо, противоположное по полу мужчине <...> || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств <...> || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке...» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981].

«1. Лицо, противоположное по полу мужчине <...> // Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.) <...> 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке...» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2014].

В художественном дискурсе В. П. Астафьева слово *женщина* употребляется в двух значениях:

1. Лицо, противоположное по полу мужчине: «...там на вейлке работал редкостного усердия труженик Петька Мусиков да четыре **женщины** – две молодые, но уже смертельно усталые детные вдовы и две егозистые, недавно окончившие школу сибирские девки» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты]; «...от женщин в бане куда теснее, чем от мужчин!» [Астафьев. Ода русскому огороду].

2. Взрослая, в противоположность девочке: «Давно уж девушкой стала ягодница. Да что там девушкой? **Женщиной**, матерью» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «Три дня и три бессонные ночи провел он в полной отключенности от мира, одолевая смерть, спасая человека – **женщину** иль девчонку – не поймешь, истощала от голода, иссохла от телесного жара и болезни, сделалась что утка-хлопунец, вся жидкая, кожа на ней оширшевелая» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба].

Следовательно, когнитивный компонент значения слова *женщина* в произведениях В. П. Астафьева совпадает с тем, как его определяют словари, за исключением третьего значения из словаря Д. Н. Ушакова.

«Наряду с когнитивным компонентом в первом значении слова *женщина* в словарях русского языка во всех рассмотренных толкованиях выделяется прагматический компонент: ‘лицо женского пола как типическое во-

площение женского начала’, ‘лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств’. Часть этих качеств перечисляется в «Большом толковом словаре»: ‘изящество, нежность, доброта и т. п.’, в других словарях эти качества не называются. В художественном дискурсе В. П. Астафьева прагматический компонент значения слова *женщина* тоже ярко проявляется.

Проведенный анализ показал, что в семантике этого слова отразилось мировидение писателя и именно прагматический компонент его значения связан со структурой индивидуально-авторской ЯКМ» [Башкова, 2014ж, с. 124]. «Писатель, с одной стороны, выступает как один из носителей языка общенационального, отражающий в своих произведениях особенности национального менталитета и коллективного языкового сознания. С другой стороны, идиостиль автора воплощает индивидуальные черты его личности, его философии» [Мишанкина, Орлова, 2004, с. 35].

В авторской картине мира В. П. Астафьева большой ценностью обладает естественная жизнь: *«Во мне, как и во всяком человеке, пережившем страшные времена, гнездилась, видать, тоска по первобытной, естественной жизни»* [Пир после победы // Астафьев. П. п. , кн. 3], а ее высокий смысл определяется женщиной: *«Лешка начинал постигать в ту минуту высокий смысл естественной жизни – весь он, этот смысл, состоит в ожидании таких вот встреч, есть в ней, в жизни, незыблемо-вечное, и все может сотворить только женщина. Счастье, добро – все, все на свете в ее жертвенности, в ее разумности, приветной нежности»* [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

С женщиной связано продление жизни в бесконечность, женщина создает жизнь: *«И уразумел тогда мальчик: женщина есть всего сильнее на свете, сильнее даже всех докторов и фельдшеров. Те учатся по книжкам несколько зим, а она тысячи лет создает жизнь и исцеляет людей своею добротой»* [Астафьев. Ода русскому огороду].

Женщина – это часть природы: *«Но не зря сказывается: **женщина** – тварь божья, за нее и суд, и кара особые... Природа, она, брат, тоже женского рода!»* [Царь-рыба // Астафьев. Царь рыба. Ч. 1].

Женщина – это для мужчины источник, всеутоляющий жажду любви: *«Он долго не мог найти объяснения влечению своему, и вдруг как удар! – тетушка! Вечная его мать, венок с названием – **женщина**, она, она предстала ему во плоти и лике здесь, в сибирском глухом краю. Вечная по тетушке-матери тоска, любовь и нежность, ни с чем не соизмеримые, должны же были найти где-то свое воплощение, свой образ, свой **источник, всеутоляющий жажду любви**»* [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

В художественном дискурсе В. П. Астафьева представлен мужской взгляд на мир и много внимания уделяется роли женщины в жизни мужчины. Женщина своим подвигом возносит мужчину: *«**Вознесенный подвигом женщины на такую высоту, где творятся только святые дела, он с мучением отверг ее жертву**»* [Астафьев. Ода русскому огороду].

Любящий мужчина принадлежит женщине: *«Ничего нет. И не было. Есть только она, **женщина, которой он принадлежит весь до последней кровинки, до остатного вздоха, и ничего уж с этим поделать никто не сможет! Это всего сильнее на свете!**»* [Астафьев. Пастух и пастушка].

Влияние женщины на мужчину, сила ее воздействия, тяга мужчины к женщине необъяснимы: *«**Женщина!** Так вот что такое **женщина!** Что же это она с ним сделала? Сорвала, словно лист с дерева, закружила, закружила и понесла, понесла над землю – нет в нем веса, нет под ним тверди...»* [Там же]; *«В глуби светящихся тоскливой тенью глаз настоялась глубокая печаль, и она, эта древняя печаль, вызывала **необъяснимую тягу к женщине...**»* [Туруханская лилия // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].

В свою очередь женщина не может существовать без мужчины: *«Оставшись бобылкой, девочка не знала, как ей дальше жить, потому как без*

«тяги» никакой женщине существовать на земле невозможно» [Астафьев. Ода русскому огороду].

В произведениях В. П. Астафьева важнейшей характеристикой мужчины является его отношение к женщине. Так, один из самых несимпатичных персонажей Гога Герцев, антипод Акима из повести «Сон о белых горах», рассуждает о женщине следующим образом: *«“Женщина есть женщина! И образованная, и начитанная, а все бабьи тяготы на уме – семья, квартира, пеленки, главная собственность – муж! <...> Семья – моя грубая ошибка!” – осуждал себя Герцев» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].*

Эгоизм Герцева ярко представлен в следующей цитате из его дневника: *««Счастье мужчины: “Я хочу!” Счастье женщины: “Он хочет!”» Нищие – куда герцевым без него!» [Там же].*

В художественном дискурсе В. П. Астафьева, прежде всего в романе «Прокляты и убиты» и повести «Пастух и пастушка», особое значение уделяется началу интимных отношений мужчины и женщины и влиянию этого события на жизнь мужчины: *«...у мужчины бывает только одна женщина, потом все остальные, и от того, какая она будет, первая, зависит вся последующая мужичья судьба, наполненность души его, свойства характера, отношение к миру, к другим людям, и прежде всего к другим женщинам, среди которых есть мать, подарившая ему жизнь, и женщина, давшая познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ею» [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].*

В произведениях В. П. Астафьева близость мужчины и женщины представлена в высоком стилистическом ключе, в то же время отмечается, что большинство мужчин используют сниженную стилистику, рассказывая о данной сфере жизни: *«Первоначально, пока не дошли парни до ручки, рассказывали они, у кого и как было в первый раз, некоторые успели жениться, но все, и женатики, и холостяки-удальцы, и вольные кавалеры, почему-то говорили о первой близости с женщиной как о поганом грехе, со срамной, непременно употребляя какое-нибудь скотско-грубое сравнение» [Там же].*

Помимо душевных, психических свойств, необходимым женским качеством является внешняя красота: *«Остается Платошка рядом с молодой женщиной, одетой в черное, – это его тетка, монашка, трудолюбивая, многотерпеливая женщина необыкновенной красоты. Красивей ее он никогда никого не встречал...»* [Там же]; *«Тетушка Елизавета – тоска, мать, сестра, женщина женщин, прекрасней, добрей, лучше ее не было и нет никого на свете»* [Там же].

Отсутствие красоты показывается как недостаток женщины: *«Анастасия Гавриловна была хорошим хирургом, но как женщина не удалась – малоприятная, простолицая, незатейливо, хотя и добросовестно состроенная, она лучше смотрелась бы формовщицей в литейном цехе или трактористкой, шофером среди мужичья, на фронте связисткой или прачкой»* [Астафьев. Прокляты и убиты. Кн. 2. Плацдарм].

«Приведенные выше фрагменты текстов показывают, что в художественном дискурсе В. П. Астафьева в значение слова *женщина* входит прагматический компонент ‘лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств, таких как жертвенность, разумность, нежность, доброта, красота, притягательность для мужчины, то, что дает мужчине познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ею’.

Если же женщина не обладает данными качествами, то слово *женщина* не подходит для ее наименования, поскольку возникает противоречие между когнитивным и прагматическим компонентами значения слова» [Башкова, 2014ж, с. 125]: *«– Привязать этого героя к койке! Сделать укол! – громко, чтобы слышно было раненым в других палатках, объявила старшая сестра.*

“Господи! Это – женщина?!” – чувствуя, как опадает гнев, опустошенно спрашивал себя Борис» [Астафьев. Пастух и пастушка].

Главным же женским качеством является ‘способность создавать жизнь, дарить ее своим детям’: *«Спит у костерка мать, улыбается чему-то. Снова и снова дивуется парнишка тому, что эта вот женщина или девчонка в мокрых бродешках, в заправленных за голенища мужицких брюках, по-*

*верх которых платьишко, увоженное чешуей и рыбьими потрохами, взяла вот и произвела его на свет, дурня такого! Подарила ему братьев и сестер, тундру и реку, тихо уходящую в беспредельность полуночного края, чистое небо, солнце, ласкающее лицо прощальным теплом, цветок, протыкающий землю веснами, звуки ветра, белизну снега, табуны птиц, рыбу, ягоды, кусты, Боганиду и все, что есть вокруг, все-все подарила она! Удивительно до потрясения! Надо любить мать, жалеть ее и, когда она делается старенькая, не бросать, отблагодарить добром за **так вот просто подаренную жизнь...**» [Уха на Боганиде // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].*

«Материнство является одной из аксиологических доминант творчества В. П. Астафьева, и в этом писатель, с одной стороны, продолжает традицию, уже давно сформированную русской культурой, а с другой – выражает собственное восприятие мира, выкованное его насыщенной событиями жизнью» [Шлома, 2012, с. 7].

Представление о женщине как о матери в индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева соответствует внутренней форме слова *женщина*. «Данные этимологических исследований доказывают, что в основании внутренних форм основных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» лежат гендерные стереотипы <...> Общеславянский корень *žen- (*жен-*), обозначающий лицо женского пола детородного возраста, восходит к и.-е. *gēn-, глубинная семантика которого связана с идеей рода и его продолжения: лат. *genus* – ‘происхождение’, ‘род’; греч. *γυνή* – ‘жена’, *γυνήα* – ‘рождение’; ‘род’. При этом затемнение внутренней формы в современном языке не свидетельствует о ее забвении: этимологическое значение, даже утраченное сознанием носителя языка, продолжает играть роль направляющего фактора развития семантики лексической единицы» [Ефремов, 2010, с. 13–14].

В то же время необходимо отметить, что, хотя слово *женщина* является гиперонимом для слова *мать*, прагматические компоненты значений этих лексем не совпадают, поэтому становятся возможными такие контексты, в которых значения этих слов разводятся: «...он мало знал *женщин*, подолгу с

ними не общался, не жил, а мать, судя по его разговорам и воспоминаниям, он так и не привык считать женщиной, мать есть мать – все тут» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].

«Таким образом, высокая оценка естественной жизни в художественном дискурсе В. П. Астафьева отразилась в семантике и синтагматике слова *женщина*. Прагматический компонент его значения содержит положительные коннотации» [Башкова, 2014ж, с. 126].

Итак, наиболее частотными вербализаторами гендерных стереотипов в художественном дискурсе В. П. Астафьева являются лексемы *мужик*, *баба*, *женщина*. В номинациях *мужик* и *баба* представлена точка зрения деревенского человека, таежника и рыбака, на роли женщин и мужчин в обществе, на их общественное предназначение и социальную значимость. Номинация *женщина* связана с литературоцентрической русской традицией, возвышающей женщину. Таким образом, взгляд на женщину в дискурсе В. П. Астафьева более сложный, чем на мужчину, что отражено в значении номинаций *баба* и *женщина*.

4.4. Персоносемантика в значении лексем, вербализующих социально-идеологические стереотипы

В настоящем разделе представлен семантический анализ вербализаторов социально-идеологических стереотипов в художественном дискурсе В. П. Астафьева: *пролетарий*, *большевик*, *коммунист*. Результаты исследования ранее опубликованы в: [Башкова, 2014з, 2014и].

«В. П. Астафьев показал в своих произведениях процесс уничтожения крестьянства в советском государстве и выразил крестьянскую точку зрения на коллективизацию, об этом многократно писали филологи и критики. При этом писатель в качестве вербализаторов социально-идеологических стереотипов использовал идеологемы советского времени (определение идеологемы см. в главе 3 настоящей диссертации). Эти слова являются важным сред-

ством репрезентации его социальных взглядов. Многие слова, имеющие положительные коннотации в официальном языке СССР, в художественном дискурсе В. П. Астафьева обладают ярко выраженными отрицательными коннотациями. Одним из таких слов является идеологема *пролетарий*.

В изданном в 1935–1940 гг. словаре под редакцией Д. Н. Ушакова толкование слова *пролетарий* представлено с позиций правящей в то время Коммунистической партии: «**Пролетарий** <...> 1. Лишенный средств производства наемный рабочий в капиталистическом обществе. Товарищ Сталин в беседе с английским писателем Уэллсом указал, что исход борьбы между богатыми и бедными, между имущими и эксплуатируемыми решается классом пролетариев, классом работающих. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (лозунг в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса, являющийся лозунгом всех коммунистических партий и помещенный на гербе СССР и на гербах всех республик СССР). С Адама буржую пролетарий не мил. Маяковский. 2. В древнем Риме – не принадлежащий к рабам бедняк, неимущий человек».

В изданных позднее советских словарях содержатся похожие толкования. «Один из способов регламентации использования идеологем – это их толкование в словаре исключительно с позиций правящей партии» [Чудинов, 2012, с. 94].

Между тем в толковом словаре В. И. Даля отражена крестьянская точка зрения на сущность пролетария: «**Пролета'рій**..., бобыль, бездомокъ или безземельный, безпріютный, захребетникъ». Это толкование отражает крестьянскую отрицательную оценку пролетария.

В «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова, изданном в 2014 г., слово *пролетарий* толкуется без оценочных коннотаций, выделяется три его значения: «1. Наемный рабочий, лишенный средств производства и живущий продажей своей рабочей силы (в эпоху зарождения капиталистических отношений). *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* 2. В древ-

нем Рима: гражданин, не имеющий имущественного ценза. 3. *Устар.* Человек, не имеющий собственности».

Опираясь на данные толкования, можно выделить когнитивный и прагматический макрокомпоненты значения слова *пролетарий* в художественном дискурсе В. П. Астафьева. Анализ текстов писателя показал, что когнитивный макрокомпонент соответствует третьему, охарактеризованному как устарелое значению в «Большом толковом словаре», а прагматический макрокомпонент, отрицательные коннотации соотносятся со словарем В. И. Даля. Отличие же в том, что В. П. Астафьев рассматривает *пролетариев* в ситуации 30–40 гг. XX века: *Дети рабочих, дети крестьян, спецпереселенцев, пролетариев, проходимцев, воров, убийц, пьяниц, не видевшие ничего человеческого, тем паче красивого в жизни, с благоговением внимали сказочкам о роскошном мире, твердо веря, что так оно, как в книгах писано, и было, да все еще где-то и есть, но им-то, детям своего времени и, как Коля Рындин утверждает, Богом проклятой страны, все это недоступно, для них жизнь по Божьему велению и правилу заказана* [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

В подавляющем большинстве контекстов В. П. Астафьев использует диалектный фонетический вариант слова: *пролетарья, пролетарьи*. Такая трансформация служит средством акцентирования оценочных смыслов. В произведениях В. П. Астафьева пролетарьи обладают следующими качествами:

1. Пролетарьи противопоставлены крестьянам, находятся на другом конце социальной лестницы: *«Когда-то на Большой Слизневке мой прадед, Яков Максимович, скулемал мельницу и вскормил ею много всякого люду, который от крестьянства ушел и к пролетарьям не пришел»* [Бурундук на кресте // Астафьев. П. п. Кн. 2]; *«...если бы не “хозяева”, дети прилипал и сами пролетарьи давно бы с голоду и холоду околели иль в других местах ошивались»* [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3].

2. Пролетарьи не верят в Бога, игнорируют традиционные моральные ценности: *«сам он и его семья, как и многие старообрядческие семьи, давно вышедшие с Амыла, Казыра, Большого и Малого Абакана да и с других таежных рек и спустившиеся с гор, обмирзились, записавшись в колхоз, соединясь с деревенскими **пролетарьями**, вовсе испоганились»* [Астафьев. Прокляты и убиты]; *«Крупный спец был тятя по женской части, матерился в Бога, братаны-удальцы тем же путем следовали, одно слово – **пролетарьи**»* [Кн. 1. Чертова яма // Астафьев. Прокляты и убиты].

3. Пролетарьи ленивы: *«Но любящие вытягиваться до обеда, отыскивающие в себе недуги и всякие причины, только чтоб не полоть огород, не пилить дрова, чтоб отлынить от всякого дела, **пролетарьи** дяди Левонтия не проспали ни одного утра, в которое мать собиралась творить таинство в кути»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2].

4. Из-за нежелания работать пролетарьи бедны: *«Нечего этих **пролетарьев** объедать, у них самих в кармане – вошь на аркане»* [Конь с розовой гривой // Астафьев. П. п. Кн. 1].

5. Быт пролетарьев не устроен: *«Татьяна – **пролетарья**, по выражению бабушки, она активист и организатор колхоза. Все время заседает. Муж и дети ее до того запущены, что видеть это бабушка не может и срамит невестку везде и всюду, подрывает ее авторитет»* [Бабушкин праздник // Астафьев. П. п. Кн. 1]; *«...и останусь я, как Ксенофонт, нестриженный и нечесанный, вечным бобылем и **пролетарьем**»* [Ночь темная-темная // Астафьев. П. п. Кн. 2].

6. Пролетарьи никого и нечего не жалеют: *«...в основном самоходь-**пролетарьи**, которым никого и ничего не жалко, избуровили, изувечили усть-манские благодатные пашенные земли, потом и кровью отвоеванные у тайги»* [Манская грива // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение].

7. Многие пролетарьи пьяницы: *«Надо сказать, что дядя Левонтий хотя и был “**пролетарьей**”, в колхоз, как производственный кадр, не записался и в актив комбеда не вошел, а попивать с Болтухиным, Вериковым,*

Митрохой и прочей властью связался и сразу же стал прятаться от людей...» [Где-то гремит война // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Таким образом, в индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева *пролетарий* – это антагонист *крестьянина*. Крестьянское восприятие мира, представленное в творчестве В. П. Астафьева, ярко проявилось в семантике идеологии *пролетарий*, обладающей в дискурсе писателя отрицательными коннотациями» [Башкова, 2014з, с. 111–113].

«Существительные *большевик* и *коммунист*, как и *пролетарий*, тоже относятся к советским идеологемам, имеющим положительные коннотации в официальном языке СССР. В художественном дискурсе В. П. Астафьева эти идеологемам обладают отрицательными коннотациями.

В изданном в 1935–1940 гг. словаре под редакцией Д. Н. Ушакова толкование этих слов представлено с позиций правящей в то время коммунистической партии:

«**БОЛЬШЕВИК** (полит.). **1.** *Первонач.* член революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, образовавшегося под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г. **2.** Член ВКП(б); иногда – член коммунистической партии всякой страны. **3.** Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист-ленинец. *Настоящий б.* – *Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, – люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами.* Стлн.».

«**КОММУНИСТ**. **1.** Член коммунистической партии. *Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата.* Стлн. **2.** Сторонник коммунизма (в 3 знач.; устар.)».

Очевидно, что в словаре Д. Н. Ушакова с большей степенью категоричности положительная оценка выражена в толковании слова *большевик*: его третье значение, представленное там, – это характеристика морально-волевых качеств человека. Положительные коннотации в семантике данных

слов во многом формируются посредством цитирования работ Сталина. Оценки В. П. Астафьева прямо противоположны.

В книге «Затеси», в рассказе «Старый корабль», писатель говорит о сходстве коммунистов и фашистов: *«Фашисты, как и их собратья по борьбе за общее счастье человечества, коммунисты, обожали кровавый цвет, и знамена у тех и у других были красные, лишь знаки на полотнах были разные: у первых – свастика, у вторых – серп и молот. Собираясь завоевывать мир, фашисты и коммунисты прибежали к древним, мирным знакам труда. Без обмана и лжи они не могли»* [Старый корабль // Астафьев. Затеси. Тетрадь 5. Древнее, вечное]. Тем и другим, по мнению писателя, свойственна демагогия и жестокость.

В книге «Последний поклон» любимая бабушка главного героя Катерина Петровна употребляет слово *коммунист* в качестве инвективы: *«Бабушка сразу на него, конечно, безбожником, “коммунистом” и аспидом называла, корила, что крестится он для блезиру – перед едой, чтобы не подавиться...»* [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1]. В «Последнем поклоне» также используется фонетический вариант слова – *комунис* – для передачи особенностей диалектной речи: *«Я неверующий! Советский школьник! Бабушка комунисом меня зовет!»* [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]. Для деревенской бабушки все коммунисты – это безбожники.

В авторской речи коммунистам дается более резкая негативная язвительная оценка: *«Не хочется пятнать эту мою заветную книгу дерьмом, не для того она затеивалась. Но все же об одном самом передовом коммунисте – осквернителе нашей жизни – поведаю, чтобы не думали его собратья и последователи из тех, кто живет по заветам отцов и дедов своих, что все забыто, тлену предано, быльем заросло»* [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3]. Для дискредитации коммунистов в этом фрагменте используется прием межстилевой интерференции – сочетание просторечной (*дерьмо*) и высокой, употребляемой коммунистами в пропагандистских целях лексики (*собратья, последователи, заветы*).

В романе «Прокляты и убиты» показано, что рядовые коммунисты – это обманутые партийным руководством люди: «– Я знаю, знаю, чево имя надо, – продолжал Финифатьев..., – оне в партию народ записывают для того, чтобы численность погибших **коммунистов** все возрастала» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

Отрицательную оценку большевиков В. П. Астафьев высказывает еще более категорично. В рассматриваемых произведениях нет ни одного контекста, где выражалось бы хоть какое-то сочувствие большевикам, поскольку именно они – главные разорители крестьян: «С тридцатых годов, с полного воцарения в стране победного строя **большевиков** началось вытеснение местных крестьян с их пашен и заимок...» [Манская грива // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение]; «И когда я работал в местной газете и мы чем-то и как-то отметили деяния “старого **большевика**”, моя теща сказала мне напрямую: “Зачем ты написал об этом варнаке хвалебное. Он же поганец!”» [Как моя теща блюла нравственность // Астафьев. Затеси. Тетрадь 3. Вздох].

В книге «Последний поклон» самый отвратительный персонаж – это большевик Ганя Болтухин: «Главным заправилой новой жизни в нашем селе был Ганя Болтухин. Не всегда, но все же Бог шельму метит. Мужичонка пришлый, самоход, пробавлявшийся случайными заработками, женившийся на случайно подвернувшейся бабенке из нашего села, стуча в грудь свою кулаком, называл себя почтительно Ганька – красный партизан. Какой уж он был партизан, никому не известно, но что человек пакостный, явственно видно и по морде, битой оспой, узкорылой, бесцветной, немытой. Если бы портрет этого **большевика** придумывать нарочно, то лучше бы и точнее оригинала ничего не измыслить» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3].

В романе «Прокляты и убиты» показан не менее отвратительный большевик военный судья Анисим Анисимович: «Но он столько уже пересудил и пересадил всякого народу, столько его на тот свет отправил, эта казарменная вишвота каши столько не съела, и чтобы перед каким-то ур-

кой... он, старый, закаленный **большевик**, спасовал, уронил достоинство родного суда?» [Астафьев. Прокляты и убиты. Кн. 1. Чертова яма].

Таким образом, в индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева большевики и коммунисты – это безнравственные люди, не верящие в Бога, уничтожающие свой народ. И если часть коммунистов – это несчастные люди, обманутые Коммунистической партией, то большевики – это люди, которые всегда сознательно творят зло. В своих произведениях писатель отразил крестьянскую историософию, ярко проявившуюся в семантике идеологем *большевик* и *коммунист*, обладающих в дискурсе писателя отрицательными коннотациями» [Башкова, 2014и].

Таблица 14. Номинации лиц, входящие в ЛСР «Члены партий, сторонники, последователи общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений» в произведениях В. П. Астафьева

	Количество словоупотреблений в «Последний поклон»	Количество словоупотреблений в «Царь-рыбе»
<i>Бандеровец</i>	-	5
<i>Банде-э-эра</i>	-	1
<i>Самостийщик</i>	-	4
Большевик	6	-
Декабрист	1	-
Демократ	1	-
Коммунист	10	-
<i>Комунис</i>	5	-
Коммунистка	1	-
Партиец	1	-
<i>Партеец</i>	1	-
Фашист	4	3
<i>Фасыст</i>	-	4
Итого:	9/30	5/17

Идиолексикон ЯЛ и ее индивидуально-авторскую ЯКМ необходимо рассматривать на фоне национального словаря и национальной ЯКМ определенного периода. Так, в «Последнем поклоне» и «Царь-рыбе» В. П. Астафьева встречаются существительные, обозначающие членов таких политических партий, информация о которых актуальна и в современных СМИ. В таблице 14 перечислены эти номинации, курсивом выделены слова, отсутствующие в РСС. В итоговой строке таблицы в числителе указано об-

щее количество номинаций, в знаменателе – общее количество словоупотреблений.

Слова, входящие в данный ЛСР, по сравнению с единицами других ЛСР малоупотребительны в «Последнем поклоне» и «Царь-рыбе». Тем не менее эти лексемы представляют важный фрагмент индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева, его художественные тексты отличаются публицистичностью, прямым выражением политических взглядов автора.

На примере идеологемы *коммунист* можно показать, как тип дискурса и время создания текста влияют на то, какую интерпретационную прагматическую стратегию выбирает ЯЛ. Ср. прагматический компонент значения слова *коммунист* в очерке «Победа не приходит сразу», опубликованном в газете «Чусовской рабочий» 14 июля 1954 года, с проанализированными примерами из других текстов В. П. Астафьева:

«– Неопытный он, – хлопая себя лохматой пихтовой веткой по ноге, тихо говорит Гавриленко.

– Неопытный? А ты, что же, сразу бригадиром стал? Сразу опытным родился? Ты коммунист, Гавриленко, и так рассуждаешь, – с горечью заканчивает техрук» [Астафьев. Победа не приходит сразу // Чусовской рабочий, 14 июля 1954 г.].

«...на эстакаде и в лесосеке быстро, четко и слаженно работают лесорубы из бригады коммуниста Гавриленко, которые теперь отлично знают, что победа не приходит сразу. Она дается упорным коллективным трудом, сложной выучкой и чуткой товарищеской поддержкой в работе» [Там же].

Если в советском газетном очерке (как и в первом романе В. П. Астафьева «Тают снега») значение слова *коммунист* включает положительные коннотации, то в «Последнем поклоне» слово употребляется как инвектива. Нельзя определить, что на самом деле думал автор советской газеты, можно только сказать, что в рамках советского дискурса невозможно было употреблять данное слово иначе. Творческая ЯЛ способна использовать те

интерпретационные стратегии, которые необходимы в данных обстоятельствах. Сам Виктор Петрович в интервью «Пересекая рубеж», опубликованном в 1974 г. в журнале «Вопросы литературы», сказал, что «языком районной газеты» «овладел довольно быстро» [Астафьев. Собр. соч. Т. 12, с. 208].

Таким образом, в прагматической зоне значения лексем, вербализующих социально-идеологические стереотипы, содержатся оценки, отражающие политические пристрастия автора текста и время создания текста. У В. П. Астафьева публично выраженные оценки политической ситуации в стране претерпели значительные изменения: положительная оценка коммунистических взглядов и их носителей в ранних текстах писателя сменилась резко отрицательной оценкой в его поздних произведениях.

4.5. Вербализатор антропостереотипа как номинация лингвокультурного типажа

В данном разделе работы представлены идеи, ранее опубликованные в: [Башкова, 2014б, 2014м], предлагается методика исследования лингвокультурного типажа как составной части индивидуально-авторской ЯКМ на примере анализа семантики слова *турист*, именующего соответствующий типаж в художественном дискурсе В. П. Астафьева, прослеживается, как в значении этого слова проявились особенности ЯЛ писателя и как они соотносятся с основными идеями русской ЯКМ.

Вербализаторы стереотипов можно рассматривать как номинации лингвокультурных типажей, то есть обобщенных образов личностей, «чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева, 2007, с. 3]. «Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта» [Карасик, 2009, с. 180]. Он является составной частью ЯКМ.

Слово *турист* в книгах В. П. Астафьева обозначает не просто человека, а целый человеческий тип, хотя частота его употребления в произведениях писателя невелика: в «Последнем поклоне» оно встречается 2 раза, в «Царь-рыбе» – 10 раз, в «Затесях» – 5 раз, в «Печальном детективе» – 2 раза.

Образцом для анализа значения слова *турист* в настоящей работе послужил «Новый объяснительный словарь синонимов» под редакцией Ю. Д. Апресяна, поскольку его ориентация на отражение русской ЯКМ прямо соотносится с задачей реконструкции индивидуально-авторской ЯКМ русской ЯЛ. Анализ представлен в виде словарной статьи с лингвистическими комментариями семантических признаков, вычленяемых в значении слова.

В «Новом объяснительном словаре синонимов» содержится толкование слов *бродяга* и *странник*, обозначающих человека в движении. «Выделенные в словаре семантические признаки: денотативный статус субъекта, внутренний облик человека, наличие цели, отношение говорящего к данному человеку – оказались значимыми при характеристике туриста.

Словарная статья с комментариями

ТУРИСТ 'человек, который на время покидает свой дом и переходит или переезжает из одного места в другое для того, чтобы отдохнуть и получить удовольствие от путешествия, при этом нарушает принятые в данной местности нормы поведения из-за их незнания и/или из-за высокомерного отношения к местным жителям. Существует несколько видов туристов, самый активный – это дикий турист. Дикае туристы ходят пешком в тайгу, в горы самостоятельно'.

Поскольку в текстах В. П. Астафьева говорится о таком виде туристов, как дикае туристы, но описываются не только они, в словарной статье дано указание на несколько видов туристов. Однако другие виды туристов писатель никаким специальным словом не характеризует, поэтому в словарной статье тоже нет такой характеристики.

В индивидуально-авторской картине мира В. П. Астафьева в семантике слова *турист* важны следующие **смысловые признаки**: 1) денотативный статус субъекта (**родовой** или **конкретно-референтный неопределенный**); 2) характеристика места по признаку 'свое/чужое' (турист, уйдя из своего дома, находится **в чужом месте** и сам становится **чужим** для жителей того места); 3) характеристика времени по длительности (турист **временно** находится в чужом месте, время его путешествия **ограничено**, как правило, оно совпадает с отпуском); 4) отношение человека к окружающему миру (для дикого туриста характерно **неуважение** местных традиций, **потребительское, варварское** отношение к природе); 5) внутренний облик человека (дикий турист – это **активный** человек, он свободен, **безрассуден**, ради получения удовольствия не считается с реальной опасностью); 6) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (акцентируется **нежелание туристов работать**, их **неумелость, неприспособленность** к жизни в тайге); 7) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (преимущественно **отрицательная** оценка: говорящий **с неприязнью**, а часто **с иронией** относится к туристу).

Субъект, обозначаемый словом *турист*, в текстах Астафьева преимущественно имеет родовой денотативный статус: «...*возят всех почетных гостей и туристов “угощать” великим сооружением времени – Красноярской гидроэлектростанцией...*» [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Встречаются также немногочисленные примеры с конкретно-референтным неопределенным статусом: «*Окурок давний и совсем раскисший, и сигарета докурена до фильтра – бережливый, опытный турист был или весь издержался?*» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].

Такой денотативный статус – грамматический показатель того, что Астафьев рассматривает туриста как распространенный тип людей и дает его обобщающую характеристику, при этом не описывает конкретного человека.

Смысловой признак 'свое/чужое, свои/чужие' является системообразующим в языковой и индивидуально-авторской картинах мира, об этом не

раз писали филологи. «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [Степанов, 2004, с. 126]. «Проблема взаимодействия разных личностных, шире – социально-идеологических, начал, «своего» и «чужого» в слове была выдвинута в середине 30-х годов применительно к литературному тексту М. М. Бахтиным, но получила широкий резонанс в 60–70-х годах, когда были переизданы или впервые изданы его труды» [Арутюнова, 1999ж, с. 668]. В авторской картине мира Астафьева этот признак особенно важен. Поведение туристов во многом определяется тем, что место, в котором они находятся, для них чужое. И сами туристы являются чужими для местных жителей: *«Местные браконьерышки досадовали – опять нагрянули **туристы-транзисторщики**, которым сделались подвластны необъятные просторы любимой Родины из конца в конец. На «просторах» они так резвятся, что за ними, как после Мамаева войска – сожженные леса, загаженный берег,дохлая от взрывчатки и отравы рыба»* [Летит черное перо // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

Турист – это временная роль человека. Временно находясь на чужой земле, туристы живут по принципу: после нас хоть потоп – и не задумываются над тем, что будет с тем местом, по которому они прошли. Отсюда вытекает их варварское, потребительское отношение к природе и к вещам, которыми они пользуются: *«Зимовье Аким подремонтировал в прошлый прилет, но возни с ним еще много, подопрело зимовье, давно в нем не было промысловика, а вот **туристы** и бродяжки всякие наведывались: скололи углы на растопку и козырек над дверью свели, истюкали топором половицы и порог»* [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2]. *«Сейчас на минжкульских и манских ямах, шевелимых волной прибоя, сделанного сбросом воды и сора с близкой гидроэлектростанции, вода круглый год студена, открыта, и залегает в ямы разве что дачник, спьяну перепутавший поверхность воды с землей, либо бесстрашный **турист**, желающий освежиться после изнуритель-*

ных переходов по горам, лазанья по пещерам, чужим дачам и пустым подворьям, угоревший от лесных пожаров, им же для интересу запаленных» [Заберега // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Туристы – это активные люди с завышенной самооценкой, в то же время они часто не имеют навыков выживания в дикой природе, не приспособлены к жизни в тайге, не умеют в ней ориентироваться и от этого даже гибнут: «*“Туристы! – взвыл Аким. – Добрались, падлы! – Отрывисто, испуганно залаяла у зимовья Розка. – Заблудились, в рот им пароход!”*» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2]; «*Оглушенный шумом и презрением местный народишко часто бывает вынужден бросать дела свои, детей и ху добу, потому как дикие туристы бойки на язык, но знать мало чего знают, уметь совсем почти ничего не умеют, блудят и мрут в тайге – ищи их всем народом либо вынай из реки утопленниками*» [Летит черное перо // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]. В индивидуально-авторской картине мира Астафьева умение выжить в трудных условиях, физически трудиться для этого – важная характеристика человека.

Во всех приведенных примерах автор текста представляет туристов как чужаков с точки зрения местных жителей. В «Царь-рыбе», «Последнем поклоне», «Затесях» предложения, описывающие туристов, содержат отрицательную оценку, передают негативное, часто ироничное отношение к туристам. Заметим кстати, что отрицательная оценка отразилась в переосмыслении значения слова *турист* в арго. Вот какое толкование дается в «Словаре русского арга» В. С. Елистратова: «**Турист** – бездельник, праздношатающийся, человек без определенных занятий. *Работаешь где-нибудь? – Не, ~. – Ага, ~, денег полный рюкзак*».

Многие примеры из Национального корпуса русского языка тоже содержат отрицательную или ироничную оценку: «– Ты сам тут-ка без году неделя. Сам *турист*... ране моря только причапал. Тебе один хрен где жить – у нас или ишо где» [Распутин. Прощание с Матерой]. «*Пароходы поплывут... это когда твои пароходы поплывут, а мне как теперь здесь находить-*

ся? Я на ваших **туристов**... – Вера задохнулась» [Там же]. «Ленин был изображен в знакомой позе – **туриста**, голосующего на шоссе» [С. Довлатов. Чемодан]. «**Туристы** приехали отдыхать. Местком навязал им дешевые путевки» [С. Довлатов. Заповедник]. «Где уж ей бедной зарости. Ее давно вытоптали эскадроны **туристов**» [Там же]. «Через горы и моря во все концы земли / Из Англии родной **туристов** гонит скука» [Д. С. Мережковский. Конец века].

Прецедентные тексты со словом турист. К самой большой по объему повести «Сон о белых горах» в книге «Царь-рыба» в качестве эпиграфа взяты слова ирландского писателя Уолтэра Мэккина (1915–1968): «Было время, когда **туристов** и видом не видывали и слыхом не слыхивали. Разве что придет в кои веки раз какой-нибудь, чтоб потом книгу написать. А еще того раньше, если людям попадался **турист**, они или тут же забивали его, или требовали за него выкуп на том веском основании, что он, наверно, вражеский шпион. И, как знать, может, только так с ними и надо было обращаться» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2]. Эпиграф – одна из сильных позиций текста, и включение слова **турист** в эту позицию – знак того, что оно относится к ключевым в тестах Астафьева.

Синтаксические конструкции со словом турист помогают выявить авторское отношение к типу людей, обозначенных данным словом. В трех из пяти определительных словосочетаний, встретившихся в рассматриваемых текстах, выражена ирония (они выделены жирным шрифтом): **бережливый, опытный турист, немецкие туристы, дикие туристы, резвящиеся дикие туристы, бесстрашный турист.**

Предложения с сочинительной связью тоже являются выразительным средством предъявления авторской позиции. Писатель **сопоставляет туристов с курицами, противопоставляет их деловому народу и промысловику, соединяет с шутчими людьми, искателями приключений, угрюмыми браконьерами, бродяжками и почетными гостями, ставит в один ряд с пьяными охотниками и беглыми арестантами.**

Предложение с **сопоставительными отношениями**: «*Возле него [фонтана] пурхаются курицы, туристы же думают, что это какая-то историческая загадочная реликвия, и фотографируются возле нее*» [Шопениана // Астафьев. Затеси. Тетрадь 4. Игра].

Предложения с **противительными отношениями**: «*На сей раз высадились на дикий берег Енисея не туристы, а деловой народ, одержимый идеей – для себя выгодно и для здоровья полезно – провести заслуженный отпуск*» [Летит черное перо // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]; «*...давно в нем [в зимовье] не было промысловика, а вот туристы и бродяжки всякие навывались...*» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].

Предложения с **соединительными отношениями**: «*...туристы и бродяжки всякие навывались...*» [Там же]; «*...так возят всех почетных гостей и туристов...*» [Пир после победы // Астафьев. П. п. Кн. 3]; «*В обжитых и еще не тронутых наших лесах метами подобного рода пользуются и теперь лесостроители, охотники, геологи и просто шатучие люди, искатели приключений, угрюмые браконьеры и резвящиеся дикие туристы*» [Поход по метам // Астафьев. Затеси. Тетрадь 1. Падение листа].

Предложение с **разделительными отношениями**: «*...давно кто-то из пьяных охотников, беглых арестантов или туристов оставил на бревне похабную надпись*» [Сон о белых горах // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 2].

Авторские синонимы. Окказионализм *транзисторщик* дважды встречается в повествовании «Царь-рыба», см. пример на стр. 270 настоящей работы, а также следующий: «*Над Большой Слизневкой, по гриве и по сопкам – сплошь горельник. Жизнь доживаю, а не бывал на Слизневской седловине, и бабушка моя, и дедушка, и все мои селяне не бывали там. Грибы-ягоды – они и внизу всегда росли. Лес на скалах не рубили. Самой природой назначено красоваться желтоталовому, жаровому сосняку со стройными стволами в синем поднебесье. Но тренированные в спортзалах, пустоглазые транзисторщики забрались на скалы, погуляли, повеселились и для полноты ощу-*

щений пустили по горам пал» [Нет мне ответа // Астафьев. Царь-рыба. Кн. 2]» [Башкова, 2014б, с. 183–187].

В «Царь-рыбе» **транзисторщик** – это 'человек, обладающий транзистором – портативным радиоприемником; человек, который, уезжая или уходя из дома, например в тайгу, в горы, берет с собой транзистор, включает его на полную громкость и слушает чужую непонятную музыку, мешая местным жителям; человек, который не умеет и не желает слушать звуки природы, варварски к ней относится; грубо нарушает традиционные нормы поведения'; в семантике слова содержится отрицательная ироническая оценка, которая сближает значения слов **транзисторщик** и **турист**. В этом толковании существенно то, что для Астафьева **транзисторщик** – это не просто обладатель транзистора, но человек, который берет транзистор в поход, который не умеет жить в гармонии с природой.

В. П. Астафьев не употребляет лексему **транзисторщик** в других произведениях, однако у него слово **транзистор** во всех контекстах обладает отрицательными коннотациями: «*Ныне там ни песен, ни пера, ни крылышков, одни транзисторы режут что-то заморское, здесь, в сибирской тайге, пусть и разгромленной, особенно дико и чуждо звучащее*» [Легенда о стеклянной кринке // Астафьев. П. п. Кн. 2]. Для писателя **транзистор** – это символ современной жестокой цивилизации, уничтожающей деревню.

«Характерно, что слово **турист** – заимствованное, пришло в русский язык из французского (фр. *touriste* [Захаренко, Комарова, Нечаева, 2003], далее в этом абзаце информация о происхождении слов тоже взята из этого источника), и слово **транзисторщик** образовано от иноязычного **транзистор** (англ. *transistor*). Выбрав эти слова для обозначения определенного типа людей, автор показывает их нежелание следовать русским национальным традициям. Отметим кстати, что в произведениях Астафьева иноязычные слова или их дериваты нередко выражают отрицательную оценку, она содержится в семантике самого слова или приобретает в контексте, часто ироническом. Приведем только несколько примеров с суффиксом *-ист*: **авантюрист** (от

фр. *aventure*), *активист* (от лат. *activus*), *атеист* (от фр. *atheisme*), *капиталист* (от фр., англ. *capital*), *коммунист* (от фр. *communisme* \\\ лат. *communism*), *методист* (от гр. *methodike*), *рецидивист* (фр. *recidiviste*), *скандалист* (от нем. *Skandal*, фр. *scandale* \\\ лат. *scandalum*, греч. *Σκάνδαλον* – информация из словаря Даля), *фашист* (от ит. *fascismo*), *штабист* (от нем. *Stab*). Как отмечает Л. П. Крысин, «иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в котором перекрещиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки...» [Крысин, 2008, с. 53]. Необходимо, однако, отметить, что не все заимствования или слова с иноязычными корнями, обозначающие человека в книгах Астафьева, являются отрицательными характеристиками. Так, в словах *телефонист* и *артиллерист* отрицательной оценки нет.

Дериваты от слова *турист*: *туристический* (*туристическая путинна*), ***туристский*** (*туристская братия, туристская жизнь, туристские панамы и трусы*). Прокомментируем только последнее словосочетание. Астафьев не описывает внешний облик туристов (исключением является приведенный выше пример с *транзисторщиками*, где определения *тренированные в залах, пустоглазые* в какой-то степени характеризуют внешность субъекта), писатель акцентирует внимание на их отношении к природе и людям. Но все же какое-то представление об одежде туристов дано в предложении: «*На струе, на стрежи на самолос чего только не нацепляется: тряпье, собачьи намордники, сапоги, туристские панамы и трусы*» [У Золотой карги // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]. Из всех деталей одежды выбираются только панамы и трусы. Ср.: «*Появились туристы в панамах и белых ботинках...*» [Бунин. Остров Капри // <http://www.ruscorpora.ru>]. *Панама* у русского человека часто ассоциируется с летним отдыхом.

Аналоги лексемы *турист* (лексемы, которые относятся к той же части речи, что и данная, но семантически отстоят от данной лексемы дальше, чем ее синонимы, см.: [Апресян, 2009, с. 489]). ***Отпускник, дачник, курортник***. Смысловые признаки данных лексем: 1) характеристика места по при-

знаку 'свое/чужое' (все эти слова у Астафьева обозначают людей, которые уходят из своего дома и находится **в чужом месте**); 2) характеристика времени по длительности (эти люди **временно** находится в чужом месте); 3) отношение человека к окружающему миру (**отпускник** и **дачник** у Астафьева **не уважают** местные традиции, **потребительски**, порой **варварски** относятся к природе, **курортник** по этому признаку не маркирован); 4) внутренний облик человека (**отпускника**, **курортника** и в большинстве контекстов **дачника** объединяет общая цель – **отдых** и получение **удовольствия**, кроме того, **отпускник** и **дачник** – это **практичные**, **деловые**, **активные** люди, для которых собственная выгода стоит на первом месте, **отпускники** и **дачники** могут вести себя **агрессивно**, **курортника** же отличает **пассивность**, его целью может быть **лечение**); 5) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (**отпускники** могут быть хорошими профессионалами, отдыхают от основной работы, но к жизни в тайге не приспособлены, **дачники** могут уметь работать на собственном дачном участке, обладают высокой способностью выживания); 6) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (к **курортнику** автор относится с мягкой иронией, **отпускник** и **дачник** получают более резкую отрицательную оценку, причем **дачник** оценивается более негативно).

*«И только комары – наказание человеку от природы за его блудные дела и помышления, не давали полностью отдаться природе и насладиться ею до конца. Они даже в палатку набивались, проклятые. Не раз шибали **отпускники** палатку со стояков, норовя кулаком попасть в эту махонькую скотинку, способную довести человека до нервных припадков» [Летит черное перо // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1]. «Ощупью подбираясь, тая в глубине насмешку, считая простофилями супротивника и хитрецами себя, чушанцы и **отпускники** в конце концов уяснили, что союзно им не живать, однако пригодиться друг дружке они могут» [Там же].*

*«Деловые, лишённые жалостливых чувств **дачники**, правда, усмирили здесь и горы и доли, перекопали и порубили все, что можно перекопать и из-*

рубить, загородили плотными заборами все, что можно загородить и застроить» [Заберега // Астафьев. П. п. Кн. 3]. «Красивые берега Сылвы и Чусовой ныне захвачены **дачной публикой**. Лишь дереушку Быковку минует **дачная стихия**: в глуби лесов дереушка – к ней идти «своими ногами», тащить на себе продукты. **Дачник** же, большей частью пенсионер, не хочет ходить и таскать ничего не любит – он на то и **дачник**, чтобы отдышаться от газа и дыма, отдохнуть от города, от сумок, авосек, от очередей, от гама-содома и скоротать на лоне природы остаток лет, созерцая ее, а главным образом, потихоньку пощипывая, где мережкой опутывая, где острогой притыкая, где топориком потюкивая, где костерком припекая, где ружьишком ушибая, – очень замкнутый, но деловито-ловкий смекалистый пенсионер-дачник обретается по здешним задичавшим берегам...» [Астафьев. Паруня].

«На серых, лишаями обляпанных камнях, летами нагретых жарким солнцем, возлежат парами **курортник с курортничихой**, поэтому мох на многих глыбах вышеркан...» [Кузяка // Астафьев. Затеси. Тетрадь 5. Древнее, вечное].

Связь слова турист с основными идеями индивидуально-авторской картины мира В. П. Астафьева. С помощью данного слова выражены важные для писателя идеи. Рассмотрим их на фоне следующего фрагмента из книги «Последний поклон»:

«Но бабушка все, что мне казалось так мудрено, тут же объяснила житейски-просто, **крестьянским опытом, древним умом и памятью** ведала одну истину: все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте – и дом, и пашня, и огороды, и лес, и горы вокруг, **хозяйство и деяния человека в нем должны знать границу**, должны быть очерчены жердями, заплотом, межой, дорогой, распадом, речкой, **за которую не хождено и незачем ходить**, стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, **всей земли не охватишь**, вся она в Божовом распоряжении, только Ему и досягаемо всю ее озреть с небесной высоты: Ему и заботиться о ней, страдать боль-

шими страданиями, потому как один за всех. Человек должен трудиться и не роптать, а роптать, так про себя, помня про Божьи благодеянья, забывая обиды и все, что в его, Божьего человека, зрении и распоряжении есть до гвоздя, до щепки, до кисейной занавески на окне, должно быть известно, когда и за сколько приобретено, зачем оно тут есть и зачем будет, все должно быть поставлено в тот ряд, который и есть не что иное, как человеческая жизнь» [Приворотное зелье // Астафьев. П. п. Кн. 3].

Вопрос о том, как должен и как не должен жить человек – один из главных в книгах В. П. Астафьева. В данном фрагменте устами бабушки прямо дается ответ на него. Здесь представлена традиционная крестьянская точка зрения. С позиций семантики еще раз вернемся к смысловым признакам, выделенным у слова *турист*, и рассмотрим эти же признаки у слова *человек* в данном фрагменте.

1) денотативный статус субъекта (**родовой** – здесь представлена точка зрения на то, как должен жить любой человек); 2) характеристика места по признаку ‘свое/чужое’ (место человека должно быть **ограниченным**, человек должен жить на **своем месте**, не должен уходить из дома); 3) характеристика времени по длительности (время – **всегда**, включает **прошлое, настоящее и будущее**); 4) отношение человека к окружающему миру (человек должен хорошо знать, что его окружает, и нести **ответственность** за свое окружение); 5) внутренний облик человека (человек должен **помнить о Боге**, помнить о **благодеяниях** и **забывать обиды, не роптать**); 6) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (человек должен **трудиться**, труд – это и цель жизни, и средство выживания); 7) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (ярко выраженная **положительная** оценка, которая предъявляется с помощью модальности долженствования).

Сопоставление смысловых признаков слов *турист* и *человек* показывает, что в индивидуально-авторской картине мира В. П. Астафьева турист по всем параметрам отличается от крестьянского идеала человека: турист

уходит из своего дома в чужое место, не желает и не умеет трудиться, не помнит о Боге, удовольствие для него – цель жизни, часто он варварски относится к миру, к природе, не думает о будущем.

Таким образом, слово *турист* в книгах Астафьева обозначает не просто человека, а человеческий тип. Пользуясь терминологией представителей волгоградской лингвокультурологической школы, можно назвать его лингвокультурным типажом. Типаж *турист* в картине мира Астафьева соотносится с рядом русских лингвокультурных типажей, в понятийное ядро которых входят семы 'перемещение' и 'чужой'. Один из них – это *иммигрант*. Исследования мультимедийного дискурса показали, что этот типаж часто отрицательно оценивается представителями русской лингвокультуры (см.: [Хорошева, Бисерова, 2013]).

Связь семантики слова с ключевыми идеями русской ЯКМ. «Одной из ключевых идей для русской языковой картины мира является «оппозиция «высокое – низкое» (*быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие; счастье*)» [Зализняк Анна А., 2005, с. 11]. Как видим, поведение туристов, ставящих на первое место в своей жизни удовольствие, с позиций русской ЯКМ относится к области низкого» [Башкова, 2014б, с. 187–191].

Таким образом, смысловые признаки, выделяемые в значении слова, являющегося номинацией лингвокультурного типажа, помогают выявить семантические условия, позволяющие автору выбрать именно эту лексему для выражения своих идей. Так, в семантику слова *турист* включены смысловые признаки 'ограниченное время' и 'чужое место', эти признаки являются базой для формирования отрицательной оценки. В текстах, созданных В. П. Астафьевым, к общему для всех говорящих по-русски значению лексемы *турист* добавляются семантические признаки 'отношение к окружающему миру', 'внутренний облик человека', 'отношение человека к труду', 'способность человека к выживанию'. Специфические синтаксические контексты: определительные словосочетания, предложения с сопоставительными

ми, противительными, соединительными и разделительными отношениями – выявляют семантический сдвиг в значении слова. В книгах «Царь-рыба», «Последний поклон», «Затеси» писатель ни разу не оценивает человека, названного словом *турист*, положительно, что подтверждается прецедентными текстами с данным словом, его синонимами и аналогами, а также словообразовательными дериватами в астафьевских текстах. Для В. П. Астафьева это слово близко к инвективе, в его произведениях значение слова *турист* приближается к толкованию, представленному в «Словаре русского арго».

4.6. Вербализатор антропостереотипа как идиоглосса личностного дискурса

В данном разделе рассматривается значение слова *крестьянин*, вербализующего один из самых важных для ЯЛ В. П. Астафьева стереотипов. Идеи, изложенные в этом разделе, ранее опубликованы в: [Башкова, 2014а].

Вербализаторы наиболее значимых для языковой личности антропостереотипов в ее дискурсе выполняют функцию **идиоглоссы**. Как было отмечено во второй главе настоящей диссертации, впервые эту лексическую единицу вербально-семантического уровня ЯЛ выделил Ю. Н. Караулов. От обычного слова идиоглосса отличается тем, что, помимо репрезентации значения, выполняет функцию строительного элемента, который формирует **индивидуально-авторскую картину мира**, то есть в сжатом виде содержит какие-либо основные идеи автора текста, следовательно, является знаком второго порядка. Анализируя идиоглоссарий как ядерную часть вербально-семантического уровня ЯЛ, можно приблизиться к пониманию мировидения автора. По мнению А. Вежбицкой, среди элементов «алфавита человеческих мыслей» – «семантических примитивов» на первом месте стоят субстантивы, большая часть которых – это обозначения человека: *люди, я, ты, кто-то* (см.: [Вежбицкая, 1997, с. 331]). Таким образом, номинации человека относятся к основной части идиоглоссария.

Для В. П. Астафьева одной из важнейших тем творчества является тема уничтожения крестьянства, что неоднократно отмечали исследователи. «Центральная идея астафьевской историософии, которая начала формироваться еще в «Пастухе и пастушке» (1-я ред. – 1967 г.) и получила концептуальное завершение в романе «Прокляты и убиты» (1994–1995), утверждала крестьянский образ жизни как единственно продуктивный и подлинно творческий, а отказ от него как заслуживающее возмездия предательство человеком своего предназначения» [Разувалова, 2013, с. 104].

Идиоглосса *крестьянин* в книге «Последний поклон» употребляется 25 раз, в книге «Затеси» – 23, в романе «Прокляты и убиты» – 13, в повествовании «Царь-рыба» – 4 раза.

Слово *крестьянин* в РСС входит в лексическое подмножество номинаций лиц «По сословному положению, по титулованию; по экономическому, правовому состоянию, по положению личного господства или зависимости, по обладанию собственностью». В книге «Последний поклон» это подмножество включает следующие слова (в скобках указана частота употребления): *антелигент* (1), *баба* (132), *батрак* (3), *батрачка* (1), *буржуй* (3), «*бывшая*» (1), «*бывшие*» (1), *господа* (3), *казак* (5), *капиталиска* (1), *колхозник* (2), *крестьянин* (25), *крестьянка* (2), *кулак* (2), *кулачка* (2), *купец* (1), *купчиха* (2), *мужик* (231), *нэпман* (1), *подкулачник* (2), *подкулачница* (2), *пролетарий* (12), *работяга* (3), *рабочий* (9), *разночинец* (1), *раскулаченные* (5), *среднячки* (1), *сиятельства* (1), *служащий* (4), *трудящийся* (4), *труженик* (5), *труженица* (4), *частник* (2), *эксплуататор* (2), *элемент* (10). Следует оговориться, что многие из этих слов многозначные и в рассматриваемое лексическое подмножество входят не во всех своих значениях.

Среди перечисленных слов особое положение занимают существительные *мужик* и *баба*, поскольку в одном из своих значений они являются синонимами слов *крестьянин* и *крестьянка*. В РСС дано следующее их толкование: *мужик* – «крестьянин, а также вообще человек из простонародья

(прост.)» [РСС, с. 134], *баба* – «крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (преимущ. о замужней или вдове) (прост.)» [РСС, с. 133].

Похожее толкование содержится и в словаре В. И. Даля: *мужик* – «муж, мужчина простолюдин, человек низшего сословия; крестьянин, поселенин, селянин, пахарь, земледел, земледелец, землепашец, хлебопашец; тягловый крестьянин, семьянин и хозяин» [Даль, 1998. Т. 2, с. 357], *баба* – «замужняя женщина низших сословий, особ. после первых лет, когда она была *молодкою, молодницею*, или вдова» [Даль, 1998. Т. 1, с. 32].

В произведениях В. П. Астафьева слова *мужик* и *баба* во многих случаях являются синонимами или аналогами слов *крестьянин* и *крестьянка*: «Существовал закон, защищающий интересы *крестьян*. Но *мужики* закона того не знали» [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «*Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туесок*» [Астафьев. Фотография, на которой меня нет // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «*Жизнь прожила она длинную и трудную, как и многие овсянские бабы*» [Монах в новых штанах // Астафьев. П. п. Кн. 1]; «*Мужики и бабы растерянно замолкли по своим сельским дворам, на беспризорную землю от леса двинулась трава, боярышник, бузина и всякая лесная нечисть*» [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «*В тот год, именно в тот год, безлошадный и голодный, появились на зимнике мужики и бабы с котомками, понесли барахло и золотишко, у кого оно было, на мену, в “Торгсин”*» [Ангел-хранитель // Астафьев. П. п. Кн. 1].

«В процессе исследования было выявлено два ключевых значения идиоглоссы *крестьянин* в дискурсе В. П. Астафьева. Их анализ будет представлен в следующем порядке: а) толкование когнитивного макрокомпонента значения; б) описание прагматического макрокомпонента значения – выделение ассоциативных и эмоционально-оценочных смысловых признаков, приобретенных словом в контексте произведений В. П. Астафьева; в) подкрепленный иллюстрациями лингвистический комментарий к выделенным смысловым признакам.

Толкование значения (а) дается на основании сопоставления толкований, представленных в разных словарях русского языка [Ожегов, Шведова, 1993; «Большой академический словарь русского языка», 2007; «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, 1935–1940; «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, 1981–1984; «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, 2014], с дискурсом В. П. Астафьева. Во всех рассмотренных словарях семантика слова *крестьянин* содержит только когнитивный макрокомпонент значения. В ряде словарей у этого слова выделяется одно значение: «сельский житель, занимающийся возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой» [Ожегов, Шведова, 1993, с. 313], «сельский житель, основным занятием которого является обработка земли и разведение скота», отмечается также, что слово употребляется в собирательном значении [Большой академический словарь русского языка, 2007, с. 627], «сельский житель, принадлежащий к крестьянству – социально-экономическому слою людей, занимающихся земледелием и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой» [РСС, с. 134].

Другие же словари вычленяют два значения у слова *крестьянин*. «1. Мелкий товаропроизводитель в сельском хозяйстве, владеющий средствами производства и непосредственно прилагающий свой труд в производстве <...> 2. Лицо, принадлежащее к низшему податному сословию» [Толковый словарь Д. Н. Ушакова, Т. 1, 1935. Стб. 1512–1513]. «1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли <...> 2. Представитель низшего податного сословия в дореволюционной России» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981]. «1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли; земледелец. 2. В России до 1917 г.: представитель низшего податного сословия» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2014]. Как видим, при некоторой разнице в толкованиях **словари разделяют значение на коллективное и индивидуальное.**

Анализ произведений В. П. Астафьева показал, что для писателя выделение в слове *крестьянин* двух значений тоже важно, вместе с тем в конкретных текстах наблюдается небольшой семантический сдвиг в этих значениях.

Под ассоциативными и эмоционально-оценочными смысловыми признаками (б) в данной работе понимаются коннотативные прагматические смыслы, приобретенные словом в контексте произведений В. П. Астафьева. Эти признаки проявляются не всегда, однако они частотны и отражают общее целостное восприятие автором людей, называемых словом *крестьянин*.

Подкрепленный иллюстрациями лингвистический комментарий к выделенным смысловым признакам в данной работе представлен в отдельной части (в). Такое расположение материала (сначала б – перечисление всех прагматических смысловых признаков, а затем иллюстрации и комментарий – в) не соответствует ходу исследования, поскольку, конечно же, для исследователя первичен текст, и выводы делаются на основании его анализа, однако это расположение позволяет показать признаки в комплексе, во взаимосвязи, что является важным при осмыслении значения слова.

Крестьянин 1

а) Толкование когнитивного макрокомпонента значения: 'сельский житель, который имеет свой дом, свое хозяйство, землю (пашню, заимку, огород), трудится, возделывает землю, живет землей'. «...покудова есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он **крестьянин**, хозяин, а не нищеврод» [Далекая и близкая сказка // Астафьев. П. п. Т. 4, с. 8]; «Дядя мой, младший Кольча, по роду и характеру своему был **крестьянин**, пашенный человек» [Большой стратег // Астафьев. Затеси. Тетрадь 4. Игра].

В данном толковании используются слова, которые употребляет сам писатель в своих книгах, учитываются следующие контексты: **иметь свой дом, свое хозяйство, трудиться** [Пойти к Жуковскому // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение]; «**вытеснение местных крестьян с их пашен и заимок**» [Манская грива // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение]; «**от веку жившие**

землей» [Гори, гори ясно // Астафьев. П. п. Кн. 2]; «*земли, возделанной руками крестьянина*» [Хреновина // Астафьев. Затеси. Тетрадь 4. Игра], название повести «*Ода русскому огороду*».

Анализ дискурса В. П. Астафьева показал, что в первом, индивидуальном, значении слова *крестьянин* в художественных текстах этого автора важен смысловой признак, указывающий на материальное положение крестьянина, содержащийся в толковании Д. Н. Ушакова – 'владеющий средствами производства'. (Заметим, что основное средство производства для крестьянина – это земля.) Другие словари не выделяют этого признака, но В. П. Астафьев подчеркивает в своих произведениях, что именно наличие земли в собственности крестьян во многом определяет их образ жизни и человеческие качества (см. примеры, приведенные выше).

б) Прагматический макрокомпонент значения – ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, приобретенные словом *крестьянин 1* в контексте произведений В. П. Астафьева: 1) внутренний облик человека (обладает чувством собственного достоинства, уверенный, надежный человек, живет в гармонии с природой, чувствует связь с родной землей, в то же время бесхитроsten, не умеет приспособливаться к жестокому миру); 2) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (уважение).

в) Лингвистический комментарий к выделенным ассоциативным и эмоционально-оценочным смысловым признакам слова *крестьянин 1*:

Создавая обобщенное представление о крестьянине, писатель выделяет в его внутреннем облике такие человеческие качества, как уравновешенность, солидность, уверенность: «...я думаю, и *уравновешенность, солидность крестьян, их уверенность в вечности земного бытия, неизменности уклада жизни происходили от кормящей их, работающей безотказно бок о бок с ними деревенской животины...*» [Без приюта // Астафьев. П. п. Кн. 2].

Писатель подчеркивает надежность крестьян, использует при этом метафору: *«Крестьянин – он не только кормилец, он человек оседлый, надежный, он – якорь жизни»* [Летит черное перо // Астафьев. Царь-рыба. Ч. 1].

В. П. Астафьев пишет о внутреннем достоинстве крестьянина в миниатюре «Крестьянин»: *«Парень... с прямым доверительным взглядом и тем достоинством в каждом движении, в слове и в улыбке, которое дается истинным труженикам земли...»* [Крестьянин // Астафьев. Затеси. Тетрадь 5. Древнее, вечное].

Особое внимание писатель обращает на такое качество, как духовность, стремление увидеть смысл жизни, при этом ставит неграмотного крестьянина в один ряд с величайшим русским мыслителем Л. Н. Толстым: *«...процесс понимания мира титаном мысли, разрываемым внутренними противоречиями, скажем, Львом Толстым, постижение им архисложных философских глубин, и духовное напряжение неграмотного крестьянина, задающего себе вопрос: “Что есть я и земля?” – не менее сложен и не менее мучителен»* [Комментарии // Астафьев. Затеси].

Вместе с тем В. П. Астафьев видит в крестьянине бесхитрость и неумение приспособиваться к жестокому миру: *«Вот только не получалось у них – у смоленского крестьянина и вятского мужика – удобного в жизни устройства, не могли, не умели они приспособить себя к этому загогулистому, мудрому и жестокому миру – больно они простоваты, бесхитростны умом – стало быть, поднимайся из-за камней, иди в воду, под выстрелы, в огонь иди»* [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

Описание внутреннего облика крестьянина, акцентирование внимания на таких человеческих качествах говорит об уважительном отношении автора к типу людей, названных этим словом.

Крестьянин 2

а) Толкование когнитивного макрокомпонента значения: 'человек, принадлежавший к крестьянству, социальному классу, который истребила

советская власть во время коллективизации! *«Вчерашние крестьяне стали ничем, потеряли основу жизни, свое хозяйство и сделались междомками»* [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3]; *«Плануя бросок за фокинскую речку, где затаился и помалкивал самый коварный враг – наиболее крепкий и справный крестьянин, овсянские большевики собирались с новыми силами»* [Там же].

Все рассмотренные нами словари, выделяющие второе, «коллективное», значение слова *крестьянин*, указывают на дореволюционную Россию (см. толкования выше). Однако В. П. Астафьев показывает в своих произведениях советскую Россию; говоря об истреблении крестьян в СССР, он описывает события 30-х годов XX века: *«С тридцатых годов, с полного воцарения в стране победного строя большевиков началось вытеснение местных крестьян с их пашен и заимок...»* [Манская грива // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение]. Таким образом, коллективное значение слова *крестьянин* в дискурсе В. П. Астафьева относится ко времени коллективизации: тогда сословия уже были отменены, и актуальным стало понятие класса. (Заметим, что в некоторых словарях у слова *крестьянство* выделяется три значения, при этом разделяются класс и сословие. «1. Класс крестьян <...> 2. Крестьянское сословие в дореволюционной России. 3. Устар. и прост. Крестьянский труд, земледелие» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981]; «1. Класс крестьян. 2. В России до 1917 г.: низшее податное сословие, состоящее из крестьян. 3. Разг. Крестьянский труд, земледелие» [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2014].)

Отличительной особенностью художественных произведений В. П. Астафьева является то, что в них показан процесс уничтожения крестьян как социальной общности. В дискурсе В. П. Астафьева внимание акцентируется на взаимоотношениях крестьян с уничтожавшими их Коммунистической партией и советской властью: *«Родная и до стону народом любимая партия и ее подручная, ополоумевшая от успехов, безнаказанности и раз-*

нужданности *советская власть* в очередной раз перетряхивала страну, как старую вишивую шубу, и гнала с места на место народ, в первую голову *крестьян...*» [Пойти к Жуковскому // Астафьев. Затеси. Тетрадь 2. Видение]; «Уже имеющие богатый *опыт переселений, изгнаний, изводов, истребления крестьян, советские молодцы* сбросали полячишек в вагоны и повезли вперед, на восток» [В Польше живет «сибиряк» // Астафьев. Затеси. Тетрадь 7. Рукою согретый хлеб].

При описании второго значения слова *крестьянин* перед нами встала проблема выбора глагола для обозначения действий советской власти. Из ряда: *уничтожить, ликвидировать, истребить* – было выбрано последнее слово, потому что оно характерно для идиолекта В. П. Астафьева: «*Люди, в особенности наши дорогие соотечественники, всегда будут искать и находить, кого убить, истребить. У нас вон еще не все крестьянство доистреблено...*» [Кн. 2. Плацдарм // Астафьев. Прокляты и убиты].

б) Прагматический макрокомпонент значения – ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, приобретенные словом *крестьянин* 2 в контексте произведений В. П. Астафьева: 1) внутренний облик человека (терпение, покорность, нежелание думать, в очень редких случаях – жизнестойкость, внутренняя сила); 2) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (сострадание в соединении с негодованием).

в) Лингвистический комментарий к выделенным ассоциативным и эмоционально-оценочным смысловым признакам слова *крестьянин* 2:

Говоря о крестьянах как о представителях класса, уничтоженного советской властью, писатель подчеркивает их терпение, покорность, запуганность, нежелание думать: «*Поскольку пленные были сплошь почти рядовые, а рядовых от века поставляла деревня, то вот она, на колени поставленная советской властью, забитая, запуганная, тупая масса крестьян, и оказалась так хорошо подготовленной для тяжелой доли пленного...*» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п., 1997. Т. 5, с. 350].

Писатель сравнивает крестьян со стадом: *«Ныне известно, каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучение и смерть. Они позволяли с собой делать все, что хотела делать с ними куражливая, от крови осатаневшая власть»* [Там же].

Из произведений В. П. Астафьева выходит, что советская власть не только разорила крестьян, физически уничтожила многих из них, но и изменила их внутренний облик, сломала нравственно. Только немногим удалось сохранить жизненную стойкость, внутреннюю силу: *«Где-то в Заполярном круге мыкались, умирали, приспособлялись к новой, неслыханной жизни сибирские крестьяне, и, что самое поразительное, часть из них, пройдя все муки ада, заломала эту самую жизнь, приспособлялась к ней и приспособляла ее к себе»* [Там же].

Таким образом, по смысловому признаку 'внутренний облик человека' *крестьянин 1* и *крестьянин 2* совершенно не совпадают: уравновешенный, солидный, уверенный, надежный, с чувством собственного достоинства, думающий о смысле жизни *крестьянин 1* – полная противоположность терпеливому, покорному, не умеющему думать *крестьянину 2*.

Конечно, не во всех контекстах можно отчетливо разделить два значения слова *крестьянин*, в некоторых случаях они совмещаются в одном словоупотреблении. Слово *крестьянин* является именем концепта, обладающего функцией эквивокации, благодаря которой реализуется фундаментальный принцип отношения слова как двусмысленности мира, «в котором нет места однозначности, категоричности и ограниченности» [Алефиренко, 2013, с. 11].

Функция эквивокации объясняет и двойственное отношение автора к крестьянам: с одной стороны, он им сочувствует, сострадает, испытывает боль за то, что с ними случилось, подчеркивает их невиновность: *«Спустя годы и годы я смотрел следственное и судебное дело, читал протоколы допросов и еще и еще поражался тому оглушительному бесправию, той оголтелой среде, в которую попали и от которой тысячами, затем и мил-*

лионами гибли ни в чем не повинные русские крестьяне и рабочие мужи-ки» [Вечерние раздумья // Астафьев. П. п. Кн. 3].

С другой стороны, покорность, терпение, беспечность крестьян его возмущают: *«Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей – и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича – и Кремль наш древний со вишivotой, в ней засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со зверующей бандой по самые звезды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко, с шипом воняли в валенки. И дождались!»* [Там же]» [Башкова, 2014а, с. 5–16].

«Сравнение семантики слова *крестьянин* в дискурсе В. П. Астафьева с толкованием этого слова в словарях показало, что в астафьевских текстах происходит семантический сдвиг в когнитивном макрокомпоненте первого и второго значений слова *крестьянин* и добавляется прагматический макрокомпонент в обоих его значениях.

В семантике слова *крестьянин* отразились важные особенности мировидения В. П. Астафьева: для писателя процесс истребления крестьян как класса во многом обусловлен тем, что у них отобрали землю. В. П. Астафьев категорически не согласен с социалистической идеологией, согласно которой «нормальные» крестьяне при новом строе сообща владеют средствами производства.

Существенное различие прагматических макрокомпонентов первого и второго значений слова *крестьянин* подтверждает важность выделения его коллективного и индивидуального значений для дискурса В. П. Астафьева.

Отметим также, что прагматический макрокомпонент значения слова, не зафиксированный в рассмотренных выше словарях, в значительной степени связан с социальной сферой функционирования языка. Так, «Словарь русского арго» дает такое толкование слова *крестьянин*: «1. Простоватый, необ-

разованный (но обычно с хитрецей, жадноватый) человек. 2. только *мн.* Вши. 2. – из уз.» [Елистратов, 2000]. Эти значения основаны на коннотациях, имеющихся у слова в его основном значении, и указывают на отрицательную оценку людей, называемых данным словом. Таково отношение к крестьянам представителей уголовного мира.

В. П. Астафьев же кровно связан с крестьянами, его предки – крестьяне. Поэтому не случайно описание идеальной человеческой жизни, того, как должен жить человек, в книге «Последний поклон» вложено в уста бабушки-крестьянки» [Башкова, 2014а, с. 12–13].

Таким образом, превращение слова в идиоглоссу одного или ряда текстов, созданных ЯЛ, приводит к семантическому сдвигу в когнитивном и прагматическом компонентах значения слова, прибавлению личностных смыслов в зонах денотата, сигнификата и прагматикона словозначений.

Выводы

Номинации человека, являясь вербализаторами антропостереотипов, структурируют индивидуально-авторскую ЯКМ. В значении слова, называющего человека, проявляются многие свойства ЯЛ: отношение личности к другим людям, ее самоидентификация, осознание себя как члена определенной референтной группы.

Результаты исследования значений слов *сибиряк, чалдон, мужик, баба, женщина, пролетарий, большевик, коммунист, турист, крестьянин* в художественных текстах В. П. Астафьева позволяют сделать следующие выводы:

1. Персоносемантику, отражающую особенности ЯЛ, определяют следующие факторы:

а) использование в личностном дискурсе всех или только некоторых ЛСВ слова: персоносемантика проявляется в выборе ЛСВ и в их взаимосвязях;

б) наличие или отсутствие семантического сдвига в когнитивной зоне лексического значения: в зоне денотата и сигнификата;

в) наличие или отсутствие семантического сдвига в прагматической зоне лексического значения, а также взаимосвязь прагматической и когнитивной зон лексического значения.

2. Вербализатор антропостереотипа может быть рассмотрен как номинация лингвокультурного типажа. В таком случае нужно показать, как семантика слова соотносится с ключевыми идеями национальной ЯКМ.

3. Вербализатор-идеологема, по сравнению со всеми остальными номинациями человека, вступает в большее количество семантических отношений с другими вербализаторами антропостереотипов и тем самым определяет прагматический потенциал текстов, созданных ЯЛ.

В произведениях В. П. Астафьева в значениях слов *крестьянин* и *пролетарий*, вербализующих социальные стереотипы, противопоставляются признаки: 'отношение к труду' и 'отношение к собственности'.

Стереотип крестьянина противопоставлен стереотипам большевика и коммуниста по признакам: 'обладание нравственными устоями, приверженность традиционной морали' и 'обладание властью'. Первый из этих признаков характеризует крестьянина, второй – коммуниста и большевика.

Стереотипы крестьянина и туриста противопоставлены по признакам: 'жизненная цель' и 'отношение к родной земле'.

Таким образом, в творчестве В. П. Астафьева идеологема *крестьянин* определяет прагматический потенциал многих его текстов.

4. В личном дискурсе системные отношения между вербализаторами антропостереотипов выявляют осознаваемые языковой личностью конфликты, существующие в обществе.

5. Творческая ЯЛ, владеющая несколькими вариантами национального языка, реализует в художественном тексте несколько стереотипов, связанных с одним типом денотатов, отталкиваясь от нескольких кодов культуры. Так, в

произведениях В. П. Астафьева стереотип *баба* связан с кодом народной крестьянской культуры, стереотип *женщина* – с кодом литературной традиции.

6. Использование ЯЛ тех или иных стереотипов зависит от времени и сферы функционирования текста, этим объясняются разные коннотации одного и того же слова в разных текстах одной ЯЛ. Так, значение существительного *коммунист* в ранних и поздних произведениях В. П. Астафьева в прагматической зоне содержит прямо противоположные оценки.

7. То, как ЯЛ использует номинации лиц в своих текстах, является яркой характеристикой всего идиостиля ЯЛ. Для идиостиля В. П. Астафьева характерна высокая степень категоричности в прямых оценках человека, публицистическая назидательность, наличие стилистически контрастной эмоционально-оценочной лексики.

Заключение

Лингвоперсонология, основным объектом исследования которой является языковая личность, относится к ключевым отраслям антропоцентрической мегапарадигмы современного языкознания; категория ЯЛ приближает лингвистов к пониманию многих происходящих в языке и речи процессов. В отечественной лингвистике существует несколько научных школ и направлений изучения ЯЛ, среди которых особо выделяются дискурсивно-коммуникативное, психолингвистическое, социолингвистическое, лингвокультурологическое и лингводидактическое. Объединяет все направления то, что в каждом из них редкое исследование ЯЛ обходится без обращения к семантике языковых единиц. В рамках лингвоперсонологии складывается семантическое направление, и наступило время его теоретического осмысления, что и стало целью настоящей работы.

Многие лингвисты, работающие в области лингвоперсонологии, используют в своих исследованиях трехуровневую модель ЯЛ, предложенную Ю. Н. Карауловым, поскольку она является удобным инструментом анализа ЯЛ. В эту модель включены вербально-семантический (или вербально-грамматический), когнитивный и прагматический уровни. На наш взгляд, первый из них следует признать одним из основных объектов изучения лингвоперсонологии, поскольку вербальное проявление личности – это та реальность, которую лингвист исследует с помощью собственно лингвистических методов. Отталкиваясь от вербально-семантического уровня, можно переходить к анализу остальных уровней ЯЛ. Таким образом, семантическая персонология – это важнейшая, базовая часть лингвоперсонологии, которая может предотвратить размывание собственно лингвистических границ этой науки. Экспансионизм современной лингвистики необходимо ограничивать разумным редукционизмом. Сам Ю. Н. Караулов в поздних своих работах и его последователи показали, что анализ семантики слова, употребляемого ЯЛ, многое может о ней сказать.

В семантической персонологии основной объект исследования – это вербально-семантический уровень ЯЛ, семантика языковых знаков, входящих в созданные личностью тексты, а также системные семантические отношения этих знаков. Наиболее ярко индивидуальность личности проявляется в идиолексиконе, поскольку лексика предоставляет говорящему максимальную возможность выбора, именно поэтому в большинстве лингвистических работ о вербально-семантическом уровне ЯЛ рассматриваются особенности ее словаря. Анализ лексической семантики, описание значения персонспецифичных слов: идиоглосс, идеологем, вербализаторов стереотипов – имеет первостепенное значение для семантической персонологии. Такой анализ создает базу для анализа идиостиля и для перехода к исследованию особенностей мировидения ЯЛ, ее индивидуально-авторской ЯКМ.

Одна из главных задач семантической персонологии – определение степени индивидуальности языка личности, выявление особенностей вербально-семантического уровня конкретной ЯЛ и описание их соотношения с особенностями национального языка. Для решения этой задачи нужна основа, позволяющая осуществить сравнение идиолекта с национальным языком. В качестве наиболее приемлемой основы, на наш взгляд, на сегодняшний день может быть использован «Русский семантический словарь», изданный под редакцией Н. Ю. Шведовой. Предложенная в этом словаре иерархическая классификация лексики в виде семантического древа дает возможность наглядно показать, как соотносится идиолексон конкретной ЯЛ с национальным лексиконом, а также сопоставить лексиконы нескольких ЯЛ на единых основаниях. Благодаря компьютерным технологиям в современной лингвистике все более актуальным становится использование количественных методов, которые позволяют верифицировать теоретические положения. Специфика языкознания, как гуманитарной науки, такова, что разные его объекты поддаются точному исчислению в разной степени. И если в фонологии и морфологии число единиц конечно, то в лексической семантике оно стремится к бесконечности, о чем свидетельствует, например, описание мно-

гозначных слов в разных толковых словарях русского языка. Все сказанное создает, как кажется, неразрешимую проблему для исследователя вербально-семантического уровня ЯЛ: что считать языковым стандартом, по отношению к которому можно рассматривать идиолексикон? Для решения этой проблемы в настоящей работе впервые в лингвоперсонологии предлагается понятие условного эталона: лексические множества, подмножества и лексико-семантические ряды «Русского семантического словаря» в количественном измерении принимаются за условный эталон лексической системы национального русского языка, на фоне которого проводится сравнительный анализ единиц вербально-семантического уровня разных языковых личностей. Лексические множества, подмножества и лексико-семантические ряды, выделенные в РСС, являются единицами измерения качественного состава идиолексиконов. Единицы измерения их количественного состава – абсолютная и относительная наполненность лексических подмножеств и ЛСР.

В настоящей диссертации разработаны и применены на практике новые методы исследования идиолексикона. Метод условно-эталонного количественного семантического анализа представляет собой процедуру, состоящую из следующих действий: 1) вычленение всей лексики определенного семантического класса из текстов, созданных ЯЛ; 2) распределение этой лексики по парадигмам: лексическим подмножествам и ЛСР в соответствии с РСС; 3) определение наполненности лексических подмножеств и ЛСР в текстах личности и в РСС; 4) определение соотношения наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в РСС; 5) выявление доминантных ЛСР в текстах ЯЛ и РСС и установление соотношений между ними. Для сравнения нескольких идиолексиконов указанный метод дополнен методом условно-эталонного количественно-сопоставительного семантического анализа, выявляющим соотношение наполненности лексико-семантических рядов, входящих в тексты нескольких ЯЛ.

Эффективность данной методики доказана на примере исследования лексического класса «Названия лиц» как ядерной части вербально-

семантического уровня трех ЯЛ выдающихся русских писателей-«деревенщиков» второй половины XX века: В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина. Для нашего исследования важно то, что все они по происхождению сибиряки, выходцы из крестьянских семей, переехавшие из деревни в город, люди, владеющие несколькими вариантами русского национального языка в силу своего происхождения.

Проведенный анализ показал, что в произведениях В. П. Астафьева и В. М. Шукшина номинации человека более разнообразны, чем в повестях и рассказах В. Г. Распутина, более сдержанного в их выборе. В сопоставимых по объему прозаических текстах количество лексико-семантических вариантов названий лиц и их совокупностей следующее: у В. П. Астафьева – 1531 единица, у В. М. Шукшина – 1598 единиц, у В. Г. Распутина – 977 единиц. В настоящей работе данные номинации распределены по 300 лексико-семантическим рядам, входящим в 35 лексических подмножеств, в соответствии с «Русским семантическим словарем». Это распределение представлено в приложениях 1 и 2 и в дальнейшем может быть использовано для сопоставления индивидуально-авторских ЯКМ трех писателей. Составлены диаграммы, наглядно показывающие соотношение абсолютной и относительной наполненности всех ЛСР, входящих в лексический класс «Названия лиц» в рассмотренных текстах и в РСС. Эти диаграммы включены в приложение 3 диссертации и могут быть названы новым термином – «лексикограммы».

Наше исследование показало, что чем более наполнен словарный ЛСР, тем меньше его относительная наполненность в текстах ЯЛ – в этом проявляется принцип обратной зависимости величины относительной наполненности ЛСР. В разных лексических подмножествах факторы, влияющие на соотношение наполненности ЛСР, не одинаковы: значимость денотативного, сигнификативного и стратификационного фактора своя для каждого ЛСР.

В рассмотренных текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина доминантными являются пять лексических подмножеств: номинации человека «По свойствам природы, чертам характера, а также по по-

ступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами», «По личным, общественным отношениям, связям», «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию», «Названия собственно оценки, обращения» и «Совокупности лиц». Все эти подмножества, за исключением «Названий собственно оценок, обращений», являются доминантными и в РСС.

Было выявлено, что среди этих доминантных подмножеств у каждой ЯЛ свои приоритеты в выборе номинаций человека. В произведениях В. П. Астафьева на первый план выходит подмножество названий лиц «По личным, общественным отношениям, связям» (его абсолютная наполненность – 219 единиц, относительная наполненность – 37,76 %; 26,87 % от единиц, составляющих доминантные лексические подмножества в текстах В. П. Астафьева). У В. М. Шукшина доминирует подмножество названий лиц «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами» (его абсолютная наполненность – 256 единиц, относительная наполненность – 21,12 %; 27,89 % от единиц, составляющих доминантные лексические подмножества в текстах В. М. Шукшина). У В. Г. Распутина самым наполненным является подмножество названий лиц «По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» (его абсолютная наполненность – 148 единиц, относительная наполненность – 21,86 %; 26,76 % от единиц, составляющих доминантные лексические подмножества в текстах В. Г. Распутина).

Таким образом, исследование всего лексического класса «Названия лиц» в текстах трех языковых личностей показало, что типичным для ЯЛ русского писателя-«деревенщика» второй половины XX века является приоритетное использование в жанре повести и рассказа номинаций человека, составляющих одни и те же лексические подмножества РСС – 5 из 35; а индивидуальность проявляется в иерархии этих подмножеств в текстах каждой личности.

В абсолютной и относительной наполненности лексических подмножеств, включающих номинации лиц, отражаются существенные черты идиостиля и индивидуально-авторских ЯКМ трех языковых личностей. Для В. П. Астафьева важна идея коллективизма, дружеских и родственных связей. Его идиостиль отличает высокая категоричность в прямых оценках человека, публицистическая назидательность, наличие стилистически контрастной эмоционально-оценочной лексики. Так, в «Последнем поклоне» абсолютная наполненность ЛСР «Брань, хула» – 45 единиц, относительная наполненность – 36,59 %.

Рассказы В. М. Шукшина, напротив, лишены какой бы то ни было авторской назидательности, вместе с тем они включают большое количество конфликтных диалогов, насыщенных эмоционально-оценочными сниженными номинациями лиц: абсолютная наполненность ЛСР «Брань, хула» – 88 единиц, относительная наполненность – 71,54 %. Для Шукшина большое значение имеет внешний вид человека, поэтому у него много номинаций лиц «По внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или непривлекательности» – 36 единиц (у В. П. Астафьева – 9, у В. Г. Распутина – 4). Рассказы В. М. Шукшина отличает театральность, не случайно среди названий человека по профессии, роду занятий в них самое большое количество номинаций лиц, входящих в ЛСР «В сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям» – 45 единиц (у В. П. Астафьева – 24, у В. Г. Распутина – 13).

В повестях и рассказах В. Г. Распутина используется значительно меньше нарицательных номинаций лиц. По сравнению с персонажами В. П. Астафьева и В. М. Шукшина, герои произведений В. Г. Распутина больше размышляют, чем говорят, писатель выбирает в максимальной степени объективные номинации, в его текстах гораздо меньше сниженной эмоционально-оценочной лексики: абсолютная наполненность ЛСР «Брань, хула» – 20 единиц, относительная наполненность – 16,26 %.

Целостный условно-эталонный количественный и количественно-сопоставительный семантический анализ позволяет получить общее представление об идиолексиконе и идиостиле авторов. Сопоставительное исследование одного и того же ЛСР в текстах разных ЯЛ дает возможность сравнить их индивидуально-авторские ЯКМ. Анализ употребления в текстах В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина общих и частных обозначений человека по отношению к вере, религии выявил, что в рассказах В. М. Шукшина, написанных в 1970-е годы, когда в Советском Союзе официальные власти жестко боролись с церковью, преобладают отрицательные оценки верующих. Писатель показал, что вера в Бога не соответствовала социальной норме того времени, однако верующих старух представлял с симпатией. В. Г. Распутин в тексты повестей, тоже созданных в 1970-е годы, не включал номинации верующих, он или писал о вере в положительном ключе, или не писал ничего. В своих поздних рассказах писатель резко негативно оценивал неверующих людей, отошедших от русских православных традиций. В индивидуально-авторской ЯКМ В. П. Астафьева, по сравнению с ЯКМ В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, происходят наиболее заметные изменения; это можно наблюдать в автобиографической повести «Последний поклон», над которой писатель работал с 1968 по 1991 годы. В ее первой книге, где ведется повествование о детстве, в значении дескрипций верующих содержится ироническая оценка. В книге третьей, в описании зрелых лет жизни автора с номинациями верующих связаны положительные оценочные коннотации, выражено сожаление о людях, не умеющих молиться. Пресуппозиции, входящие в семантику слов и предложений, репрезентирующих верующих людей, показывают, что для всех трех русских писателей верующий человек – это, в первую очередь или исключительно, православный христианин. Проведенный анализ свидетельствует о том, что вероисповедание самой личности и людей, которые ее окружают, влияет на употребление номинаций лиц по отношению к вере, религии – в использовании этих словозначений проявляется религиозность авторов текстов и время создания произведений.

Таким образом, номинации лиц связаны со всеми сферами человеческой жизни, и то, как и в каких значениях их использует ЯЛ, какие пресуппозиции и коннотации включены в словозначения, входящие в тексты автора, характеризует и саму языковую личность.

Лексическая персоносемантика, то есть семантика, отражающая какие-либо свойства ЯЛ, связана с модусными смыслами предложения, с репрезентацией системно описанных в работах Т. В. Шмелевой взаимодействующих друг с другом модусных категорий: метакатегорий, актуализационных, квалификативных и социальных. Положительная или отрицательная оценка, входящая в прагматическую зону лексического значения, выявляется благодаря эксплицитно выраженному метасмыслу названия и генерализованной актуализации предложения. Особенности идиостиля автора текста проявляются в экспликации категории авторизации в предложениях, включающих эмоционально-оценочную сниженную лексику. Наше исследование показало, что В. М. Шукшин и В. Г. Распутин не включают такую лексику в авторский текст, она входит в речь персонажей. В текстах В. Г. Распутина доля сниженной лексики наименьшая. Для идиостиля В. П. Астафьева характерно то, что в его произведениях сниженная эмоционально-оценочная лексика является частью собственно авторского текста. Таким образом, средства репрезентации модуса предложения одновременно являются средствами актуализации лексического значения, модус предложения выполняет функцию актуализатора лексической персоносемантики.

В значении названий лиц проявляются социальные, психологические, коммуникативные свойства личности, отношение к другим людям, самоидентификация, особенности мировидения. Будучи вербализаторами антропостереотипов, номинации человека структурируют индивидуально-авторскую ЯКМ.

В настоящей диссертации проведен детальный семантический анализ десяти слов, входящих в идиолексикон В. П. Астафьева: *сибиряк, чалдон, мужик, баба, женщина, пролетарий, большевик, коммунист, турист, кре-*

стьянин. Результаты исследования показали, что лексическая персоносемантика определяется совокупным набором ЛСВ слова в текстах ЯЛ, семантическими сдвигами в когнитивной или прагматической зонах лексического значения, а также взаимодействием семантических признаков, входящих в эти зоны.

Если учесть, как семантика вербализаторов антропостереотипов соотносится с ключевыми идеями национальной ЯКМ, их можно рассматривать в качестве номинаций лингвокультурных типажей, описание которых предложено в работах В. И. Карасика, его коллег и учеников.

Вербализатор антропостереотипа, который в текстах ЯЛ вступает в наибольшее число отношений с вербализаторами других стереотипов, выполняет в этих текстах функцию идиоглоссы и определяет их прагматический потенциал. Из рассмотренных в работе лексем в повестях и рассказах В. П. Астафьева идиоглоссами являются слова *крестьянин*, *мужик* и *баба*.

На примере анализа ЯЛ В. П. Астафьева в работе показано, что творческая ЯЛ, владея несколькими вариантами национального языка, отталкиваясь от разных кодов культуры, может реализовать в своих художественных текстах несколько стереотипов, связанных с одним типом денотатов. Так, в произведениях В. П. Астафьева для обозначения взрослых лиц женского пола наиболее часто используются номинации *баба* и *женщина*. В этих текстах с кодом народной крестьянской культуры связан стереотип *баба*; с кодом литературной традиции – стереотип *женщина*, он преобладает в произведениях, названия которых прямо отсылают к классической литературе: «Ода русскому огороду» и «Пастух и пастушка: Современная пастораль».

Слово может менять свои коннотации в разных текстах одной ЯЛ в зависимости от времени создания и сферы функционирования текста. Например, в ранних и поздних произведениях В. П. Астафьева в прагматической зоне значения слова *коммунист* содержатся прямо противоположные оценки, что свидетельствует о динамике индивидуально-авторской ЯКМ писателя.

Итак, в настоящей работе представлены теоретические основания нового формирующегося направления лингвоперсонологии – русской семантической персонологии. В этом названии отражена одна из основных проблем лингвоперсонологии: соотношение типического и индивидуального в языке личности. Определение «русская» отсылает к типическому, к тому, что обусловлено свойствами языка, носителем которого является ЯЛ. Номинация «персонология» связана с индивидуальными качествами личности. Определение «семантическая» указывает на объект и методы обосновываемого научного направления. Его основная категория – вербально-семантический уровень ЯЛ. Главный принцип исследования – рассмотрение типических и индивидуальных особенностей языка личности на фоне языкового стандарта. В диссертации предлагается использовать два типа стандартов: 1) условный количественно-семантический эталон, в качестве которого выступают ЛСР, лексические множества и подмножества «Русского семантического словаря»; 2) значения вербализаторов стереотипов.

Для анализа идиолексикона как базовой составляющей вербально-семантического уровня ЯЛ разработан алгоритм исследования, который включает следующие этапы: 1) анализ всех входящих в тексты ЯЛ единиц целого лексического класса с помощью методов условно-эталонного количественного и количественно-сопоставительного семантического анализа; 2) исследование входящих в тексты ЯЛ единиц одного или нескольких ЛСР с помощью методов, используемых в современной лингвистической семантике: методов компонентного, контекстуального и парадигматического лексикологического анализа, семантического анализа предложения, количественного и сопоставительного анализа, а также лексикографического и биографического методов; 3) семантический анализ вербализаторов значимых для ЯЛ стереотипов, выявление их соотношения с одним или несколькими вариантами русской ЯКМ; для решения этой задачи, в соответствии с тенденциями современной лингвистической семантики, необходимо учитывать неассертивные компоненты семантики языковых единиц (пресуппозиции, коннота-

ции, фоновые компоненты значения). Таким образом, общая логика семантического персонологического исследования – движение от целостного анализа объекта (в данной работе это лексический класс в рамках определенного ограниченного круга текстов) к изучению его отдельных единиц. Такой ход исследования дает возможность системно рассмотреть единицы вербально-семантического уровня ЯЛ.

Первый этап исследовательской работы базируется на принципах ономазиологии, третий этап – на принципах семасиологии, второй промежуточный этап совмещает оба типа принципов. Предложенная методика позволяет перейти от анализа идиолексикона к исследованию идиостиля и индивидуально-авторской ЯКМ, а также приблизиться к решению проблемы динамики мировидения языковой личности.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в том, чтобы применить разработанные теоретические положения в описании конкретных языковых личностей. Материалы трех приложений являются базой для создания сопоставительного семантического словаря языка В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина и могут быть использованы для сравнения индивидуально-авторских картин мира трех писателей на основе детального анализа ЛСР, входящих в лексический класс «Названия лиц».

Перспективным является исследование того, как каждая ЯЛ представляет человека в разные периоды жизни, в разных типах текста, в разных сферах речи, в том числе и устной.

Важно для лингвоперсонологии и русской филологии в целом сопоставить названия лиц в текстах, созданных представителями разных социальных слоев и поколений русского общества.

Список использованной литературы

1. Аверина, А. А. К вопросу об интерпретации речевых портретов для диагностирования некоторых качеств немецкого ученого-лингвиста / А. А. Аверина // Филология в образовательном пространстве донского региона и ее роль в развитии личности. – Ростов н/Д, 2001. – С. 6–11.
2. Авилова, Н. С. Речевые портреты в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» / Н. С. Авилова // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 14–19.
3. Айсакова, Е. А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Айсакова Елена Алексеевна. – М., 2008. – 24 с.
4. Алексеева, Л. М. От трансформации теорий к переводящей личности / Л. М. Алексеева // Интерпретация. Понимание. Перевод. – СПб., 2005. – С. 28–43.
5. Алексеенко, М. А. Человек в производных именах русской народной речи: Словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. – М.: ЭЛПИС, 2007. – 517 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Н. Ф. Алефиренко // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 1 (21). – С. 5–14.
7. Алпатов, В. М. Что такое картины мира и как до них добраться? / В. М. Алпатов // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алтейя, 2014. – С. 11–21.
8. Аникин, А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. – М.; Новосибирск, 2000. – 768 с.
9. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Аникин Денис Владимирович. – Барнаул, 2004. – 19 с.

10. Анисимова, Е. А. Номинации лица как средство формирования смысла художественного произведения (на материале рассказов В. Маканина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анисимова Елена Александровна. – Гродно, 1997. – 24 с.

11. Анохина, С. А. Концепт «развитие» в русской языковой картине мира и особенности его вербализации в творчестве В. Г. Распутина 1994–2003 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анохина Светлана Анатольевна. – Магнитогорск, 2004. – 219 с.

12. Антонова, Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антонова Наталия Александровна. – Саратов, 2007. – 25 с.

13. Антонян, К. В. Понятие личности в китайских фразеологизмах (парадигматические связи лексемы shen) / К. В. Антонян // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 303–311.

14. Апресян, В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Апресян Валентина Юрьевна. – М., 2015. – 40 с.

15. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 366 с.

16. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

17. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

18. Апресян, Ю. Д. Предисловие / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. VIII–XI.

19. Апресян, Ю. Д. О Московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3–30.
20. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
21. Аракелов, Ю. С. Риторическая культура журналиста: понятие и сущность / Ю. С. Аракелов // Учен. зап. фак. культуры / Санкт-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб., 2002. – Вып. 3. – С. 10–13.
22. Артемова, Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Артемова Татьяна Викторовна. – Кемерово, 2008. – 20 с.
23. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
24. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
25. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999а. – С. 74–90.
26. Арутюнова, Н. Д. Безличность и неопределенность. Вступительные замечания / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999б. – С. 793–795.
27. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999в. – С. 3–10.
28. Арутюнова, Н. Д. Истина и судьба (к проблеме текстообразования) / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999г. – С. 616–631.

29. Арутюнова, Н. Д. Семантическая специфика имен лица и имен предметов / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999д. – С. 61–64.

30. Арутюнова, Н. Д. Человек и «фигура» (анализ концептов) / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999е. – С. 324–330.

31. Арутюнова, Н. Д. Чужая речь: «свое» и «чужое» / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999ж. – С. 668–686.

32. Архангельская, А. Карл Маркс и советская школьница [Электронный ресурс] / А. Архангельская // Детский фольклор в контексте взрослой культуры: материалы международной конференции «XIV Виноградские чтения. К 120-летию со дня рождения Г.С. Виноградова». – СПб., 2010. – С. 56–89. – Режим доступа: <https://fanread.ru/book/11829386/?page=2>.

33. Астафурова, Т. Н. Языковая личность в профессиональной межкультурной коммуникации / Т. Н. Астафурова // Лингвистическая мозаика: Наблюдения, поиски, открытия. – Волгоград, 1998. – Вып. 1. – С. 4–10.

34. Астафурова, Т. Н. Лингвокогнитивные модели формирования переводческой компетенции / Т. Н. Астафурова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. – Волгоград, 2000. – Вып. 5. – С. 9–12.

35. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.

36. Ашихманова, Н. А. Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере: на материале произведений Джона Барта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ашихманова Наталья Александровна. – Волгоград, 2009. – 20 с.

37. Байрамова, Т. Ф. Словарь языка рассказов В. М. Шукшина. Вып. I–III. / Т. Ф. Байрамова, В. П. Никишаева. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2002–2005.

38. Баженова, Е. А. Автор научного текста как рефлексирующая личность / Е. А. Баженова // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь, 2003. – Ч. 2. – С. 90–96.

39. Базылев, В. Н. Речевой имидж политического деятеля / В. Н. Базылев // Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком. – М., 2000. – С. 120–125.

40. Баишева, З. В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Баишева Зилия Нагизовна. – Уфа, 2007. – 46 с.

41. Байтов, В. И. Опыт построения методики для установления авторства текстов / В. И. Байтов, Ю. А. Сорокин // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 36. – 1977. – № 4. – С. 345–347.

42. Балясникова, О. В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Балясникова Ольга Вениаминовна. – М., 2003. – 224 с.

43. Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 814 с.

44. Баркав, А. Ю. Специфика организации лексикона в структуре языковой личности / А. Ю. Баркав // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Ч. 2. – Саратов, 1996а. – С. 15–18.

45. Баркав, А. Ю. Язык науки и языковая личность (на материале терминологии теории этногенеза Л. Гумилева) / А. Ю. Баркав // Духовная сфера деятельности человека. – Саратов, 1996б. – С. 77–90.

46. Барсукова, Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): дис. ... канд. культурологии: 10.00.01 / Барсукова Елена Викторовна. – Саранск, 2007. – 229 с.

47. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 21 с.

48. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 495 с.
49. Башкова, И. В. Парадоксальные языковые личности сибирячек в прозе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 689–690.
50. Башкова, И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике / И. В. Башкова. – Красноярск: СФУ, 2011. – 472 с.
51. Башкова, И. В. Идиоглосса *крестьянин* в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014а. – № 4 (30). – С. 5–16.
52. Башкова, И. В. Лингвокультурный типаж *турист* в авторской картине мира В. П. Астафьева [Электронный ресурс] / И. В. Башкова // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое издание. – 2014б. – № 2. – С. 179–194. – Режим доступа: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bashkova-I.V..pdf>.
53. Башкова, И. В. Идиоглосса *сибиряк* в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Казанская наука. – 2014в. – № 5. – С. 102–104.
54. Башкова, И. В. Региональный компонент авторской картины мира В. П. Астафьева в семантике слов, обозначающих человека / И. В. Башкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014г. – № 7. – С. 291–294.
55. Башкова И. В. Семантика слова *мужик* в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Мир науки, культуры, образования. – 2014д. – № 5 (48). – С. 104–107.
56. Башкова, И. В. Семантика слова *баба* в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Мир науки, культуры, образования. – 2014е. – № 5 (48). – С. 107–110.

57. Башкова, И. В. Слово «женщина» в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2014ж. – Вып. 10 (151). – С. 123–128.

58. Башкова, И. В. Слово *пролетарий* в дискурсе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // Казанская наука. – 2014з. – № 6. – С. 111–113.

59. Башкова, И. В. Слова *большевик* и *коммунист* в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс] / И. В. Башкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014и. – № 8. – Режим доступа: www.online-science.ru/m/productspunkt/number_8-2014.

60. Башкова, И. В. Лингвоперсонологические школы Сибири / И. В. Башкова // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Н. Голева и Н. Н. Шпильной. – М.: ЛЕНАНД, 2014к. – С. 569–591.

61. Башкова, И. В. Бранное слово в поздней прозе В. П. Астафьева / И. В. Башкова // В мире научных открытий. – 2014л. – № 5.2 (53). – С. 626–633.

62. Башкова, И. В. Турист в авторской картине мира В. П. Астафьева / И. В. Башкова // В мире научных открытий. – 2014м. – № 5.2 (53). – С. 633–643.

63. Башкова, И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира / И. В. Башкова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2015. – Вып. 4 (157). – С. 112–116.

64. Башкова, И. В. Семантика слова «учитель» в художественном дискурсе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина / И. В. Башкова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – Лесосибирск, 2018. – Вып. 9 (18). – С. 105–111.

65. Безродная, А. Ю. Различие понятий «концепт» и «идеологема» / А. Ю. Безродная // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2013. – № 3 (24). – С. 138–145.

66. Безрукова, А. В. Требования к учителю иностранного языка в современной школе и его подготовка в вузе / А. В. Безрукова // Методологические основы формирования специалиста-педагога в рамках образовательных стандартов нового поколения. – Абакан, 2002. – С. 156–161.

67. Белоножкин, С. Г. Колледж-сленг в интернет-коммуникации американского студента: на материале сайта Collegestories. Com: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Белоножкин Сергей Геннадьевич. – Волгоград, 2010. – 22 с.

68. Белоусова, А. С. О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой / А. С. Белоусова // Славянская лексикография: международная коллективная монография / Ю. Д. Апресян и др. – М.: Азбуковник, 2013. – С. 481–497.

69. Беляева, Н. И. Текстовые категории и принцип поля в их изучении (на материале рассказа Ю. Нагибина «Терпение») / Н. И. Беляева // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 73–80.

70. Беспамятнова, Г. Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Беспамятнова Галина Николаевна. – Воронеж, 1994. – 19 с.

71. Богачева, Д. П. Личность в науке и поэтическом искусстве (языковой аспект) / Д. П. Богачева // Языки науки – языки искусства. – М., 2000. – С. 334–341.

72. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Л., 1984. – 31 с.

73. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий *идиостиль* и *лингвокультурный типаж* / Н. С. Болотнова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2014. – Вып. 2 (143). – С. 27–31.

74. Большакова, А. Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII–XX вв.: пособие для педагогов / А. Ю. Большакова. – М.: Изд-во Института социально-педагогических проблем сельской школы РАО, 2004. – 420 с.

75. Бондаренко, Т. В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бондаренко Татьяна Владимировна. – Волгоград, 2009. – 201 с.

76. Бондарчук, Н. С. Описание языковой личности в историческом аспекте / Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецова // Семантика русского языка в диахронии. – Калининград, 1994. – С. 92–99.

77. Бондарчук, Н. С. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII–XIX веков / Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецова // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. – Тверь, 1995. – С. 91–118.

78. Борзунова, С. Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина / С. Н. Борзунова // Русское сценическое произношение. – М., 1986. – С. 131–143.

79. Бредихин, С. Н. Особенности стиля и синтаксические черты в работах Мартина Хайдеггера. Металогические формы мышления и грамматические особенности / С. Н. Бредихин // Некоторые проблемы грамматических категорий и семантики единиц языка. – Пятигорск, 2003. – С. 107–128.

80. Бреус, И. В. Самоотренинг как одно из важнейших условий профессиональной компетентности переводчика / И. В. Бреус // Межвуз. сб. трудов студентов, аспирантов и молодых ученых. – Омск, 2005. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 202–205.

81. Буравцова, Н. Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Буравцова Надежда Юрьевна. – М., 2007. – 21 с.

82. Бурмакина, Н. А. Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А. П. Степанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бурмакина Наталья Алексеевна. – Тюмень, 2007. – 21 с.

83. Бурукина, О. А. Личность переводчика в контексте гендерных исследований / О. А. Бурукина // Докл. Первой междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация», 25–26 нояб. 1999 года. – М., 2001. – С. 86–99.

84. Бушев, А. Б. Макаронический язык бизнесмена-билингва в России / А. Б. Бушев // Языковая личность в современном мире: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 6 мая 2009 г. – г. Магас; Назрань: ООО «Пилигрим», 2009. – С. 16–17.

85. Быкова, А. И. Просторечная лексика в идиолексиконе сибирского старожила / А. И. Быкова // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Лингвистика. – Томск, 2004. – Вып 5. – Ч. 2. – С. 21 – 23.

86. В поисках языковой личности (вместо введения) // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 5–6.

87. Вайс, Д. *Человек, лицо, личность и особа*: четыре неравных соперника / Д. Вайс // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 81–98.

88. Варламова, М. Ю. Семантическая деривация на базе наименований лица в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Варламова Марина Юрьевна. – Казань, 2008. – 26 с.

89. Варнавских, Н. В. Диагностирование личных качеств адвокатов по их речи / Н. В. Варнавских // Филол. вестн. Ростов. гос. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 42–49.

90. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.

91. Васильев, Л. М. Системный семантический словарь русского языка / Л. М. Васильев. – Уфа: Гилем, 2005–2008.

92. Вахтель, Н. М. «... Язык говорит человеком» (О языковой личности И. П. Распопова) / Н. М. Вахтель, Т. Н. Голицына, Т. И. Распопова // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 10. – Воронеж, 1998. – С. 171–179.

93. Вежбицкая, А. Толкование эмоциональных концептов / пер. с англ. О. Н. Ляшевской / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 326–375.
94. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 334 с.
95. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / Т. И. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
96. Викулова, Л. Г. Проблема креативности текста и языкотворческий авторитет французского литератора в предпросветительскую эпоху / Л. Г. Викулова // Вопросы теории и истории романских языков. – Архангельск, 2005. – С. 32–39.
97. Виноградов, В. А. Идиолект / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 171.
98. Виноградов, В. В. Из истории слова *личность* в русском языке середины XIX в. / В. В. Виноградов // Докл. и сообщения филол. ф-та. Вып. 1. – М., 1946.
99. Виноградов, В. В. Из истории лексикологии / В. В. Виноградов // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. № 10. – М., 1956. – С. 3–16.
100. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Госполитиздат, 1959. – 654 с.
101. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. – М.: Толк, 1994. – 1142 с. – Режим доступа: www.slovari.ru.
102. Виноградова, Т. Ю. Психолингвистическая характеристика личности судебного оратора / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань, 2003. – С. 49–53.
103. Винокур, Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.

104. Витлинская, Л. Г. Языковая личность автора научного медицинского текста / Л. Г. Витлинская // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Р. Д. Кузнецовой. – Тверь, 1999. – С. 168–173.

105. Воейкова, А. А. Национально-культурная специфика рекламных текстов: аксиологический аспект (на материале русской и американской рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Воейкова Анна Андреевна. – М., 2009. – 23 с.

106. Волков, С. С. Ломоносов: словарь языковой личности / С. С. Волков, Э. П. Карпеев // Лексикография. – СПб., 2004. – С. 66–67.

107. Волкова, Т. Ф. Особенности употребления сравнений отдельной личностью на фоне языка социума / Т. Ф. Волкова // Филологические исследования. – Томск, 2000. – С. 16–23.

108. Волкова, Т. Ф. Семантика сравнений в речи диалектной личности / Т. Ф. Волкова // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 148 – 152.

109. Волкова, Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Волкова Татьяна Федоровна. – Томск, 2004. – 29 с.

110. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. – Л.: Прибой, 1929. – 196 с.

111. Вопросы лингвоперсонологии: межвуз. сб. научн. трудов. Ч. 1 / науч. ред. Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – 223 с.

112. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. – № 1. – С. 64–72.

113. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.

114. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – Вып. 3 (49). – С. 12–20.
115. Воробьева, И. А. Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина / И. А. Воробьева. – Барнаул, 2002. – 109 с.
116. Гагарина, Е. Ю. Коммуникативное поведение языковой личности виртуального врача в медицинском интернет-форуме: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гагарина Елена Юрьевна. – Астрахань, 2016. – 25 с.
117. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого: Опыт диахронического описания / Н. И. Гайнуллина. – Алматы: Казак университеті, 2002. – 139 с.
118. Гайфуллина, А. Н. Мужчина VS. Мужик в интернет-дискурсе / А. Н. Гайфуллина // Вестник Вятского гос. ун-та. – 2008. – Т. 2. – № 4. – С. 80–83.
119. Гак, В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 261–263.
120. Гак, В. Г. Человек в языке / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 73–80.
121. Галеев, Т. И. Наименования лиц по высшему социальному статусу в русской языковой картине мира XVIII – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Галеев Тимур Ильдарович. – Казань, 2013. – 21 с.
122. Галимова, О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Галимова Ольга Владимировна. – Уфа, 2004. – 24 с.

123. Глаголева, Н. М. Функционально-семантическое поле обращения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глаголева Наринэ Мисаковна. – Таганрог, 2004. – 26 с.

124. Глебкин, В. В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям / В. В. Глебкин. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 368 с.

125. Голев, Н. Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием / Н. Д. Голев // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998.

126. Голев, Н. Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции) / Н. Д. Голев // Прикладная филология в сфере инженерного образования: Коллективная монография. – Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. Нортхэмптон. – Томск, 2004. – С. 22–46.

127. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 7–19.

128. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Вопросы лингвоперсонологии: межвуз. сб. науч. трудов. Ч. 1. – Барнаул, 2007. – С. 7–11.

129. Голев, Н. Д. Типология языковой личности и лингводидактика / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово, 2009. – С. 17–28.

130. Голев, Н. Д. Языковая картина мира как ментальный компонент речемыслительной деятельности / Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 424–433.

131. Головатина, В. М. Репрезентация концепта «вдохновение» в русской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Головатина Варвара Михайловна. – Екатеринбург, 2006. – 248 с.

132. Головина, Т. А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Головина Татьяна Анатольевна. – Кемерово, 2008. – 24 с.

133. Гольдин, В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1993. – С. 9–18.

134. Гольдин, В. Е. Речевая культура / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Русский язык. Энциклопедия / главн. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – С. 413–415.

135. Городецкий, Б. Ю. К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 564 с.

136. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 1996. – 179 с.

137. Гречаник, А. С. Е. Р. Дашкова: опыт лингвистического портрета / А. С. Гречаник // Е. Р. Дашкова и ее современники. – М., 2002. – С. 19–25.

138. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: Велимир Хлебников / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 225 с.

139. Гричин, С. В. Авторизационная модель научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович. – Томск, 2017. – 39 с.

140. Гуляева, Е. В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гуляева Евгения Вячеславовна. – Волгоград, 2009. – 23 с.

141. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
142. Гуриненко, Н. А. Взаимодействие лексико-семантических полей «Человек» и «Природа» в метафоре Ф. И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гуриненко Наталья Анатольевна. – М., 2005. – 16 с.
143. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека, в ярославских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гурская Светлана Львовна. – Ярославль, 2010. – 22 с.
144. Гусева, С. С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Софья Сергеевна Гусева. – М., 2017. – 174 с.
145. Гынгазова, Л. Г. Жанр оценки в языке личности / Л. Г. Гынгазова. // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 40–48.
146. Гынгазова, Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) / Л. Г. Гынгазова // Актуальные направления функциональной лингвистики. – Томск, 2001. – С. 167–174.
147. Гынгазова, Л. Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности / Л. Г. Гынгазова // Русский язык как средство реализации диалога культур. – Хабаровск, 2005. – С. 46–56.
148. Гынгазова, Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем / Л. Г. Гынгазова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 295. – С. 15–19.
149. Гынгазова, Л. Г. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 6–19.
150. Давыдов, И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. И. Давыдов. – СПб.: Императорская академия наук, 1854. – 575 с.
151. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1998. – Т. 1: А – З. – 1998. – 699 с. – Т. 3: П. – 1998. – 555 с.

152. Данилевская, Н. В. Познавательная оценка как способ реализации субъекта речи в научном тексте / Н. В. Данилевская // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь, 2003. – Ч. 2. – С. 79–85.

153. Данилова, А. А. Влияние языковой личности на формирование политического дискурса / А. А. Данилова // Проблемы модернизации высшего образования в коммуникационном обществе. – СПб., 2005. – С. 115–125.

154. Дарьина, Е. В. Лингво-риторическое описание языковой личности на примере публичных выступлений Петена и де Голля во время Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дарьина Евгения Витальевна. – М., 2008. – 24 с.

155. Даштоян Е. Н. Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Даштоян Егеше Нарикович. – Саратов, 2005. – 198 с.

156. Дедюкова, М. В. Характер взаимоотношений коммуникантов в прессе / М. В. Дедюкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 99. – С. 142–146.

157. Демешкина, Т. А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) / Т. А. Демешкина // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 67–69.

158. Демешкина, Т. А. Жанровые формы диалектной речи (на материале языка личности) / Т. А. Демешкина // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1997. – С. 122–129.

159. Демина, Е. И. Новые наименования лиц в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Демина Екатерина Ивановна. – Самара, 2004. – 19 с.

160. Денисенко, В. Н. Вербальная коммуникация и профессиональная компетентность юриста / В. Н. Денисенко // Личность, речь и юридическая практика. – Ростов н/Д, 2003. – Вып. 6. – С. 64–67.

161. Десяева, Н. Д. Типовые модели речевого поведения учителя-филолога и способы их реализации / Н. Д. Десяева // Филологические заметки. 1998. – Саранск, 1999. – С. 114–117.

162. Джамил Мохаммед, Садун. Лексико-фразеологическое поле «Наименования лиц речевой деятельности» в современном русском языке (структура, семантика, функционирование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Джамил Мохаммед Садун. – Воронеж, 2006. – 22 с.

163. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Дмитриева Ольга Александровна. – Волгоград, 2007. – 24 с.

164. Долбина, И. А. Художественный концепт *брат* и его языковая репрезентация в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Долбина Ирина Александровна. – Томск, 2004. – 194 с.

165. Доменко, Н. В. Лексические единицы со вторично-номинативным значением в ассоциативном поле русской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Доменко Наталья Владимировна. – М., 2005. – 24 с.

166. Дондокова, Ц. Л. Языковая личность в памятниках забайкальской деловой письменности XVIII века (распорядительной документации) / Ц. Л. Дондокова // Русский язык в действии. – Глазов: ГГПИ, 2008. – С. 131–137.

167. Дружинина, В. В. Научный идиостиль как выражение ментальности языковой личности ученого-филолога (А. Ф. Лосев) / В. В. Дружинина // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ч. 2. Лингвистика. – Ставрополь, 2003. – С. 96–99.

168. Дружинина, В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дружинина Варвара Валентиновна. – Краснодар, 2004. – 22 с.

169. Дружинина, В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев) / В. В. Дружинина, А. А. Ворожбитова. – Сочи, 2005. – 152 с.

170. Евтушенко, О. В. Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Евтушенко Ольга Валерьевна. – М., 2011. – 48 с.

171. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – Режим доступа: <http://slovari.ru>.

172. Емельянова, О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики) / О. Н. Емельянова. – Красноярск: СФУ, 2013. – 315 с.

173. Еременко, О. И. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке 19 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Еременко Ольга Ивановна. – Воронеж, 1998. – 21 с.

174. Ермолаев, А. К. Моделирование личности по тексту: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ермолаев Александр Кузьмич. – Барнаул, 1999. – 22 с.

175. Ерофеева, Т. И. «Речевой портрет говорящего» / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 90–103.

176. Ефремов, В. А. Номинации мужчины в русском языке: от мужа к мужику / В. А. Ефремов // Мир русского слова. – 2009. – № 1. – С. 38–43.

177. Ефремов, В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Ефремов Валерий Анатольевич – СПб., 2010. – 40 с.

178. Жаданова, Н. И. Стереотипы маскулинности в лингвистическом и политическом дискурсе / Н. И. Жаданова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 5–8.

179. Жирова, И. Г. Мемуарный текст как средство актуализации языковой личности политика (на материале мемуаров Маргарет Тетчер “The Downing street years”) / И. Г. Жирова // Проблемы теории языка и переводоведения. – М., 2007. – № 33. – С. 36–50.

180. Жукова, Т. А. Языковой портрет политика (на материале рекламы) / Т. А. Жукова // «И новое младое племя...»: межвуз. сб. ст. молодых ученых-русистов Дал. Востока. – Хабаровск, 2002. – С. 58–65.

181. Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англояз. худож. лит.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жура Виктория Валентиновна. – Волгоград, 2000. – 23 с.

182. Журавлев, В. К. Русский язык, русский национальный характер и облик русского ученого / В. К. Журавлев // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию со дня рождения А. А. Реформатского. – М., 2004. – С. 36–46.

183. Заболотнева, О. Л. Некоторые особенности профессионального языка преподавателей на примере русских и английских литературных и киноисточников XX века / О. Л. Заболотнева // III Житниковские чтения. – Челябинск, 1999. – Ч. 1. – С. 83–87.

184. Закурдаева, Н. В. Концептосфера В. С. Высоцкого: аксиологические и экзистенциальные концепты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Закурдаева Наталья Вячеславовна. – Орел, 2003. – 211 с.

185. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

186. Зализняк, Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 691 с.

187. Запольская, Н. Н. Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) / Н. Н. Запольская //

Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М., 2002. – С. 422–447.

188. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2003. – Режим доступа: <http://slovari.ru>.

189. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.

190. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1976. – 307 с.

191. Землякова, Н. В. Устойчивые образные номинации человека: структурно-семантический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Землякова Нинель Владимировна. – Краснодар, 2005. – 20 с.

192. Земская, Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) / Е. А. Земская // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 100–121.

193. Зинина, Н. С. Лексические особенности речи ученых в научно-просветительских передачах ТВ / Н. С. Зинина // Современ. гуманитар. исслед. – М., 2007. – № 2. – С. 136–140.

194. Зленко, И. П. Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зленко Инесса Павловна. – Воронеж, 2004. – 28 с.

195. Злобин, А. Н. Портрет переводчика в свете новых парадигм знания / А. Н. Злобин // Вавилон. – Саранск, 2005. – С. 29–37.

196. Зубанова, И. Профессия переводчика: штрихи к портрету / И. Зубанова // Мосты = Bridges. – М., 2004. – № 1. – С. 14–19.

197. Зудаева, В. В. Проблема синонимии и языковая личность / В. В. Зудаева // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 28–35.

198. Зырянова, И. Н. Гендерный аспект номинации лица в текстах брачных объявлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зырянова Ирина Николаевна. – Иркутск, 2009.

199. Иванова, Е. Н. Языковая личность XVIII в.: Акинфий и Прокофий Демидовы / Е. Н. Иванова // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2007. – Т. 49. – № 13. – С. 222–231.

200. Иванова Е. Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка: первая половина XVIII века (на материале писем и распоряжений А. Н. Демидова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Евгения Николаевна. – Екатеринбург, 2008. – 18 с.

201. Иванцова, Е. В. О словаре рядового носителя языка / Е. В. Иванцова // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 143–145.

202. Иванцова, Е. В. О полном словаре личности / Е. В. Иванцова // Русистика сегодня. – 2000. – № 1–4. – С. 63–75.

203. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 312 с.

204. Иванцова, Е. В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре / Е. В. Иванцова // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2004. – С. 141–145.

205. Иванцова, Е. В. Проблемы изучения языковой личности: учеб. пособие к спецкурсу / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 74 с.

206. Иванцова, Е. В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе / Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2006. – Т. 291. – С. 5–11.

207. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. – Томск, 2008. – № 3 (4). – С. 27–43.

208. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

209. Иванцова, Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1. / под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 308–347.

210. Иванчук, И. А. Культура речи в деятельности врача (к проблеме формирования элитарного типа языковой личности в профессиональной медицине) / И. А. Иванчук // Вопросы стилистики. Вып. 27. – Саратов, 1998. – С. 187–196.

211. Иванчук, И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Иванчук Ирина Анатольевна. – Саратов, 2005. – 65 с.

212. Иеромонах Иов (Гумеров) отвечает / Иеромонах Иов [Электронный ресурс] // Православие. ру. 12 ноября 2010 г. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/42734.html>.

213. Исмаева, Ф. Х. Алгоритм паспортизации тезауросного уровня профессиональной языковой личности спортсмена / Ф. Х. Исмаева // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – Новосибирск, 2007. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 40–45.

214. Иссерс, О. С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) / О. С. Иссерс // Русистика сегодня. – 2000. – № 1–4. – С. 63–75.

215. Ишкова, А. Е. Онтологический статус понятия «языковая личность» в философско-антропологической парадигме / А. Е. Ишкова // Вестн. Читинского гос. ун-та. – 2008. – № 6. – С. 90–94.

216. Кадырова, Г. Р. Теоретические подходы к понятию «поля» в лингвистике / Г. Р. Кадырова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 12-2. – С. 237–241.

217. Казакевич, О. А. Между гневом и страхом (человек и его эмоции в фольклоре северных селькупов) / О. А. Казакевич // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 272–280.

218. Казакова, О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Казакова Ольга Анатольевна. – Томск, 2005. – 23 с.

219. Калмыков, В. А. Фактор переводчика в определении предмета теории перевода / В. А. Калмыков // Мост = Bridge. – Набережные Челны; Н. Новгород, 1999. – № 6. – С. 52–55.

220. Калугин, В. В. Языковая личность и особенности стиля князя А. М. Курбского / В. В. Калугин // Рус. яз. за рубежом. – 1999. – № 1. – С. 76–87.

221. Канчер, М. А. О трех аспектах описания языковой личности / М. А. Канчер // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 311–318.

222. Караваева, М. А. Идиолект былинного певца: автореф. дис. ... канд. наук: 10.02.01 / Караваева Марина Александровна. – Орел, 1997. – 18 с.

223. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

224. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – С. 3–18.

225. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.

226. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

227. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Волгоград, 2007. – Вып. 5. – С. 78–86.

228. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
229. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
230. Каратанова, О. А. Нарушение этических норм педагогического дискурса / О. А. Каратанова // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации. – Волгоград, 2003. – С. 198–203.
231. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
232. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–10.
233. Караулов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 671–672.
234. Караулов, Ю. Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) / Ю. Н. Караулов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – М., 2003. – № 4. – С. 110–118.
235. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., испр. – М.: URSS, 2006. – 167 с.
236. Караулов, Ю. Н. От словаря языка писателя к познанию его мира / Ю. Н. Караулов // Язык как материя смысла / отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Азбуковник, 2007а. – С. 636–649.
237. Караулов, Ю. Н. Структура языковой личности и место литературы в языковом сознании / Ю. Н. Караулов // Русская литература в формировании современной языковой личности. Т. 1. – СПб., 2007б. – С. 286–293.
238. Карева, О. М. Лексико-семантические изменения в наименованиях лиц социально-политической сферы русского языка конца XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карева Ольга Михайловна. – СПб., 2003. – 22 с.

239. Карташева, В. Формирование профессиональной культуры учителя иностранного языка: вопросы технологии / В. Карташева // *Alma mater*. – М., 2002. – № 9. – С. 27–30.

240. Касимханова, А. Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Касимханова Альбина Фаритовна. – Уфа, 2015. – 24 с.

241. Катермина, В. В. Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Катермина Вероника Викторовна. – Волгоград, 2005. – 39 с.

242. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Катышев Павел Алексеевич. – Кемерово, 2005. – 358 с.

243. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.–Л., 1965. – С. 87–103.

244. Качалкин, А. Н. Языковая личность лексикографа и его словарь (к 200-летию со дня рождения В. И. Даля) / А. Н. Качалкин // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. – М., 2005. – Вып. 5. – С. 128–132.

245. Кашпур, Е. В. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кашпур Елена Владимировна. – М., 2005. – 32 с.

246. Кибрик, А. Е. Лингвистические предпосылки языковой деятельности / А. Е. Кибрик // *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. – М., 1987. – С. 33–63.

247. Ким, И. Е. Социальные субъекты: принципы номинации / И. Е. Ким // *Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. Филология. История*. – 2010. – № 57. – С. 47–51.

248. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Ким Лидия Густовна. – Кемерово, 2010. – 49 с.

249. Киркинская, Т. И. Вариативность русских репродуцированных текстов: (систем.-функцион. и лингвоперсонолог. аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киркинская Татьяна Ивановна. – Барнаул, 2004. – 20 с.

250. Киуру, К. В. Языковая личность референта. Стереотипизация речевого поведения / К. В. Киуру // III Житниковские чтения. – Челябинск, 1999. – Ч. 1. – С. 183–187.

251. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

252. Кожухова, Л. В. Обращение как индикатор характера социальных и межличностных отношений: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кожухова Людмила Васильевна. – Ставрополь, 2009. – 23 с.

253. Козырев, В. А. Диалектные словари как инструмент формирования лингвистически компетентной языковой личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). – СПб., 1995. – С. 17–18.

254. Колясева, Т. Ю. Эмоционально-оценочная лексика в текстовом пространстве Д. И. Стахеева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Колясева Татьяна Юрьевна. – Кемерово, 2008. – 24 с.

255. Комиссаров, В. П. Конструирование имиджа политического лидера: методологии и технологии / В. П. Комиссаров // Вестн. Чуваш. ун-та. – Чебоксары, 2007. – № 1. – С. 211–224.

256. Комиссарова, Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Л. Гумилева, Б. Пастернака): автореф.

дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Комиссарова Людмила Михайловна. – Барнаул, 2002. – 23 с.

257. Комкова, О. В. Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных номинаций лица: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Комкова Ольга Владимировна. – Иваново, 2011. – 24 с.

258. Кондратьева, О. Н. Некоторые особенности концептуализации эмоциональной системы человека Древней Руси (сквозь призму концепта «душа») / О. Н. Кондратьева // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Филология. – Кемерово, 2002. – Вып. 4. – С. 84–89.

259. Коннор, Д. Рецензия на книги: Мужской сборник. Вып. 1, 2, 3 / Д. Коннор // Антропологический форум. – 2008. – № 9. – С. 324–330.

260. Кононенко, Л. А. Лексикография как средство воспитания языковой личности / Л. А. Кононенко, Н. А. Лелекина // Общепедагогические проблемы образовательного процесса в высшей школе. – Рязань, 1996. – С. 66–68.

261. Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК»: коллективная монография. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – 313 с.

262. Конявская, Е. Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого / Е. Л. Конявская // Древ. Русь. – М., 2000. – № 1. – С. 70–85.

263. Копорская, Е. С. Принципы описания лексики в «Новом толковом словаре современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях) / Е. С. Копорская // Славянская лексикография. – М., 2013. – С. 536–542.

264. Кормилицина, М. А. Языковая личность В. В. Виноградова в его письмах к жене / М. А. Кормилицина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26: Язык и человек. – С. 63–71.

265. Кормилицына, М. А. Общение людей и жизнь языка (из истории кафедры русского языка и речевой коммуникации) / М. А. Кормилицина, О. Б. Сиротина // Изв. Сарат. ун-та. – 2006. – Т. 6. Сер.: Филология. Журналистика. – Вып. 1–2. – С. 22–26.

266. Кормилицына, М. А. Саратовская лингвистическая школа «Изучения функционирования русского языка» / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Изв. Саратов. ун-та. – 2007. – Т. 7. Сер.: Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 57–67.

267. Корнеева, Т. А. Языковые реализации особенностей национальной картины мира в художественном тексте (на материале романов Э. Тан): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Корнеева Татьяна Анатольевна. – Кемерово, 2009. – 26 с.

268. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

269. Коробова, М. М. «...Чему не видно конца...» (о слове дорога в текстах Достоевского) / М. М. Коробова // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 158–169.

270. Коробова, М. М. Слово «общечеловек» у Достоевского / М. М. Коробова // Языковая личность: аспекты изучения: сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / под ред. И. В. Ружицкого, Е. В. Потемкиной. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 147–170.

271. Коровина, А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» / А. Ю. Коровина // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. – Волгоград, 2008. – № 2. – С. 57–62.

272. Коротенко, М. А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коротенко Мария Александровна. – Волгоград, 2006. – 22 с.

273. Кортава, Т. В. Московский приказный язык XVII века в языковом сознании подьячего Посольского приказа Алимарцана Бабаева (Василия Даудова) / Т. В. Кортава // Исследования по русскому языку. – Рязань, 2000. – С. 121–128.

274. Кортава, Т. В. К проблеме персонифицированного изучения московского приказного языка: языковая компетенция подъячего Алимарцана Бабаева / Т. В. Кортава // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 111–117.

275. Котюрова, М. П. Научный текст и стиль мышления ученого / М. П. Котюрова // Вестн. Перм. ун-та. – Пермь, 1996. – Вып. 2. – С. 32–48.

276. Котюрова, М. П. Плотность текста в аспекте синтезирующей познавательной деятельности ученого / М. П. Котюрова // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ч. 2. Лингвистика. – Ставрополь, 2003. – С. 99–107.

277. Кочеткова, Т. В. Микротексты в речи носителя элитарной речевой культуры (лингвокультурологический аспект) / Т. В. Кочеткова // Античный мир и мы. – Саратов, 1997. – Вып. 3. – С. 47–62.

278. Кочеткова, Т. В. Языковая личность в лекционном тексте (на прим. устной речи проф. Саратов. гос. мед. ун-та К. И. Бендера) / Т. В. Кочеткова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 212 с.

279. Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна. – Саратов, 1999. – 53 с.

280. Кочеткова, Т. В. О типологических признаках русской элитарной речи / Т. В. Кочеткова // Античный мир и мы. – Саратов, 2000. – Вып. 6. – С. 101–105.

281. Кочеткова, Т. В. Русская языковая личность как объект изучения современной лингвистики / Т. В. Кочеткова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи, 2002. – Вып. 1. – С. 95–100.

282. Кочеткова, Т. В. Речевое искусство педагога / Т. В. Кочеткова // Античный мир и мы. – Саратов, 2003. – Вып. 9. – С. 69–78.

283. Красных, В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) /

В. В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 1. – М., 1997. – С. 128–144.

284. Красных, В. В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 23 / отв. ред. В. В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 4–14.

285. Красных, В. В. Homo loquens и система координат культуры / В. В. Красных // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. – М., 2006. – С. 40–48.

286. Краснянский, В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина : около 100 тысяч словоупотреблений / В. В. Краснянский. – М.: Азбуковник, 2008. – 774 с.

287. Красухин, К. Г. Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке / К. Г. Красухин // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 244–251.

288. Крепов, И. В. Лексика православия и организация лексикона языковой личности / И. В. Крепов // Интеграция науки и образования с целью развития творческого потенциала специалистов. – Биробиджан, 2001. – С. 156–160.

289. Кривоклякина, Н. Л. Речевая культура педагога как психолого-педагогическая проблема / Н. Л. Кривоклякина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Воронеж, 2006. – № 2. – Ч. 2. – С. 211–216.

290. Кронгауз, М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства / М. А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 124–134.

291. Крысин, Л. П. К социологическому изучению современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Очерки по социолингвистике. – Шадринск, 1971. – С. 64–86.

292. Крысин, Л. П. Оценочный компонент семантики иноязычного слова / Л. П. Крысин // Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Знак, 2008. – С. 52–61.

293. Крысин, Л. П. Словари современного русского языка / Л. П. Крысин // Славянская лексикография.– М., 2013. – С. 542–563.

294. Крысин, Л. П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике / Л. П. Крысин // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015а. – С. 11–39.

295. Крысин, Л. П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов / Л. П. Крысин // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015б. – С. 206–213.

296. Крюкова, Е. И. Языковое сознание личности и культура перевода / Е. И. Крюкова, И. И. Голубых, А. К. Голубых. – Ростов н/Д: Рост. гос. пед. ун-т., 2004. – 193 с.

297. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кубиц Галина Васильевна. – Челябинск, 2005. – 19 с.

298. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / Под. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 144–238.

299. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

300. Кувшинова, Е. А. Лексема *мужик* как стилистически маркированная единица в языке произведений А. С. Пушкина / Е. А. Кувшинова // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. – 2010. – № 4. – С. 72–77.

301. Кузнецов, А. М. Поле / А. М. Кузнецов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. – С. 380–381.

302. Кузнецова, А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А. И. Кузнецова. – М., 1963. – С. 7–10.
303. Кузнецова, О. В. Личность человека на газетной полосе. Аспект языковой деятельности человека / О. В. Кузнецова // Вестн. молодых ученых ИВГУ. – Иваново, 2002. – Вып. 2. – С. 177–179.
304. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
305. Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Иркутск, 1989. – 176 с.
306. Кузьменко, Е. Л. Вербальная характеристика личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кузьменко Евгения Львовна. – М., 2005. – 420 с.
307. Куликов, Д. В. Становление двуязычной личности в условиях искусственного билингвизма (лексический и лексикографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Куликов Дмитрий Вячеславович. – Саратов, 2004. – 26 с.
308. Купина, Н. А. Речевой мир Александра Вертинского / Н. А. Купина // Семантика и прагматика языковых единиц. – Калуга, 2004. – С. 174–186.
309. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь речевых действий / Н. А. Купина. – Екатеринбург, Пермь, 1995. – 144 с.
310. Курносова, И. М. Лексико-фразеологическая система языка писателей центрального Черноземья и ее лексикографическая представленность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Курносова Ирина Михайловна. – Елец, 2009. – 49 с.
311. Кушнир, О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX – XXI веков: вопросы динамической лингвоконцептологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кушнир Ольга Николаевна. – Тверь, 2013. – 404 с.
312. Кущенко, Н. С. Профессиональная и культурно-речевая обусловленность ментального лексикона: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кущенко Наталья Сергеевна. – Саратов, 2008. – 20 с.

313. Кыркунова, Л. Г. Коммуникативные компетенции современного судебного оратора / Л. Г. Кыркунова // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. – Красноярск, 2009. – С. 220–229.

314. Ладыжникова, Т. О. Облик политического фигуранта как часть политической картины мира / Т. О. Ладыжникова // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2007. – Вып. 9. – С. 119–122.

315. Лазуренко, Е. Ю. Профессиональное коммуникативное поведение (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лазуренко Елена Юрьевна. – Воронеж, 2006. – 18 с.

316. Ланге, Н. В. Эмотивно-оценочная лексика эпистолярного дискурса А. С. Пушкина (на примере анализа наименований лиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ланге Нина Витальевна. – Смоленск, 2011. – 21 с.

317. Левковская, Я. В. К вопросу о формировании профессиональной компетенции устного переводчика / Я. В. Левковская // Актуальные вопросы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Магнитогорск, 2003. – Вып. 1. – С. 81–86.

318. Левонтина, И. Б. Милый, дорогой, любимый... / И. Б. Левонтина // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012а. – С. 149–156.

319. Левонтина, И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира / И. Б. Левонтина // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012б. – С. 550–564.

320. Лексико-семантические группы русских глаголов: учебный словарь-справочник / под общ. ред. Т. В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 151 с.

321. Лексико-семантические группы русских глаголов / науч. ред. Э. В. Кузнецова и др. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 176 с.

322. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина – М.: Рус. яз., 1984. – 1167 с.

323. Леонтьев, В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Леонтьев Виктор Владимирович. – Волгоград, 1999. – 26 с.

324. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Леорда Светлана Владимировна. – Саратов, 2006. – 19 с.

325. Лефельдт, В. Бисмарк и русский язык / В. Лефельдт // Вереница литер. – М., 2006. – С. 449–469.

326. Лешутина, И. А. Женская языковая личность II половины XVII в. (частная переписка князей Голицыных) / И. А. Лешутина // Русский язык: история, диалекты, современность. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 55–58.

327. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово, 2009. – 384 с.

328. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.

329. Линецкая, Л. М. Профессиональная языковая личность: к проблеме терминологического определения / Л. М. Линецкая // Учен. зап. Стерлитамак. гос. пед. ин-та и Стерлитамак. фил. Акад. наук Респ. Башкортостан. – Стерлитамак, 2002. – Вып. 1. – С. 52–54.

330. Литвинова, Т. А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Литвинова Татьяна Александровна. – Воронеж, 2011. – 24 с.

331. Лихачев, Д. С. Национальное единообразие и национальное разнообразие / Д. С. Лихачев // Русская литература. – 1968. – № 1. – С. 135–141.

332. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Лутовинова Ольга Васильевна. – Волгоград, 2009. – 39 с.

333. Лютикова, В. Д. Словарь диалектной личности / В. Д. Лютикова. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.

334. Лян, Сюдзюань. Новые семантические оппозиции «мужик – мужчина» и «баба – женщина» / Сюдзюань Лян // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 4. – С. 106.

335. Ляшевская, О. Н. и др. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.

336. Маганова, А. С. Переводческая интуиция и способы ее развития / А. С. Маганова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкульт. коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 107–111.

337. Макавчик, В. О. Видо-временная категоризация русского глагола в языковом сознании носителей русского языка: автореф. дис.... канд. филол. наук / Макавчик Вера Олеговна. – Томск, 2004. – 25 с.

338. Макарова, Е. В. Региональная топонимическая личность (на материале русской топонимии Алтая): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Макарова Елена Владимировна. – Барнаул, 2004. – 17 с.

339. Маклакова, Е. А. Национальная специфика наименований лиц (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Маклакова Елена Альбертовна. – Воронеж, 2006. – 22 с.

340. Маклакова, Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Маклакова Елена Альбертовна. – Воронеж, 2014. – 52 с.

341. Маланина, Н. В. Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя (на материале нормативно-правовых

актов Алтайского края): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малашина Наталья Владимировна. – Барнаул, 2006. – 20 с.

342. Малахова, И. А. Переводчик в зеркале перевода или перевод в зеркале переводчика: Размышления, штрихи / И. А. Малахова, Е. П. Орлова // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 1999. – Вып. 3. – С. 55–60.

343. Малишевская, Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «мужчина/женщина») / Д. Ч. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 180–186.

344. Малышева, И. А. Языковой «портрет» писца по памятникам деловой письменности XVIII века / И. А. Малышева // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. – Челябинск, 2005. – С. 11–20.

345. Мальцева, Н. Б. О некоторых средствах актуализации автора как языковой личности (на материале эссе Э. Сепира) / Н. Б. Мальцева, А. И. Варшавская // Антропоцентризм в языке и речи. – СПб., 2003. – С. 199–210.

346. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1951. – С. 414.

347. Мартыненко, Н. Г. Языковая личность ведущего радиоэфира / Н. Г. Мартыненко // Вестн. Якут. гос. ун-та. Филология. Журналистика. – Якутск, 2003. – № 2. – С. 135–139.

348. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.

349. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

350. Масыч, Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Масыч Татьяна Леонидовна. – Волгоград, 2010. – 19 с.

351. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Матвеева Галина Григорьевна. – СПб., 1993. – 32 с.

352. Машковцева, А. Ю. Отражение синонимических ресурсов языковой личности в современной газете / А. Ю. Машковцева // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: Науч.-метод. семинар “Textus”. – СПб.; Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 400–402.

353. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Мельник Наталья Владимировна. – Кемерово, 2011. – 403 с.

354. Меркулова, А. Г. Языковая личность как центр вселенской фольклорной картины мира кубанских заговоров / А. Г. Меркулова // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 3. – С. 56–58.

355. Метельская, Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Метельская Елена Владимировна. – Пятигорск, 2012. – 29 с.

356. Милехина, Т. А. Неофициальная речь бизнесменов / Т. А. Милехина // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. – Саратов, 2000. – С. 257–265.

357. Милехина, Т. А. Российские предприниматели и их речь: образы, концепты, типы речевых структур: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Милехина Татьяна Алексеевна. – Саратов, 2006. – 54 с.

358. Мироненко М. В. Шутник как коммуникативная личность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мироненко Марина Валерьевна. – Волгоград, 2005. – 19 с.

359. Михеева, Т. Б. Совершенствование языковой личности учителя-русиста / Т. Б. Михеева. – М.: Русское слово, 2005. – 207 с.

360. Михеева, Т. Б. Учитель-русист как профессиональная языковая личность / Т. Б. Михеева // Гуманит. и социал.-экон. науки. – Ростов н/Д, 2006. – № 3. – С. 175–180.

361. Мишанкина, Н. А. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского / Н. А. Мишанкина, О. В. Орлова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 34–37.

362. Мокиенко, В. М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода / В. М. Мокиенко // Русистика. – № 1–2. – Берлин, 1998. – С. 37–56.

363. Мордовин, А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика (на материале дискурса Г. Киссинджера): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мордовин Алексей Юрьевич. – Иркутск, 2004. – 19 с.

364. Московская, Г. Л. Профессиональная языковая личность лингвиста-преподавателя и структура ее компетентности / Г. Л. Московская // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион: Обществ. науки. Прил. – Ростов н/Д, 2004. – № 1. – С. 78–84.

365. Мурзинова, И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мурзинова Ирина Александровна. – Волгоград, 2009. – 24 с.

366. Мутигуллина, Э. Н. Симметрия и асимметрия тезаурусного уровня языковой личности музыканта: на материале русского и немецкого языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мутигуллина Эльмира Нурудиновна. – Казань, 2011. – 22 с.

367. Мухин, М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Мухин Михаил Юрьевич. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.

368. Наличникова, И. А. Особенности лексико-семантического уровня языковой личности афориста (на примере К. Г. Лихтенберга) /

И. А. Наличникова // Изв. Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11. – № 4–5. – С. 1283–1287.

369. Напреенко, Г. В. Лексико-квантитативное моделирование языковой личности в идентификационном аспекте (на материале русскоязычных интернет-дневников): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Галина Викторовна Напреенко. – Кемерово, 2015. – 26 с.

370. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. – М., 1996. – № 462. – С. 112–116.

371. Нерознак, В. П. Лингвокультурология и лингвоперсонология / В. П. Нерознак // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. 2: 2002–2003. – М., 2003. – С. 13–17.

372. Неронова, Н. Б. Отражение языковой личности человека в наименованиях птиц русского языка / Н. Б. Неронова // Философские чтения. – Южно-Сахалинск, 2002. – Вып. 1. – С. 50–53.

373. Никитина, Д. Н. Ассоциативно-смысловое взаимодействие концептов *нефть* и *труд* в дискурсивной картине мира регионального журналиста / Д. Н. Никитина // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2014. – Вып. 10 (151). – С. 165–173.

374. Никитченко, Т. Г. Художественный перевод и самоактуализация переводчика / Т. Г. Никитченко // Психологические проблемы самореализации личности. – Краснодар, 2001. – Вып. 6. – С. 175–184.

375. Николаева, Т. М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения / Т. М. Николаева // Слово в тексте и словаре. К 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. – М., 2000. – С. 591–607.

376. Нильсон, Б. Человек и мужчина – о классах, индивидах и инстанциях. К постановке проблемы (на материале русского и шведского языков) / Б. Нильсон // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 99–104.

377. Новиков, Л. А. Грамматический аспект описания идиостилей: Синтаксическая доминанта / Л. А. Новиков, С. Ю. Преображенский // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1990. – С. 56–68.

378. Новиков, Л. А. Семантическое поле / Л. А. Новиков // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 458–459.

379. Ножкина, Э. М. Речевое поведение актера на страницах СМИ / Э. М. Ножкина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 3. – С. 5–12.

380. О научной школе «Русская языковая личность», руководитель член-корр. РАН Ю. Н. Караулов // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: сб. статей. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 515–518.

381. Оглезнева, Е. А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В. П. Хан) / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклор.-диалектол. альм. – Благовещенск, 2005. – Вып. 3. – С. 101–107.

382. Оленев, С. В. Динамическое моделирование русской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Оленев Станислав Владимирович. – Кемерово, 2006. – 23 с.

383. Оленев, С. В. Моделирование динамики русской языковой личности / С. В. Оленев. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – 264 с.

384. Орешко, М. А. Лексическая репрезентация художественной концептосферы Виктора Пелевина (концепты «Человек», «Пространство», «Время»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Орешко Мария Анатольевна. – СПб., 2007. – 19 с.

385. Орлова, О. В. Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творчество томского рок-поэта В. Шестакова в контексте субкульту-

ры сибирского панка / О. В. Орлова, Е. Ю. Сластина // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2014. – Вып. 10 (151). – С. 174–177.

386. Осетрова, Е. В. Речевой имидж: учеб. пособие / Е. В. Осетрова. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. – 218 с.

387. Осипова, А. А. Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Осипова Александра Анатольевна. – Магнитогорск, 2005. – 205 с.

388. Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту: лексико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ощепкова Екатерина Сергеевна. – М., 2003. – 154 с.

389. Павлова, А. В. Политкорректность и эвфемизация языка / А. В. Павлова // Россия и Запад: сб. статей в честь 70-летия К. М. Азадовского. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 410–427.

390. Падучева, Е. В. Нужен ли семантике эпитет «когнитивная»? (О новых идеях и подходах в семантике) / Е. В. Падучева // Падучева Е. В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 635–646.

391. Панова, М. Н. Приставочные глаголы и глагольные формы как профессиональные единицы политико-административного социолекта / М. Н. Панова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – М., 2003. – № 5. – С. 119–125.

392. Панова, М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования / М. Н. Панова. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. – 322 с.

393. Панова, М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Панова Марина Николаевна. – М., 2005. – 32 с.

394. Панова, М. Н. Языковая личность современного чиновника как субъекта государственного управления / М. Н. Панова // Русское слово в русском мире. – М., 2006. – С. 168–175.

395. Панченко, О. Н. Виктор Шкловский: Текст – миф – реальность (к проблеме русской языковой личности) / О. Н. Панченко. – Чешин: Б. и., 1997. – 348 с.
396. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Парсамова Вероника Яковлевна. – Саратов, 2004. – 233 с.
397. Паршина, О. Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) / О. Н. Паршина // Филол. науки. – М., 2004. – № 3. – С. 85–94.
398. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов, 2005. – 325 с.
399. Паули, Ю. С. Анафоническая доминанта идиостиля Н. А. Бердяева (на материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Паули Юлия Сергеевна. – Кемерово, 2006. – 197 с.
400. Паули, Ю. С. Лингвокреативное моделирование идиостиля Н. А. Бердяева (на материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»): монография / Ю. С. Паули. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 200 с.
401. Пашина, А. В. Концепт *человек* в сказах И. М. Ермакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пашина Алена Владимировна. – Тюмень, 2006. – 24 с.
402. Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Певнева Ирина Владимировна. – Кемерово, 2008. – 22 с.

403. Пекарская, Е. А. Типологизация языковой личности: опыт системного описания / Е. А. Пекарская // Вестн. Читинского гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 100–104.

404. Передельская, М. В. Темпоральные представления в картине мира средневекового человека (на примере романа Т. Мэлори «Смерть Артура) / М. В. Передельская // Язык. Текст. Коммуникация: сб. науч. тр. / отв. ред. З. С. Дотмурзиева. – Назрань: Пилигрим, 2009. – С. 56–65.

405. Першина, Л. Р. Подходы к описанию языковой личности / Л. Р. Першина // Исследования по семантике: теоретич. и приклад. аспекты: межвуз. науч. сб. – Уфа, 1999. – С. 119–130.

406. Петрова, Е. Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Петрова Елена Юрьевна. – М., 2008. – 18 с.

407. Пивонова, Н. Е. Проблема этики речевого поведения современного педагога / Н. Е. Пивонова // Особенности профессионального мастерства специалистов постдипломного образования. – СПб., 2003. – С. 139–142.

408. Пишкова, Е. Ю. Прагмалингвистическое диагностирование речевого поведения кандидатов в президенты США (на материале предвыборного дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пишкова Елена Юрьевна. – Ростов н/Д, 2007. – 18 с.

409. Плотникова, С. Н. Лингвистическая реконструкция женской коммуникативной личности XVI–XVII веков: гендерные роли персонажей в пьесах В. Шекспира / С. Н. Плотникова, Е. В. Ракитянская // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – Новосибирск, 2007. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 127–132.

410. Подгорная, Е. А. Влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка (по данным психолингвистического эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Подгорная Елена Артуровна. – Кемерово, 2010. – 24 с.

411. Позднякова, Н. В. Штрихи к языковому портрету Емельяна Пугачева / Н. В. Позднякова // «Благословенны первые шаги...». – Магнитогорск, 1997. – С. 59–70.

412. Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1–4 / под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2006–2012.

413. Полонова, Е. В. Человеческий фактор в переводе: личность переводчика / Е. В. Полонова // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер.: Лингводидактика. – Иркутск, 2006. – Вып. 7. – С. 88–101.

414. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филол. науки. – 2002. – № 3. – С. 69–77.

415. Попова, О. В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Попова Оксана Вячеславовна. – Омск, 2004. – 19 с.

416. Постникова, Л. В. Просодия. Ситуация. Имидж (на материале ораторской речи американских президентов) / Л. В. Постникова // Сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2001. – Вып. 462. – С. 119–137.

417. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя / Д. М. Поцепня. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 264 с.

418. Прокудина, И. С. Гендерная идентификация языковой личности / И. С. Прокудина // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово, 2009а. – С. 42–51.

419. Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродуцирования научного текста (на материале студенческих авторефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Прокудина Ирина Сергеевна. – Кемерово, 2009б. – 26 с.

420. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности (на материале русской и английской диалогической речи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Прокудина Ольга Николаевна. – Кемерово, 2002. – 209 с.

421. Прохоров, Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / Прохоров Юрий Евгеньевич. – Москва – Екатеринбург, 2006. – 338 с.

422. Прохорова, И. О. Языковая личность российского политика / И. О. Прохорова. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 86 с.

423. Пуговкина, М. В. Стилистические парадигмы существительных (на материале семантических групп со значением «Названия лиц»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пуговкина Марина Владимировна. – Тамбов, 2006. – 23 с.

424. Пушкин, А. А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности / А. А. Пушкин // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 45–54.

425. Разувалова, А. И. Образ северного инородца в прозе В. П. Астафьева / А. И. Разувалова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 96–109.

426. Разувалова, А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. Разувалова. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.

427. Райцев, А. В. Преподаватель как языковая личность / А. В. Райцев, Б. А. Тахохов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2002. – Вып. 3. – С. 203–210.

428. Ракитянская, Е. В. Опыт лингвистической реконструкции женской коммуникативной личности XVI–XVII вв. (на материале произведений В. Шекспира): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ракитянская Елена Васильевна. – Иркутск, 2007. – 22 с.

429. Рогозина, И. В. Роль медиатекста в формировании картины мира индивида / И. В. Рогозина // Интерпретация коммуникационного процесса: сб. докл. на межвуз. науч. конф., (25–26 июня 2001 г.). – Барнаул, 2001. – С. 121–125.

430. Рожков, В. В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких: на материале романа «Трудно быть богом»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рожков Виталий Валерьевич. – Новосибирск, 2007. – 23 с.

431. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

432. Романов, А. А. Языковая личность в суггестивной парадигме [Электронный ресурс] / А. А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – Т. 1. – № 4. – С. 1–7. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11791945>.

433. Рублева, Т. В. Лингвопрагматический сбой в педагогическом дискурсе / Т. В. Рублева // Аспирантский сборник НГПУ. – Новосибирск, 2001. – Ч. 5. – С. 141–147.

434. Ружицкий, И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Ружицкий Игорь Васильевич. – М., 2015. – 58 с.

435. Ружицкий, И. В. Семантическое поле *смех* в структуре тезауруса Достоевского / И. В. Ружицкий, М. М. Коробова // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2017. – № 12 (32). – С. 70–77.

436. Румянцева, А. В. Комплексный анализ способа выражения множеств лиц в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Румянцева Александра Витальевна. – М., 2009. – 24 с.

437. Рупосова, Л. П. Языковая личность позднего Средневековья (на материале рукописей учебного содержания второй половины XVII в.) / Л. П. Рупосова // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Р. Д. Кузнецовой. – Тверь, 1999. – С. 247–252.

438. Рупосова, Л. П. Николай Андреевич Кондрашов как языковая личность / Л. П. Рупосова // Русский язык: история, диалекты, современность. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 7–11.

439. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–4. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.]. – М.: ИРЯ. – 1994–1996.

440. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М: Азбуковник., 2011. – 1015 с.

441. Русский семантический словарь: опыт автоматического построения тезауруса / отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1982. – 566 с.

442. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998–2014.

443. Русяева, М. М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода (на материале «Песни о Нибелунгах»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Русяева Мария Михайловна. – Пятигорск, 2007. – 18 с.

444. Рюмина, Н. А. Лингвистические и нелингвистические аспекты взаимодействия преподавателя и обучаемых на занятиях иностранного языка / Н. А. Рюмина, Е. Б. Ястребова // Материалы межвуз. науч.-метод. конф. «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (10–11 февр. 1999 г.). – М., 1999. – С. 108–113.

445. Сагайдачная, Е. Н. К вопросу определения понятия «языковая личность» / Е. Н. Сагайдачная, С. И. Локтева // Лингвистические и психолого-педагогические проблемы теории и практики преподавания иностранных языков. – Ростов н/Д, 2007. – Вып. 7. – С. 65–70.

446. Сагайдачная, Е. Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков (на материале публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сагайдачная Елизавета Николаевна. – Ростов-н/Д, 2009. – 24 с.

447. Садр, Можган. Номинации человека в произведениях А. П. Чехова: ономаσιологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Астрахань, 2011. – 18 с.

448. Салимьянова, И. В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Салимьянова Ирина Викторовна. – Омск, 2011. – 22 с.

449. Самотик, Л. Г. Чалдоны / Л. Г. Самотик // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 676.

450. Самотик, Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда / Л. Г. Самотик. – Красноярск: Амальгама, 2004. – 326 с.

451. Самотик, Л. Г. Барышни и крестьянка (рецензия на «Полный словарь диалектной языковой личности» под редакцией проф. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томского университета, Т. 1, 2006. – 358 с.; Т. 2, 2007. – 338 с.) / Л. Г. Самотик // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2008. – № 2. – С. 142–148.

452. Санджи-Гаряева, З. С. Словообразование как одно из проявлений идиостиля писателя / З. С. Санджи-Гаряева // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 2. – С. 76–80.

453. Саржина, О. В. Русские инвективные имена лиц: комплексный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Саржина Оксана Владимировна. – Томск, 2005. – 23 с.

454. Саяхова, Л. Г. Тематический словарь русского языка: около 25000 слов / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин; под ред. В. В. Морковкина. – М.: Дрофа, 2007. – 556 с.

455. Седов, К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Седов Константин Федорович. – Саратов, 1999. – 436 с.

456. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

457. Седов, К. Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) / К. Ф. Седов // Проблемы ре-

- чевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 6–29.
458. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – М.: ЯСК, 2016. – 438 с.
459. Седойкина, Ю. В. Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Седойкина Юлия Васильевна. – Курск, 2012. – 22 с.
460. Седых, А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Седых Аркадий Петрович. – Белгород, 2005. – 418 с.
461. Селиверстова, Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Селиверстова Любовь Павловна. – Волгоград, 2007. – 19 с.
462. Семенюк, Н. Н. К вопросу о роли языковой традиции: Лютер и Карлштадт / Н. Н. Семенюк // Язык, литература, эпос: К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского. – СПб., 2001. – С. 191–198.
463. Семенюк, Н. Н. Языковая ситуация и «языковая личность» в эпоху немецкой реформации: Лютер и Карлштадт / Н. Н. Семенюк // Общее и восточное языкознание: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Солнцева. – М., 1999. – С. 123–130.
464. Сергеева, О. В. Языковая личность педагога: статика и динамика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сергеева Ольга Викторовна. – Майкоп, 2013. – 20 с.
465. Серио, П. К. С. Аксаков: лингвист-славянофил или гегельянец? / П. К. Серио // Вопр. языкознания. – М., 2005. – № 1. – С. 31–42.
466. Сидоренко, С. Г. Функциональные и типологические особенности английских заимствований лексико-семантической группы 'наименование лица' в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сидоренко Станислав Геннадьевич. – Ставрополь, 2005. – 29 с.

467. Сидорова, Т. А. Ф. У. Мейтленд: язык историка как идентификация творческой индивидуальности / Т. А. Сидорова // *Голос минувшего*. – Краснодар, 2003. – № 3–4. – С. 70–74.

468. Силеверстова, Л. Н. Анализ речевого поведения политических лидеров Германии XX в. по воздействующей стратегии «формирования автором отношения получателя к речевому событию» / Л. Н. Силеверстова // *Личность, речь и юридическая практика*. – Ростов н/Д, 2003. – Вып. 6. – С. 190–197.

469. Синелева, А. В. Выявление информативных параметров при описании индивидуально-авторских стилей и атрибуции художественных текстов / А. В. Синелева // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология*. – Н. Новгород, 2003. – Вып. 1 (4). – С. 143–146.

470. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи [Электронный ресурс] / О. Б. Сиротинина // Сиротинина О. Б., Кузнецова Н. И., Дзякович Е. В. и др. *Хорошая речь* / под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. – Саратов, 2001. – С. 16–28. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Sirot_OsnKrit.php.

471. Сичинава, Ю. Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве (на материале текстов В. Маяковского и И. Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сичинава Юлия Николаевна. – Краснодар, 2007. – 23 с.

472. Славгородский, Е. И. Лингвофилософский энергетизм А. Ф. Лосева и его исторические предпосылки / Е. И. Славгородский // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. – Воронеж, 2007. – № 1. – С. 281–289.

473. Сладкевич, Ж. Р. Языковые личности ведущих ток-шоу «Модный приговор» / Ж. Р. Сладкевич // *Семиозис и культура*. – Сыктывкар, 2008. – Вып. 4. – С. 230–235.

474. *Словарь-тезаурус синонимов русской речи* / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 508 с.

475. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Азбуковник, 2001, 442 с.

476. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [Сост.: С. И. Бернштейн и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000.

477. Соколовская, Т. Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соколовская Татьяна Борисовна. – СПб., 2002. – 20 с.

478. Солнышкина, М. И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Солнышкина Марина Ивановна. – Казань, 2005. – 53 с.

479. Соловьева, Е. В. Номинация лица в прозаических произведениях А. С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьева Екатерина Владимировна. – Казань, 2006. – 18 с.

480. Сологуб, О. П. Современный русский официально-деловой текст (функционально-генетический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сологуб Ольга Павловна. – Кемерово, 2009. – 45 с.

481. Соломина, Н. В. Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соломина Наталья Владимировна. – Екатеринбург, 2008. – 25 с.

482. Сорокин, Ю. А. Чего ждать переводчику – рая или ада? / Ю. А. Сорокин // Учен. зап. / Регион. открытый социал. ин-т. Сер.: Лингвистика. Межкульт. коммуникация. Перевод. – Курск, 1999. – Вып. 2. – С. 77–84.

483. Сороченко, Е. Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И. А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сороченко Елена Николаевна. – Ставрополь, 2003. – 237 с.

484. Становление гуманитарной культуры личности в системе образования: тез. докл. Всероссийской науч.-практ. конф. / ред.: Г. А. Калачев,

О. Н. Горохова, М. А. Демин. – Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 2000. – 224 с.

485. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

486. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 171 с.

487. Стрельцова, Н. В. К проблеме типологии языковой личности / Н. В. Стрельцова // Вопросы лингвоперсонологии: межвуз. сб. науч. тр. Ч. 1. – Барнаул, 2007. – С. 12–16.

488. Сулейманова, Г. В. Лексико-семантическая и структурная характеристика названий лиц (на материале произведений Мельникова-Печерского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сулейманова Гуламан Валерьевна. – Махачкала, 2008. – 22 с.

489. Таболякова, Ю. В. Речевой портрет ведущего ток-шоу в аспекте культуры речи / Ю. В. Таболякова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 6–29.

490. Тамерьян, Т. Ю. Понятие языковой личности в контексте коммуникации / Т. Ю. Тамерьян // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь; Пятигорск, 2006. – Вып. 4. – С. 78–85.

491. Тарасов, Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–54.

492. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47.

493. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 8–17.

494. Тарасова, И. А. «Константы идиостиля»: пути лексикографического описания (на материале поэзии Г. Иванова) / И. А. Тарасова // Лексикография. – СПб., 2004. – С. 13–21.
495. Татаринцева, О. Н. Лингвоперсонологическое функционирование принципов русской орфографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татаринцева Ольга Николаевна. – Барнаул, 2007. – 20 с.
496. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
497. Токарев, Г. В. Словарь стереотипных названий русского человека / Г. В. Токарев. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 128 с.
498. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.
499. Толстова, Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой / Г. А. Толстова. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004, – 559 с.
500. Толстова, Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Толстова Галина Александровна. – Кемерово, 2007. – 27 с.
501. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
502. Томашевская, К. В. Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе / К. В. Томашевская. – СПб: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1998. – 134 с.
503. Томашевская, К. В. Лексическое представление языковой личности в экономическом дискурсе специалиста / К. В. Томашевская // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск, 2000. – С. 47–58.
504. Томашевская, К. В. О некоторых типах языковой личности по данным лексической структуры экономического текста / К. В. Томашевская // Слово. Семантика. Текст. – СПб., 2002. – С. 109–113.

505. Томашевская, К. В. Типы языковой личности в экономическом дискурсе современника / К. В. Томашевская // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь, 2003. – Ч. 2. – С. 55–62.

506. Топорова, Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994.

507. Транопольская, И. О. Влияние автора и переводчика на стилистические особенности переводной прозы: компьютерные технологии в определении авторского стиля / И. О. Транопольская // Информ. бюл. ассоц. «История и компьютер». – М., 2002. – № 30. – С. 155–156.

508. Трипольская, Т. А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности / Т. А. Трипольская // Слово. Семантика. Текст. – СПб., 2002а. – С. 102–109.

509. Трипольская, Т. А. Языковая личность: проблемы и перспективы исследования / Т. А. Трипольская // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Новосибирск, 2002б. – С. 11–17.

510. Труфанова, В. Я. О соотношении индивидуального и общего в интонации актера / В. Я. Труфанова // Русское сценическое произношение. – М., 1986. – С. 131–143.

511. Труфанова, Н. О. Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Труфанова Наталия Олеговна. – М., 2006. – 24 с.

512. Тюрина, Т. В. Материалы к факультативу «Языковая личность и проблемы ее изучения» / Т. В. Тюрина // Непрерывное образование как условие развития творческой личности. – Новокузнецк, 2001. – С. 141–143.

513. Убийко, В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Комплексный функционально-когнитивный словарь / В. И. Убийко. – Уфа, 1998. – 232 с.

514. Умеренков, С. Ю. Фонологическая связность в коммуникативной компетенции учителя иностранного языка / С. Ю. Умеренков // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск, 2006. – Вып. 6. – С. 80–85.

515. Унгарбаева, Г. И. «Свое» и «чужое» в историческом дискурсе XVIII века / Г. И. Унгарбаева // Интеграционные процессы в контексте поликультурного образования: Акция ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых – 2004». – Гатчина, 2005. – С. 97–100.

516. Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: материалы межд. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Чувакина. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2005. – 337 с.

517. Урубкова, Л. М. Понятие языковая личность и обучение деятельности перевода / Л. М. Урубкова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 2005. – Вып. 1. – С. 108–113.

518. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М., 1962. – С. 59–64.

519. Уфимцева, Н. В. Русские глазами русских / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 242–249.

520. Уфимцева, Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание / Н. В. Уфимцева // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2000. – Т. 1. – С. 70–77.

521. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента / Н. В. Уфимцева // Русское слово в русском мире. – М., Калуга, 2004а. – С. 40–45.

522. Уфимцева, Н. В. Славянский ассоциативный словарь / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2004б. – 792 с.

523. Уфимцева, Н. В. Византийское наследие в языковом сознании современных русских / Н. В. Уфимцева // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. – М., 2006. – С. 124–131.

524. Уфимцева, Н. В. Проблемы изучения языкового сознания / Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 22–29.

525. Уфимцева, Н. В. Культура как система сознания носителя языка / Н. В. Уфимцева // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII конгресс Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы: тр. и материалы / под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. – Т. 2. – Shanghai: Shanghai foreign language education press, 2011. – С. 24–33.

526. Ухина, Т. Ф. Национальная специфика наименований лиц (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ухина Тамара Федоровна. – Воронеж, 1991. – 17 с.

527. Ушакова, Е. В. Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа (на примере В. В. Жириновского) / Е. В. Ушакова // Психология восприятия власти. – М., 2002. – С. 234–241.

528. Федорченко, И. А. Кавычки как показатель оценки речи в свете изучения языковой личности (на примере научных работ В. В. Виноградова) / И. А. Федорченко // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1999. – С. 77–87.

529. Фельде, О. В. Образная составляющая концепта «жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) / О. В. Фельде // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. / отв. ред. А. М. Ковалева; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – С. 212–220.

530. Фельде, О. В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков / О. В. Фельде // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 3. – С. 59–64.

531. Фесенко, О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Фесенко Ольга Петровна. – Томск, 2009. – 37 с.

532. Фещенко, О. А. Концепт *Дом* в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале прозаических произведений): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фещенко Ольга Александровна. – Новосибирск, 2005. – 216 с.

533. Федорова, Л. Л. От составителя / Л. Л. Федорова // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 5–8.

534. Филилеев, В. В.. Слово как онтологический фактор духовности и его роль в педагогике / В. В. Филилеев, Н. Н. Волкова, Е. В. Караваева // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2004. – Вып. 2. – С. 31–35.

535. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – София, 1957. – С. 524–525.

536. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004. – 45 с.

537. Фомина, Н. В. Интегрированный подход к речевой подготовке будущего учителя / Н. В. Фомина // Актуальные проблемы психологии образования: материалы второй регион. науч.-практ. конф., Нижний Новгород 6–7 дек. 2001 г. – Н. Новгород, 2001. – С. 111–115.

538. Формановская, Н. И. Культура общения и речевого поведения / Н. И. Формановская. – М.: Изд-во «Икар», 2010. – 237 с.

539. Халеева, И. И. Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» (аудитивный аспект) / И. И. Халеева // Тетради переводчика. – М., 1999. – Вып. 24. – С. 63–72.

540. Холодкова, Е. К. Концепция национального характера в прозе В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и Б. П. Екимова 1990-х – начала 2000-х гг. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Холодкова Екатерина Константиновна. – М., 2009. – 22 с.

541. Хомяков, Е. А. Концепт «Человек» в жаргоне русских и французских студентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Хомяков Евгений Александрович. – Орел, 2009. – 25 с.

542. Хорошева, Н. В. Репрезентация лингвокультурного типажа «иммигрант» в медиадискурсах Франции и России / Н. В. Хорошева, Н. В. Бисерова // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 116–120.

543. Хромова, С. А. Индивидуально-авторское словотворчество и его отношение к языковому словообразовательному стандарту (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хромова Светлана Алексеевна. – Саратов, 2007. – 20 с.

544. Цвиллинг, М. Я. Требования к личности устного переводчика и проблемы профессиональной подготовки / М. Я. Цвиллинг // Перевод и лингвистика текста = Translation & text linguistics. – М., 1994. – С. 128–135.

545. Цыб, Е.А. Художественная речь в словарях разных типов (на материале поэзии В. Хлебникова и Н. Заболоцкого): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Цыб Елена Анатольевна. – М., 1995. – 23 с.

546. Чабаненко, М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чабаненко Марина Геннадьевна. – Кемерово, 2007. – 21 с.

547. Частотный словарь русского языка: около 40000 слов / [Сост. В. А. Аграев, В. В. Бородин, Л. Н. Засорина и др.]; под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Рус. яз., 1977. – 935 с.

548. Человек – коммуникация – текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления / под ред. А. А. Чувакина. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. – 233 с.

549. Черкасова, Г. А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских / Г. А. Черкасова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 105–122.

550. Черкасова, Г. А. Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка / Г. А. Черкасова // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2014. – № 17. – С. 405–414.

551. Черкасова, Г. А. Сопоставительные статистические исследования характеристик русских ассоциативных тезаурусов / Г. А. Черкасова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 272 – 287.

552. Черкасова, И. С. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в русских и немецких объявлениях о знакомстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Черкасова Инга Сергеевна. – Волгоград, 2006. – 22 с.

553. Чернейко, Л. О. Язык исследователя как выражение его мировоззрения / Л. О. Чернейко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – М., 2008. – № 3. – С. 9–14.

554. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Чернышова Татьяна Владимировна. – Барнаул, 2005.

555. Черняева, А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Черняева Алла Борисовна. – СПб., 2008. – 25 с.

556. Черняк, А. Б. Секст Помпей и его жаргон (*Vell. II 73, studiis rudis, semone barbarus*) / А. Б. Черняк // *Hrda manasa*: сб. ст. к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга. – СПб.: Наука, 2005. – С. 439–445.

557. Черняк, В. Д. Синонимические связи слов как примета идиолекта / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы функциональной лексикологии. – СПб., 1997. – С. 103–108.

558. Чжао, Сяохэн. Человек как объект номинации в русском жаргоне: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сяохэн Чжао. – Казань, 2013. – 23 с.

559. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

560. Чулкина, Н. Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чулкина Нина Леонидовна. – М., 1987. – 14 с.

561. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских / Н. Л. Чулкина. – М.: РУДН, 2004. – 248 с.

562. Чулкина, Н. Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Чулкина Нина Леонидовна. – М., 2005. – 37 с.

563. Чурилина, Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Чурилина Любовь Николаевна. – СПб., 2002а. – 513 с.

564. Чурилина, Л. Н. Местоименное слово как элемент словаря языковой личности / Л. Н. Чурилина // Слово. Семантика. Текст. – СПб., 2002б. – С. 114–117.

565. Чэнь, Сяохуэй. Русские наименования лица по свойству их употребления в газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сяохуэй, Чэнь. – М., 2011. – 27 с.

566. Шадаева, Л. И. Метафора в дискурсе языковой личности А. Линкольна / Л. И. Шадаева // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го регион. науч. семинара. – Иркутск, 2005. – С. 298–307.

567. Шайкевич, А. Я. Статистический словарь языка Достоевского / А. Я. Шайкевич, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребецкая. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 832 с.

568. Шайкевич, А. Я. Пространство семантических словарей / А. Я. Шайкевич // Язык как материя смысла: сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 695–707.

569. Шапкарина, Е. И. Профессиональный дискурс в структуре вторичной языковой личности / Е. И. Шапкарина // Вестн. МГЛУ. – М., 2002. – Вып. 472. – С. 144–148.

570. Шаповалова, Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шаповалова Надежда Геннадьевна. – Саратов, 2008. – 20 с.

571. Шаталова, О. В. Актуальные аспекты исследования интегрального предложения (к вопросу о синтаксической характеристике языковой личности) / О. В. Шаталова // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. – Елец, 2004. – С. 125–130.

572. Шаховский, В. И. Оценочная экспликация эмоциональных валентностей личности журналиста / В. И. Шаховский // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс – 3. – Волгоград, 2007. – С. 231–242.

573. Швец, А. В. Наивное литературоведение в лексиконе языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Швец Алла Васильевна. – СПб., 2005. – 20 с.

574. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шевченко Ольга Николаевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.

575. Шемякова, М. В. Коммуникативные технологии создания имиджа. Имидж тележурналиста. Лингвистический уровень формирования / М. В. Шемякова // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс – 3. – Волгоград, 2007. – С. 223–231.

576. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шестак Лариса Анатольевна. – Волгоград, 2003. – 514 с.

577. Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

578. Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шестакова Лариса Леонидовна. – М., 2012. – 43 с.

579. Шилина, С. А. Языковая личность Ивана IV (на материале документов XVI–XVII веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шилина Светлана Александровна. – Орел, 2003. – 18 с.

580. Шиповская, А. А. Репрезентация категории «Человек» в сетевом жаргоне (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шиповская Анна Анатольевна. – Тамбов, 2006. – 28 с.

581. Ширина, Е. В. Семантико-когнитивная модель языкового портрета публициста-шестидесятника (общие факторы и принципы моделирования) / Е. В. Ширина // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ч. 2. Лингвистика. – Ставрополь, 2003. – С. 219–224.

582. Ширяев, Е. Н. Современная теоретическая концепция культуры речи / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи: учебник для вузов. – М.: Издат. группа «Норма – Инфра М», 1998. – С. 12–25.

583. Шкабара, Н. И. Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шкабара Наталья Ивановна. – Волгоград, 2012. – 21 с.

584. Шлома, Е. С. Материнское начало в прозе В. П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Шлома Елена Сергеевна. – М., 2012. – 33 с.

585. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / А. Д. Шмелев. – М.: URSS: ЛКИ, 2008. – 278 с.

586. Шмелев, А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? [Электронный ресурс] / А. Д. Шмелев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 21–33. – Режим доступа: www.philology.ru/linguistics2/shmelev-11.htm.

587. Шмелев, А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия / А. Д. Шмелев // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012а. – С. 306–313.

588. Шмелев, А. Д. Новомосковская школа концептуального анализа / А. Д. Шмелев // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012б. – С. 610–620.

589. Шмелев, А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху / А. Д. Шмелев // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012в. – С. 536–548.

590. Шмелев, А. Д. Языковые факты и корпусные данные / А. Д. Шмелев // Русский язык в научном освещении. № 1 (19). 2010. – С. 236–265.

591. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева. – Красноярск: КрасГУ, 1994. – 47 с.

592. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шмелева Татьяна Викторовна. – М.: МГУ, 1995. – 35 с.

593. Шпильная, Н. Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Шпильная Надежда Николаевна. – Кемерово, 2016. – 48 с.

594. Шпильная, Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений

по картине В. А. Серова «Девочка с персиками»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шпильная Надежда Николаевна. – Кемерово, 2010. – 23 с.

595. Штейнфельдт, Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка: справочник для преподавателей рус. яз. – М.: Прогресс, 1973. – 228 с.

596. Шуракова, Г. В. Формирование языковой личности медика в условиях межкультурной коммуникации (из опыта международного сотрудничества с клиниками Германии) / Г. В. Шуракова, З. В. Гноева, И. А. Лайтадзе // Текст. Речь. Коммуникация. – Владикавказ, 2006. – Вып. 4. – С. 245–255.

597. Щеглова, И. В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Щеглова Инна Владимировна. – Волгоград, 2010. – 23 с.

598. Щербакова, М. Е. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в западных среднерусских говорах Тверской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Щербакова Марина Евгеньевна. – Тверь, 2011. – 20 с.

599. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

600. Языковая личность и семантика: тез. докл. науч. коиф., 28–30 сент. 1994 г. / редкол.: В. И. Шаховский и др. / Ин-т языкознания Рос. АН, М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1994. – 142 с.

601. Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность» / науч. ред. И. В. Сентенберг, В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 1994. – 203 с.

602. Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность», Помор. междунар. пед. ун-т, Центр концептол. исслед.; науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с.

603. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф., Волгоград, 5–7 февр. 1997 г. / науч. ред. В. И. Карасик / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград: Перемена, 1997. – 143 с.

604. Языковая личность: жанровая речевая деятельность: тез. докл. науч. конф., Волгоград, 6–8 окт. 1998 г. / редкол.: В. И. Шаховский и др. / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград: Перемена, 1998. – 108 с.

605. Языковая личность: система, нормы, стиль: тез. докл. науч. конф., Волгоград, 5–6 февр. 1998 г. / науч. ред. В. И. Карасик / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Язык и личность». – Волгоград: Перемена, 1998. – 131 с.

606. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность», Саратов. гос. ун-т, НИИ рус. яз. и лит.; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др. – Волгоград: Перемена; Саратов: СГУ, 1998. – 232 с.

607. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. / редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др.; Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.

608. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность»; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др. – Волгоград: Перемена, 1999. – 271 с.

609. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – 228 с.

610. Языковая личность: проблемы креативной семантики: сб. науч. тр. к 70-летию д-ра филол. наук, проф. И. В. Сентенберг / Волгогр. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность»; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) и др. – Волгоград: Перемена, 2000. – 214 с.

611. Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2001. – 365 с.
612. Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – 236 с.
613. Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: сб. ст. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 544 с.
614. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Н. Шпильной. – М.: Ленанд, 2014. – 640 с.
615. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2 / под ред. Н. Д. Голев, Н. В. Мельник. – М.: Ленанд, 2016. – 432 с.
616. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / ред. Н. В. Уфимцева. – М., Барнаул, 2004. – 344 с.
617. Яковлева, А. В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке (семантические особенности и пути формирования): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Яковлева Анна Валентиновна. – Ярославль, 2009. – 23 с.
618. Янакиева, Ц. Нормативное напряжение в тексте Киевской псалтыри 1397 года и языковая картина мира восточнославянского переводчика – москвича Спиридония / Ц. Янакиева // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары, 2005. – С. 38–51.
619. Яппарова, В. Н. Функционирование наименований лица в современном предвыборном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Яппарова Венера Нагимовна. – Казань, 2010. – 25 с.
620. Ярмахова, Е. А. Коммуникативный типаж «чудак» в английской лингвокультуре / Е. А. Ярмахова // Интенсивное обучение языкам: проблемы методики и лингвистики. Вып. 2. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 105–113.

621. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность (на материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ясинская Миlena Борисовна. – М., 2004. – 25 с.

622. Coates, J. Women, men and language: a sociolinguistic account of gender differences in language / Coates Jennifer. – Harlow England; N. Y.: Longman, 2004. – 245 p.

623. Duranti, A. Linguistic anthropology: history, ideas, and issues / Alessandro Duranti // Linguistic anthropology: a reader / Edited by A. Duranti. – Second Edition. – Malden, Mass: Wiley-Blackwell, 2009. – Pp. 1–60.

624. Eckert, P., McConnell-Ginet, S. Language and gender / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. – Cambridge University Press, 2003. – 366 p.

625. Foley, William A. Anthropological linguistics: an introduction / William A. Foley. – Malden, MA: Blackwell Publishers, 1997. – 495 p.

626. Gender and discourses / Edited by Ruth Wodak. – London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage publications, 1997. – 303 p.

627. Goldberg, Lewis R. Language and individual differences: the search for universals in personality lexicons / Lewis R. Goldberg // Review of personality and social psychology. Vol. 2. – Beverly Hills: Sage, 1981. – Pp. 141–165.

628. Lacoff, Robin Tolmach. Language and woman's place: text and commentaries. Revised and expanded edition / Edited by Mary Bucholtz. – Oxford university press, 2004. – 309 p.

629. Parthé, Kathleen F. Russian village prose: the radiant past / Kathleen F. Parthé. – Princeton, N. J.: Princeton univ. press, cop., 1992. – 194 p.

630. Pavel Rychlý, Adam Kilgarriff. An efficient algorithm for building a distributional thesaurus (and other Sketch Engine developments) // Proceedings of the 45th Annual Meeting of the ACL on Interactive Poster and Demonstration Sessions. Czech Republic, June 2007. – Pp. 41–44. – URL: <https://www.sketchengine.co.uk>.

631. Searle J. R. The problem of proper names // Semantics. – Cambridge (Mass), 1975. – Pp. 134–141.

Список использованных источников

1. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Пастух и пастушка. Рассказы / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.
2. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 1, 2 / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.
3. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 3 / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 384 с.
4. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Царь-рыба / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 432 с.
5. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Затеси: семь тетрадей / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 544 с.
6. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8. Произведения 1970–1980-х годов. Ода русскому огороду. Паруня. Очерк. Зрячий посох. Повесть / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 352 с.
7. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. Прокляты и убиты. Роман. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 768 с.
8. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. Повести, рассказы разных лет / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 432 с.
9. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Публицистика / В. П. Астафьев. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. – 608 с.
10. Астафьев, В. П. «Русский человек – такая бездна» [Электронный ресурс] / В. П. Астафьев // Литературная газета. Вып. 35 (5890). 28.08.2002. – Режим доступа: [old.lgz.ru/archives/html_arch/lgz352002/Polosy/...](http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lgz352002/Polosy/)

11. Астафьев, В. П. Победа не приходит сразу / В. П. Астафьев // Чувственной рабочий, 14 июля 1954 г.
12. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Век живи – век люби / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 447 с.
13. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Последний срок / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 438 с.
14. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Живи и помни / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 437 с.
15. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: В ту же землю / В. Г. Распутин. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 438 с.
16. Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 1 / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2014. – 398 с.
17. Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 3 / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2014. – 374 с.
18. Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 5 / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2014. – 406 с.
19. Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 6 / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2014. – 358 с.
20. Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 7 / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2014. – 334 с.

Приложение 1

Номинации лиц

в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина

В данное приложение включены нарицательные существительные, именующие человека в следующих произведениях:

1) Астафьев В. П. Последний поклон. Повесть в рассказах (1968–1991)

2) Шукшин В. М. Рассказы:

Алеша Бесконвойный (1972–1973)

Артист Федор Грай (1960–1971)

Беседы при ясной луне (1972–1974)

Беспальный (1972)

Бессовестные (1970)

Билетик на второй сеанс (1971)

Боря (1972–1974)

В воскресенье мать-старушка... (1967–1968)

В профиль и анфас (1970)

Ванька Тепляшин (1972–1973)

Ваня, ты как здесь?! (1960–1971)

Версия (1972–1973)

Верую! (1971)

Вечно недовольный Яковлев (1974)

Владимир Семеныч из мягкой секции (1970–1974)

Внутреннее содержание (1960–1971)

Волки (1967)

Воскресная тоска (1958)

Выбираю деревню на жительство (1972–1973)

Вянет, пропадает (1968)

Гена Пройдисвет (1970–1974)

Генерал Малафейкин (1970–1974)

Горе (1967)

Гринька Малюгин

Даешь сердце! (1960–1971)

Далекие зимние вечера (1963)

Два письма (1966)

Двое на телеге (1958)

Дебил (1970–1974)

Демагоги (1958)

Други игрищ и забав (1974)

Думы

Дядя Ермолай (1970–1974)

«Жена мужа в Париж провожала...» (1970–1974)

Жил человек... (1974)

Забуксовал (1970–1971)

Залетный (1969–1970)

Заревой дождь (1960–1971)

Земляки (1970)

Змеиный яд (1960–1971)

И разыгрались же кони в поле (1968)

Игнаха приехал (1960–1971)

Из детских лет Ивана Попова (1960–1971)

Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток (1970–1974)
Как зайка летал на воздушных шариках (1972)
Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту (1972–1974)
Как помирал старик (1967)
Капроновая елочка (1968)
Классный водитель
Кляуза (1974)
Коленчатые валы (1958)
Космос, нервная система и шмат сала (1966)
Крепкий мужик (1969–1970)
Критики (1964)
Крыша над головой (1970–1974)
Кукушкины слезки (1968)
Леля Селезнева с факультета журналистики (1958)
Ленька (1960–1971)
Леся (1970–1974)
Лида приехала (1960)
Мастер (1969–1971)
Материнское сердце (1969)
Медик Володя (1970–1974)
Мечты (1972–1974)
Микроскоп (1969)
Миль пардон, мадам! (1968)
Митька Ермаков (1970–1974)
Мнение (1972–1974)
Мой зять украл машину дров! (1969–1971)
Мужик Дерябин (1974)
На кладбище (1972–1973)
Наказ (1972–1973)
Начальник (1960–1971)
Непротивленец Макар Жеребцов (1970)
Нечаянный выстрел (1964–1967)
Ноль-ноль целых (1974)
Ночью в бойлерной (1974)
Обида (1970–1972)
Одни (1960–1971)
Операция Ефима Пьяных (1960–1971)
Ораторский прием (1971)
Осенью (1972–1973)
Охота жить (1966–1967)
Петька Краснов рассказывает (1964–1969)
Петя (1972–1974)
Письмо (1970–1972)
Племянник главбуха (1958)
Постскриптум (1970–1974)
Правда (1960)
Привет Сивому (1974)
Приезжий (1970–1974)
Психопат (1970–1974)
Пьедестал (1971–1972)
«Раскас» (1967)
Рыжий (1974)

Сапожки (1970)
Светлые души (1959)
Свойак Сергей Сергеевич (1970–1974)
Сельские жители (1963)
Случай в ресторане (1968)
Сны матери (1972–1974)
Солнце, старик и девушка (1960–1971)
Срезал (1970)
Стенька Разин (1960)
Степка (1960–1971)
Степкина любовь (1961)
Страдания молодого Ваганова (1974)
Суд (1969)
Сураз (1973)
Танцующий Шива (1969–1972)
Три грации (1970–1974)
Упорный (1972–1973)
Хахаль (1969)
Хмырь (1972–1974)
Хозяин бани и огорода (1970–1974)
Чередниченко и цирк (1970–1974)
Чудик (1967)
Чужие (1974)
Шире шаг, маэстро! (1970)
Штрихи к портрету (1973)
Экзамен (1960)

3) Распутин В. Г. Рассказы:

Байкал предо мною (2003)
В непогоду (2003)
В ту же землю (1995)
Василий и Василиса (1966)
Видение (1997)
Женский разговор (1994)
Изба (1999)
На родине (1999)
Наташа (1981)
Нежданно-негаданно (1997)
Новая профессия (1998)
Тетка Улита (1984)
Уроки французского (1973)
Что передать вороне? (1981)

Распутин В. Г. Повести:

Живи и помни (1974)
Последний срок (1970)
Прощание с Матерой (1976)

Курсивом в таблицах выделены номинации, отсутствующие в РСС.

Реальные лица, люди
Лицо, человек

Общие обозначения (9; 6)

В.П. Астафьев	В.М. Шукшин	В.Г. Распутин
1. Гражданин 2. Душа 3. Лицо 4. Личность 5. Персона 6. Фигура 7. Человек 8. Человечина 9. Человечишко 10. Элемент	1. Гражданин 2. Гражданка 3. Душа (Милая душа) 4. Лицо 5. Личность 6. Субъект 7. Тип 8. Фигура (человек) 9. Человек 10. Человечек 11. Элемент. <i>Контрреволюционные элементы</i>	1. Гражданин 2. Душа 3. Лицо 4. Личность 5. Персона 6. Фигура 7. Человек 8. Элемент
<i>С элементом оценки</i>		
1. Голова 2. Головушка 3. Птица	1. Башка 2. Голова (умная, садовая) 3. Головушка (обращение, отчаянная) 4. Птица (перен.)	1. Голова 2. Головушка 3. Птица (перен.)

Названия лица по характерным признакам: по свойству, состоянию, по связям, по действию, функции

По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению

По расовой, национальной принадлежности, по внешним расовым признакам (10; 7)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Негры – 1	-	-

По отнесенности к месту жительства, пребывания, к территории местности

Общие обозначения (10; 8)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Житель 2. <i>Обитатели</i> 3. <i>Присутствующие</i> 4. Сосед 5. Соседушка 6. Соседка	1. Житель 2. Сосед 3. Соседка	1. Жители 2. Сосед 3. Соседка 4. <i>Суседка</i>

По постоянному, исконному месту жительства, по местонахождению (10; 9)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Здешние – 1	1. Здешний 2. Местные	1. Абориген <i>ВН</i> 2. <i>Корневые И</i> 3. Местные <i>ЖП, И, ПМ</i>

По не исконному месту жительства, нахождения, по перемене места жительства (10; 10)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Беженец 2. Гость 3. <i>Новожитель</i> 4. <i>Новопоселенец</i> 5. <i>Первопоселенец</i> 6. Переселенец 7. Поселенец 8. Приезжий 9. <i>Спецпереселенец</i> 10. <i>Эвакуированный</i> ⁸ 11. <i>Вакуированный</i>	1. Выходец 2. <i>Залетный</i> 3. Нездешний 4. Новосел 5. Приезжая 6. Приезжий 7. Пришелец 8. <i>Пришлый</i> 9. <i>Эвакуированный</i>	1. <i>Беглянка</i> 2. <i>Метеворка</i> 3. <i>Набежники</i> 4. <i>Новопоселенец</i> 5. <i>Обсевки</i> 6. <i>Отделенцы</i> 7. Переселенец 8. <i>Понаехавшие</i> 9. Приезжий 10. <i>Приехавшие</i> 11. <i>Пришлая</i>
<i>По проживанию на даче, на зимовке</i>		
1. Дачник 2. Зимовщик 3. Зимогор		

По отнесенности к месту, к территории**К планете, к континенту (10; 11)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Азиат 2. Азиат	-	-

К стране, местности (10; 12)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Горец 2. <i>Житель-заполяжник</i> 3. Северянин 4. Сибиряк 5. Сибирячка 6. <i>Чалдон</i> 7. <i>Чалдонка</i> 8. Южанин	1. Сибиряк 2. <i>Сибирячок</i> 3. <i>Чалдон</i>	1. <i>Верховские</i> 2. <i>Казбек</i> 3. <i>Низовские</i> 4. Таежник

К населенному пункту, поселению, к жилому помещению (10; 13)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Городской 2. Горожане 3. Деревенские	1. Городской 2. Горожане 3. Деревенский 4. Жилец 5. Журавль (перен.) 6. Сельчане	1. Городские 2. Деревенские 3. Деревня 4. <i>Поселковые</i>
<i>Этнохоронимы</i>		
1. Астраханка 2. Игарчанин 3. Красноярцы 4. Ленинградцы 5. Овсянские 6. Верховские	1. Владимирцы 2. Ленинградец 3. Мордовские (те, кто живет в Мордве – части деревни) 4. Москвич 5. Николаевцы	1. Агаповские 2. Барановские 3. Атамановские 4. Ереминские 5. Замараевские 6. Материнцы 7. «Московишна» (прозвище) 8. Подгорные 9. Филипповские
<i>Патронимы</i>		
1. Грбовозы 2. Гужееды	-	-

По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.

Общие обозначения (11; 14)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Последователь	1. Любитель 2. Проповедник	1. Охотник 2. Охотница 3. Поклонник

По религиозному, научному, художественному восприятию действительности, по отношению к соответствующим направлениям, течениям в религии, науке, искусстве

По отношению к вере, религии

Общие обозначения (11; 15)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Атеист 2. Безбожник 3. Верующий 4. Неверующий	1. Безбожник 2. Верующий 3. <i>Духобор. Здесь: ирон.</i> 4. <i>Новообращенный</i>	-

По отношению к направлению, течению в религии, по вероисповеданию (11; 16)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Кержак</i> (устар., обл.) 2. Православный 3. Раскольник 4. Старовер 5. Старообрядец	1. Баптист 2. <i>Кержак</i> 3. Крещеный 4. Раскольник	1. Крещеная/ые 2. Старообрядец 3. Язычник

По отношению к направлению, течению в науке, искусстве, к соответствующим научным взглядам, методикам: 211

Общие обозначения (11; 17): 4

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В философии и других науках (11; 18)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В искусстве (11; 19)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Реалисты Соцреалисты	Импрессионист	-

По способу мышления, рассуждения (11; 20)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Демагог	-

По умонастроению, восприятию, по кругу интересов (11; 21)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Жизнелюб 2. Романтик 3. <i>Скабрезник</i>	1. Максималист 2. Мечтатель 3. Реалист 4. Романтик 5. <i>Утопичка</i> 6. Философ 7. Циник	Философ
<i>По кругу интересов, по отношению к своим потребностям</i>		
	1. Мещанин, мн. <i>мещане, мещаны.</i> 2. Мещанка 3. Обыватель	-

По восприятию социальных явлений, по отношению к социальному узусу (11; 22)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 1	В.Г. Распутин Рассказы и повести 2
-	1. Демократы	1. <i>Пустохваты</i> 2. <i>Феминистка</i>

По личному отношению к кому-чему-н., по расположенности, пристрастию, влечению**По расположению, склонности, пристрастию, интересу или по нерасположенности к кому-чему-н.****К другому лицу, к людям (11; 23)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Гуманист – 2	1. Завистник 2. <i>Ласковая</i> 3. Недоброжелатель 4. Неприятель	-

К определенному занятию, делу (11; 24)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Болезщик – 4 Книгочей – 2	-	-
<i>К занятию, связанному с животными, к самим животным</i>		
1. Охотник 2. Рыбак 3. Рыболов 4. Собачник	1. Рыбак	1. Охотник 2. Рыбак

По отношению верности, преданности, постоянства, любви к кому-чему-н. (11; 25)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Патриот (<i>сибирского спорта, перен.</i>)	Энтузиаст	-
<i>По отношению влечения, влюбленности</i>		
-	1. <i>Ицуице</i> 2. Любовник	1. Влюбленные 2. Охотник

По врожденному или приобретенному интеллектуальному или интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству**По одаренности, по обладанию способностями, умом, талантом или по их отсутствию****По одаренности, по обладанию способностями, умом, талантом****По собственно способностям, таланту, уму (12; 26)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Голова 2. Мудрец 3. <i>Мудрый</i>	1. Башка 2. Гений 3. Голова (умная, садовая)	1. Златоуст 2. Умница 3. <i>Умница-послушница</i>

4. Разумница 5. <i>Смышленьиш</i>	4. Интеллектуалка 5. Мыслитель 6. Остряк 7. Самородок 8. Талант 9. Умник 10. Умница	4. Умница-разумница 5. Умные 6. <i>Ушлятина</i>
--------------------------------------	---	---

По экстраординарным способностям (12; 27)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Ясновидцы	-	Провидец

По отсутствию ума, способностей, по средним способностям (12; 28)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бестолочи 2. Глупый 3. Дубина. 4. <i>Дуболом</i> 5. Дура 6. Дурочка 7. Дурак 8. Дурачок 9. Дурень 10. Идиот 11. <i>Лопухонькие</i> 12. Межеумки 13. Недоумок 14. Несмышленьиш 15. Олух царя небесного 16. Остолоп 17. Полудурки 18. Придуток 19. <i>Толстодум</i> 20. Тупица	1. Балда 2. <i>Баран</i> 3. Бестолочь 4. <i>Бык с куриной головой</i> 5. Глупышки 6. Долдон (Иваныч) 7. Дубина 8. Дура 9. Дурак 10. Дурачок 11. Дурень 12. Дуреха 13. <i>Дурило</i> 14. <i>Дурной</i> 15. <i>Дуролом</i> 16. Дурочка 17. Идиот 18. Идол 19. <i>Контуженный пыльным мешком из-за угла</i> 20. Кретин 21. <i>Малахольный</i> 22. <i>Меринок</i> 23. Недоумок 24. Несмышленьиш 25. Осел 26. Остолоп 27. Пень дремучий 28. Полудуток 29. Придуток 30. <i>Тункель</i> 31. <i>Чурбак</i> 32. <i>Чурка</i>	1. Балбес 2. <i>Бестолковая</i> 3. Дура 4. Дурак 5. Дурачок 6. Дуреха 7. <i>Малахольный</i> 8. Несмышленьиш 9. Остолоп 10. Пень замшелый 11. Простофиля 12. <i>Тюха</i>

По обладанию знаниями, умениями, мастерством, опытом или по их отсутствию

Общие обозначения

По обладанию знаниями, мастерством, опытом (12; 29)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Знаток 2. Мастак 3. Мастер 4. Мастерница 5. Работник 6. Работница 7. <i>Работнички</i> 8. Спец 9. Специалист 10. Умелец	1. Дока 2. Мастак 3. Мастер 4. Работник 5. Собака (перен.) 6. Умелец	1. Мастак 2. Мастер 3. Мастерница 4. Профессор-специалист 5. Работник 6. Работница 7. Работничек 8. Ценитель

По отсутствию знаний, умений, опыта, по их недостаточности (12; 30)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 8	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Темнота.	1. Новичок 2. Самоучка 3. Темнота деревенска	1. Новичок 2. Полорукие 3. Путаник
<i>По неопытности и незрелости</i>		
1. Соплюха 2. Сосунок	1. Молокосос 2. Сопляк 3. Сосун 4. Сосунок 5. <i>Шшенок</i>	Сопляк

В интеллектуальной сфере, в сфере собственно знания (12; 31)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
	Законник	-
<i>По владению или невладению языком, письмом, грамотой</i>		
Грамотей	1. Грамотей 2. Писака	1. Безграмотный 2. Грамотей 3. Грамотный 4. <i>Чтей-грамотей</i>

В разных частных видах деятельности, знания (12; 32)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Вояка 2. Джигиты (базарные)	1. Наездница 2. Стрелок	-
<i>В домашнем быту, рукоделии</i>		
1. Хозяин 2. Хозяйка	1. Хозяин 2. Хозяйка	1. Хозяин 2. Хозяйка

По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами

По чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими чертами характера

Героизм, удалство, подвижничество, приверженность правде, закону, свободе (13; 33)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Герой 2. <i>Ерой</i> 3. <i>Киногерои</i> 4. Законники 5. Молодец 6. <i>Непобедимый</i> 7. Удалец	1. Герой (Советского Союза) 2. Законник 3. <i>Льцарь (самодельный)</i> 4. Молодец 5. Орел 6. <i>Отчаюга</i> 7. Правдолюб 8. <i>Смелый</i> 9. Смельчак 10. Храбрец	1. Герой 2. <i>Отважный</i> 3. Смельчак
<i>Умеренность, подвижничество</i>		
	1. Подвижник	Праведница

Доброта, доброжелательность, бескорыстие (13; 34)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Добрячка	1. <i>Бескорыстные</i> 2. <i>Джельтмен</i> 3. Джентельмен 4. Джентльмен 5. <i>Добрые</i> 6. <i>Жельтмен</i>	<i>Добрый</i>

Трудолюбие, труженичество, аккуратность, усердие, заботливость, деловитость, любознательность (13; 35)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Заботница</i> 2. <i>«Чистотка»</i>	1. Любопытные 2. Семьянин 3. Хлопотунья 4. <i>Шива (Он потому и Шива, что везде сует свой нос)</i>	-
<i>Труженичество</i>		
1. <i>Конь (ломовой)</i> 2. Трудяга	1. Ишак (перен.) 2. Трудяга 3. Труженик	1. Трудяга 2. Труженица

Смирение, скромность, простота, наивность (13; 36)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Лопух (перен.) 2. <i>Простодыра</i> 3. Простофиля 4. Скромница 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Бесхитростные</i> 2. <i>Валенок (сибирский)</i> 3. Провинциал 4. <i>Простодушные</i> 5. <i>Смиранный</i> 6. <i>Телок (перен.)</i> 7. <i>Тихушница</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Послушница 2. Простак 3. Простота 4. <i>Простуша</i> 5. Ребенок 6. Тихоня

Непоседливость, ловкость, бойкость, веселость, общительность, озорство (13; 37)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Баловень 2. Бес 3. Бродяга 4. Зубоскал 5. Зубоскалка 6. <i>Муха</i> 7. Оголец 8. Озорник 9. <i>Оторви-головы</i> 10. <i>Оторвы</i> 11. <i>Отчаюги</i> 12. <i>Просмешницы</i> 13. Разбойник 14. Скиталец 15. Сорвиголовы 16. Сорванец 17. Ухари 18. Хохотуны 19. Хохотунья 20. <i>Хохотуша</i> 21. Чертенята 22. <i>Шпанята</i> 23. <i>Шустряга</i> 24. Шутники 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бес 2. <i>Духарь</i> 3. Зубоскал 4. Игрунья 5. Комик (перен.) 6. <i>Летящая по волнам</i> 7. <i>Попрыгунчик</i> 8. <i>Пройдисвет</i> 9. Разбойник 10. <i>Расторопный</i> 11. Скиталец 12. Сорванцы 13. Ухарь 14. Хохмач 15. Хохотушка 16. Чертенок 17. Шкодник 18. Шалунишка 19. Шутник 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Веселый</i> 2. Заводила 3. <i>Пройдисвет</i> 4. Разбойник 5. Хохотушка

Угрюмость, нелюдимость (13; 38)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Бука букой (перен.)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бука 2. Зверь 3. <i>Мрачный</i> 4. Сыч 	Бука (перен.)

Педантичность, щепетильность, формализм (13; 39)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Моралисты	1. Бюрократ 2. Волокитчик 3. <i>Крючок конторский</i> 4. Чиновник (перен.)	-

Мелочность, надоедливость, привередливость (13; 40)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Привередница	Зануда	-

Своеволие, деспотизм, властолюбие, бунтарство (13; 41)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Враженьята</i> 2. <i>Вредины</i> 3. Неслух	<i>Бесконвойный</i> Командир	Упрямец

Эгоизм, хвастовство, бахвальство, заносчивость (13; 42)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Умники 2. Хвастун	1. <i>Баронка</i> 2. Воображалы 3. Хвастун 4. Хвастунишка 5. Эгоист 6. Эгоистка	1. <i>Гордей</i> 2. <i>Козырь</i> 3. <i>Турсук</i> 4. Выскочка

Чудачество, оригинальничанье, легкомыслие, щегольство, манерничанье (13; 43)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Безумец 2. <i>Вертижопка</i> 3. Вертопрах 4. Ветрогон 5. <i>Ветродуй</i> 6. <i>Паясники</i> 7. <i>Подергушка</i> 8. Форсун 9. Фифа	1. Вертихвостка 2. Пижон 3. Попугай 4. Свистун 5. <i>Сосулька</i> 6. Стиляга 7. Финтифлюшка 8. Фифочка 9. <i>Фифычка</i> 10. <i>Ходячий анекдот</i> 11. Чудак 12. Чудак-человек 13. Чудик 14. <i>Шалаболка</i> 15. Шут	1. <i>Божья коровка</i> 2. <i>Ветродуиха</i> 3. <i>Свиристелка</i>

Неаккуратность, медлительность, нерасторопность, невнимательность, неловкость, суетливость (13; 44)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Гулеваны</i> 2. <i>Колупай</i> 3. <i>Полуношник</i> 4. <i>Разгильдяи</i> 5. <i>Размазня</i> 6. <i>Растяпа</i> 7. <i>Тетеря</i> (перен.) 8. <i>Увалень</i> 9. <i>Уворотень</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Губошлеп</i> 2. <i>Размазня</i> 3. <i>Халда</i> 4. <i>Чумичка</i> 5. <i>Шляпа</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Истукан</i> 2. <i>Медведь</i> (перен.) 3. <i>Нескладень</i> 4. <i>Разиня</i> 5. <i>Размазня</i> 6. <i>Расхляба</i> 7. <i>Недотепа</i>

Леность, праздность, безделье, тунейдство (13; 45)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Барин</i> (перен.) 2. <i>Бездельник</i> 3. <i>Белоручка</i> 4. <i>Гулена</i> 5. <i>Гуляка</i> 6. <i>Дармоед</i> 7. <i>Захребетники</i> 8. <i>Лежебока</i> 9. <i>Лоботряс</i> 10. <i>Мироед</i> 11. <i>Обормот</i> 12. <i>Охламон</i> 13. <i>Шатун</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Барыня</i> 2. <i>Бездельник</i> 3. <i>Дармоед</i> 4. <i>Лоботряс</i> 5. <i>Лодырь</i> 6. <i>Обормот</i> 7. <i>Охламон</i> 8. <i>Паразит</i> 9. <i>Паразитка</i> 10. <i>Шалопай</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Барыня</i> 2. <i>Лентяй</i> 3. <i>Лоб</i> (перен.) 4. <i>Лодырь</i> 5. <i>Отик</i> 6. <i>Подъедала-подпивала</i> 7. <i>Загулявший</i> 8. <i>Лоботряс</i>

Развратность, волокитство, мотовство, беспутство, пьянство (13; 46)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Блудники</i> 2. <i>Блудница</i> 3. <i>Блядишшы</i> 4. <i>Блядун</i> 5. <i>Кобель</i> 6. <i>Лярва</i> 7. <i>Михрютка-лярва</i> 8. <i>Потаскушка</i> 9. <i>Прелюбодей</i> 10. <i>Прости-господи</i> 11. <i>Сладострастник</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Бабник</i> 2. <i>Донжуан</i> 3. <i>Кобель</i> 4. <i>Кот</i> (пакостливый) 5. <i>Кутила</i> 6. <i>Лярва</i> 7. <i>Паша</i> 8. <i>Ухажер</i> 9. <i>Шлюха</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Беспутный</i> 2. <i>Блудня</i> 3. <i>Меткачи</i> 4. <i>Развратница</i>
<i>Пьянство</i>		
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Выпивоха</i> 2. <i>Забулдыга</i> 3. <i>Пропойца</i> 4. <i>Пьяница</i> 5. <i>Пьянчуга</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Алкаш</i> 2. <i>Выпивоха</i> 3. <i>Глот</i> 4. <i>Забулдыга</i> 5. <i>Запойник</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Пьяница</i> 2. <i>Пьянчужка</i> 3. <i>Рюмочница</i>

6. Пьянчужка	6. Подзаборник 7. <i>Пьющий</i> 8. Пьяница 9. Пьянчуга	
--------------	---	--

Жадность, скарედность, стяжательство, торгашество (13; 47)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Жадюга 2. Куркули 3. Скупердяй 4. Стяжатели 5. <i>Шкуродер</i>	1. <i>Жадные</i> 2. Крохобор 3. Крохоборка 4. <i>Кулацкая морда</i> 5. <i>Кулачка</i> 6. Куркуль 7. Левачок 8. <i>Подкулачник</i> 9. Потребительница 10. <i>Пуыр</i> 11. Скрыга 12. Скупердяй 13. Стяжатель 14. <i>Сундук плетеный</i> 15. Торгаш 16. Тряпошница 17. Шкура	Шкура

Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность (13; 48)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Артист (перен.) 2. <i>Артис</i> (перен.) 3. Выжига 4. Гусь (перен.) 5. Деляга 6. <i>Жиган</i> 7. Жох 8. Изуит 9. Лизоблюд 10. Кликуша (перен.) 11. Лиса Патрикеевна (перен.) 12. Ловкач 13. Мошенник 14. Плут 15. Подхалим 16. Прилипалы 17. Проньера 18. Симулянт 19. <i>Стрикулиски</i> 20. <i>Хитрован</i>	1. Актриса 2. Гаврик 3. Грязный 4. Гусь 5. <i>Гусь-хрустальный</i> 6. Деляга 7. Дока 8. <i>Достигалы</i> 9. Жуки навозные 10. Жулик 11. Исусик 12. Кликуша (перен.) 13. Ловкач 14. Мошенник 15. Обманщик 16. Подхалим 17. Предприниматель 18. Прислужник 19. Приспособленец 20. Притвора 21. Притворяшка	1. Артистка 2. Гусь 3. Обманщица 4. Пройдоха 5. Самозванец 6. Фокусница

21. Хитрюга 22. Холуй (перен.) 23. Шаромыжка (прост.) 24. <i>Шаромыжники</i> 25. Шельма	22. Прохиндей 23. Святоша 24. Хитрец 25. <i>Хитрые (наиболее)</i> 26. Шельма 27. Шулер	
---	---	--

Лживость, доносительство (13; 49)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Брехло 2. <i>Вруша</i> 3. Сплетники 4. <i>Посказитель</i> 5. <i>Пустобрех</i> 6. <i>Хлопуша</i>	1. Брехун 2. Враль 3. Звонарь 4. Очковтиратель	1. Вруша 2. <i>Обещалкина</i>
<i>Доносительство</i>		
1. Доносчик 2. Кляузники	Кляузник	

Безволие, покорность, зависимость, робость, избалованность, плаксивость, недоверчивость, ревнивость, трусость (13; 50)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ревун 2. Трус 3. <i>Хлюзда</i>	1. Нюня 2. Овца (перен.) 3. Размазня 4. <i>Размазнятеля</i> 5. Ревушка 6. <i>Робкий</i> 7. Слизняк (перен.) 8. Слюнтяй 9. <i>Теленочек</i> 10. <i>Теля</i> 11. Трус 12. Тряпка 13. <i>Трясун</i>	1. Овцы 2. Трус 3. <i>Хлюзда</i>

Насмешничанье, критиканство, сутяжничество, вздорность, драчливость (13; 51)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы ⁹	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Архаровец 2. Бандит 3. Вояка (<i>перен.</i>) 4. Драчуны 5. Забияка 6. Хулиган 7. <i>Фулюган</i>	1. Баламут 2. Безобразник 3. Буян 4. Воин (перен.) 5. Демагог-кляузник 6. Петухи 7. Скандалист 8. <i>Склочные</i> 9. Хулиган	1. Баламут 2. Вояка 3. Насмешница

Бесчувственность, жестокость, злобность, злодейство (13; 52)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Аспид 2. <i>Варнак</i> 3. <i>Варначишиша</i> 4. <i>Варначина</i> 5. Живоглот 6. Живодер 7. Зверина (перен.) 8. Злодей 9. Злыдень 10. Змей 11. Змеина 12. <i>Искарриот</i> 13. <i>Костолом</i> 14. <i>Кровопивец</i> 15. <i>Кровопиец</i> 16. Лиходей 17. Супостат 18. <i>Язва (перен.)</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Варнак</i> 2. Горилла 3. Жаба 4. Живодер 5. Злодей 6. Злодейка 7. <i>Злые</i> 8. Змей 9. Змея подколодная 10. Карга 11. Лиходей 12. Собака (перен.) 13. <i>Ястреб (перен.)</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аспид (перен.) 2. Ведьма 3. Зверь (перен.) 4. Зверюга (перен.) 5. Изверг 6. Ирод 7. Хищники-разбойники 8. Язва

Невоспитанность, неразвитость, грубость, подлость (13; 53)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Блудня (криночная)</i> 2. Вахлак 3. Выродок 4. Гад (перен.) 5. Гнида (перен.) 6. Зараза 7. Нахал 8. Пакостник (разг.) 9. Подлец 10. Проходимец 11. Сволочь 12. <i>Срамец</i> 13. <i>Страмина</i> 14. Стервец 15. Тварь. 16. <i>Шакал</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Бессовестные</i> 2. Бесстыдник 3. Бесстыдница 4. Варвар 5. Выродок 6. Гад 7. Гадина 8. Гнида 9. <i>Деревенский</i> 10. Деревня «» 11. Животный 12. Зараза 13. <i>Крот</i> 14. <i>Лапоть</i> 15. Наглец 16. Нахал 17. <i>Нахалюга</i> 18. Охальник 19. <i>Падла</i> 20. <i>Поганец</i> 21. <i>Поганка</i> 22. Погань 23. Подлец 24. Подонок 25. Прохвост 26. Проходимец 27. Скот 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Деревня 2. Зараза 3. Негодяй 4. Нехристь/и 5. <i>Нечестивец</i> 6. Стервец 7. Хам

	28. Скотина 29. Солдафон <i>в юбке</i> 30. Стерва 31. Стервец 32. Стервоза 33. <i>Стерьва</i> 34. Сучка (Судьба-сучка) 35. Урод 36. Хам 37. Хамло	
--	--	--

По определенной манере речи, говорения, вообще по манерам, внешним особенностям поведения, по отношению к еде (13; 54)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Балабол 2. Балагур 3. Говорун 4. Горланы 5. Горлопан 6. <i>Крехтун</i> 7. Матерщинник 8. <i>Прибауточник</i> 9. Трепачи 10. <i>Трепачишка</i> 11. Трепло 12. <i>Частобайка</i> 13. <i>Шоптоницы</i> 14. Щebetунья	1. Балаболка 2. Болтун 3. <i>Ботало коровье</i> 4. Горлопан 5. Долдон (Иваныч) 6. <i>Дятел</i> 7. Звонарь 8. Краснобай 9. Крикун 10. <i>Матерщинник</i> 11. Молчун 12. Пустобрех 13. Пустозвон 14. Пустолайка 15. Пустомеля 16. <i>«Сорока»</i> 17. Спорщик 18. Тараторка 19. Трепач 20. Трепло	1. <i>Бурлык</i> 2. Говорун 3. Горлохват 4. <i>Дребезжалка</i> 5. <i>Горлодерка</i> 6. Крикун 7. <i>Охальница</i> 8. Сорока 9. <i>Трекало</i> 10. <i>Трепало</i>
<i>По отношению к еде, по особенностям аппетита</i>		
1. <i>Прорвы</i> 2. Сладкоежки		1. <i>Прорва</i>

Названия лиц по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям

Общие обозначения (14; 55)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Представители 2. Участница (войны) 3. Член	1. Представитель 2. Участник 3. Член	Представитель

По средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, своей среды (14; 56):

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По социальному состоянию, по характерному социальному действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям

По вхождению в партии, общественные движения, административно-хозяйственные объединения, а также по отношению к общественным, идеологическим течениям, движениям

Члены партий, сторонники, последователи общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений (14; 57)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Большевик 2. Декабрист 3. Демократ 4. Коммунист 5. Коммунистка 6. Партеец 7. Партиец	1. Большевик 2. Коммунист 3. Непротивленец 4. Партиец	1. <i>Гарварды (перен.)</i> 2. Гуманисты 3. Коммунист
<i>С компонентом оценки</i>		
1. Комунист 2. Фашисты	Фашист	-

Члены, сторонники молодежных, детских неформальных организаций, движений (14; 58)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Комсомолец Пионер	1. Комсомолец 2. Комсомолка 3. Пионер	-

По вхождению в общественно-экономические, производственно-хозяйственные объединения (14; 59)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Единоличник 2. Колхозник 3. "Коммунар" 4. Кадровик	1. Колхозник 2. «Колхозники-совхозники» 3. <i>Кольхозник</i>	1. Колхозник 2. <i>Леспромхозовские</i>

По сословному положению, по титулованию; по экономическому, правовому состоянию, по положению личного господства или зависимости, по обладанию собственностью

**По сословному положению, по состоянию личного господства или зависимости
По принадлежности к привилегированным слоям общества, к интеллигенции, купечеству (15; 60)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Антелигент 2. Барин 3. Барышня 4. Буржуй 5. Вельможа 6. Господин 7. Джентльмен 8. Купец 9. Рыцарь 10. Самурай 11. Самураишки 12. Эксплуататор 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Барыня 2. Боярин 3. Господин 4. Госпожа 5. Дама 6. Джельтмен 7. Джентльмен 8. Интеллигент 9. Купец 10. Лыцарь (самодельный) 11. Пан 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Барыня 2. Господин 3. Дама 4. Дворяне 5. Капиталист 6. Купец 7. Пан
<i>Светские титулы, звания, титулования</i>		
<ol style="list-style-type: none"> 1. Баронесса 2. Маркиз 3. Маркиза 4. Сиятельства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ваше благородие 2. Герцогиня 3. Граф 4. Князь 5. Сэр 6. Фон-барон 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Князь 2. Княгиня (Ольга)

По принадлежности к правящим, руководящим верхам (15; 61)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
	Технократ	-

По принадлежности к простому народу, к непривилегированным слоям общества (15; 62)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Баба 2. Батрак 3. Батрачка 4. Казак 5. Крестьянин 6. Крестьянка 7. Кулак 8. Кулачка 9. Мужик 10. Подкулачник 11. Подкулачица 12. Пролетарья 13. Работяга 14. Рабочий 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Баба 2. Бедняк 3. Запорожцы 4. Казак 5. Крестьянин 6. Крестьянка 7. Кулак 8. Кулацкая морда 9. Кулачка 10. Плебей 11. Пролетарий 12. Подкулачник 13. Середнячишко 14. Трудяга 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Баба 2. Батрак 3. Казаки 4. Крестьянин 5. Мещане 6. Мужик 7. Мужичонка 8. Трудящиеся

15. <i>Середнячок</i> 16. Трудяга 17. Трудящийся	15. Трудящийся	
<i>Рабы, крепостные</i>		
1. Раб (Божий) 2. Раба (Божья)	1. Раб Божий 2. Раба	1. Крепостная 2. Раба божья

По выходу из какой-н. социальной среды, по перемене такой среды (15; 63)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>«Бывшая»</i> 2. <i>«Бывшие»</i> 3. Отщепенец 4. Разночинец 5. <i>Раскулаченные</i>	Выходец	-

По положению в какой-н. общественной среде, по социальной значимости, авторитету или их отсутствию

По общественной признанности, авторитету, значимости (16; 64)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Шишка	1. Королева полей (перен.) 2. Туз 3. Шишка	Звезда

По отсутствию социальной значимости, по социальной незначительности (16; 65)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Отброс (отсталый деревенский)	1. <i>Нулик</i> 2. Нуль	-

По социально-экономическому положению, по отношению к собственности, к средствам существования

По владению собственностью, имуществом, капиталом, а также по невлладению имуществом, богатством

Общие обозначения (17; 66)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Собственник 2. Хозяин 3. Хозяйка	1. Владелец 2. Хозяин 3. Хозяйка	1. Хозяин 2. Хозяйка

По владению богатством, большой или коллективной собственностью, крупным предприятием, землями (17; 67)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Богатей 2. Богатые 3. Богач 4. Нэпман	Богатый	1. Банкир 2. Богатей 3. Богач 4. <i>Новорус</i>

5. Толстосум		5. Нувориш 6. Толстосум
<i>По владению крупным промышленным или сельскохозяйственным предприятием</i>		
1. Золотопромышленник 2. Мельник		Мельник

По владению небольшим предприятием или заведением, имуществом, грузом (17; 68)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	Хозяин
<i>Владельцы груза, скота, квартиры, усадьбы</i>		
Дачник	-	-

По невлaдению собственностью, богатством (17; 69)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бедный 2. Бедняк 3. Нищий	1. Бедный 2. Бедняк	Бедные

По отношению к средствам существования, к их получению

По социальной устроенности, по способу получения средств существования (17; 70)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Нахлебник 2. Пенсионер 3. Прихлебала 4. Чужестинник	1. Едок 2. Пенсионер 3. Пенсионерка	Иждивенец
<i>Проституция, продажная любовь</i>		
-	-	Путана-мутана

По социальной неустроенности (17; 71)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бездомный1 2. Беспризорник 3. Бродяга 4. Бродяжка 5. Голодранец 6. Голожопик 7. Заплатки (запили) 8. Лоскутки (загуляли) 9. Лоскутники 10. Нищеврод 11. Нищий	1. Голодранец 2. Побирушка 3. Подзаборник 4. Скиталец	1. Бездомный 2. Нищенка 3. Нищий 4. Попрошайка

По отношению к социально-экономическим, административно-правовым действиям и обусловленному ими состоянию

По отношению к платежам, выплатам, вложениям (18; 72)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По отношению к обязательству, договору, поручительству, опеке, наследованию (18; 73)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	Наследник

По отношению к аренде, найму, временному пользованию чем-н. (18; 74)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Квартирант 2. Вербовщик-работодатель	1. Квартирант 2. <i>Поночевщик</i> 3. Постоялец

Названия лиц по отношению к гражданству, к административно-правовым нормам, к закону, суду

По отношению к гражданству, подданству, к избирательному праву (19; 75)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Иностранец	-
<i>По отношению к избирательному праву</i>		
-	-	-

По отношению к административным и другим нормам (19; 76)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Льготник	-
<i>Нарушение правил</i>		
-	-	<i>Провинившийся</i>

По отношению к закону, праву, суду (19; 77)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Допрашиваемый</i> 2. Подследственные 3. Подсудимый	1. Невиновный 2. Подсудимый 3. Свидетельница	1. Потерпевший
<i>По отношению к нелегальной деятельности</i>		
Подпольщик	-	-

По состоянию несвободы (заключение, пленение, арест, исполнение приговора) (19; 78)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Арестанец</i> 2. Арестант	1. Заключение 2. <i>Зэки</i>	1. Арестант 2. <i>Беглец</i>

3. «Рестант» 4. Заключенный 5. Зэк 6. Зычки 7. Каторжник 8. Каторжанец 9. Лишенцы 10. Пересыльные 11. Подконвойный 12. Спецпереселенцы 13. Ссылные	3. Каторжанин 4. Каторжник 5. Лагерник 6. Сибулонцы 7. Сиделец	3. Каторжник 4. Ссылный
<i>Пленные</i>		
1. Военнопленные 2. Пленный	-	Язык

**По отношению к противозаконному действию, к преступлению
Общие обозначения (19; 79)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Блатные 2. Блатняки 3. Преступник	1. Блатной 2. Преступник 3. Преступница	1. Преступник 2. Преступница 3. Уголовный

Воровство, грабеж, насилие, диверсия, казнокрадство, взяточничество и другие нарушения закона (19; 80)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бандит 2. Бандюга 3. Вор 4. Воришка 5. Ворюга 6. Воровка 7. Враг народа 8. Вредитель 9. Громила 10. Диверсант 11. Жулик 12. Жульман 13. Карманник 14. Мазурик 15. Налетчик 16. Пират 17. Поджигатель 18. Разбойник 19. Тать 20. Урка 21. Уркаган 22. Ушкуйник	1. Вор 2. Ворюга 3. Враг народа 4. Грабитель 5. Мошенник 6. Поджигатель 7. Разбойник 8. Урка 9. Уркаган 10. Ширмач	1. Бандит 2. Вор 3. Воровка 4. Вредительша 5. Грабитель 6. <i>Зажигатель</i> 7. <i>Мужики-пожогщики</i> 8. «Поджигатели» 9. <i>Пожогщики</i> 10. <i>Тать</i> 11. Урка
<i>Казнокрадство, вымогательство, взяточничество</i>		
Шантажисты	Взяточник	-

	Растратчик	
--	------------	--

Убийство, самоубийство (19; 81)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Убийцы	Самоубийца	Убийца

По окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием

По состоянию – результату чужого действия, поступка, отношения

Выдвижение, поддержка (20; 82)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Избрание, приглашение, доверие (20; 83)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Гость	Приглашенный	Приглашенные <i>НП</i>

Выселение, переселение (20; 84)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Вакуированный 2. Выселенцы 3. Переселенец 4. Самоход 5. Спецпереселенец 6. Чугреи 7. Эвакуированный	Эвакуированные	Подселенка

Воспитание, обучение, забота (20; 85)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Детдомовец	-	-

Обращенное на лицо поклонение, любовь, потворство (20; 86)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Баловень 2. Кумир	1. Богиня 2. Героиня	Герой

Изгнание, бесправие, приписывание вины, измена (20; 87)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>С компонентом оценки</i>		
-	1. Посмешище 2. Рогоносец	-

**По состоянию – результату собственного действия, поступка именуемого лица, а также по отнесенности к какому-н. событию
Волеизъявление, притязание на что-н. (20; 88)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Состояние внутренней или внешней свободы или зависимости (20; 89)

В.П. Астафьев «Последний поклон» 3	В.М. Шукшин Рассказы 3	В.Г. Распутин Рассказы и повести 6
1. Слуга – 3 2. Ответчик – 1 3. Хозяин – 4	1. Владыка мира 2. Госпожа 3. Ответчик (разг.)	1. Невольница <i>Н-н</i> 2. Судия (устар. высок.) (недремный) 3 3. Хозяин <i>ПМ</i> 4. Хозяин-барин <i>ПМ</i> 5. Хозяйка <i>ЖР, ПМ</i> 6. Сариса <i>ЖР</i>

Обладание или необладание удачей, счастьем (20; 90)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Горемыка 2. Горюн 3. Горюшко 4. Неудачник	1. Бедняк 2. <i>Горе ты мое горькое</i>	1. <i>Бедненький</i> 2. Бедняга 3. Горюн 4. Несчастный 5. <i>Христовенький /ая</i>

Обладание или необладание лидерством, победой, преимуществом в чем-н. (20; 91)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Победитель	Победитель	-
<i>По отношению к награде, знакам отличия</i>		
Награжденные – 1	1. Кавалер (Егорьевский) 2. Лауреат	-

Отнесенность к общественному событию, ситуации (20; 92)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Жертва 2. Мученики 3. Мученицы	Жертва	Жертва <i>Пострадалец</i> Смертник

Отношение к какой-нибудь дате, моменту именуемого лица (20; 93)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Именинник 2. Именинница	-	Именинница

По характерному или разовому действию, поступку, функции

**Создание, преобразование, совершенствование, поиск, сохранение или уничтожение
Основание, создание, освоение, начинание, преобразование (21; 94)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Покорители 2. Организатор 3. Строители (перен.)	1. Организатор 2. <i>Подрядчик</i>	Строители коммунизма (перен. ирон.)
<i>Начинание, зачин</i>		
-	-	Виновник торжества <i>Посеявшие</i>

Поиск, исследование, обнаружение; сбережение, уничтожение (21; 95)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Охранители (передовой морали)	-	-
<i>Уничтожение, разрушение, нарушение</i>		
1. Истребитель-артиллерист 2. Ликвидаторы 3. Нарушитель 4. Разоритель	-	-

Воздействие, влияние (21; 96)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Истязатель 2. Мучитель 3. Осквернитель 4. Погубитель 5. Разлучница	1. Искуситель 2. <i>Ксплотаторша</i>	1. <i>Виноватый</i> 2. <i>Выгоняла</i> 3. <i>Приворотень (старуший)</i>
<i>По положительному воздействию, влиянию</i>		
Миротворец	1. Вдохновитель 2. Миротворец	-

Главенствование, руководство, направление, распоряжение (21; 97)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Распорядитель 2. Руководитель 3. Руководительница (классная) 4. Хозяин 5. Хозяйка	1. Глава 2. Главный (главврач) 3. <i>Ответственные</i> 4. Руководитель	1. Главный 2. Лидер 3. Предводитель 4. Распорядитель 5. Руководитель 6. Старшие 7. Хозяин 8. Хозяйка
<i>С компонентом оценки</i>		
1. Главварь 2. Заправила	1. Атаман 2. Душа	1. Атаман

Представительство, посредничество, исполнительство (21; 98)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Командированный</i> 2. Посланцы 3. Уполномоченный	1. Посредник 2. Представитель (власти) 3. Сводник 4. Сводня 5. Уполномоченный	1. Посланница 2. Представитель (из района) 3. Уполномоченный 4. Нарочный 5. Посланник 6. Посыльный

Наставление, пестование (21; 99): 12

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Наставник – 4 2. Наставитель (идейный) (устар.) – 1	Наставник	Воспитательница 3

Забота, вскармливание, исцеление, жертвование (21; 100)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Добытчик 2. Кормилец	1. Кормилец 2. Мамка 3. Поилец	1. Кормилец 2. Кормилица-поилица
<i>Дарение, жертвование</i>		
-	-	-

Встреча, контакт, посещение (21; 101)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Встречающие 2. Гость 3. Гостеньки 4. Гости 5. Провожающие	1. Гость 2. <i>Неурочный</i> 3. Посетитель	1. Гость 2. Гости 3. Завсегдатай
<i>Вручение, предъявление, показ</i>		
-	-	-

Сопровождение, охранение, преследование, тайное наблюдение (21; 102)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	<i>Провожающие</i>	1. Проводник 2. Провожатый 3. <i>Провожающие</i>
<i>Тайное наблюдение</i>		
-	Шпион	-

Помощь, защита, содействие, попустительство, преемственность (21; 103)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Благодетели	1. Заступник	1. Заступник

2. Благотельница 3. Защитник (Родины) 4. Опора (перен.) 5. Освободители 6. <i>Поддержка</i> 7. Покровители 8. Помощник 9. Помощничек 10. Помощница 11. Потатчик 12. Приспешники 13. Радетели	2. Помощник 3. Радетель	2. Заступница 3. <i>Затычка</i> 4. Защитничек 5. Помощник 6. Помощница
<i>Замена, преемственность</i>		
-	-	-

Измена, предательство, отступничество (21; 104)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Изменщик	Предатель	-

Выражение протеста, борьба, демонстрация; агрессия, захват, расправа Участие в борьбе, в общественном протесте, в демонстрации (21; 105)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Борец 2. Мятежник 3. Повстанец	Борец	-
<i>Участие или неучастие в забастовке, пикете, демонстрации</i>		
-	-	-

Участие в агрессии, захвате, расправе, экспроприации, в пособничестве врагам (21; 106)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Завоеватель 2. Захватчик 3. Оккупанты	-	<i>Набежники (из совхоза)</i>

Передача, получение или восприятие информации

Передача или получение истинной информации

Общие обозначения: собственно информирование, получение информации или ее передача (22; 107)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Корреспондент 2. Корреспондентка 3. Осведомитель 4. Рассказчик	Вестник

Информация, обращенная к аудитории; участие в беседе, споре (22; 108)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Оратор 2. Ораторша 3. Собеседник 4. Собеседница	1. Собеседник 2. Спорщик	Спорщик
<i>Провозглашение, распространение идей, знаний</i>		
	Проповедник	Проповедник

Информация-истолкование, объяснение (22; 109): 9

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Информация-заявление, просьба, жалоба, изобличение или похвала (22; 110)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Критик 2. Обвинители 3. Проситель	-
<i>Похвала</i>		
-	-	-

Передача информации заведомо ложной, порочащей, анонимной либо информации-предсказания или разгадки, подсказки**Заведомо ложная, порочащая, анонимная информация (22; 111)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Предсказания, разгадки, подсказки (22; 112)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Советчик 2. Указчик	1. Советчик 2. Указчик	-

Восприятие информации (22; 113)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Свидетель 2. Слушатель 3. Читатель	1. Зрители 2. Свидетель 3. Свидетельница 4. Слушатель 5. Читатель	1. Наблюдавшие 2. Очевидец 3. Помники 4. Свидетель 5. Слушатель

По личным, общественным отношениям, связям

По отношениям родства, свойства, породнения

Общие обозначения (23; 114)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Близкий 2. <i>Отросток</i> 3. Потомок 4. Праотец 5. Родственник 6. Родич 7. Сродник 8. Родственница 9. Свойственник 10. Свояк	1. Потомок 2. <i>Прадед</i> 3. Родня 4. Родственник 5. Родственничек	1. Близкие 2. <i>Родной</i> 3. Родственник 4. Родственница 5. Свой

Собственно названия родства, свойства, породнения (23; 115)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Баба (Баб! Ба-аб! - ба-бушка) 2. Баба (то же, что жена) 3. Бабка 4. <i>Бабонька (Ба-абонька-а!)</i> 5. Бабушка 6. Батюшка 7. <i>Баушка</i> 8. Брат 9. Братан 10. Братец 11. Братик 12. Братишка 13. Внук 14. Внучек 15. Внученька 16. Внучка 17. Глава рода 18. Глава семейства 19. Деверь 20. Дед 21. <i>Деда</i> 22. <i>Дедонька</i> 23. Дедушка (дедушко) 24. <i>Доча</i> 25. Доченька 26. Дочка 27. Дочь 28. Дядюшка 29. Дядя 30. Жана	1. Баба (бабушка) 2. Баба (жена) 3. Бабка 4. Бабушка 5. Батька 6. Батюшка 7. Батя 8. Брат 9. Братаны 10. Брательник 11. Братик 12. Братишка 13. Братка 14. Внук 15. Внучата 16. Внучатки 17. Внучек 18. Внучка 19. Дед 20. <i>Доча</i> 21. Доченька 22. Дочка 23. Дочь 24. Дяденька 25. Дядя 26. Жена 27. <i>Жоны</i> 28. Зятек 29. Зять 30. Крестный 31. Кум 32. Мама	1. Баба 2. <i>Бабенок</i> 3. Бабка 4. Бабуля 5. Бабушка 6. Батюшка 7. Брат 8. Братишка 9. Внук 10. <i>Внука</i> 11. Внучата 12. Внученька 13. Внучка 14. Внучонок 15. <i>Девчонка-правнучонка</i> 16. Дед 17. Дедушка 18. <i>Дочь</i> 19. Дочь 20. Дядюшка 21. Дядя (<i>дядья</i>) 22. Жена 23. Зять 24. Мама 25. Мамка 26. <i>Мамынька</i> 27. Матерь 28. Матушка 29. Мать 30. Мачеха 31. <i>Мой</i> 32. Муж

31. Жена	33. Мамаша	33. Муженек
32. Желушка	34. «Мамка»	34. Мужик
33. Жинка	35. Мамочка	35. Невестка
34. Золушка	36. Матеръ	36. Отец
35. Зять	37. Мать	37. Папа
36. Крестная	38. Мать-старушка	38. Папка
37. Крестник	39. <i>Моя</i>	39. Племянница
38. Крестничек	40. Муж	40. Правнучка
39. Кум (<i>Кумэ</i>)	41. Муженек	41. Прадед
40. Кума	42. Невестка	42. Родитель
41. <i>Лелька</i>	43. Отец	43. <i>Сам</i>
42. Мама (мам)	44. Отчим	44. Сват
43. Мамка	45. Папа	45. Сватья
44. Мамонька	46. Папаня	46. Свекор
45. Мамочка	47. Папаша	47. Свекровь
46. <i>Матуха</i>	48. Папка	48. <i>Свой</i>
47. Матушка	49. Папочка	49. <i>Своя</i>
48. Мать	50. Племянник	50. Свояк
49. Мачеха	51. Племянница	51. Свояченица
50. <i>Мнучек</i>	52. Племянничек	52. Сестра
51. <i>Мнученочек</i>	53. Племяш	53. Сестренка
52. Муж	54. Половина	54. Сестричка
53. Муженек	55. Родитель	55. Сын
54. Мужик	56. Сват	56. Сынок
55. Невестка	57. Свекровь	57. Сыночек
56. Отец	58. Свояк	58. Тетка
57. Папа	59. <i>Своячок</i>	59. Тетка
58. Папаша	60. Сестра	60. Тетушка
59. Папка.	61. Сестренка	61. Тетя
60. Папуля	62. Сеструха	62. Теща
61. Пасынок	63. Сноха	63. Тятка
62. Племянник	64. Супруга	64. Тятя
63. Племянница	65. Супружница	65. <i>Хвост (перен.)</i>
64. Племянничек	66. Сын	66. Хозяин
65. Племяш	67. Сынишка	67. Хозяйка
66. Побратим	68. Сынок	
67. Прабабка	69. Сыночек	
68. Прабабушка	70. Тесть	
69. Прадед	71. Тестюшка	
70. Родитель	72. Тетка	
71. Родительница	73. Тетя	
72. «Сам»	74. Теща	
73. «Сама»	75. Тятя	
74. Сват	76. Хозяин	
75. <i>Свекр</i>	77. Хозяюшка	
76. Свекровка		
77. Свекровь		
78. Свояченица		
79. Сестра		
80. Сестренка		
81. Сестрица		
82. Сеструха		

83. Супруг 84. Супруга 85. Сын 86. Сынишка 87. Сынок 88. Сыночек 89. «Сяма» 90. Тетка 91. Тетушка 92. Тетя 93. Тятенька (тя-а-атенька-а-а) 94. Тятка 95. Тятя 96. Хозяин 97. Хозяйка 98. Хресная 99. Хресник 100. Хресный 101. Шурин 102. Шуряк		
<i>С дополнительной характеристикой по социальному, сословному положению</i>		
1. Генеральша (разг.) – 1. 2. Декабристки – 1. 3. Купчиха (разг.). – 2. 4. Куркулята. – 1. 5. Матросенок. – 1. 6. Морячка. – 1. 7. Попадья – 1. 8. Солдатки – 1. 9. Царевич – 1	1. Генерал-адмиральша 2. Княжна 3. Царевна	Солдатка (разг.) ЖП

По семейному положению, по состоянию в браке, по месту или положению в семье (23; 116)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бобыль (перен.) 2. Вдова 3. Вдовушка 4. Матрона 5. Полужена-полувдова 6. Примак 7. Сирота 8. Сиротинка 9. Сиротиночка 10. Сиротинушка 11. Сиротка 12. Сырые	1. Вдова 2. Вдовуха 3. Женатик 4. Разведенка 5. Семьянин 6. Сирота 7. Сиротинка 8. Сиротиночка 9. Сиротка	1. Безмужняя 2. Бобыль 3. Вдова 4. Вдовица 5. Вдовушка 6. Мать-одиночка 7. Одиночка 8. Приемьш 9. Семейные 10. Сирота 11. Сиротинушка
<i>По положению в семье</i>		
1. Младшенький 2. Старший 3. Старшенький	1. Меньшой 2. Младшенький 3. Младший	1. Заскребыш 2. Заскребушка 3. Младшенький

4. Старшой 5. Отрезанный ломоть	4. Старшая 5. Старший	4. Младшая 5. Младший 6. Первенец 7. <i>Средний</i> 8. Старшая 9. Старший
------------------------------------	--------------------------	--

По неродственным отношениям, связям, по сопоставлению между кем-н.

**Любовные отношения, сватовство, знакомство, дружба, союз, соперничество, вражда
Любовные отношения, ухаживание (23; 117)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Жених 2. Кавалер 3. Любимый 4. Возлюбленный 5. Милый 6. <i>Милай</i> 7. Милая 8. <i>Мила</i> 9. <i>Милаха</i> 10. Милка 11. Невеста 12. <i>«Нелюбые»</i> 13. Обожатель 14. <i>Постылый</i> 15. <i>«Предмет сердца»</i> 16. Ухажерка 17. <i>Шевелилка</i> 18. <i>Шмара</i>	1. <i>Бычок (перен.)</i> 2. Жених 3. Зазноба 4. Кавалер 5. Краля 6. Любимая 7. Милая 8. Милый 9. Миленький 10. <i>Милка</i> 11. Невеста 12. Поклонник 13. Сударка 14. Сударушка 15. <i>Сударчик</i> 16. <i>Хахалиха</i> 17. Хахаль	1. Кавалер 2. Миленький 3. Невеста 4. Парень 5. Суженый 6. Ухажер
<i>Сожительство, внебрачные отношения</i>		
1. Любовница 2. <i>Полюбовница</i> 3. Снохарь	1. Любовник 2. Любовница 3. <i>Маруха</i>	-

Сватовство, участие в свадебном обряде (23; 118)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Сват	Дружка

Близость, знакомство или чуждость, неизвестность (23; 119)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Знакомая 2. Знакомый 3. Незнакомец 4. Посторонние 5. Чужие	1. <i>Ближайшие</i> 2. Ближние 3. Знакомый 4. Посторонние 5. <i>Пришей-пристебай</i> 6. Чужой	1. <i>Встречный</i> 2. Знакомый 3. Знакомец 4. Незнакомая 5. <i>Неродные</i> 6. Посторонняя

		7. Свои, свой 8. Чужачка 9. Чужой
--	--	---

Дружба, вражда, соперничество, союз (23; 120)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Враг (<i>врази</i>) 2. <i>Враженята</i> 3. <i>Вражина</i> 4. Друг 5. Дружок 6. Кореш 7. Корешок 8. Недруг 9. Подруга 10. Подружка 11. Подруженька 12. <i>Покрученник</i> 13. Приятель 14. <i>Противная сторона</i> 15. Противник 16. <i>Супротивник</i> 17. Союзник 18. Товарищ 19. <i>Товарки</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Враг 2. Друг 3. Кореш 4. Недруг 5. Подруга 6. Подружка 7. Приятель 8. Соперник 9. Товарищ 10. <i>Товарка</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Враг 2. Друг 3. Дружок 4. Подруга 5. Подружка 6. Приятельница 7. <i>Супротивица</i> 8. Товарищ

Совпадение или противоположность, сходство, несходство в чем-н. (во взглядах, верованиях, в происхождении, во внешности, в именовании, в каких-н. других свойствах) (23; 121)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Одногодок 2. Однофамилец 3. Погодок 4. Ровня 5. Собрат 6. Товарищ 7. <i>Товаришши</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Одногодки 2. Погодки 3. Ровня 4. Тезка 5. Товарка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Брат 2. Неровня 3. Одногодок 4. Пара 5. Ровня 6. Сверстница 7. Современник
<i>По сходству или несходству в происхождении, вере, принадлежности к племени, народности, в месте жительства</i>		
<ol style="list-style-type: none"> 1. Земляк 2. Землячка 3. Односельчанин 4. Односельчанка 5. Соотечественник 6. Чужеземец 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Земляк 2. Землячка 3. Односельчанин 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Земляк 2. Иноземец

По совместному участию в чем-н., по совместному состоянию, по партнерству (23; 122)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Коллега 2. Напарник 3. Напарничек 4. Однокашник 5. Одноклассник 6. Партнерша 7. Попутчики 8. Связчик 9. Сменщик 10. Сменщик 11. Соратник 12. Сотоварищ 13. Сотрудник 14. Сотрудница 15. Сподвижник 16. Спутник 17. Товарищ	1. Дамы 2. Кавалер 3. Коллега 4. Напарник 5. Партнер 6. Попутчик 7. Сокурсник 8. Сослуживец 9. Спутник 10. Спутница	1. Напарник 2. Партнерша 3. Попутчик 4. Сменщик 5. Сосед 6. Соседка 7. Товарищ
<i>По совместному пребыванию в неволе, по совместным асоциальным или подсудным действиям</i>		
Собутыльник	Собутыльник	-

По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям

**Общие обозначения, а также названия, общие для нескольких видов деятельности
Собственно общие обозначения (24; 123)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Деятель 2. Труженик 3. Кадр 4. Работник	1. Деятель 2. Специалист	Работник
<i>с компонентом оценки</i>		
Медицинское светило	1. Ветеран 2. Классик	

По качеству труда, его оцениваемому результату (24; 124)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ударник 2. Ударница	1. Новаторша 2. Передовик 3. Ударник	Ударница
<i>С компонентом отрицательной оценки или безынициативности</i>		
1. Вертухай 2. Летуны 3. Пеночник-мазила	-	Мазила

4. Фоторемесленники		
---------------------	--	--

По условиям труда, по характеру оплаты труда (24; 125)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Вербованные</i> 2. <i>Междомки</i> 3. <i>Сезонники</i>	Сезонник	-

В определенной сфере деятельности

В сфере религии, культов

Служители культа, церкви, их титулы, титулования (25; 126)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Батюшка 2. Долгогривый 3. Звонарь 4. Поп 5. Попик 6. Послушница 7. Скитница 8. Слуга божий 9. Служитель культа	1. <i>Апостол (перен.)</i> 2. <i>Архиерей (перен.)</i> 3. Батюшка 4. Мерин гривастый 5. Митрополит 6. Отец 7. Поп 8. <i>Попяра</i> 9. Проповедник (перен.)	1. <i>Архиерей</i> 2. Батюшка
<i>Титулование</i>		
-	Владыка мира	-

Жрецы, служители древних культов (25; 127)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Шаман	-	1. Шаман 2. Шаманка

Монахи, участники религиозных движений, объединений (25; 128)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Монах 2. Черница	1. Мать 2. Монах 3. Подвижник	-

Прорицатели, колдуны; лица, участвующие в оккультных действиях (25; 129)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ворожея 2. Колдун 3. Колдунья 4. Чернокнижники	Ворожейка	Ведьма

Богомольцы, блаженные, а также названия лиц по отношению к религиозным нормам, по роли в культовых обрядах (25; 130)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Богомолка 2. Богохульник 3. Грешник 4. Грешница 5. Праведник	1. Богомольница 2. Богохульник 3. Грешницы	1. Блажной 2. Богодул 3. Богохул 4. Грешница 5. Кающийся 6. Многогрешливая 7. Праведный
<i>По роли в культовых обрядах</i>		
-	Креститель	-

В сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям

Общие обозначения, а также названия, общие для нескольких групп (26; 131)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Автор 2. Поэт 3. Художник	1. Автор 2. Мастер 3. Маэстро 4. Художник	-

В изобразительном, прикладном искусстве, дизайне, художественном ремесле

В собственно изобразительном искусстве, в архитектуре (26; 132)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 2+1	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Архитектор 2. Художник	Художник
<i>С компонентом оценки</i>		
-	Маляр	-

В художественном моделировании, дизайне, прикладных художественных работах; по сопутствующей деятельности (26; 133)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Фотограф 2. Фоторемесленник	1. Фотограф 2. Художник-фотограф 3. Ювелир	Фотограф
<i>Модели, натурщици</i>		
-	Манекенщица	Фотомодель

В литературе, публицистике; в издательском деле и другой сопутствующей деятельности

Общие обозначения (26; 134)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Писатель – 12	Писатель	Литератор Писатель
<i>С компонентом оценки</i>		
1. «Описыватели» 2. Стихосложители	Писака	-

В собственно литературной, публицистической деятельности (26; 135)

В.П. Астафьев «Последний поклон» 0+1	В.М. Шукшин Рассказы 2+3	В.Г. Распутин Рассказы и повести
	1. Поэт 2. Стихотворец	-
<i>Корреспонденты, репортеры, обозреватели, критики, рекламисты</i>		
Журналист – 2	1. Корреспондент 2. Корреспондентка? 3. Критик?	-

В издательском деле, в деле перевода, работы с текстами, документами (26; 136)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Редактор	-
<i>Переводчики</i>		
-	-	-

В музыкальной, певческой, артистической деятельности, в разных зрелищах

Общие обозначения (26; 137)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Артист 2. <i>Артистки</i> 3. Киноактриса 4. Музыкант	1. Актер 2. Актриса 3. Артист 4. Артистка	1. Актер 2. Исполнители (художественного крика)
<i>С компонентом оценки</i>		
	-	-

В определенном виде деятельности

Артисты, исполнители; бойцы на аренах массовых зрелищ (26; 138)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Гармонист 2. Дирижер (перен.) 3. Капельмейстер 4. Композитор 5. Музыкант 6. Оркестранты 7. Певец 8. Певица	1. Аккордеонист 2. Акробат 3. Акробатка 4. Баянист 5. Гармонист 6. Гитарист 7. Клоун 8. Комик	1. Гитарист 2. Диктор 3. Клоун 4. Певичка 5. Циркачка

9. Плясун 10. Танцоры 11. Фокусник (перен.)	9. Композитор 10. Музыкант 11. Оркестранты 12. Певица 13. Танцовщица 14. Танцор 15. Танцующий 16. Фокусник 17. Циркач 18. Циркачка	
<i>Названия певцов по тембру голоса</i>		
-	-	Бас

Народные поэты, певцы, сказители (26; 139)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Режиссура, постановка, инсценировка; сопутствующая и вспомогательная деятельность в сфере искусства

Режиссеры, постановщики, предприниматели в сфере искусства (26; 140)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Режиссер	-
<i>Предприниматели в сфере искусства</i>		
-	-	-

Сопутствующая и вспомогательная деятельность в сфере искусства (26; 141)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Гример 2. Суфлер 3. Художник-гример	-

В сфере общественной, общественно-политической деятельности, благотворительности

В сфере общественно-политической, профсоюзной деятельности (27; 142)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Активист 2. Активистка 3. Вождь 4. Пионервожатый 5. Пионервожатая 6. Революционер	1. Активист 2. Активистка 3. Профорг	-
<i>С компонентом оценки</i>		
1. Контра (прост. презр.) 2. Фюрер	1. Контрреволюционные элементы 2. Контра 3. Фьюрер 4. Фюрер	-

В сфере благотворительности (27: 143)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В сфере науки, ее практического применения, специальных разысканий, обучения, медицины**Общие обозначения (28; 144)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Теоретики спорта Ученый	Ученый	Исследователь
<i>Сопутствующие, вспомогательные занятия</i>		
-	Лаборантка	Лаборантка

Дипломированные ученые, преподаватели; их звания, должности (28; 145)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Академик 2. Профессор	1. Академик 2. Доктор 3. Доцент 4. Кандидат 5. Кандидатка 6. Профессор	1. Академик 2. Профессор

В сфере науки, специальных разысканий, практических исследований, сопутствующих занятий**В сфере богословия (28; 146)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В сфере гуманитарных, общественных наук, в юриспруденции**Общие обозначения (28; 147)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В определенных областях знаний (28; 148)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Филолог 2. Философ	-
<i>Языковеды</i>		
-	-	-

В сфере экономических наук, статистики; в военных науках (28; 149)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Бухгалтер 2. Плановик 3. Товаровед	-
<i>В военных науках</i>		
-	-	-

**В сфере естественных, точных, инженерных и технических наук и соответствующих технологий, специальных разысканий, практических исследований
Общие обозначения (28; 150)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В сфере наук о человеке, животном и растительном мире, в соответствующих прикладных областях деятельности (28; 151)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>В прикладных областях деятельности</i>		
-	1. Агроном 2. Агрономша	-

В сфере математики, физики, химии, астрономии, наук о Земле, в соответствующих комплексных, смежных науках, технологиях; в области специальных разысканий (28; 152)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Геолог 2. Иолог (геолог) 3. Физик	Геолог

**В сфере инженерных и технических наук, соответствующих технологий, работы с непромышленной техникой
Общие обозначения (28; 153)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Инженер	1. Инженер 2. <i>Инженеришка</i> 3. Техник	Инженер

В определенных областях знаний, отраслях техники (28; 154)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Оператор	Пиротехник	-
<i>Конструирование, проектирование, испытание, вспомогательные работы</i>		
-	1. Изобретатель 2. Инженер-конструктор	-

В сфере практических разысканий, работы на исследовательских аппаратах; перво-проходцы (28; 155)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Космонавт	-

В сфере просвещения, преподавания, обучения

Общие обозначения педагогов (29; 156)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Воспитатель 2. <i>Воспиталки</i> 3. Педагог 4. Преподаватели 5. Учитель 6. Учительница 7. <i>Учителка</i> 8. Учительша	1. Училка 2. Учитель 3. Учительница 4. Учительша	1. Преподаватель 2. Учитель 3. Учительница

Педагоги-специалисты, воспитатели, наставники (29; 157)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Географичка (в речи школьников; прост.) – 1	Физкультурник	<i>Французжанка</i>
<i>Домашние учителя, наставники</i>		
	-	-

Учащиеся, практиканты

Общие обозначения (29; 158)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Студент 2. Учащийся 3. Ученик	1. Студент 2. Студентки 3. Ученик	1. Студент 2. Студентка 3. Ученик

По типу учебного заведения, по специальной подготовке (29; 159)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Гимназистки 2. Школьник 3. Школьница 4. <i>Фэзэошник</i> 5. <i>Фэзэошница</i>	1. Школьница 2. Школяр	Школьник
<i>Аспиранты, практиканты, диссертанты</i>		
Практикант Стажер	Диссертант	-

По учебной специальности (29; 160): 37

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. <i>Географичка</i> 2. Медик	Геолог

По способу обучения, по отношению к учебному процессу, к разряду учащихся, а также по успеваемости (29; 161)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Выпускник 2. Третьеклассница	1. Выпускник 2. Восьмиклассник 3. Новенькая 4. Новенькие 5. Новичок 6. Пятиклассник 7. Старшекурсник	1. Выпускник 2. Девятиклассник 3. Новенькая 4. Старшеклассник 5. Студентка-первокурсница
<i>По успеваемости</i>		
Второгодник	1. Второгодник 2. Отличник 3. Пятерочник	-

В сфере медицины, врачевания, фармакологии, гигиены, парикмахерского искусства**Врачи, целители****Общие обозначения (30; 162)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Врач 2. Доктор 3. Докторша 4. Медик 5. Медицинское светило 6. Фельдшер 7. <i>Фершал</i> 8. <i>Фельдшершика</i> 9. <i>Фельдшершико</i>	1. <i>Белые халаты</i> 2. Врач 3. Врачиха 4. Доктор 5. Лекарь 6. Медик 7. Фельдшер	1. Врач 2. Врачиха 3. Доктор 4. <i>Дохтор</i> 5. Фельдщерица

Врачи-специалисты (30; 163)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Зуботехник</i> 2. Рентгенологи 3. Ритеринар 4. Хирург	1. Акушерка 2. Ветврач 3. <i>Ветфельдшер</i> 4. Хирург	1. Акушерка 2. Ветеринар 3. Хирург

Обиходные, оценочные названия лекарей, а также названия народных целителей (30; 164)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Знахарь	Коновал	-
<i>С компонентом оценки</i>		
-	-	-

Медицинский персонал, фармакологи, гигиенисты, парикмахеры (30; 165)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Няня 2. Парикмахер 3. Санитар 4. Санитарка 5. Сиделка	1. Аптекарьша 2. Аптекарь 3. <i>Медработник</i> 4. Медсестра 5. Нянечка 6. Нянька 7. Няня 8. Санитар 9. Санитарка 10. Сестра 11. Сестричка 12. Фармацевт	1. Массажистка 2. Медсестра 3. Сестра

В сфере власти, служебной, официальной, должностной деятельности

**Верховные правители, монархи, престолонаследники
Общие обозначения (31; 166)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Правитель	Владыка мира	Властитель
<i>С элементами оценки</i>		
1. <i>Геббельсы</i> 2. <i>Гитлеры</i> 3. <i>Горбатые ричарды</i> 4. <i>Наполеоны с бабьими харями</i> 5. <i>Хромые талейраны</i>	-	-

Верховные правители и их титулы; вожди (31; 167)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Король 2. Царь	1. Император 2. Князь 3. Царица (перен.) 4. Царь	1. Князь 2. Царица (перен.) 3. Царь 4. Царь-дерево
<i>Вожди, старейшины</i>		
-	-	-

Престолонаследники; титулования верховных правителей и членов их семей (31; 168)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Цесаревич	1. Принц 2. «Принцесса»
<i>Титулования</i>		
-	Величество	-

**Должностные, официальные лица, чиновники, служащие
Общие обозначения (31; 169)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Служащий 2. Государственный советник юстиции 3 класса 3. Сотрудник 4. Сотрудница	1. Служитель 2. Сотрудник 3. Чины	Чин
<i>в старину в России и странах Востока</i>		
-	-	-

Названия по должности, обязанности, функции

**При правителе, его дворе
Общие обозначения (31; 170)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По определенной должности, положению при правителе, его дворе (31; 171)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>В старину и в старом русском государстве</i>		
-	-	-

Государственные, правительственные деятели, официальные и должностные лица, чиновники, служащие

Общие обозначения: начальники, подчиненные, заместители (31; 172)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Директор 2. Директорша 3. Зав 4. Заведующая 5. <i>Заведушиша</i> 6. Заведующий 7. Зам 8. Заместитель 9. Начальник	1. Администратор 2. Администраторша 3. Главврач 4. Директор 5. Замдиректора 6. Заместитель 7. Начальник 8. Начальница 9. Помощница	1. Директор 2. Заведующий 3. Начальник 4. Председатель

10. Помощник 11. Председатель 12. Предсельсовета 13. Секретарь (крайкома) 14. Сельсоветские 15. Староста	10. Председателишко 11. Председатель 12. Предсельсовета 13. Президент 14. Секретарь (первый, второй)	
<i>По отношениям начальствования, подчинения</i>		
Хозяин (перен.)	1. Гвоздь заглавный 2. Маленькие 3. «Надшефы» 4. Начальник 5. Начальничек 6. «Подшефы» 7. Шеф 8. Шефуня	1. Большие 2. Маленькие

Должностные, выборные лица в государственных структурах, во властных государственно-административных органах, в органах самоуправления

Высшие государственные должностные лица, главы властных органов, государственных служб, органов самоуправления (32; 173)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Губернатор 2. Комиссар 3. Министр 4. Правитель	1. Министр 2. Президент	1. Министр 2. Президент
<i>Только в России</i>		
	-	-

Законодатели, парламентарии, члены руководящих коллегиальных органов (32; 174)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Служащие и официальные представители дипломатических ведомств (32; 175)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Посол	-	-

Служащие в органах безопасности, разведки, надзора, сыска, дознания, спасательной службы; выборные и другие лица, исполняющие соответствующие функции (32; 176)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Сыщик 2. Шпион	1. Осведомитель 2. Следователь 3. Сыщик 4. Шпион	<i>Шпиен (ерманский)</i>
<i>С компонентом оценки</i>		
1. Легавый 2. Легавенький	-	

Служащие, выборные лица в судебных органах, в административно-правовых учреждениях, службах (32; 177)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Прокурор 2. Судья	1. Заседатель 2. Обвинители 3. Прокурор 4. Судья	-
<i>Служащие тюрьмы, исполнители казни</i>		
1. Палач (перен.) 2. Тюремщик (перен.)	-	-

Служащие разных других учреждений, а также предприятий, заведений, общественных органов, вспомогательных хозяйственных служб

**Администраторы, управляющие, старшие по должности
В непроизводственных учреждениях (33; 178)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Главврач 2. Зав. гороно 3. Зав. медпунктом 4. Завуч	1. Главврач 2. Завклубом	Завлаб Проректор

В хозяйственных, производственных учреждениях, службах (33; 179)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бригадир 2. Десятник 3. Зав 4. <i>Завмагазином</i> 5. Завхоз 6. Комендант 7. Лесничий 8. Мастер 9. Прораб	1. Бригадир 2. Завгар 3. Завотделом 4. <i>Завсекцией</i> 5. Завскладом 6. Завхоз 7. Прораб 8. Снабженец	1. Бригадир 2. Десятник 3. Завгар
<i>В частном имени, в поместье</i>		
-	-	1. Приказчик (перен., тот, кто приказывает, начальник) 2. <i>Приказчик</i>

**Лица, исполняющие различные неадминистративные функции
Архивная, канцелярская работа, работа с документами (33; 180)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин
1. <i>Бильбатекарша</i> 2. Писарь	1. Библиотекарша 2. Библиотекарь 3. Конторщик 4. Писарь	1. Библиотекарша 2. <i>Конторские</i> 3. Секретарь

	5. Секретарша	
<i>В старину в России</i>		
	-	-

Надзор, инструктирование, учет, распределение (33; 181)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Инспектор (гороно) 2. Контролер 3. Наблюдатель 4. Надзирательница	1. Инспектор 2. Ревизор	1. Диспетчер 2. Наблюдатель
<i>Учет, измерение, распределение</i>		
	Учетчица	-

Исполнение деловых поручений, доставка (33; 182): 13

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Агент	-

Охрана (33; 183)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Охранник 2. Вахтерша 3. Караульщик 4. Сторож 5. Сторожиха	1. Вахтер 2. Вахтерша 3. <i>Женщина-вахтер</i> 4. Караульщик 5. Сторож 6. Сторожиха	1. <i>Женщина-вахтер</i> 2. Сторож 3. Страж

В военной, военизированной сферах деятельности

Общие обозначения (34; 184)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Боец 2. Воин	1. Боец 2. Военный	1. Боец 2. <i>Воевавшие</i> 3. Военный
<i>В старинных армиях, воинских объединениях</i>		
-	-	-

По воинским категориям, чином, званиям; сами такие чины, звания

По воинским категориям (34; 185)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Офицер 2. <i>Офьцера</i> 3. Солдат 4. Солдатик 5. Унтер	1. Матрос 2. Офицер 3. Солдат 4. Солдатик	1. Офицер 2. Солдат 3. Солдатик

По офицерским чинам, званиям, сами такие чины, звания (34; 186)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Генерал 2. Лейтенант 3. <i>Линтенант</i> 4. Майор 5. Маршал 6. Полковник	1. Адмирал 2. Генерал (перен.) 3. Капитан 4. Лейтенант 5. Полковник	1. Генерал 2. Капитан 3. Подполковник 4. Полковник

По неофицерским чинам, званиям, сами такие чины, звания (34; 187)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ефрейтор 2. Сержант 3. Старшина	1. Рядовой 2. Сержант 3. Старшина	Красноармеец

По должности, месту службы, а также по исполняемой постоянной или временной функции**По командной должности, руководящей функции
Общие обозначения (34; 188)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Командир 2. Полководец 3. Флотоводец	Командир	Командир

По определенной должности, функции (34; 189)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Взводный 2. Военком 3. Замполит 4. Капитан 5. Шкипер	1. Командующий 2. Комиссар 3. Политрук	-
<i>В старину на Руси и в некоторых других странах</i>		
-	-	-

**По контрольным, консультативным, канцелярским, хозяйственным и другим неко-
мандным обязанностям****В армии, на флоте, в вооруженной охране (34; 190)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Каптенармус	-	-
<i>При командире, начальнике</i>		
-	Ординарец	Охранник

В полиции, в милиции (34; 191)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Участковый	Участковый

По временной непостоянной функции (34; 192)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>Дежурство, патрулирование, конвоирование</i>		
1. Конвоир 2. Часовой	Часовой	Конвоир

По роду войск, силовых структур, по вхождению в воинские подразделения, формирования, разряды (34; 193)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Антилеристы</i> 2. Артиллерист 3. Гренадер 4. Десантники 5. Нестроевики 6. <i>Окопник</i> 7. «Разведчик» 8. Сапер 9. Связист 10. Стрелки 11. Танкист 12. Телефонисты 13. «Тыловик» 14. <i>Тыловые крысы (перен.)</i> 15. Фронтовик	1. Танкист 2. Фронтовик 3. Фронтовичок	1. Артиллерист 2. Гвардейцы (перен.) 3. Пограничник 4. Разведчик 5. Танкист 6. Фронтовик
<i>В полиции, милиции, пожарных частях</i>		
1. Милиционер 2. Мент 3. <i>Осодмилец</i> 4. Пожарники 5. Пожарные	Милиционер	Милиционер <i>ЖП</i>

Стрелки; воины, непосредственно связанные с каким-н. видом оружия, облаченные в доспехи (34; 194)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	Заряжающий Наводчик
<i>Воины, вооруженные старинным оружием, облаченные в доспехи</i>		
-	-	-

По участию в воюющем формировании, в борющейся группе (34; 195)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Партизан	-	Колчаковцы Власовец Партизан

По отношению к воинским законам, к воинской повинности, к сроку воинской службы (34; 196)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Волонтер 2. Дезертиры 3. Доброволец 4. Допризывник 5. Призывник	-	<i>Бегляк</i> <i>Дизентир</i>
<i>По отношению к сроку службы, к ее окончанию</i>		
1. Новобранец 2. Рекруты	-	-

В сфере материального производства, промыслов

Общие обозначения

Собственно общие обозначения, а также названия, квалифицирующие по условиям и качеству труда (36; 197)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Мастер 2. Рабочий 3. Работница	1. Кустарь 2. Мастер 3. Рабочий	1. Работник 2. Работница 3. Рабочие 4. Эксплуатационник
<i>По деятельности, связанной с совершенствованием труда, с повышением квалификации</i>		
-	Стахановка	-

По трудовым функциям, действиям, общим для разных хозяйственных сфер (36; 198)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бракер 2. Лесобракеры 3. Весовщица 4. Обходчик 5. Осмотрщицы 6. Раздатчица 7. Рубщик 8. Сортировщик 9. Сортировщица 10. Укладчики	Весовщица	Рабочие-ремонтники

В сфере промышленного и кустарного производства, изготовления, обработки, переработки, технического обслуживания

В сфере тяжелой и легкой промышленности, техники

По отношению к определенной отрасли промышленности, производства (37; 199)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Шахтер	Энергетик
<i>По отношению к пищевой промышленности, к производству продуктов питания</i>		
-	-	-

По отношению к определенному кругу профессионально выполняемых работ, общих для разных промышленных сфер (37; 200)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По определенной профессионально выполняемой работе, делу

По обслуживанию промышленной и коммунальной техники, оборудования (37; 201)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бульдозерист 2. Истопник 3. Кочегар 4. Механик 5. Моторист 6. Смазчицы 7. Трактористы 8. Экскаваторщик 9. Электрик	1. Кочегар 2. Механизатор 3. Механик 4. Моторист 5. Прицепщик 6. Сантехник 7. Тракторист 8. Трактористка 9. Электрик	1. Катерист 2. Механизатор 3. Моторист 4. Тракторист
<i>Обслуживание плавильных печей</i>		
-	-	-

По отношению к производственному процессу, по конкретным профессиональным действиям, операциям

Плавка, литье, работа с металлом, деревом, камнем, стеклом (37; 202)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Сталевар	1. Сварщик 2. Слесарь 3. Токарь 4. Электросварщик	-

Изготовление моделей, заготовок, инструментов, монтаж, разметка, сборка, регулировка (37; 203)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Разметчик	-	-

Бурение, взрывные, горные работы (37; 204): 14

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Шахтер	-	Взрывник

Набор, брошюровка и другие типографские работы (37; 205)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Ткачество, обработка, изготовление волокна, пряжи; крашение (37; 206)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Производство продуктов питания (37; 207)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Засольщики	-	-
<i>Лица, пользующиеся услугами мельника</i>		
<i>Помольщики</i>	-	-

В сфере исконного ремесла, ручного мастерства, народных промыслов**Гончарное, кузнечное, плотницкое, столярное, оружейное, стекольное дело (37; 208)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бондарь 2. <i>Долбильщики лодок</i> 3. Жестянщик 4. Кузнец 5. Печник 6. Плотник 7. Столяр	1. Краснодеревщик 2. Кузнец 3. Молотобоец 4. Печник 5. Плотник 6. Столяр	1. Краснодеревщик 2. Кузнец 3. Печник 4. Стеклодув

Швейное, кожевенное, сапожное, скорняжное, валяльное дело, рукоделие (37; 209)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Сапожник 2. Швея 3. Шорник 4. Шорничиха	1. Закройщик 2. <i>Пимокат</i> 3. Портниха 4. Портной 5. Портняжка 6. Шорник	-

Приготовление пищи, продуктов питания, их подготовка, переработка; винокурение (37; 210)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Повариха 2. Самогонщики 3. Самогонщица 4. Стряпуха	Повар	1. Кашевар 2. Мельник 3. Повар
<i>Забой скота, свежевание</i>		
	Живодер	-

В сфере строительства, землепользования

Общие обозначения, а также названия работников по объекту строительства (36; 211)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Строители 2. <i>Гидростроители</i> 3. <i>Энергостроители</i>	1. Строитель 2. Шабашник	Строитель

По определенному виду строительных работ (36; 212)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Кровельщик 2. Стекольщик	Маляр	Бетонщик

Землеустроительные, ирригационные, мелиоративные работы (36; 213)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

В сфере сельского, лесного хозяйства и смежных с ними видах деятельности; работа с животными

Общие обозначения (36; 214)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Селянин	Селянин	-
<i>В странах Востока</i>		
-	-	-

Возделывание сельскохозяйственных культур

По отношению к определенной отрасли растениеводства, лесного хозяйства (36; 215):

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	1. <i>Лесоустроитель</i> 2. Огородник

По определенному виду выполняемых сельскохозяйственных работ (36; 216)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Землепашец 2. Пахарь 3. Садовница 4. <i>Саженица</i> 5. Сеятель	1. <i>Гусевой</i> 2. Пахарь	<i>Покосчики</i>

**Разведение скота и других сельскохозяйственных животных; работа с животными
По отношению к определенной отрасли животноводства (36; 217)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Животновод 2. Пасечник	-

По определенному виду выполняемых работ (36; 218)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Доярка 2. Конюх 3. <i>Конюшixa</i> 4. Пастух 5. <i>Пастушонок</i>	1. Дояр 2. Доярка 3. Ковбой 4. Конюх 5. Пастух 6. <i>Поросятинка (пепен.)</i> 7. Скотник	1. Пастух 2. Скотник

Работа с несельскохозяйственными животными, дрессура (36; 219)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

**В промысловой сфере
Общие обозначения (36; 220)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Добытчик	-	-

Охота, звероловство, боргничество (36; 221)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Зверобой 2. <i>Зверовик</i> 3. Охотник 4. Рыбак 5. Рыболов 6. Удильщик	1. Охотник 2. Рыбак	Рыбак
<i>На специальных судах</i>		
-	-	-

Лесозаготовки, смолокурение, углежжение, соби́рание ди́ких пло́дов; старательство, кустарные промыслы (36; 222)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Известкари 2. Старатель 3. Грибники 4. Ягодник 5. Ягодница	1. Золотарь 2. Смолокур	1. Золотишники 2. Старатель
<i>Заготовка дров, леса, сплав</i>		
1. Дровозаготовители 2. Пикетчик (сплавщик) 3. Плотогоны 4. Сплавщик	1. Дровосек 2. Лесоруб	-

В сфере транспорта, связи

В сфере транспорта, перевозок

По отношению к автоматическим средствам передвижения, перевозки

Общие обозначения (38; 223)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По отношению к воздушному транспорту, к воздушным перевозкам

Общие обозначения, а также названия-характеристики по высоте, дальности, скорости полетов (38; 224)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Авиатор	-

Вождение, обслуживание летательных аппаратов (38; 225)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Летчик	Летчик	-
<i>Специалисты наземных служб</i>		
-	-	-

По отношению к водному транспорту, к водным перевозкам

Общие обозначения (38; 226)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Моряк 2. Речник	Моряк	-

Вождение, обслуживание судов (38; 227)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Матрос 2. Рулевой	Матрос	Матрос

По отношению к наземному транспорту, к наземным перевозкам**Общие обозначения (38; 228)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Железнодорожник	Железнодорожник	-

Вождение, обслуживание транспортных средств (38; 229)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Машинист 2. Шофер	1. Водитель 2. Таксист 3. Шофер	Шофер
<i>Обслуживание транспортных средств</i>		
-	1. Автомеханик 2. Автослесарь	-

По отношению к вспомогательным службам (дорожным, портовым, станционным) (38; 230)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Баканшык</i> 2. Бакенщик 3. Путейцы 4. Путьеобходчик 5. Составитель (поездов) 6. Стрелочник 7. Стрелочница 8. Сцепщик	-	Бакенщик
<i>Обслуживание пассажиров</i>		
1. Кондукторша 2. Проводница	1. Проводник 2. Проводница	Проводница

По отношению к ручным, гужевым и другим неавтоматическим средствам перевозки (38; 231)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Возчики 2. <i>Конновозчик</i> 3. <i>Лесовывозчик</i> 4. Обозники 5. Ямщик	1. Возница 2. Возчик 3. Кучер	Возница
<i>На воде</i>		
1. Гребец 2. <i>Кормовой</i>	Паромщик	«Бурлак» (название ветра)

В сфере почтовой, технической связи (35; 232)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Связист – 2	1. Почтальон 2. Телеграфистка	1. Почтальон 2. Почтарка

Лица, пользующиеся транспортом, средствами связи (35; 233)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Пассажир 2. Седок	Пассажир	1. <i>Отъезжающие</i> 2. Пассажир
<i>Пользование почтой, средствами связи</i>		
-	-	-

**В сфере предпринимательства, торговли, финансов
Общие обозначения (35; 234)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Предприниматель	
<i>С компонентом оценки</i>		
-	-	Воротила (прозвище)

Торговля, торговое посредничество**Общие обозначения (39; 235)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Торговец 2. Торговка	1. Купец 2. Лавочник 3. Продавец 4. Торгаш 5. Торговка	1. Коммерсант 2. «Куммерсанты» 3. Купец 4. Торговка

По виду торговой, посреднической деятельности (39; 236)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Мешочники</i> 2. Перекупщики 3. Спекулянтка	Спекулянт	1. <i>Брокерша</i> 2. <i>Дилерша</i> 3. Перекупщик 4. «Челнок» (перен.)
<i>В старину</i>		
Коробейник	-	-

По предмету или месту торговли, а также по владению соответствующим торговым или производственным заведением**Общие обозначения: продавцы (39; 237)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Продавец 2. Продащица	1. Продавец 2. Продащица	Продащица

Торговцы продуктами питания, напитками (39; 238)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Буфетчик	1. Буфетчица 2. Мясник	-

Торговцы другими товарами (39; 239)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>Торговцы скотом, лошадьми, рабами</i>		
-	-	-

Покупатели (39; 240)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Покупатель 2. Покупательница	Покупатель	-

В сфере финансов, торговых, хозяйственных расчетов, ростовщичества (35; 241)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Бухгалтер 2. Бухгалтерша 3. Главбух 4. Кассир 5. Счетовод 6. Счетоводишка	Бухгалтер Счетовод
<i>Ростовщики, менялы</i>		
-	-	Меняла

В сфере обслуживания, ведения хозяйства, неквалифицированного физического труда**Лица, занятые обслуживанием, ведением хозяйства, домоправители, слуги
Общие обозначения (35; 242)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Прислуга	1. Прислуга 2. Прислужник	Лакей

По виду выполняемых работ**Обслуживание в учреждении, заведении, в каких-н. службах, в общественных местах (35; 243)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Привратник (небесный)	1. Гардеробщик 2. Горничная 3. Привратник 4. Швейцар	1. Гардеробщица 2. Двероначальник

<i>Прислуживание за столом, подсобная работа на кухне</i>		
1. Официантка 2. Хлеборезка	1. Официант 2. Официантка	1. Официант <i>НП</i> 2. Официантка <i>НП</i>

Только в частном доме, в семье

Домоправители, домашние слуги (35; 244)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Домработница 2. Нянька	-	Нянька
<i>В гареме</i>		
-	-	-

Слуги на выездах, на охоте (35; 245)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Лица, занятые подсобными работами, уборкой, стиркой, переносом тяжестей и другим физическим трудом

Общие обозначения (35; 246)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Разнорабочий	Подручные

По виду выполняемых работ (35; 247)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Водовоз 2. Гробоюз 3. Грузчик 4. Золотарь 5. Кладовщик 6. Чистильщик	1. Грузчик 2. Золотарь 3. Кладовщик	1. Водовоз 2. Кладовщица
<i>Уборка, стирка, мытье</i>		
1. Подметала 2. Уборщица	1. Дворник 2. Уборщица	1. Посудомойка 2. Уборщица

В сфере спорта, туризма, а также отдыха, свободного времяпрепровождения

В сфере спорта, физкультуры, туризма

Общие обозначения спортсменов; лица, возглавляющие спортивную команду, организующие игру, состязание (40; 248)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Боец 2. Игрок 3. Спортсмен 4. Спортсменка	-

	5. Тренер 6. Физкультурник	
<i>По виду многоборья, а также по длине дистанции, по весовой категории</i>		
-	-	-

По определенному виду спорта, по спортивной специальности

По виду спорта, предполагающему личное первенство

Силовые, технические, художественные виды спорта (40; 249)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Лыжник 2. Мотоциклист	1. Акробат 2. Акробатка 3. Боксер 4. Борец 5. Городошник 6. Морж (перен.) 7. Мотоциклист	<i>Ушуистка</i>
<i>Туризм, альпинизм, спелеология</i>		
Альпинистка	-	-

Стратегические игры (40; 250)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Шахматист	-	-

По определенному виду командных игр (40; 251)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-
<i>По функции, роли в игре</i>		
-	Вратарь	-

По спортивным результатам, правилам игры, а также по спортивным титулам, званиям; сами такие титулы, звания (40; 252)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Боец	-
<i>По спортивным разрядам, титулам, званиям</i>		
Перворазрядник	1. Гроссмейстер 2. Маэстро	-

В сфере отдыха, развлечений, любительских занятий

По профессиональной, специальной деятельности (40; 253)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	1. Женщина-экскурсовод 2. Массовик-затейник 3. Экскурсовод	-

По любительским занятиям, отдыху, развлечениям, по свободному времяпрепровождению

**По любительским, познавательным занятиям, коллекционированию
Общие обозначения (40; 254): 6**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Любитель	-

По определенному занятию или объекту коллекционирования (40; 255)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Зритель	1. Зритель 2. Слушательница	1. Зритель 2. Телезритель
<i>По объекту коллекционирования</i>		
-	-	<i>Бутылочница</i>

По оздоровительному отдыху, путешествиям (40; 256)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Отдыхающие 2. Путешественник 3. Путешественница 4. Турист	1. Отдыхающий 2. Турист 3. Экскурсант	1. Интурист 2. Отдыхающие 3. Турист

По играм, развлечениям (40; 257)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Биток 2. Голящий 3. Загольный 4. Игрок 5. Картежник 6. Ловила (ловило) 7. Матка	Игрок	1. Играющий 2. Игрок 3. <i>Разыгрывающий</i>

По кругу дел, занятий, сопутствующих разным сферам деятельности

Производство, использование (41; 258)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Потребительница	-

Заказ, заготовка, поставка (41; 259)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Заготовители	1. Заказчик 2. Клиент	<i>Страхклиент</i>

Поиск, разведка (41; 260)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

Дежурство (41; 261)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Дежурный 2. Дежурная 3. Дневальный	1. Дежурная 2. Дежурный	-

**По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию
По полу, а также по полу и возрасту (42; 262)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Баба	1. Баба	1. Баба
2. Бабенка	2. Бабенка	2. Бабенка
3. Бабонька	3. Бабка	3. <i>Бабешки</i>
4. Дама	4. Бабочка	4. Бабка
5. Дамочка	5. Дамы	5. <i>Бабонька</i>
6. Девочка	6. Дева	6. Бабушка
7. Девчонка	7. Деваха	7. Дева
8. Девчушка	8. Девица	8. Деваха
9. Деваха	9. Девка	9. Девица
10. Девица	10. Девочка	10. <i>Девица-молодица</i>
11. Девка	11. Девушка	11. Девка
12. <i>Невка</i>	12. Девчонка	12. Девочка
13. Девушка	13. Девчушка	13. Девушка
14. <i>Деушка</i>	14. Дед	14. Девчонка
15. <i>Дешка</i>	15. <i>Дедун</i>	15. Девчушка
16. <i>Мокрошиэлка</i>	16. Дедушка	16. Дед
17. Дядя	17. Дивчина	17. <i>Дедка</i>
18. Дядька	18. Дяденька	18. Дедушка
19. Дяденька	19. Дядя	19. Дядя
20. Женщина	20. Женщина	20. Женщина
21. Малец	21. Малый	21. Малый
22. Малые	22. Мальчик	22. Мальчик
23. Малый	23. <i>Мальчишечка</i>	23. <i>Мальчишечка</i>
24. Мальчик	24. Мальчишка	24. Мальчишка
25. Мальчишка	25. Мужик	25. Мальчонка
26. Мальчонка	26. Мужичок	26. Молодайка
27. Молодец	27. Мужичонка	27. Молодец
28. Молодица	28. Мужчина	28. Молодка
29. Молодка	29. Отрок	29. Молодуха
30. Молодуха	30. Паренек	30. Мужик
31. Мужик	31. Парень	31. Мужичок
32. Мужичище	32. Парнишка	32. Мужичонка
33. Мужичок	33. <i>Парняга</i>	33. Мужчина
34. Мужичонка	34. Пацан	34. Парень
35. Мужчина	35. Старик	35. Парнишка

36. <i>Мушшина</i> 37. Отроки 38. <i>Пареван</i> 39. Паренек 40. <i>Парничек</i> 41. Парнишка 42. Парнишечка 43. <i>Парнишонка (парнишонка)</i> 44. <i>Парняга</i> 45. Парень 46. <i>Палень</i> 47. <i>Сикуха</i> 48. Старец 49. Старик 50. Старикан 51. Старичок 52. <i>Старичонка</i> 53. Старуха 54. Старушка 55. Старушонка 56. Тетенька 57. Тетя 58. Тетка 59. «Тета» 60. <i>Тетанька</i> 61. Хлопец 62. Юноша	36. Старичок 37. <i>Старичочек</i> 38. Старуха 39. Старушка 40. <i>Старый</i> 41. <i>Телка</i> (перен) 42. Тетенька 43. Тетка 44. Тетя 45. Юноша	36. Пацан 37. <i>Полбабы</i> 38. Старик 39. Старичок 40. <i>Старуня</i> 41. Старуха 42. Старуха-хозяйка 43. Старушка 44. <i>Старый</i> 45. <i>Телка (перен.)</i> 46. Тетка 47. Тетя
---	---	--

По возрасту, а также по возрасту в сочетании с другими характеристиками (42; 263)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Взрослый 2. Малыши 3. Младенец 4. Младший 5. Молодой. 6. <i>Новожитель</i> 7. Подросток 8. Ребенок 9. <i>Робенок</i> 10. Ребеночек 11. <i>Робеночек</i> 12. <i>Углан</i> 13. Чадо	1. Взрослый 2. Детка 3. Дите 4. Дитя 5. Кроха 6. Крохотуля 7. Крошечки 8. Маленький 9. Малыш 10. Малышка 11. Младенец 12. Младший 13. Молодая 14. Молоденькая 15. Молодые 16. Новорожденный 17. Подросток 18. <i>Пожилый</i> 19. <i>Пятнадцатилетний</i> 20. <i>Рабеночек</i>	1. Большие 2. Взрослый 3. <i>Дитенок</i> 4. Дитя 5. Маленький 6. Малолетка 7. Малыш 8. Младенец 9. Младшие 10. <i>Молоденькая</i> 11. Молодой 12. <i>Немолодые</i> 13. Подросток 14. <i>Пожилые</i> 15. Престарелый 16. Ребенок 17. Ребеночек 18. Ребяенок 19. «Скороспелка» 20. Старшая

	21. Ребенок 22. Ребеночек 23. Ребятешек 24. Старший/ие	21. Хрыч
<i>С дополнительными физическими, социальными характеристиками</i>		
	1. Карапуз 2. Пузырь (перен.) 3. Сосун 4. Сосунок	-

По отношению к возрастной норме, возрастному рубежу (42; 264)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Переросток	1. Недолетка 2. Недоросль

По темпераменту, психическим наклонностям, психической или генетической предрасположенности к чему-н. (42; 265)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	-

По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте, по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости) (42; 266)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Битюг</i> 2. Богатырь 3. <i>Бык (перен.)</i> 4. <i>Бычок (перен.)</i> 5. Выдра 6. Доходяга 7. Кобылица 8. Коротышка 9. Молодец 10. Пигалица 11. <i>Шибздик</i>	1. Богатырь 2. <i>Боров гладкий (перен.)</i> 3. Бугай (перен.) 4. Верзила 5. Верста коломенская 6. <i>Громадина (перен.)</i> 7. <i>Грудастый</i> 8. Детина 9. <i>Длинный</i> 10. <i>Долговязый</i> 11. <i>Доска доской</i> 12. <i>Жердь</i> 13. Жеребец (перен) 14. <i>Журавль (перен.)</i> 15. <i>Загогулина</i> 16. Здоровячка 17. <i>Земледав</i> 18. Колода 19. Корова (перен.) 20. Корсак (перен.) 21. Крепыш (разг.) 22. <i>Мордастый</i> 23. <i>Недомерок</i> 24. <i>Несильные</i> 25. Оглобля 26. <i>Окорок (перен.)</i>	1. <i>Боров (перен.)</i> 2. <i>Бравенькая</i> 3. Великаны 4. Верзила 5. <i>Кащя (перен.)</i> 6. Кляча (перен.) 7. Крепыш 8. Кобыла (перен.) 9. Молодец 10. Сильный 11. Слабый 12. <i>Толстомордый</i> 13. Толстушка

	27. Палка (перен.) 28. Полненькая 29. Сгусток неизработанных мышц и сала 30. Сильные (наиболее) 31. Стройненькая 32. Толстый 33. Туша 34. Худые 35. Шкелет	
<i>Сытый, голодный, трезвый</i>		
1. Алчные 2. Голодный 3. Жажущий	Трезвый	Трезвый

По половому состоянию, по отношению к деторождению (42; 267)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Роженица	Женщина

По состоянию здоровья, по отношению к жизни и смерти: 262

Общие обозначения (42; 268)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Болезный</i> 2. Больной 3. Страждущие	1. Больной 2. <i>Лежачий</i> 3. <i>Переживатель</i> 4. <i>Страдатель</i> 5. Страждущие 6. <i>Тематический</i> 7. <i>Хворые</i> 8. <i>Ходячий</i>	1. Больной 2. Выздоровливающие 3. <i>Добрая</i> 4. Здоровый 5. <i>Нормальная</i> 6. Страдалица 7. <i>Страдальные</i>
<i>По состоянию, обусловленному медицинским воздействием, вмешательством</i>		
1. Госпитальники 2. Пациент	Пациент	Пациент <i>НП</i>

По виду заболеваний, аномалий, отклонений (42; 269)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Блаженный 2. Глухонемой 3. Горбун 4. Инвалид 5. <i>Инвалидшика</i> 6. Енвалид 7. Калека 8. <i>Курачи</i> 9. <i>Курцы</i> 10. <i>Немтырь</i> 11. Псих 12. Пьяный	1. Алкоголик 2. <i>Безноженька</i> 3. <i>Беспалый (прозвище)</i> 4. Блаженненький 5. <i>Буйнопомешанный</i> 6. <i>Вшивый</i> 7. Дебил 8. Дистрофик 9. Долбак 10. Дурачок 11. Дурочка 12. Заика	1. <i>Безногий</i> 2. <i>Блажной</i> 3. Глухой 4. Инвалид 5. Калека 6. <i>Косоглазая</i> 7. Лунатик 8. Немой 9. <i>Немтырь</i> 10. <i>Нетрезвый</i> 11. <i>Одноногий</i> 12. <i>Покалеченный</i>

13. <i>Пьяненький</i> 14. Раненый 15. <i>Силикозники</i> 16. <i>Слепошарый</i> 17. <i>Табакуры</i> 18. Тяжелобольной 19. Убогий 20. <i>Увеченные</i>	13. Инвалид 14. Кретин 15. Неврастеник 16. Немая 17. <i>Нервный</i> 18. Паралитик 19. Помешанный 20. Псих 21. Психопат 22. Пьяный 23. Раненый 24. Рахит 25. Ревматик 26. Слепой 27. <i>Тубик</i> 28. <i>Шизя</i> 29. Язвенник	13. Полоумные 14. Прокаженный 15. Пьяный 16. Раненый 17. <i>Слабоногий</i> 18. Слепой 19. Сумасшедший 20. <i>Угорелая (как ...)</i> 21. <i>Хромая нога</i> 22. Хромоножка 23. <i>Чумной</i>
<i>По сексуальным аномалиям, половым отклонениям, расстройствам, по извращенности</i>		
-	-	-

По отношению к жизни и смерти (42; 270)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Живые 2. Жилец 3. Мертвая 4. Покойник 5. Покойница 6. Покойничек 7. Покойный 8. Убитый 9. <i>Убиенный</i>	1. Живой 2. <i>Жмурик</i> 3. Мертвец 4. Мертвый 5. <i>Погибшие</i> 6. Покойник 7. Покойница 8. Покойничек 9. Покойный 10. Усопший	1. <i>Висельцы</i> 2. Живой 3. <i>Живший</i> 4. Жилец 5. Мертвец 6. Мертвый 7. <i>Неживой</i> 8. Покойник 9. <i>Покойник-отец</i> 10. Покойница 11. <i>Почивший</i> 12. Убитый 13. Умершие 14. Усопшая 15. Утопленник

По внешним признакам

По внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или не привлекательности (42; 271)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Беляночки</i> 2. Блондинки 3. Волосатик 4. <i>Краснорожий</i> 5. <i>Рыжа</i>	1. <i>Бледный</i> 2. <i>Большеголовый</i> 3. Волосатик 4. <i>Длинноволосый</i> 5. <i>Косматые</i> 6. <i>Красноглазый</i> 7. <i>Красношарый</i> 8. <i>Кривоносик</i>	<i>Цыганистый</i>

	<ol style="list-style-type: none"> 9. <i>Кудрявый</i> 10. <i>Курносенькая</i> 11. <i>Курносый</i> 12. <i>Курчавый</i> 13. <i>Кучерявый</i> 14. <i>Лобастый</i> 15. <i>Лысан</i> 16. <i>Лысая коленка</i> 17. <i>Лысый</i> 18. <i>Носатый</i> 19. <i>Пучеглазая</i> 20. <i>Руль (перен.)</i> 21. <i>Рыжая</i> 22. <i>Рыжий</i> 23. <i>Синеглазый</i> 24. <i>Синеокая</i> 25. <i>Скуластый</i> 26. <i>Смуглый</i> 27. <i>Усатый</i> 28. <i>Чернобровая</i> 	
<i>Красивый / некрасивый</i>		
<ol style="list-style-type: none"> 1. Красавец 2. Красавчик 3. Красавица 4. Раскрасавица (разг.) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Богиня (очкастая – о же-не) 2. Грация 3. Кикимора болотная 4. Краля 5. Красавец 6. Красавица 7. <i>Образина косая</i> 8. <i>Терка</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Красавица 2. <i>Образина</i> 3. Страхолюдина

По внешнему виду, по одежде (42; 272)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Босые 2. Волосотряски 3. Голожопик 4. Нагие 5. Растрепя 6. Чумичело 7. Чучело (перен.) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Больничные пижамы (перен.)</i> 2. <i>Голяшка</i> 3. <i>Замухрышка</i> 4. <i>Лахудра</i> 5. <i>Очкарик</i> 6. <i>Плащ (перен.)</i> 7. <i>Полосатый</i> 8. <i>Хромовые сапоги (перен.)</i> 9. Чучело (перен.) 10. <i>Шляпа (перен.)</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Пугало 2. Чучело

По разовым или характерным физическим действиям (42; 273)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Беглец</i> 2. <i>Отплывающие</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Всадник 2. <i>Встречные</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Верховые 2. <i>Отступающие</i>

3. Пешеход 4. Путник	3. Прохожий 4. <i>Пеший</i> 5. Путник	3. <i>Отъезжающие</i> 4. <i>Приходящие</i> 5. <i>Проходящие</i> 6. Прохожий 7. <i>Прыгающий</i> 8. Путник 9. <i>Сопровождающиеся</i> 10. <i>Ступающий</i> 11. <i>Танцующие</i>
<i>По действию – еде, курению</i>		
1. Едок 2. <i>Курачи</i> 3. <i>Куры</i> 4. <i>Табакуры</i>	Курящий	1. Едок 2. Курящие 3. <i>Питок</i>

Названия собственно оценки, обращения

Собственно оценка

Похвала, одобрение, ласка

По поводу каких-н. действий, поступков (43; 274)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Молодец 2. Молоток	1. Молодец 2. Молоток	Молодец
<i>Одобрение неожиданного или необычного поступка, поведения</i>		
Бродяга	-	-

По поводу внутренних или внешних свойств, качеств (43; 275)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ангел 2. <i>Ангелочек</i> 3. <i>Ангелия</i> 4. Голубица 5. Душечка	1. Ангел 2. Душенька 3. Кыса (перен.) 4. Лапочка 5. Обаятельный 6. Обаяшка 7. Орел (перен.) 8. Очаровашка 9. <i>Пичужка (перен.)</i> 10. Сокол (перен.) 11. Цыпонька (перен.)	1. Ангел 2. <i>Андел</i>

Насмешка, ироничное отношение, ласковое сочувствие (43; 276)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 7	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>«Лизик»</i> 2. <i>Мутлик</i> 3. <i>«Самоздравец»</i> 4. <i>Соловей-разбойник</i>	1. <i>Беденький (обращение)</i> 2. Глупышка 3. Дурашка 4. Дурень 5. Дуреха	-

	6. <i>Дурцло</i> 7. <i>Дурочка</i>	
--	---------------------------------------	--

Осуждение, неодобрение, неприятие

По поводу предосудительного, подозрительного или опасного поведения (43; 277)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Самоед 2. Субчик 3. Хмырь	1. Фраер 2. Хмырь 3. <i>Хмырюга</i>	<i>Наказанье (божье)</i>

По поводу каких-н. свойств, качеств (43; 278)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Ашаульник</i> 2. <i>Бздун</i> 3. <i>Запердыш</i> 4. <i>Исчадье Божье</i> 5. Ничтожество 6. <i>Оглөд</i> 7. Тля (перен.)	-	1. <i>Бяка</i> 2. <i>Пустое место</i>

Брань, хула (43; 279)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Анафема</i> 2. <i>Анчихрист</i> 3. Бес 4. <i>Блянина</i> 5. <i>Волчина</i> 6. Гадина 7. <i>Гадючье семя</i> 8. Гнида 9. <i>Дерьмо собачье</i> 10. Дура 11. Дурак 12. Зараза 13. Злыдень 14. Идиот 15. <i>Идиотина</i> 16. Изверг 17. Иуда 18. Кикимора 19. Кляча 20. <i>Курва</i> 21. <i>Курвенский рот</i> 22. Лешак 23. Морда 24. <i>Мордоплюй</i> 25. Недоносок 26. Нечистый дух	1. Антихрист 2. Балда 3. <i>Барахло</i> 4. Бес 5. Выродок 6. Гнида 7. Дерьмо 8. <i>Дешевка</i> 9. <i>Долбо...</i> 10. Дубина 11. <i>Дупло</i> 12. Дура 13. Дурак 14. Дьявол 15. <i>Дьяволина</i> 16. <i>Дятел</i> 17. Жаба 18. <i>Жук навозный</i> 19. Злодей 20. Злодейка 21. Змей 22. Змея подколотная 23. Идиот 24. Идол 25. Карга 26. Кикимора болотная	1. Аспид 2. Зараза 3. Идол 4. Изверг 5. Ирод 6. <i>Истукан</i> 7. <i>Кукша</i> 8. <i>Курва (кур-рва)</i> 9. Леший 10. Нехристь 11. <i>Падла</i> 12. Паразит 13. <i>Поганец</i> 14. Собака 15. <i>Страмина</i> 16. <i>Сучка</i> 17. Турок 18. Холера 19. Черт 20. <i>Шуцка</i>

27. <i>Оглодыши</i>	27. <i>Козел</i>	
28. <i>Одер (старый)</i>	28. <i>Корова</i>	
29. <i>Окаянный</i>	29. <i>Кретин</i>	
30. <i>Охламон</i>	30. <i>Курва</i>	
31. <i>Охреди</i>	31. <i>Курица ты дохлая</i>	
32. <i>Падла</i>	32. <i>Леший</i>	
33. <i>Паразит</i>	33. <i>Лиходей</i>	
34. <i>Перстун</i>	34. <i>Лягушатинка</i>	
35. <i>Поганец</i>	35. <i>Лягушка</i>	
36. <i>Рыло (воровское, битое)</i>	36. <i>Лярва</i>	
37. <i>Сатана</i>	37. <i>Малахольный</i>	
38. <i>Сволочь</i>	38. <i>Молокосос</i>	
39. <i>Скотина</i>	39. <i>Наглец</i>	
40. <i>Сорожина красноглаза</i>	40. <i>Нахал</i>	
41. <i>Стерва</i>	41. <i>Нахалюга</i>	
42. <i>Сучка</i>	42. <i>Недорезанный</i>	
43. <i>Чернолапотник</i>	43. <i>Остолоп</i>	
44. <i>Черт (одноглазый)</i>	44. <i>Охламон</i>	
45. <i>Чельт (одноглазый)</i>	45. <i>Падали кусок</i>	
	46. <i>Падла</i>	
	47. <i>Паразит</i>	
	48. <i>Паразитка</i>	
	49. <i>Паскуда</i>	
	50. <i>Пидор</i>	
	51. <i>Поганец</i>	
	52. <i>Поганка</i>	
	53. <i>Погань</i>	
	54. <i>Подлец</i>	
	55. <i>Подонок</i>	
	56. <i>Поросенок</i>	
	57. <i>Придуток</i>	
	58. <i>Прохвост</i>	
	59. <i>Проходимец</i>	
	60. <i>Рогаль</i>	
	61. <i>Рожя</i>	
	62. <i>Сатана</i>	
	63. <i>Сволочь</i>	
	64. <i>«Скважина»</i>	
	65. <i>Скот</i>	
	66. <i>Скотина</i>	
	67. <i>Скоты</i>	
	68. <i>Сопляк</i>	
	69. <i>Стерва</i>	
	70. <i>Стервоза</i>	
	71. <i>Стерьва</i>	
	72. <i>Столб грустный</i>	
	73. <i>Сука</i>	
	74. <i>Сукин сын</i>	
	75. <i>Тварь</i>	
	76. <i>Халда</i>	
	77. <i>Халява</i>	
	78. <i>Хам</i>	

	79. Хамло 80. Харя 81. Черт 82. Чумичка 83. Чурбак 84. Чурка 85. Чухонец 86. Чучело 87. Шалашня 88. Шельма 89. Ширмач	
--	---	--

Обращения (собственно обращения, а также обращения с эмоциональным компонентом)

Собственно обращения (43; 280)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 8	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Господин 2. Сеньор 3. Сэр 4. Товарищ 5. <i>Товарищч</i>	1. Господин 2. Госпожа 3. Мадам 4. Мадемуазель 5. Пан 6. Сэр 7. Товарищ 8. <i>Фрау</i>	Господа Товарищ

Фамильярные, дружеские, ласковые обращения (43; 281)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Девонька 2. Дорогуша 3. Любезнейший 4. Мадам 5. Орлы 6. Паря 7. Сударушка 8. Сударь	1. Батюшка 2. Батя 3. Братец 4. Братишка 5. Дорогой 6. Дорогуша 7. Дочка 8. Друг 9. Дружок 10. Кормилец 11. Мадам 12. Мадемуазель 13. Мамаша 14. Матушка 15. Мать 16. Орел 17. Отец 18. Паря 19. <i>Пичужка</i> 20. Приятель 21. Синьорина 22. Сокол	1. Бабонька 2. Батюшка 3. Брат 4. <i>Дева</i> 5. Девонька 6. Друг 7. Паря (обращение к женщине, а не мужчине) 8. <i>Старая</i> 9. <i>Старуня</i> 10. <i>Штарый</i>

	23. Старик 24. <i>Сын</i> 25. Сынок 26. Сыночек 27. Сэр 28. <i>Уважаемая</i> 29. <i>Фрау</i>	
<i>С эмоциональным компонентом</i>		
1. Голубчик 2. Голубь (перен.) 3. Голубушка 4. <i>Голубонька</i> 5. Лебедка 6. <i>Мила</i> 7. <i>Милаха</i> 8. Милка 9. Милочка (разг.) 10. <i>Милушка</i> 11. Милый 12. <i>Милай</i> 13. Миленький 14. Радость 15. Родимый 16. Родимая 17. <i>Славные</i> 18. Соколик. 19. <i>Шолнышко (перен.)</i> 20. Ягодка (<i>перен.</i>)	1. Ангел 2. Андел 3. Голубушка 4. Голубчик 5. Голубь 6. Душенька/и 7. <i>Кларнет (прозвище Клары)</i> 8. <i>Кларнетик (прозвище Клары)</i> 9. Кровиночка 10. Лапушка 11. Малыш 12. Милай 13. Милашечка 14. Миленький 15. Милка 16. Милочка 17. <i>Мил-человек</i> 18. Милый 19. Ненаглядный 20. Родимый 21. Родной 22. Роднуля 23. <i>Сердешный</i> 24. <i>Славенький</i> 25. <i>Сладенький</i> 26. <i>Чиженька</i> 27. <i>Чудненький</i>	1. Голуба 2. Голубушка 3. Голубчик 4. Касатик 5. Киса (перен.) 6. Кровиночка 7. Милка 8. Родной 9. Свет 10. <i>Хороший</i>

Приложение 2

Номинации совокупностей лиц

в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина

Совокупности лиц

Общие обозначения (44; 282)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Люд 2. Люди 3. <i>Людишки</i> 4. <i>Людя</i> 5. Народ 6. Народец 7. Народишко 8. Общество 9. Человечество 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Люди 2. Людишки 3. Народ 4. Народишко 5. <i>Обчество</i> 6. Общество 7. Человечество 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Люди 2. Мир 3. Народ 4. <i>Полмира</i> 5. Полсвета 6. <i>Рать</i> (перен. о всех умерших) 7. Свет

Расовые и культурно-исторические, этнические, национальные, территориальные, сословные, родовые общности

Национальные, этнические, расовые, культурно-исторические общности, народы Общие обозначения (44; 283)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Народ 2. Народонаселение 3. Население 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Народ 2. Население 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Народ 2. Народонаселение 3. Население 4. Нация 5. Племя (перен. о школьниках)

Народы, племена, население государств (44; 284)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Американцы 2. Англичане 3. Британцы 4. Викинги 5. Германцы 6. Грузины 7. <i>Древляне</i> 8. Евреи 9. Итальянцы 10. Китайцы 11. Китайянки 12. <i>Китаята</i> 13. Литовцы 14. Латыши 15. Немцы 16. Остяки (приенисей- 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Американцы 2. Вьетнамец 3. Китаец 4. Немец 5. <i>Нерусский</i> 6. Половцы 7. Русский 8. Татарин 9. Татарка 10. Украинец 11. Француженка 12. Француз 13. Цыгане (ы) 14. Чилийцы 15. Японец/ы 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Американцы 2. Германец 3. <i>Гуцул</i> 4. Кавказец 5. Китайцы 6. Литовцы 7. Немец/цы 8. <i>Нерусская</i> 9. Поляк 10. <i>Римляне</i> 11. Русские 12. Татары 13. Тунгус 14. Тунгуска 15. Турок (перен.) 16. Француженка

ские) 17. Поляки 18. Россияне 19. Турки 20. Украинцы 21. Чехословаки 22. Цыгане 23. Цыганка 24. Цыганята 25. Эстонцы 26. Японцы		17. Цыган 18. <i>Цыганята</i> 19. Японец
<i>Просторечные названия, прозвища</i>		
1. <i>Кацапы</i> 2. <i>Русской</i> 3. <i>Фрицы</i> 4. <i>Ходя</i> 5. Хохол 6. <i>Япошка</i>	1. <i>Мериканец</i> 2. <i>Фрицы</i>	1. <i>Фриц</i>

По отношению к доисторическим эпохам, к ранним цивилизациям (44; 285)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы 1	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	Дикарь	Дикари

Совокупности лиц, характеризующихся по территориальной общности, по характеру проживания или его ограниченности (44; 286)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Мир 2. Село	1. <i>Городок</i> 2. «Деревня» 3. Мир	1. <i>Волость</i> 2. <i>Город</i> 3. <i>Деревня</i> 4. <i>Долина</i> 5. « <i>Заезд</i> » 6. Мир 7. <i>Полдеревни</i> 8. <i>Поселок</i>

Сословные, социально-экономические объединения, общности

Общие обозначения (44; 287)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Сословие	Класс (рабочий)	-

Высшие, привилегированные, имущие слои общества, кулачество (44; 288)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Знать 2. Общество	-	Общество

Низшие, непривилегированные слои общества, народ (44; 289)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Беднота 2. Крестьянство 3. Массы 4. Народ 5. Пролетариат 6. <i>Пролетарьят</i> 7. <i>Простолюдье</i>	1. Крестьянство 2. Массы 3. Низы 4. Пролетариат 5. Простонародье	Простонародье
<i>По имущественному состоянию, образу жизни, а также оценочные названия</i>		
Кулачье	1. Богема (багема, бо-ге-ма) 2. Кулачье	Нищета

Родовые общности, семейные союзы, объединения, семья (44; 290)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Род	1. Поколение 2. Род	1. Колено 2. <i>Корень (перен.)</i> 3. Поколение 4. Порода 5. Род 6. Род-племя 7. Табор (перен.)
<i>Семья, гарем</i>		
1. Семья 2. Семейка 3. <i>Семеюшка</i> 4. Семейство	1. Семейство 2. Семья	1. Гарем 2. Семья

**Совокупности лиц, действующих в специальных и профессиональных сферах
Общие обозначения (44; 291)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Бригада 2. Коллектив 3. <i>Коллектив</i> 4. Контингент (трудо- вой подконвойный) 5. Персонал	1. Бригада 2. Кадры 3. Коллектив 4. Партия (геологоразве- дочная) 5. Персонал	1. Бригада 2. Отряд

В сфере религии, культов (44; 292)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
-	-	Сестричество

В сфере искусства, литературы (44; 293)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Труппа 2. Хор	1. Оркестр 2. Оркестрик 3. <i>Самодетельность</i> 4. Труппа	Хор

В сфере науки, обучения, в сфере деятельности молодежи (44; 294)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Группа Учительство	Группа Курс	Выпуск Класс <i>Школа</i> <i>Университет</i>
<i>В сфере деятельности молодежи</i>		
-	-	-

Во властной, административной, судебной сферах (44; 295)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Власть 2. Дирекция 3. Начальство 4. Правительство 5. Правление 6. <i>Правленцы</i> 7. Руководство 8. Тройки	1. Власть 2. Дирекция 3. Милиция 4. Начальство 5. Правительство 6. Правление 7. Суд 8. Технократия	1. Власть 2. Милиция 3. Начальство 4. <i>Райисполком</i> 5. Сельсовет 6. <i>Санэпидстанция</i> 7. <i>Сам-аспид-стансыя</i> 8. <i>Совет</i> 9. <i>Чинство (колхозное)</i>

**В военной, военизированной сферах
Воинства, борющиеся силы (44; 296)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Враг	1. <i>Войско</i> 2. Враг 3. Неприятель 4. Противник	1. Воинство 2. <i>Войско</i> 3. Враг

**Начальствующие лица, а также совокупности лиц, входящих в какие-н. воинские
разряды, подразделения, в неструктурные объединения (44; 297)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Охрана	1. Офицерство 2. <i>Наряд конной милиции</i>	1. <i>Батальон</i> 2. <i>Батарея</i> 3. <i>Взвод</i> 4. <i>Группа</i> 5. <i>Дивизия</i> 6. <i>Караул</i>

		7. Полк 8. Разведрота 9. Расчет
<i>С компонентом оценки</i>		
-	-	-

В производственной, хозяйственной, торговой, обслуживающих сферах (44; 298)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Артель 2. <i>Артелька</i> 3. Вахта 4. <i>Горкомхозовцы</i> 5. Обслуга	1. Артель 2. <i>Инженерия</i> 3. <i>Почтовские</i> 4. Прислуга 5. <i>Сельповские</i> 6. « <i>Сельсоветские</i> » 7. Экипаж	1. Артель 2. Колхоз 3. <i>Коммуния (перен.)</i> 4. Леспромхоз 5. Обслуга 6. <i>Рука (человечья, перен.)</i>
<i>С компонентом оценки</i>		
Шоферня	-	-

В сфере спорта (44; 299)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
Команда	-	-

Временно созданные объединения с нерегулярными функциями (44; 300): 24

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Актив 2. Комиссия 3. Кружок (танцев)	1. Комиссия 2. Очередь	1. Комиссия 2. Процессия 3. <i>Испидиция</i> 4. <i>Линейка</i> 5. Очередь 6. Хоровод

Преступные, антисоциальные объединения, группировки (44; 301)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Банда 2. Ворье 3. Шайка	1. Жиганье 2. Жулье	-

**Совокупности лиц, относящихся к неспециальным, непрофессиональным сферам
Характеризуемые по количеству (44; 302)**

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. Ватага 2. Ватажка 3. Парочка 4. Орда (перен.) 5. Толпа 6. <i>Мирицина</i>	1. Армия 2. Орда (перен.) 3. Пара 4. Парочка 5. Толпа	1. <i>Войско</i> (перен.) 2. Орда (перен.) 3. Пара 4. Парочка 5. <i>Рать</i> 6. Толпа

Характеризуемые по функции, по социальному состоянию, по полу, возрасту, родству

По общей функции, общности интересов, деятельности, по социальному состоянию, по сложившимся отношениям (44; 303)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Гвардия 2. Команда 3. Молодые силы трудовых резервов 4. Поколение 5. Публика 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аудитория 2. <i>Древние</i> 3. Мир (ученый) 4. Поколение 5. Публика 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Верхушка 2. Деда 3. Дети 4. Команда 5. Сила 6. <i>Остающиеся</i> 7. Публика
<i>По общей функции, по общим действиям</i>		
		-

По признаку знакомства, близости (44; 304)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Компания 2. Наши 3. Общество 4. <i>Отчество</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Братва 2. Братство-товарищество 3. Колхоз (перен.) 4. Компания 5. <i>Обчество</i> 6. Общество 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Группа</i> 2. <i>Зал</i> 3. Застолье 4. Компания 5. Круг 6. <i>Свадьба</i> 7. Улица (перен.)

По полу, возрасту, родству, породнению (44; 305)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабье 2. Девчата 3. Детвора 4. Дети 5. <i>Деци</i> 6. Детки 7. Деточки 8. Детишки 9. <i>Детоньки</i> 10. Домашние 11. Кумовья 12. Малышня 13. Молодежь 14. Мужичье 15. Наши 16. Ребята 17. <i>Робяты (робята)</i> 18. <i>Ребятишки</i> 19. <i>Робятишки</i> 20. Ребятя 21. <i>Робятня</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабье 2. Внучатычки 3. Девчата 4. Дети 5. Детишки 6. Деточки 7. Дегушки 8. Домашние 9. Молодежь 10. Молодые 11. Ребята 12. Ребятишки 13. Ребятки 14. Ребятя 15. Родители 16. Родня 17. Старики 18. <i>Теперешние</i> 19. <i>Чеснок (перен. о детях)</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Внуки 2. <i>Восемнадцатилетние</i> 3. <i>Дети-внуки</i> 4. Детишки 5. Детки 6. Молодежь 7. <i>Отец-мать</i> 8. <i>Пол (женский)</i> 9. Ребята 10. <i>Ребятишки</i> 11. <i>Ребятник</i> 12. Ребятя 13. <i>Ребяты</i> 14. Родители 15. Родные 16. Родня 17. <i>Родова</i> 18. Родова 19. Старики

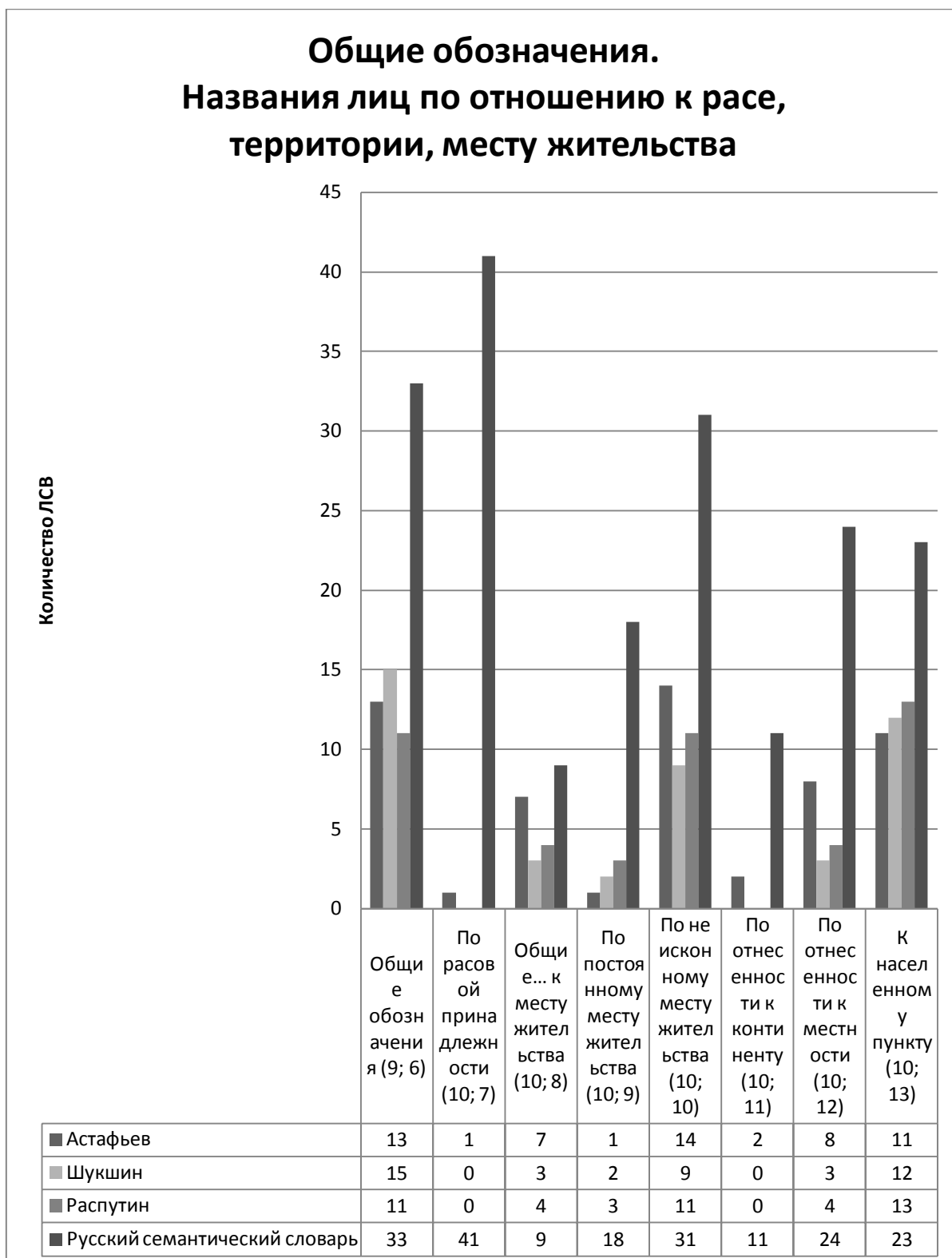
22. <i>Робятушки</i> 23. Родители 24. Родня 25. Родные 26. <i>Родова</i> 27. Сваты 28. <i>Сватовья</i> 29. Свои		
<i>по брачным, любовным отношениям</i>		
1. Супруги 2. Чета	1. Супруги 2. Холостежь	1. <i>Брачующиеся</i> 2. Молодожены 3. <i>Молодежь-холостежь</i> 4. Новобрачные 5. Холостежь 6. Чета

Собственно названия-оценки (44; 306)

В.П. Астафьев «Последний поклон»	В.М. Шукшин Рассказы	В.Г. Распутин Рассказы и повести
1. <i>Варначье</i> 2. <i>Вишвота</i> 3. Клика 4. Нечисть 5. Отродье (пролетарское, кулацкое) 6. Погань 7. Рвань (перен.) 8. Сброд 9. <i>Хевра</i> 10. <i>Хлам (людской, перен.)</i> 11. Хулиганье 12. <i>Шакалье (перен.)</i> 13. Шантрапа 14. Шпана	1. Дурачье 2. Зверье 3. Погань 4. <i>Подворотня чертова</i> 5. Сброд 6. Сволота 7. Сволочь 8. Хамье	1. Нелюди 2. <i>Нечистая сила</i>
<i>Высокая оценка</i>		
Руководящая элита		

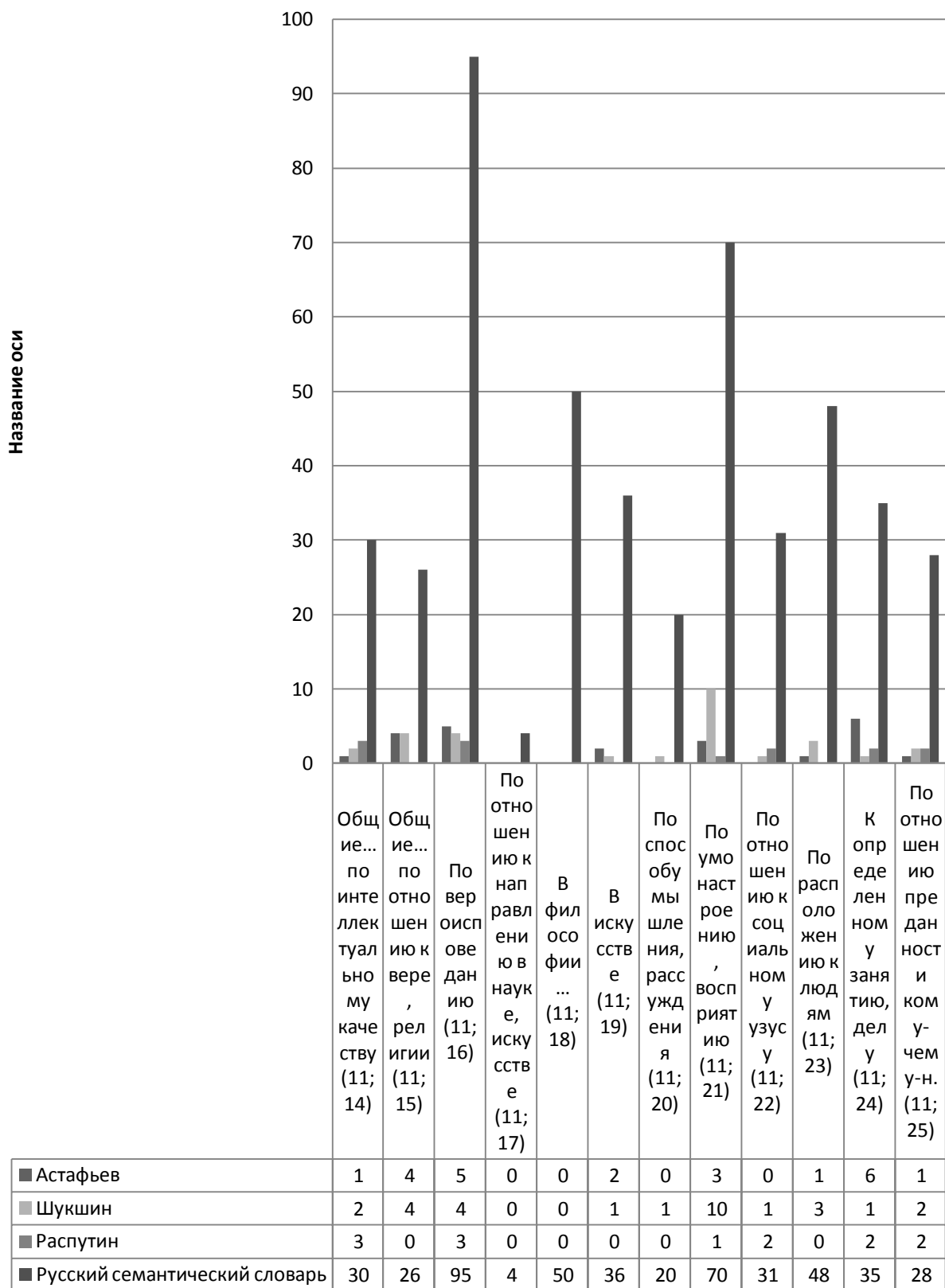
Приложение 3

Количественно-сопоставительные диаграммы лексико-семантических рядов номинаций лиц и их совокупностей в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина и в «Русском семантическом словаре»

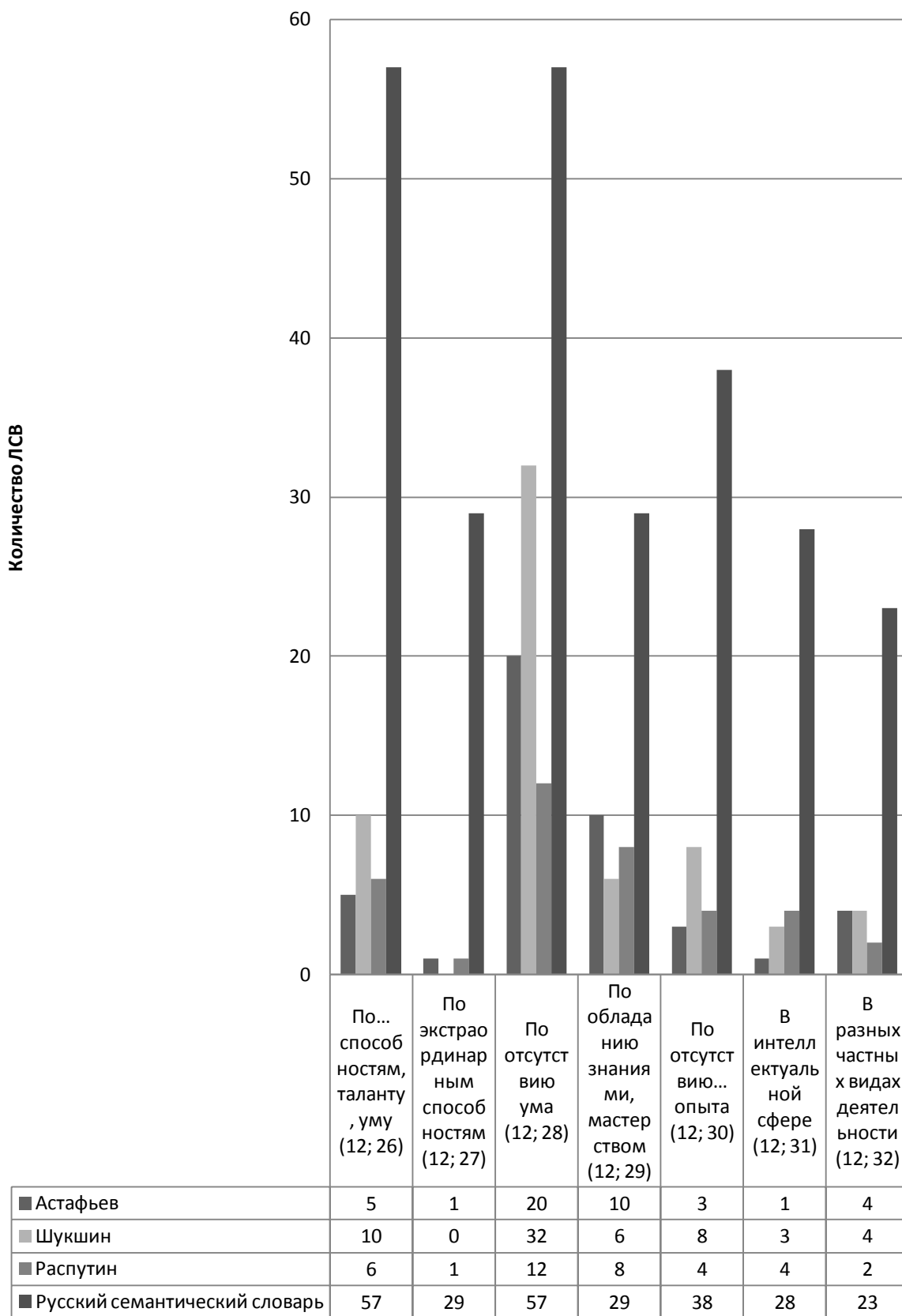

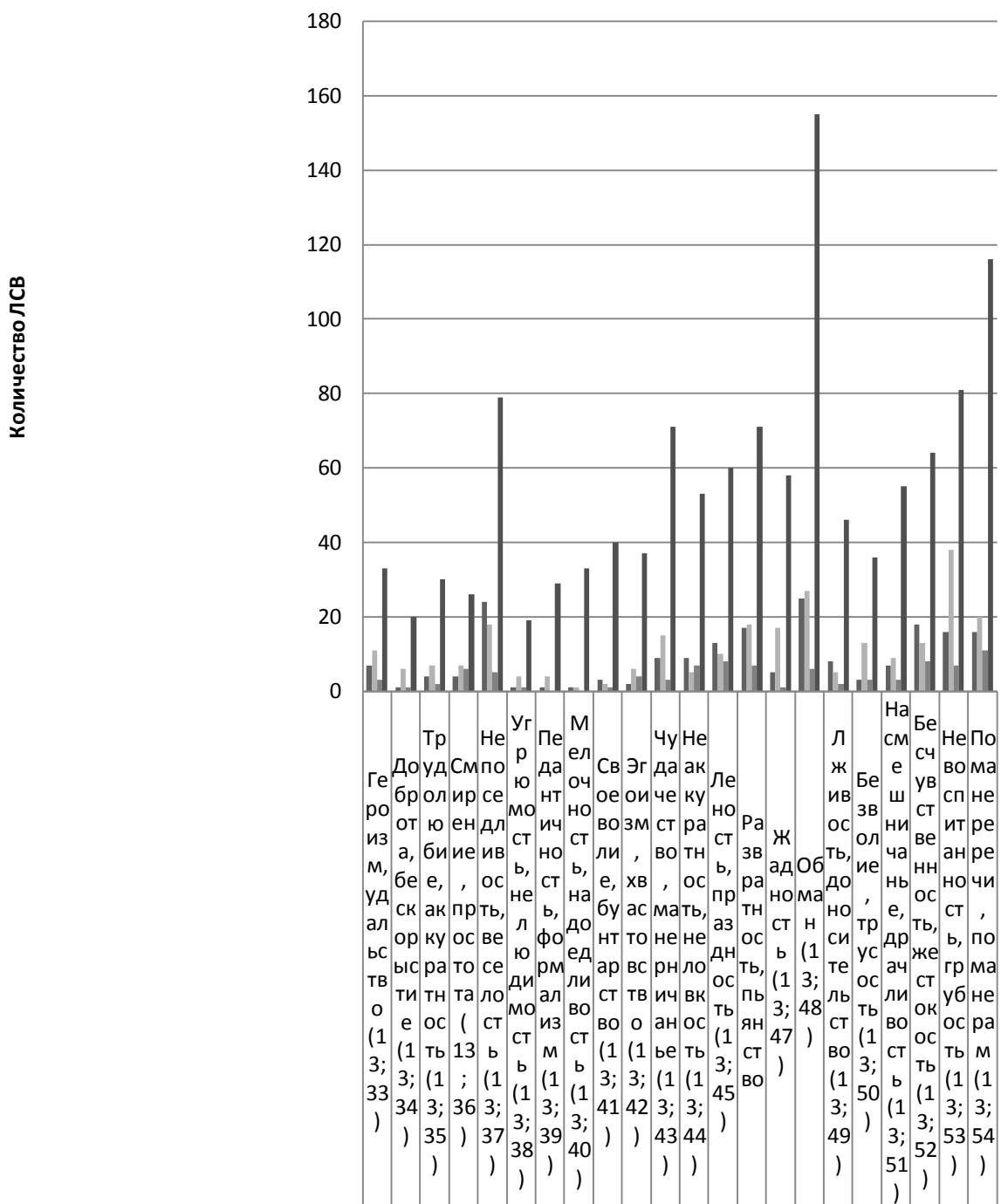
По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному состоянию, свойству, качеству

По врожденному или приобретенному интеллектуальному... свойству, качеству

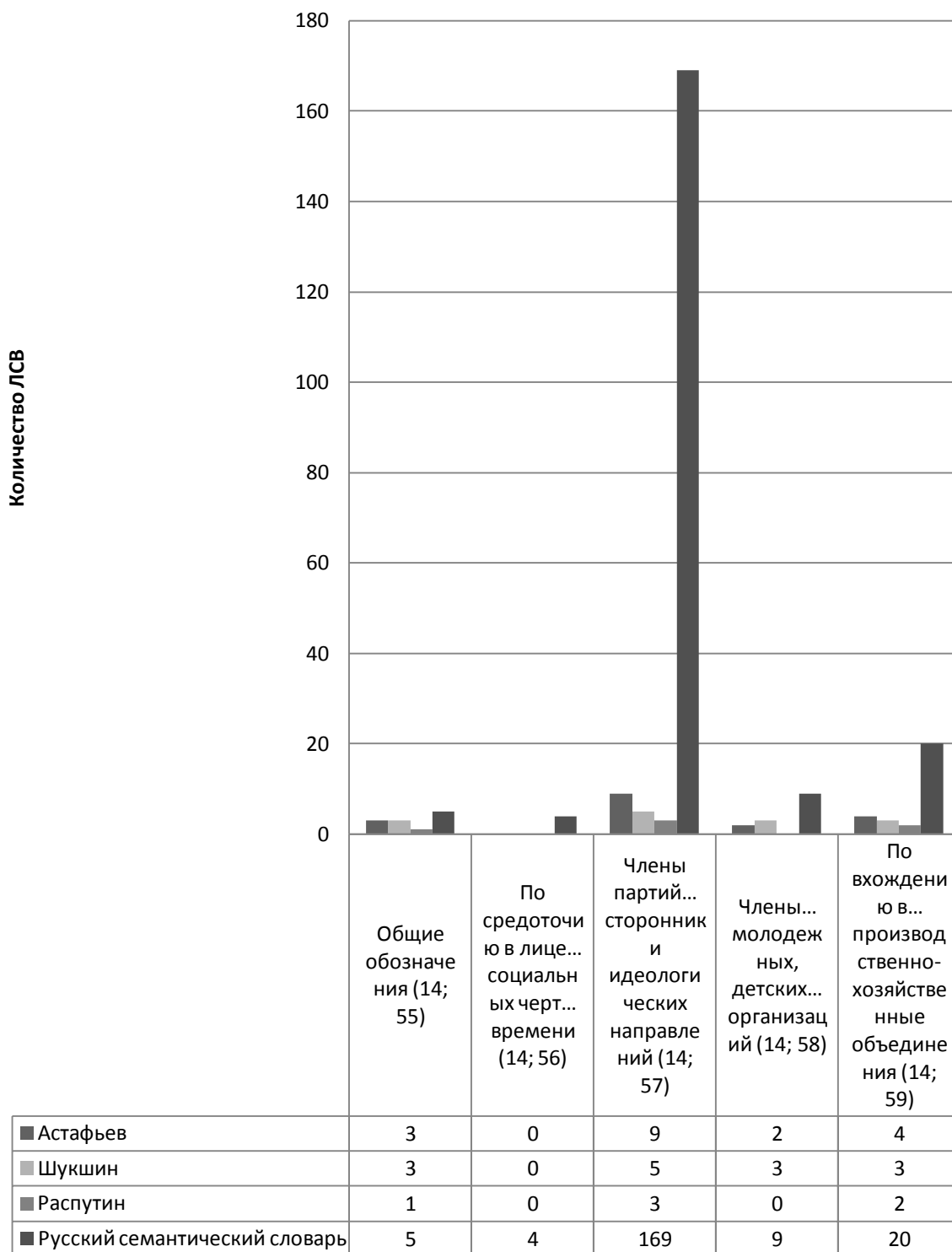

Номинации лиц по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами (все ЛСВ)

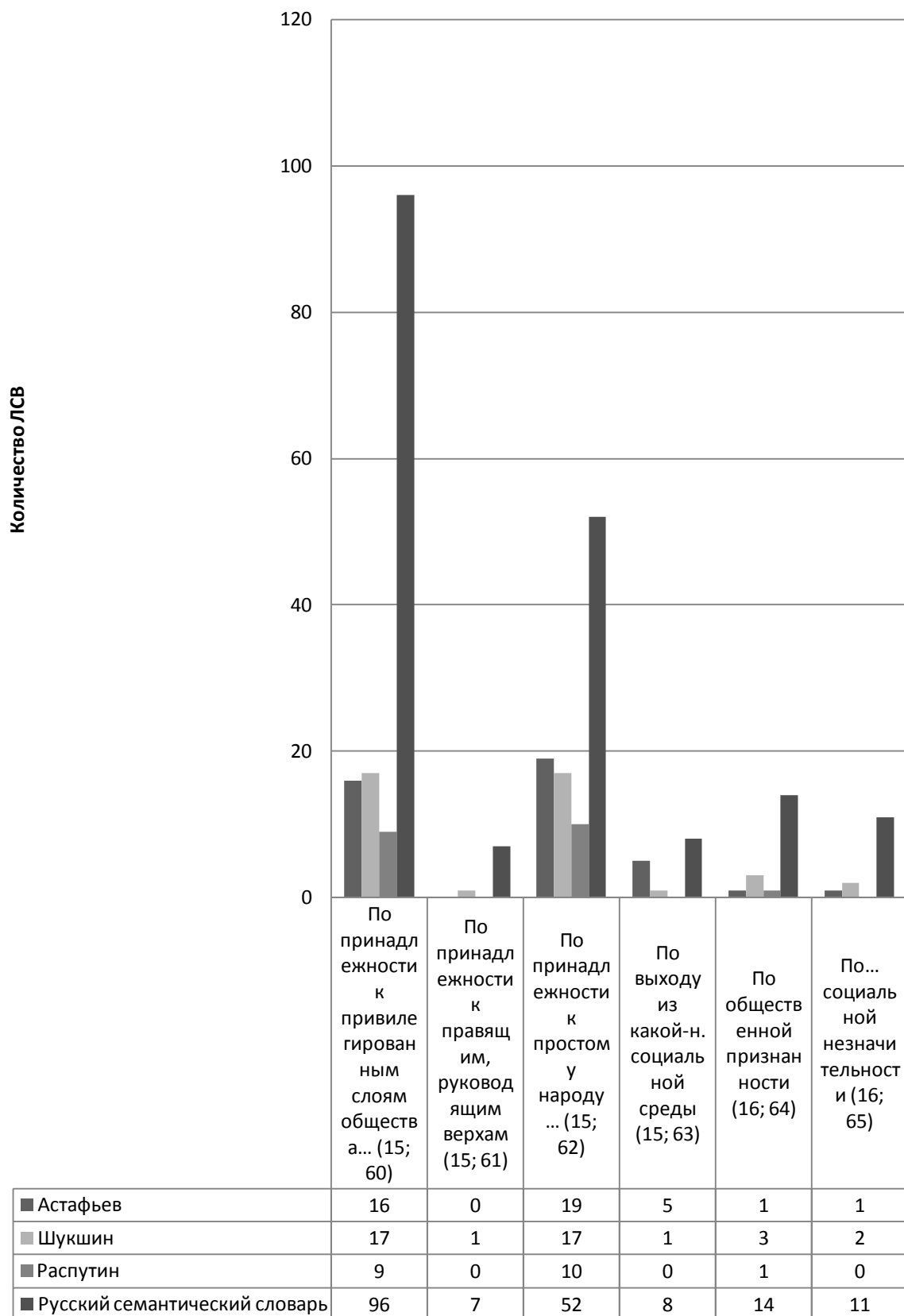

■ Астафьев	7	1	4	4	24	1	1	1	3	2	9	9	13	17	5	25	8	3	7	18	16	16
■ Шукшин	11	6	7	7	18	4	4	1	2	6	15	5	10	18	17	27	5	13	9	13	38	20
■ Распутин	3	1	2	6	5	1	0	0	1	4	3	7	8	7	1	6	2	3	3	8	7	11
■ Русский семантический словарь	33	20	30	26	79	19	29	33	40	37	71	53	60	71	58	155	46	36	55	64	81	116

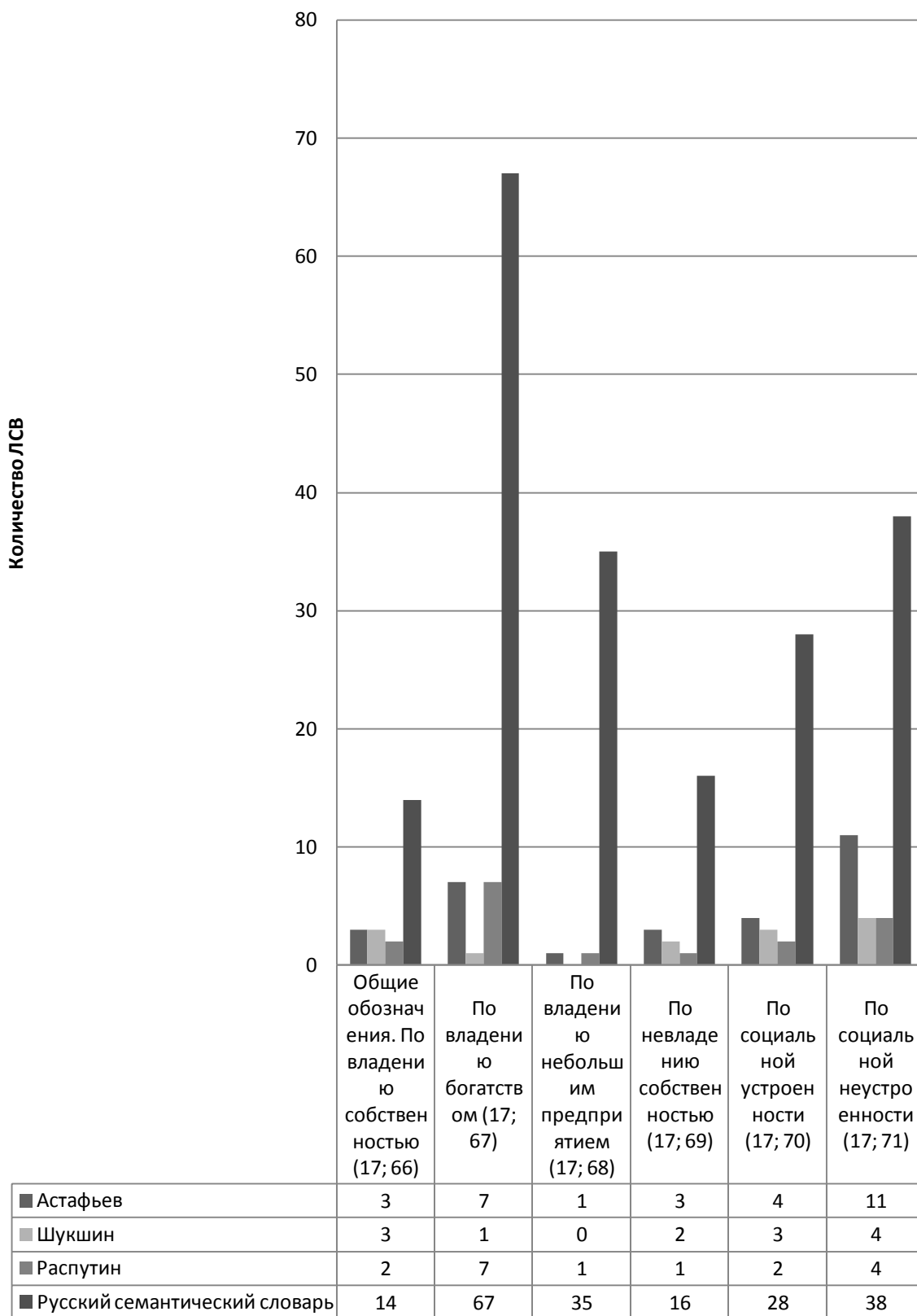
Названия лиц по социальному свойству... по характерному социальному состоянию

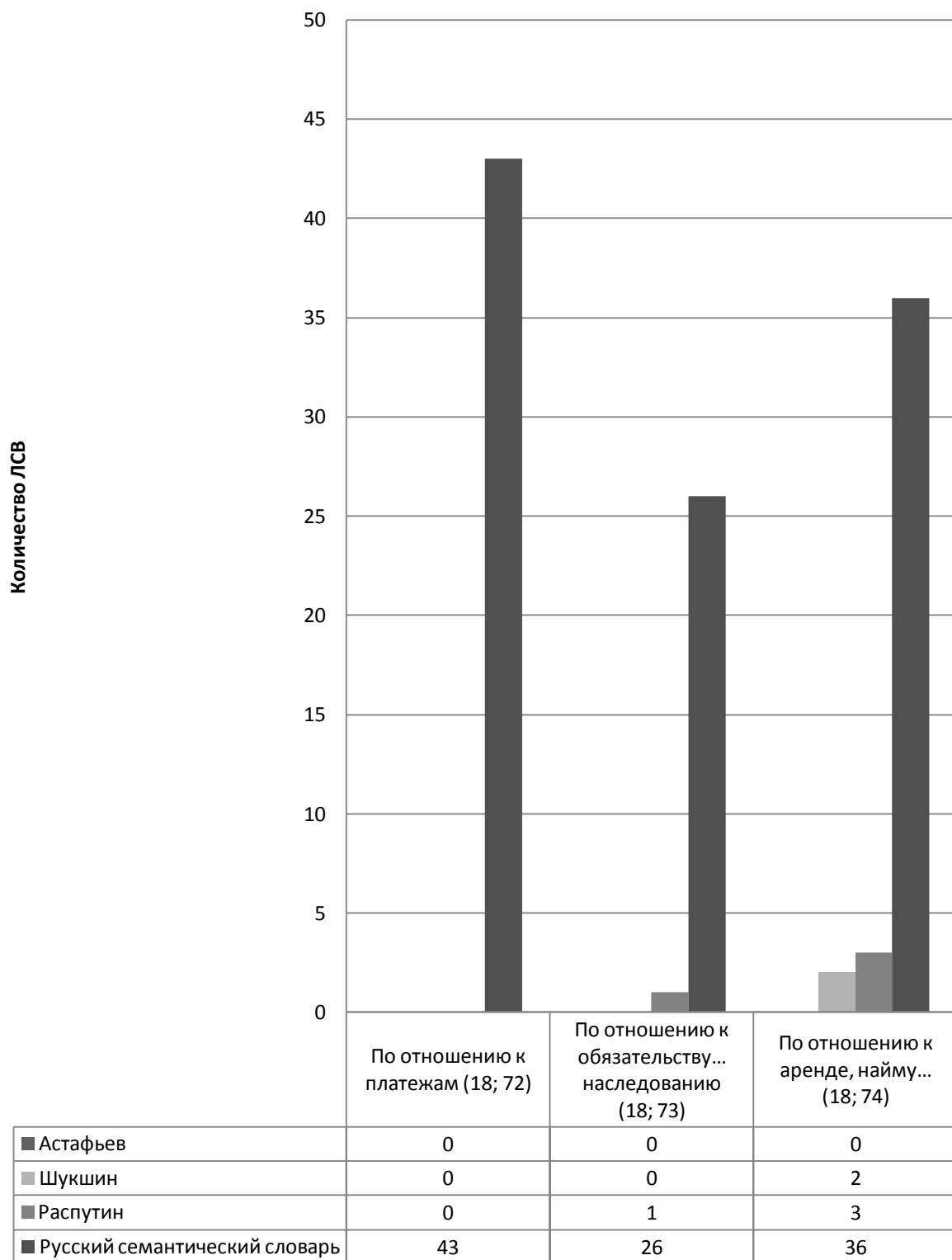
По сословному положению, по состоянию личного хозяйства или зависимости

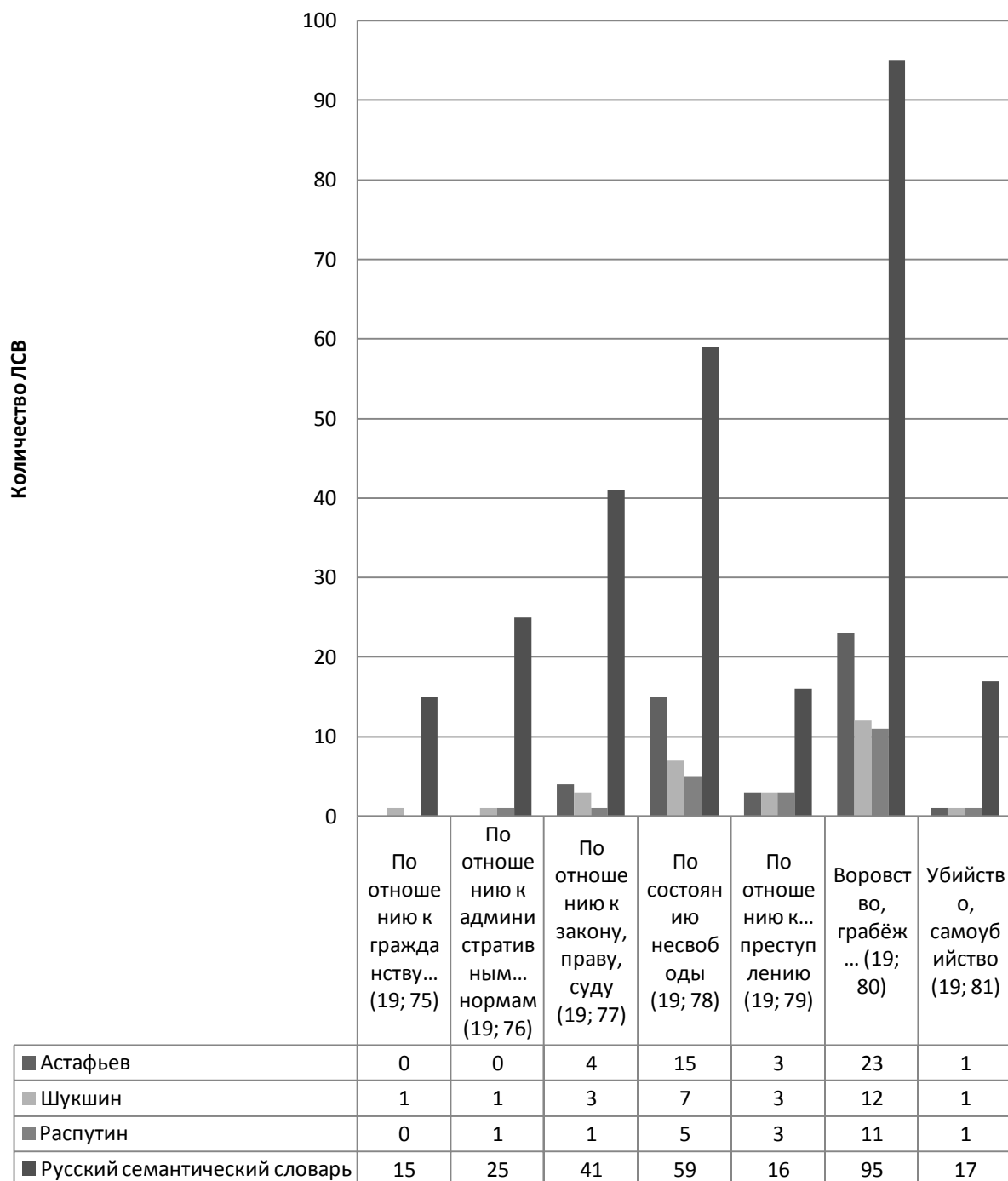
По отношению к средствам существования, к их получению

По отношению к социально-экономическим, административно-правовым действиям и обусловленному ими состоянию

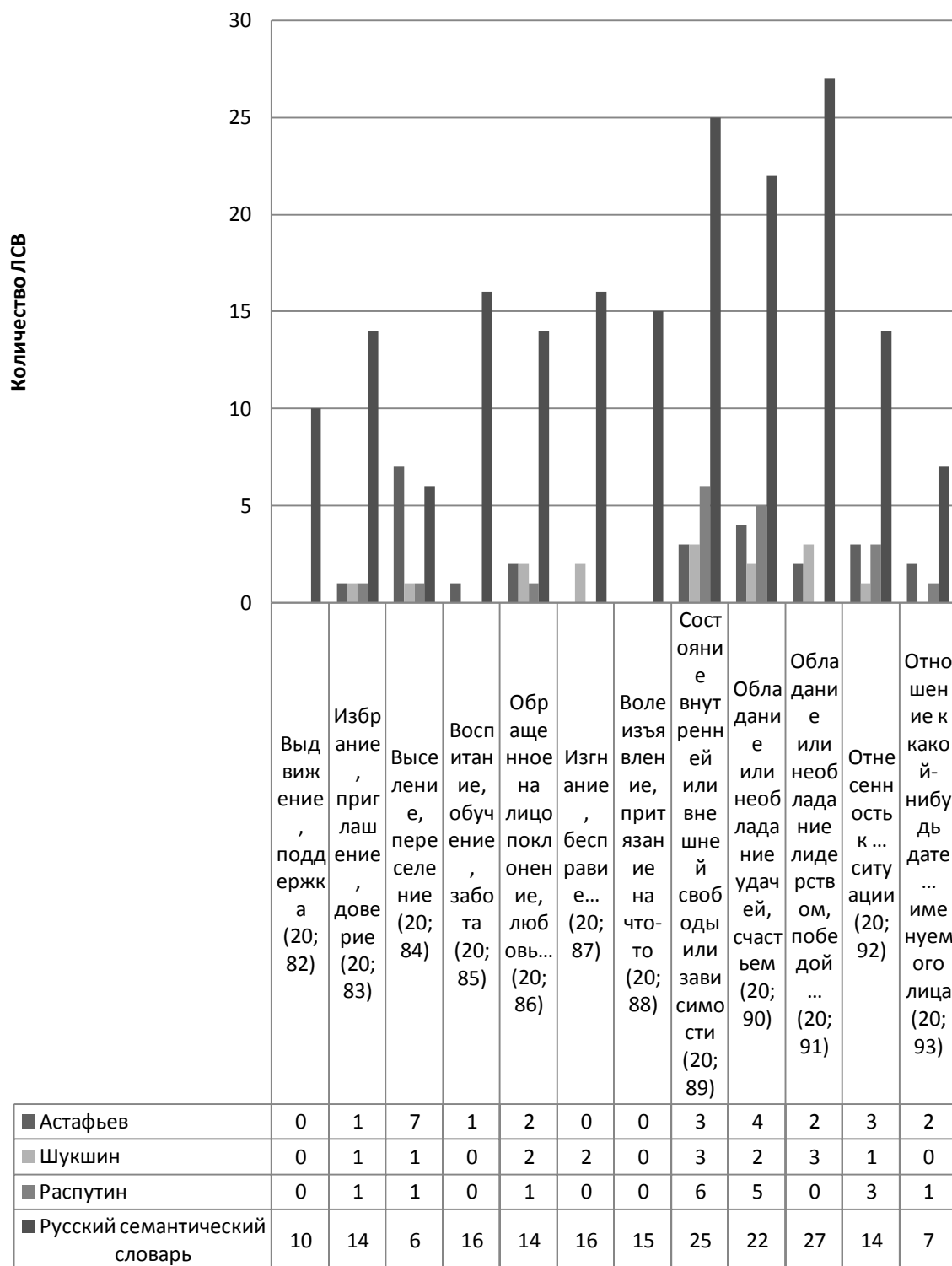

Названия лиц по отношению к гражданству, административно-правовым нормам, к закону, суду

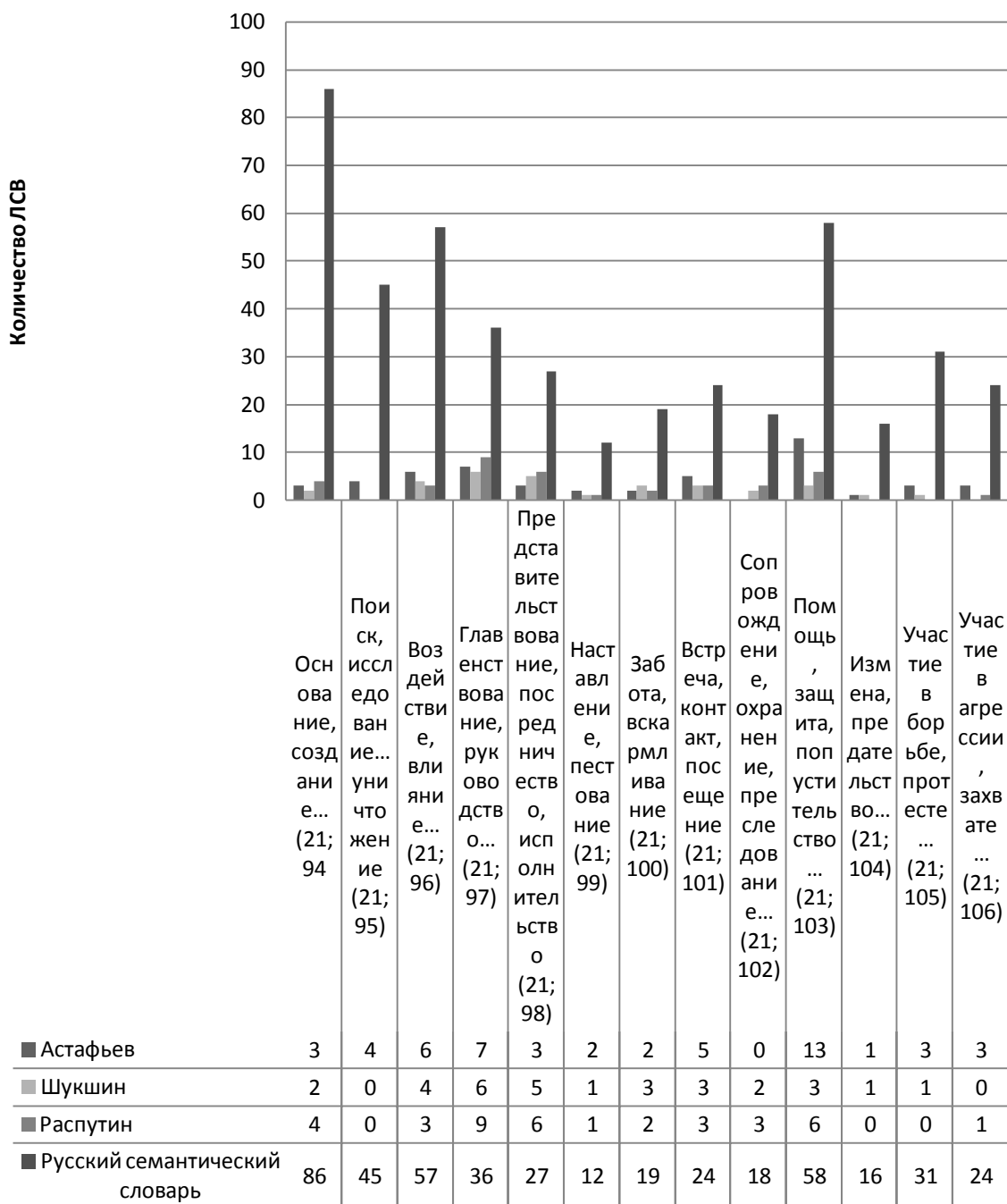

По окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием

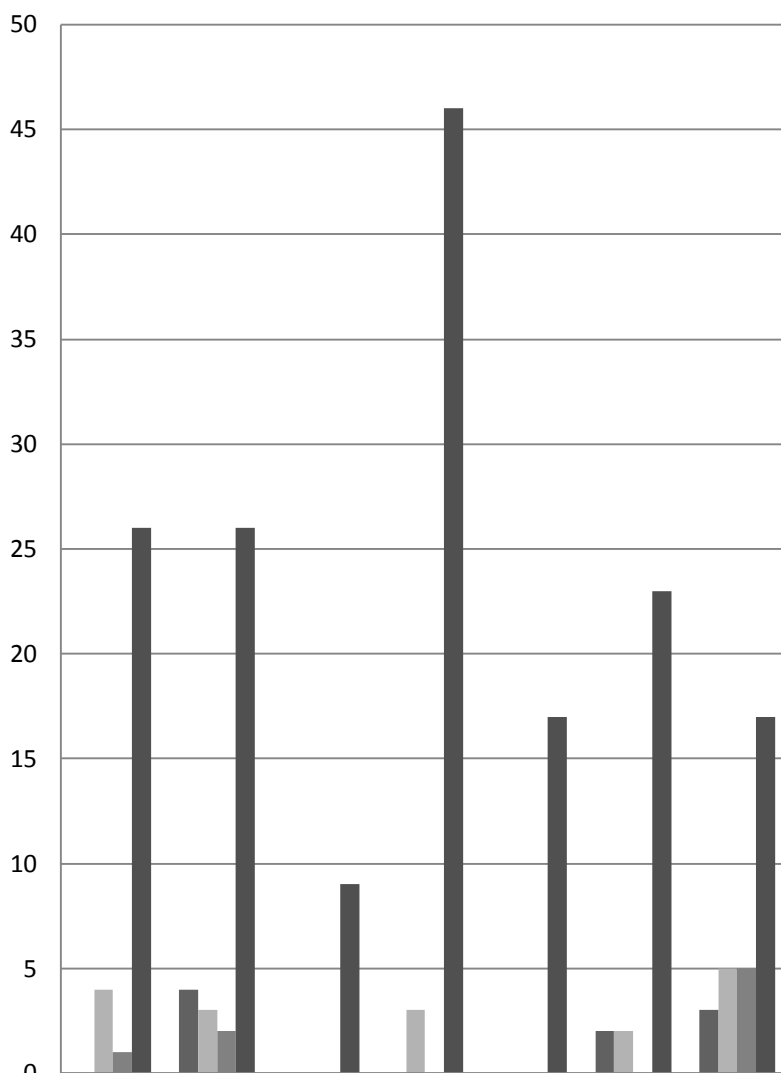

Названия лиц по характерному или разовому действию, поступку, функции

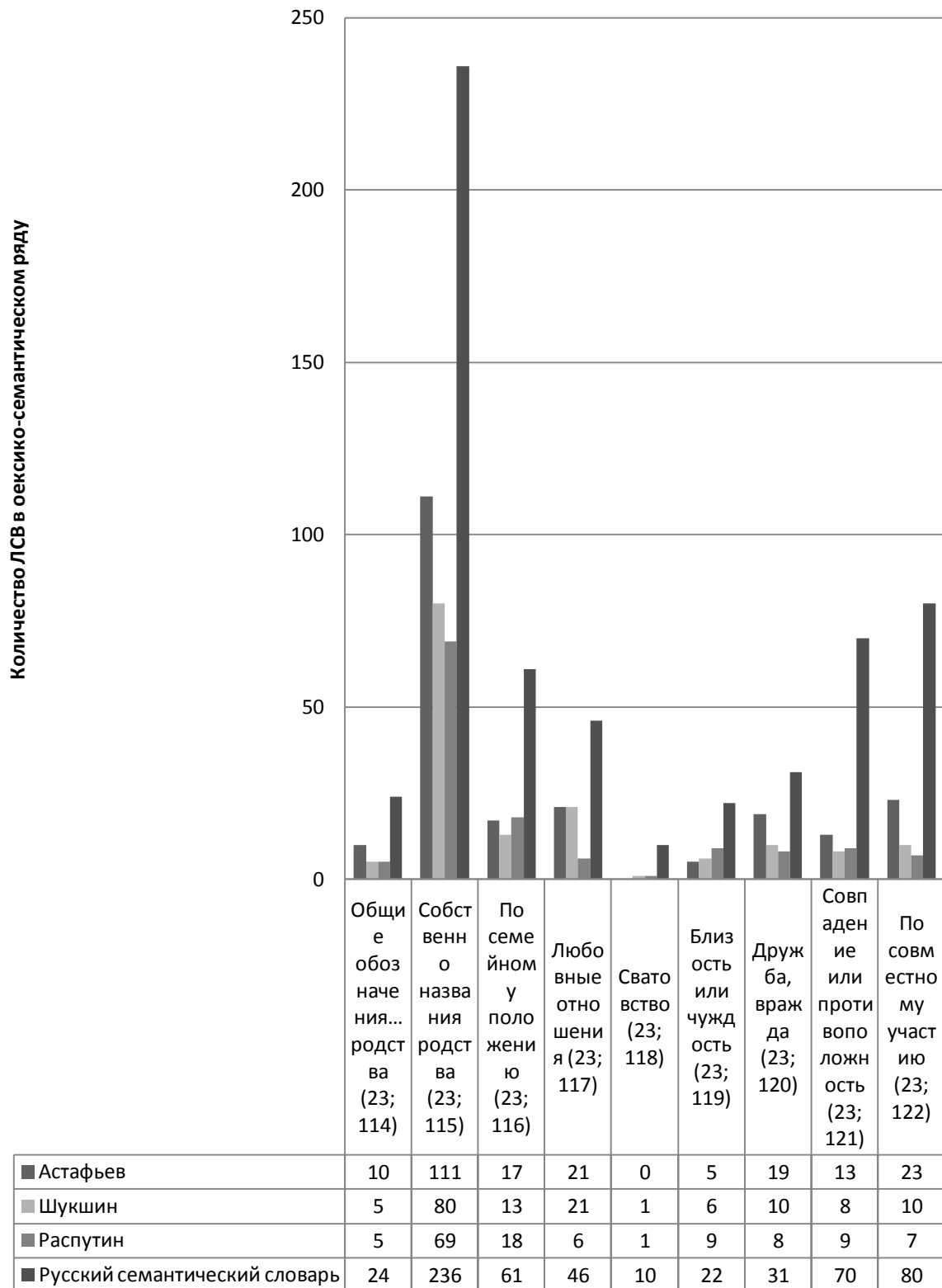
Передача, получение или восприятие информации

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

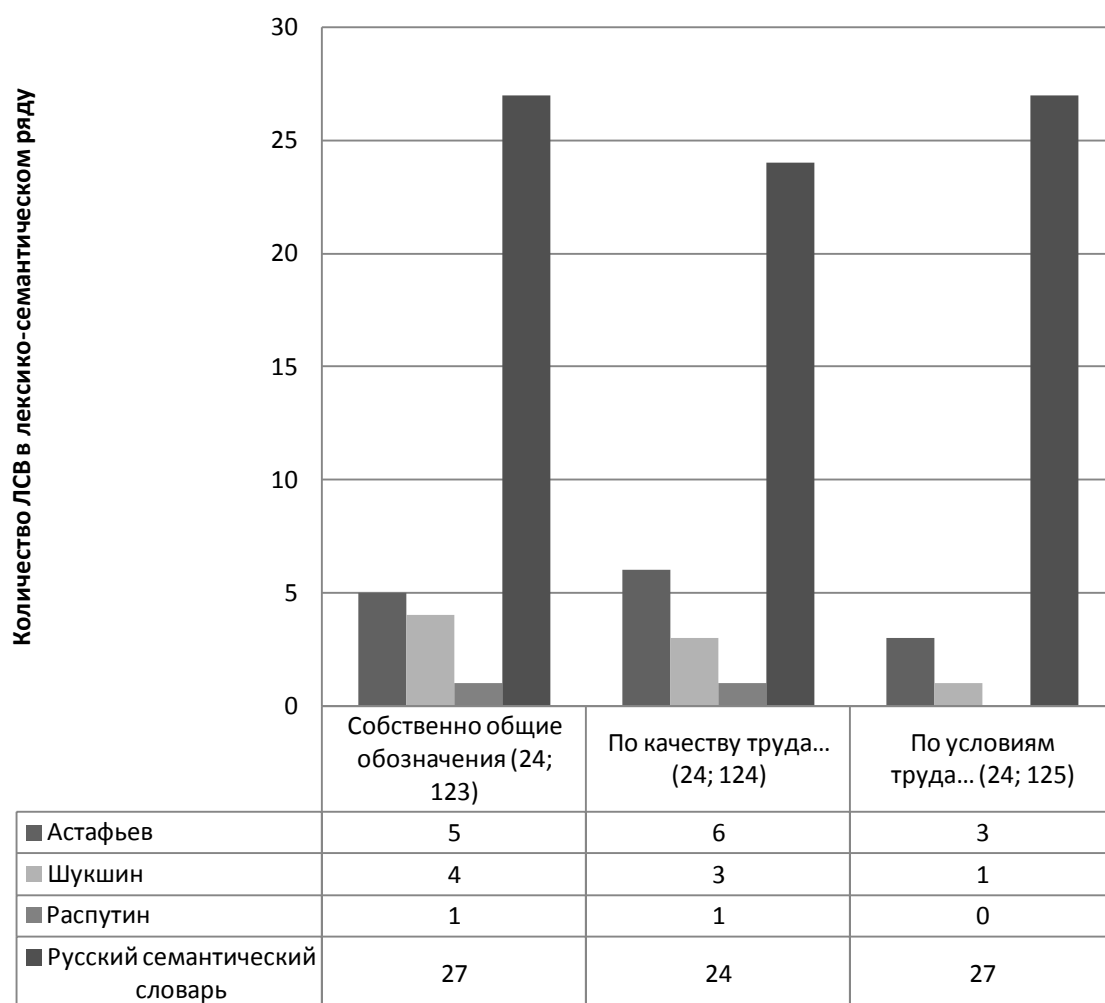

Источник	Собственно информационное... (22; 107)	Информация, обращенная к аудитории... (22; 108)	Информация-столкновение, объяснение (22; 109)	Информация-заявление... (22; 110)	Заведомо ложная информация... (22; 111)	Предсказания, разгадки, подсказки (22; 112)	Восприятие информации (22; 113)
■ Астафьев	0	4	0	0	0	2	3
■ Шукшин	4	3	0	3	0	2	5
■ Распутин	1	2	0	0	0	0	5
■ Русский семантический словарь	26	26	9	46	17	23	17

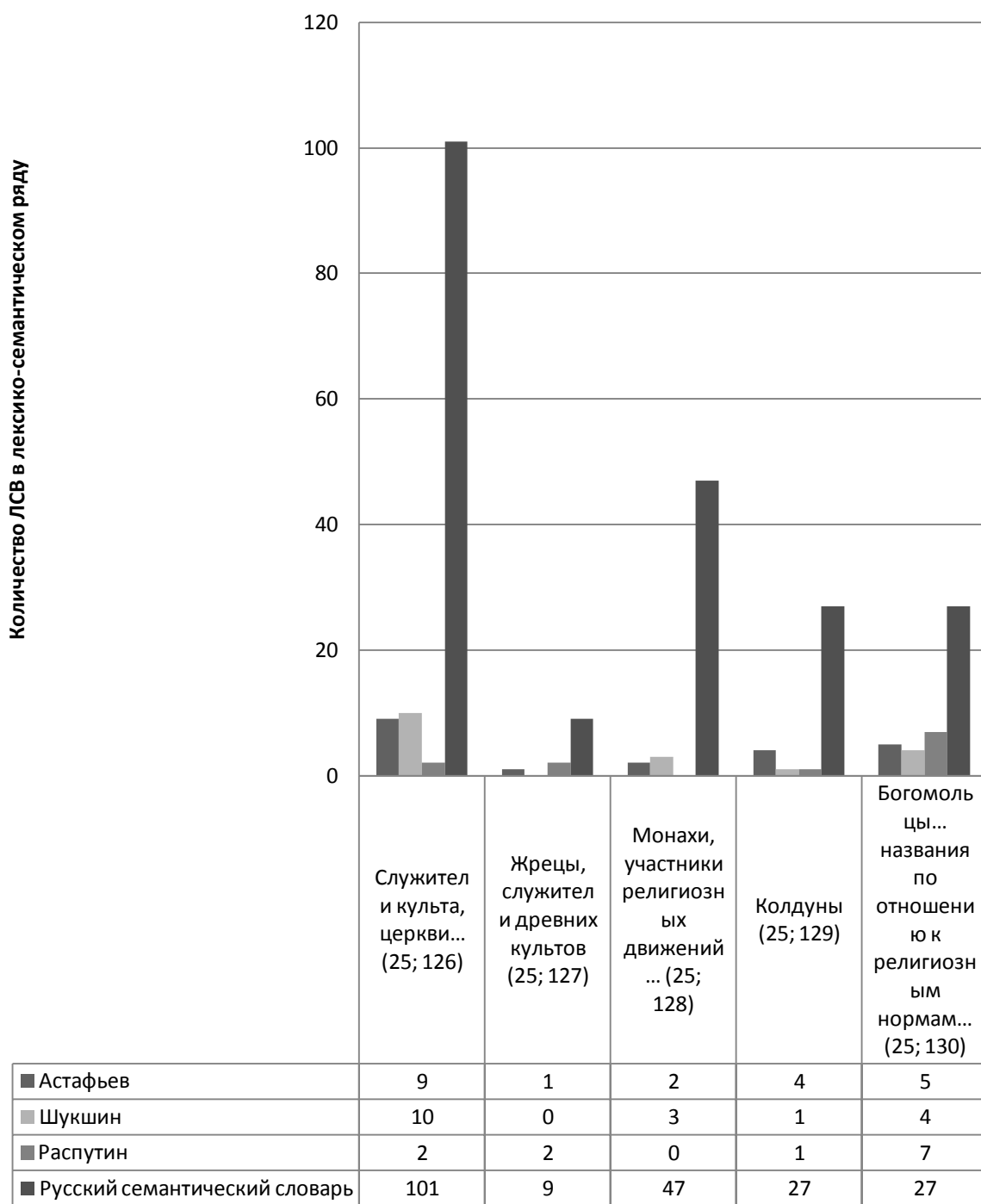
Названия лиц по личным, общественным отношениям, связям

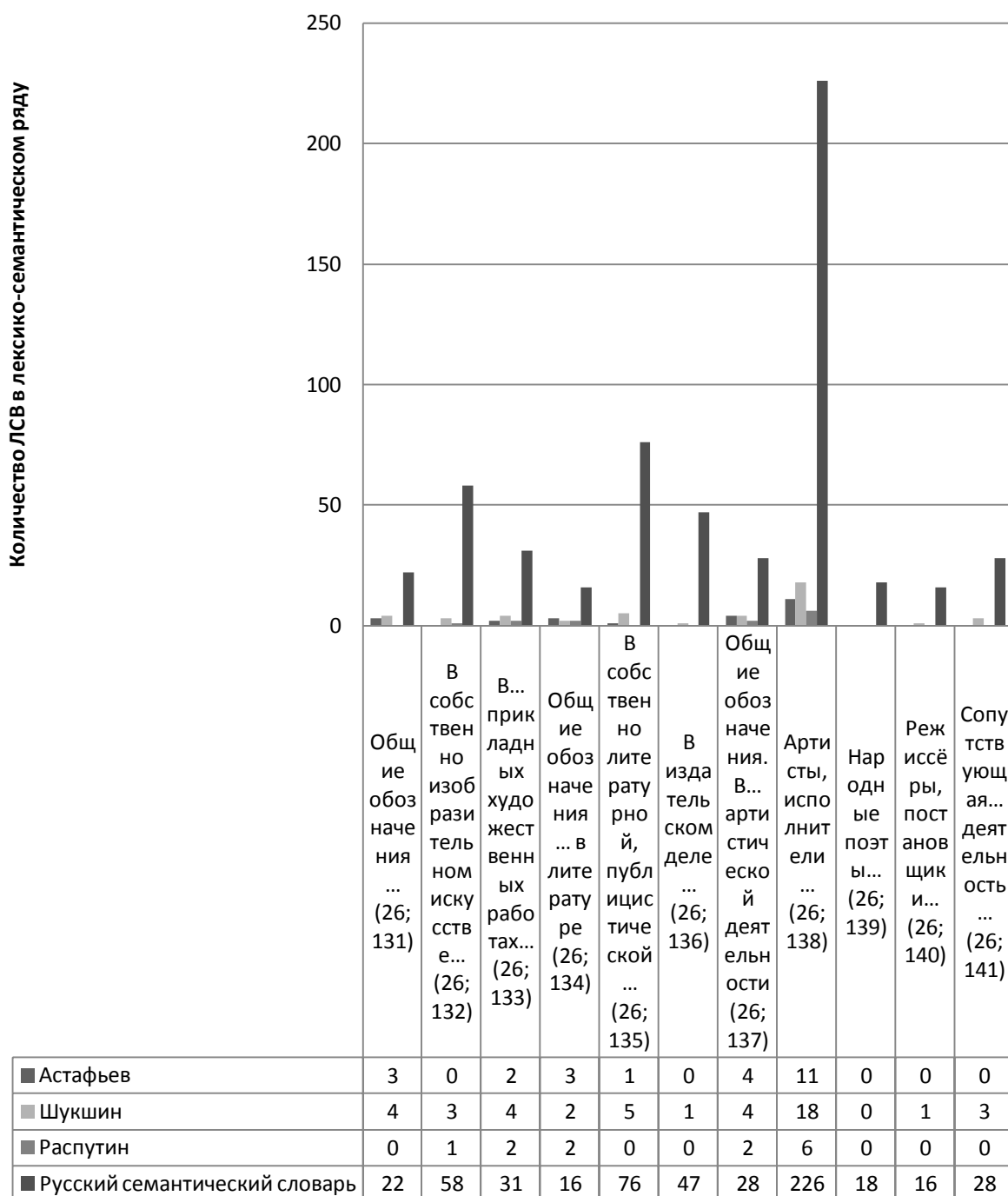
Названия лиц по профессии, специальности, роду занятий. Общие обозначения

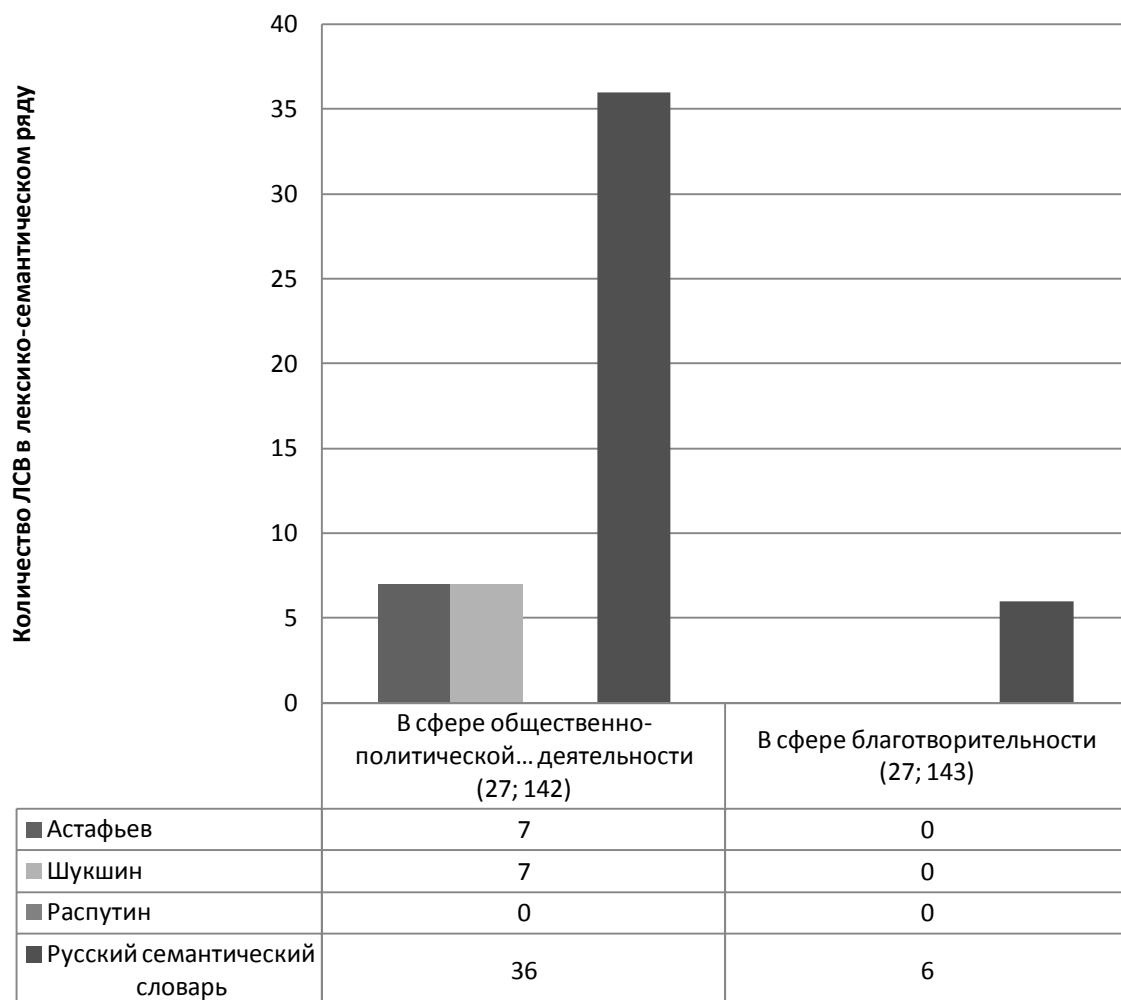
Названия лиц в сфере религии, культов

Названия лиц в сфере искусства, творчества; по сопутствующим им занятиям

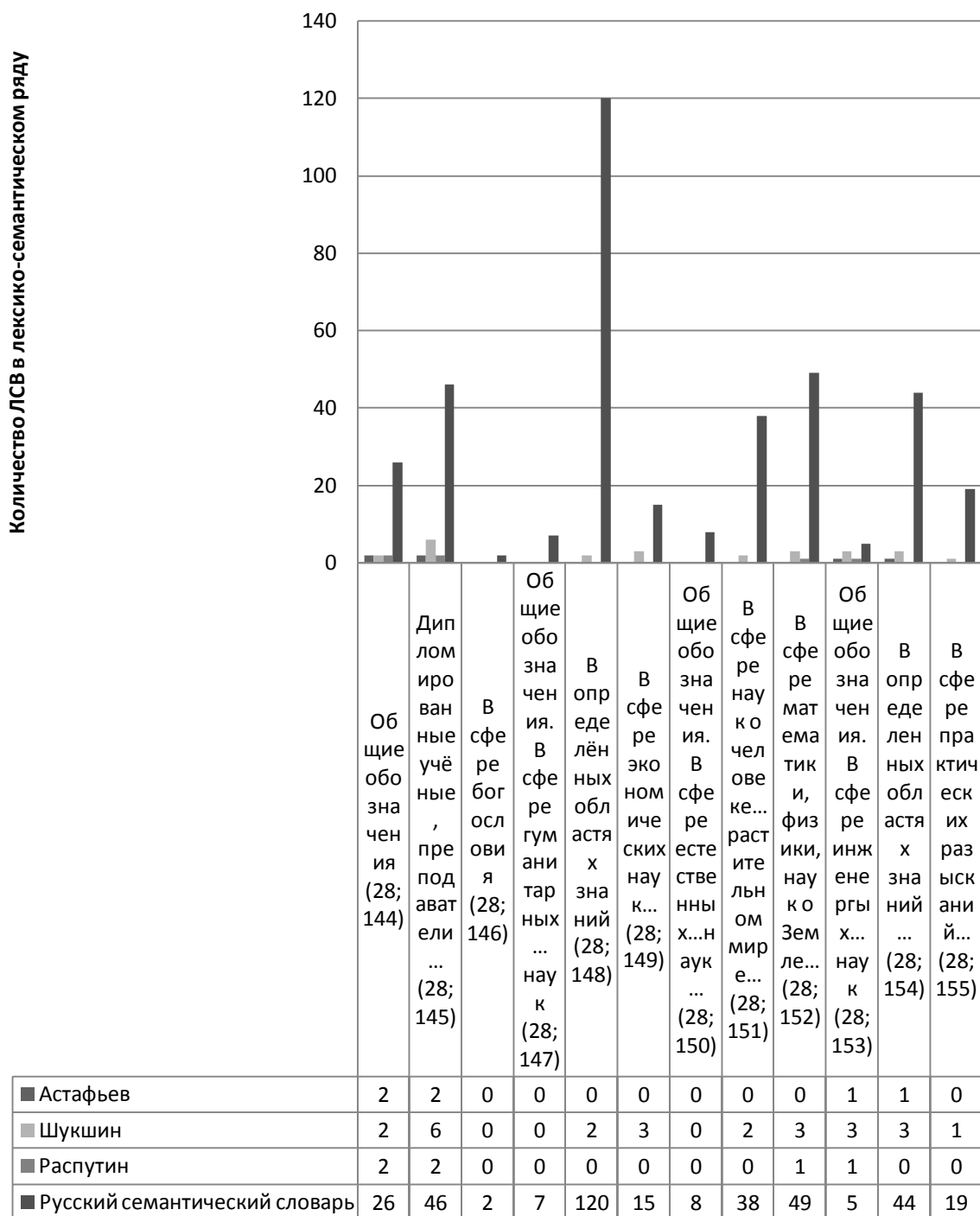

Названия лиц в сфере общественной, общественно-политической деятельности, благотворительности

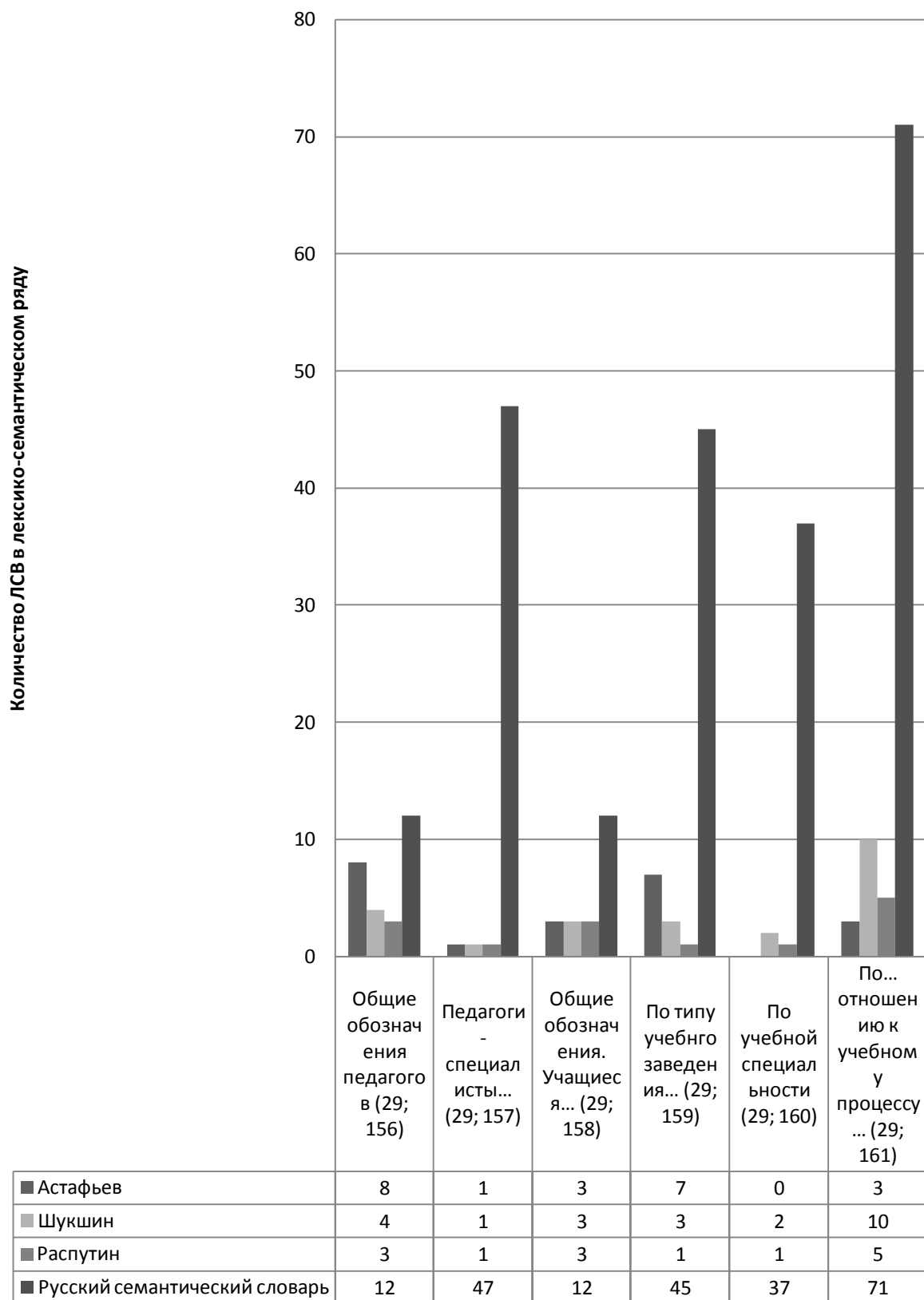

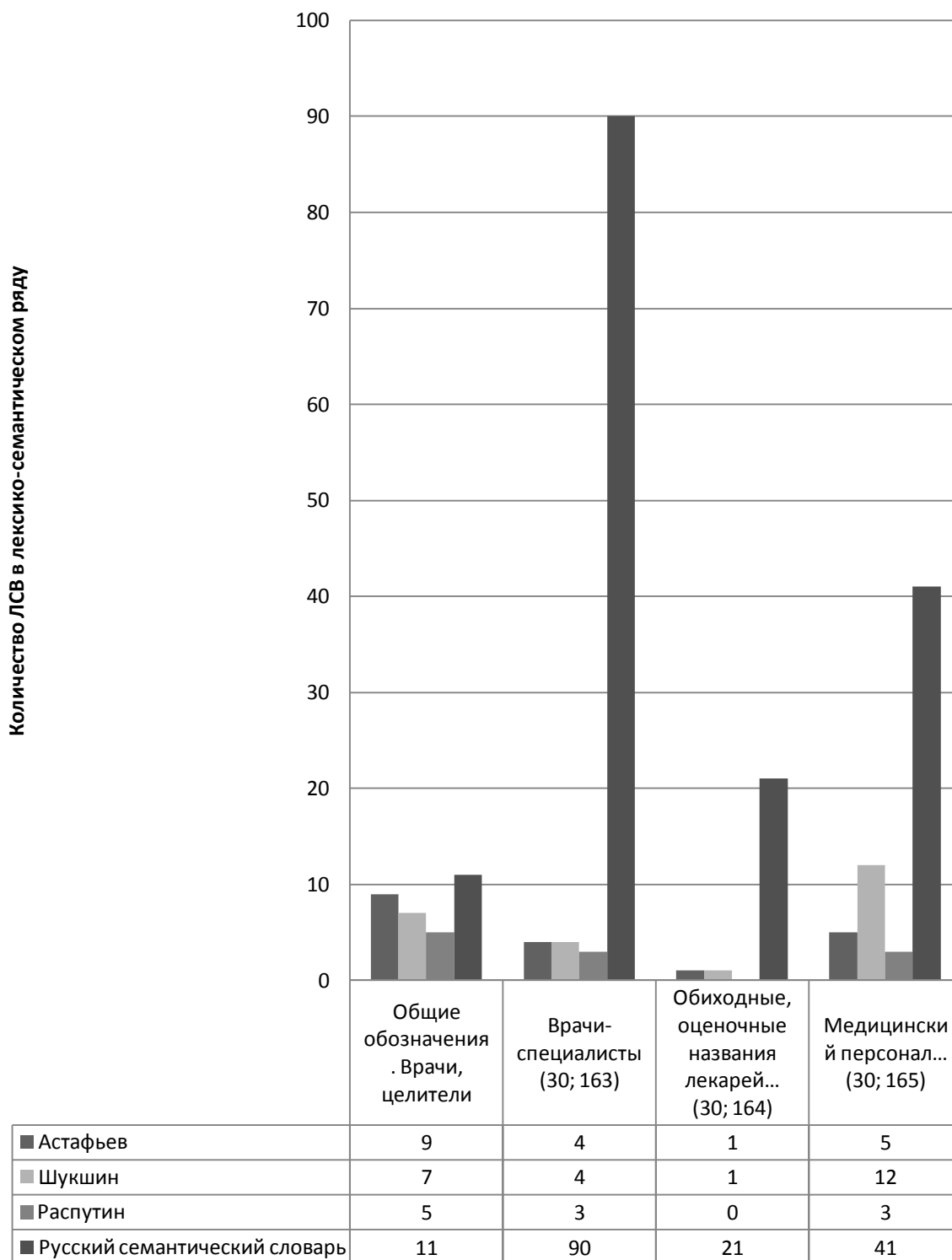
Названия лиц в сфере науки, её практического применения, специальных разысканий

Названия лиц в сфере просвещения, преподавания, обучения

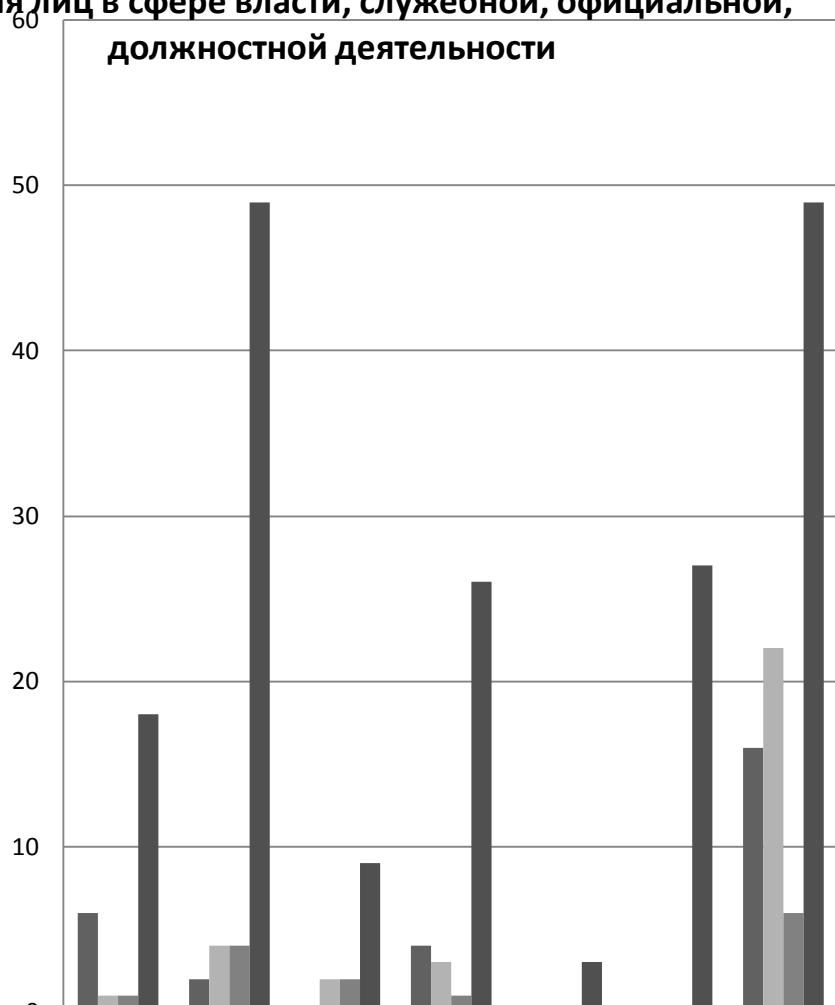

Названия лиц в сфере медицины, врачевания, фармакологии, гигиены, парикмахерского искусства

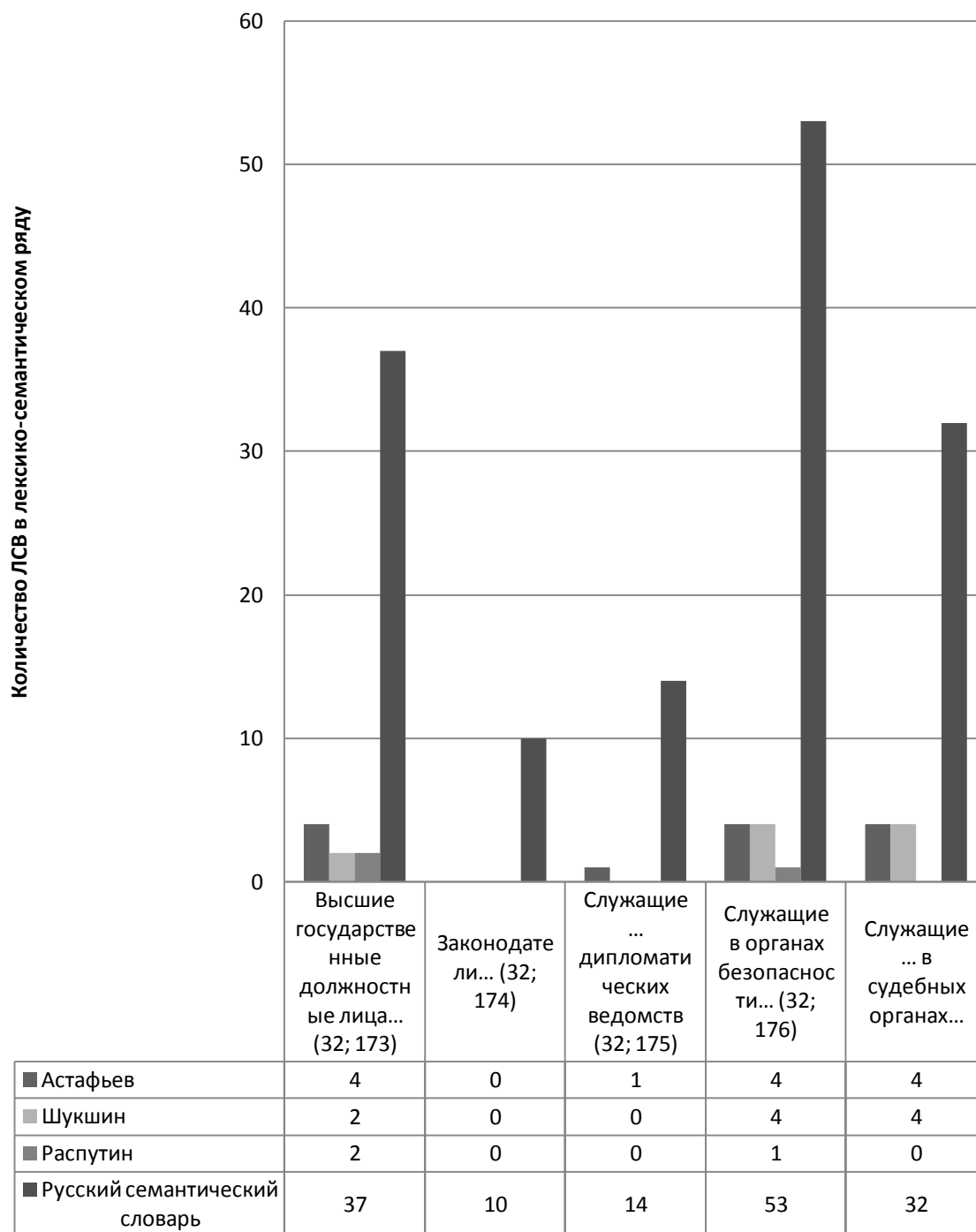
Названия лиц в сфере власти, служебной, официальной, должностной деятельности

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

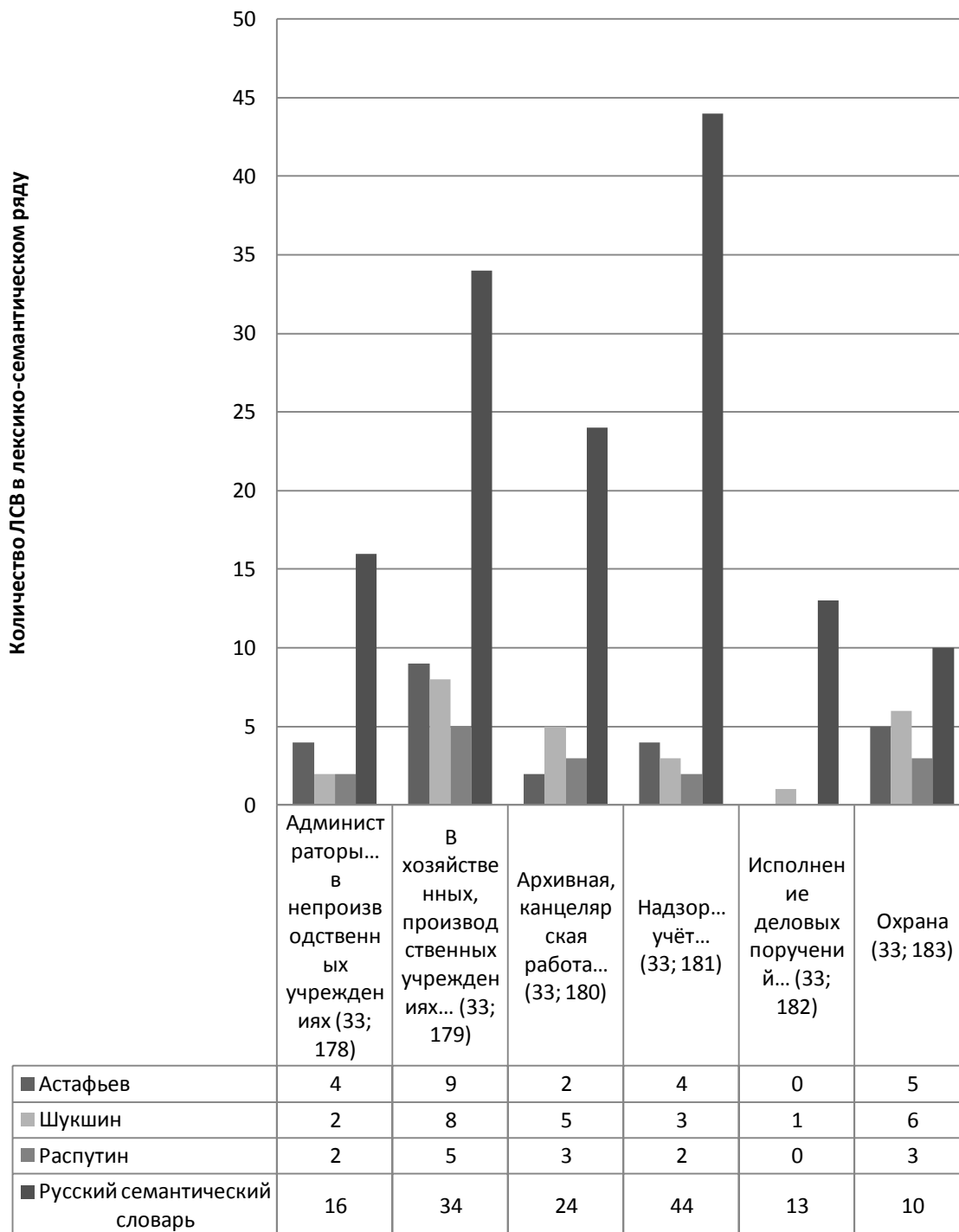

Источник	Общие обозначения. Верховные правители... (31; 166)	Верховные правители и их титулы... (31; 167)	Престолонаследники; титулование... (31; 168)	Общие обозначения. Должностные, официальные лица... (31; 169)	Общие обозначения. Названия по должности при правительстве (31; 170)	По определенной должности при правительстве... (31; 171)	Общие обозначения: начальники, подчиненные... (31; 172)
■ Астафьев	6	2	0	4	0	0	16
■ Шукшин	1	4	2	3	0	0	22
■ Распутин	1	4	2	1	0	0	6
■ Русский семантический словарь	18	49	9	26	3	27	49

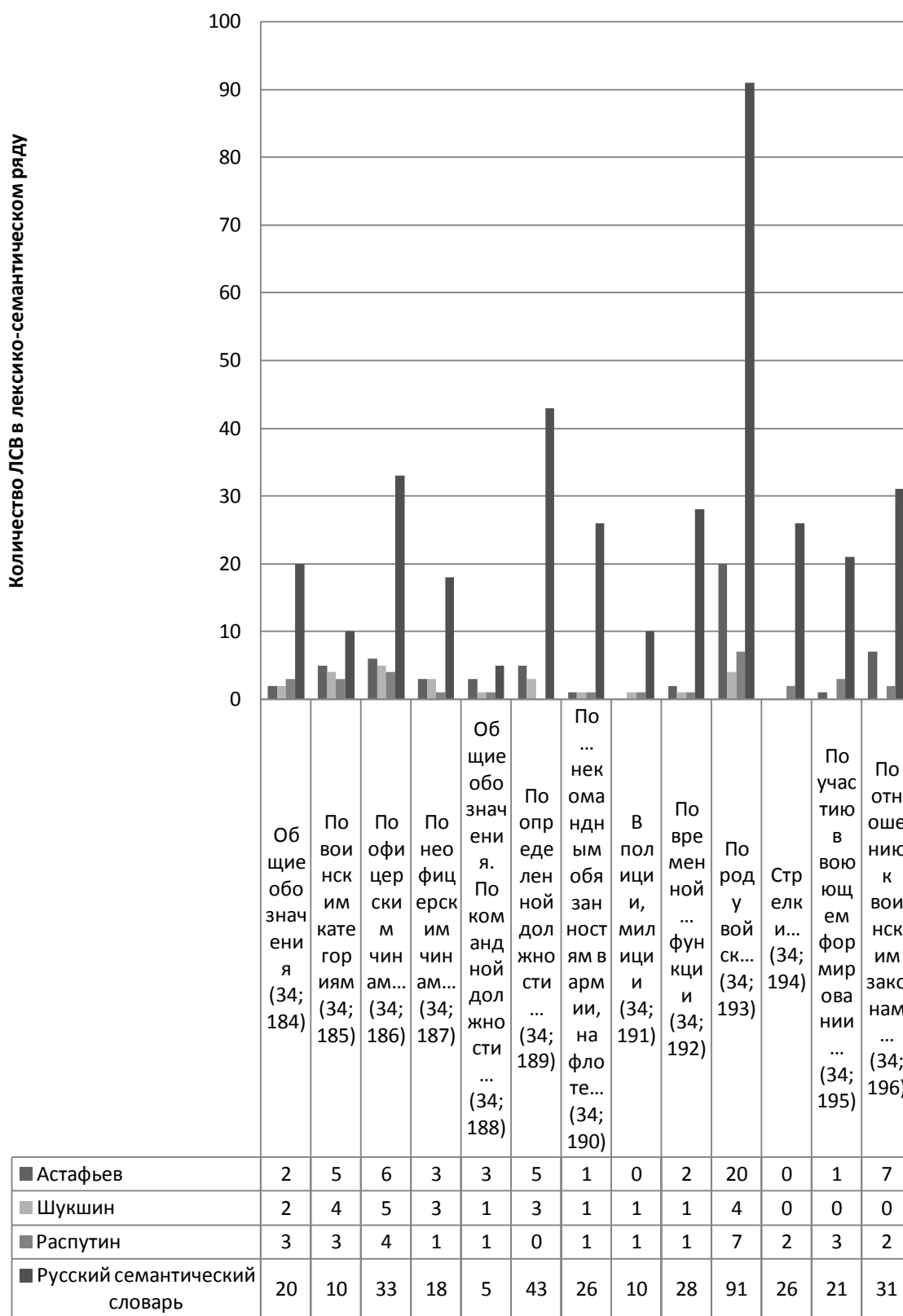
Должностные, выборные лица в государственных структурах, во властных государственно-административных органах, в органах самоуправления

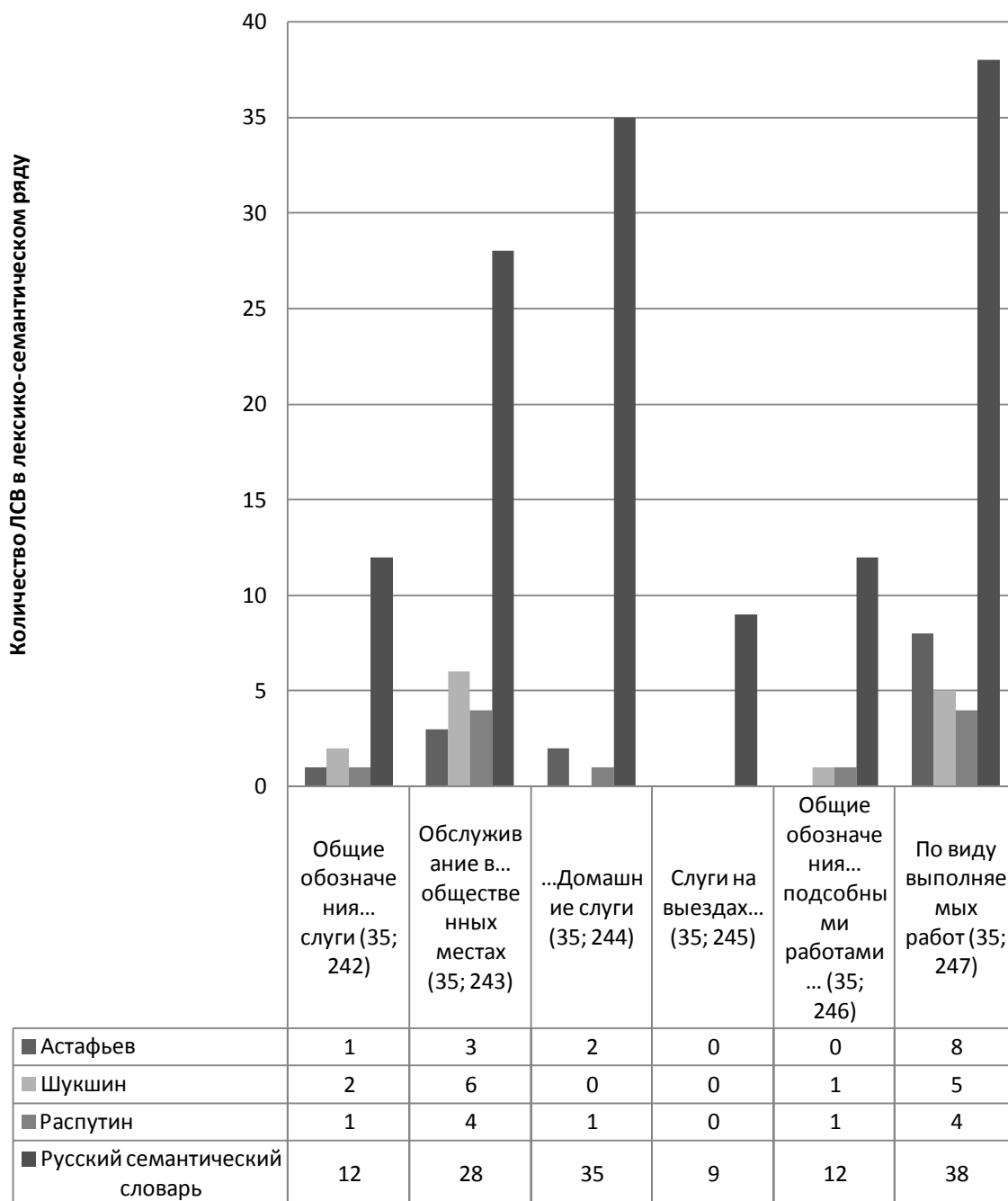
Служащие разных других учреждений, а также предприятий, заведений, общественных органов, вспомогательных хозяйственных служб

Названия лиц в военной, военизированной сферах деятельности

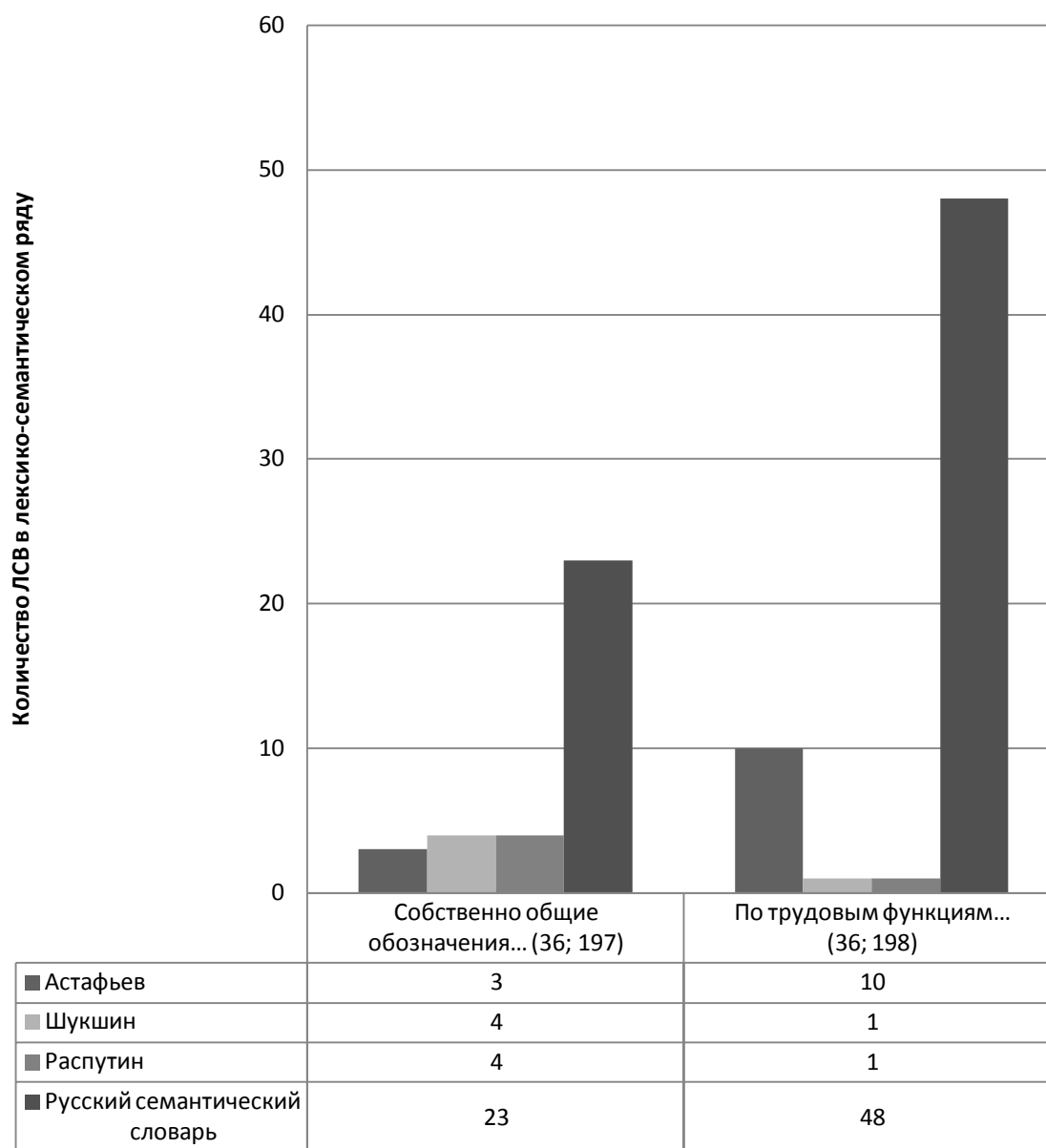

Названия лиц в сфере обслуживания, ведения хозяйства, неквалифицированного физического труда

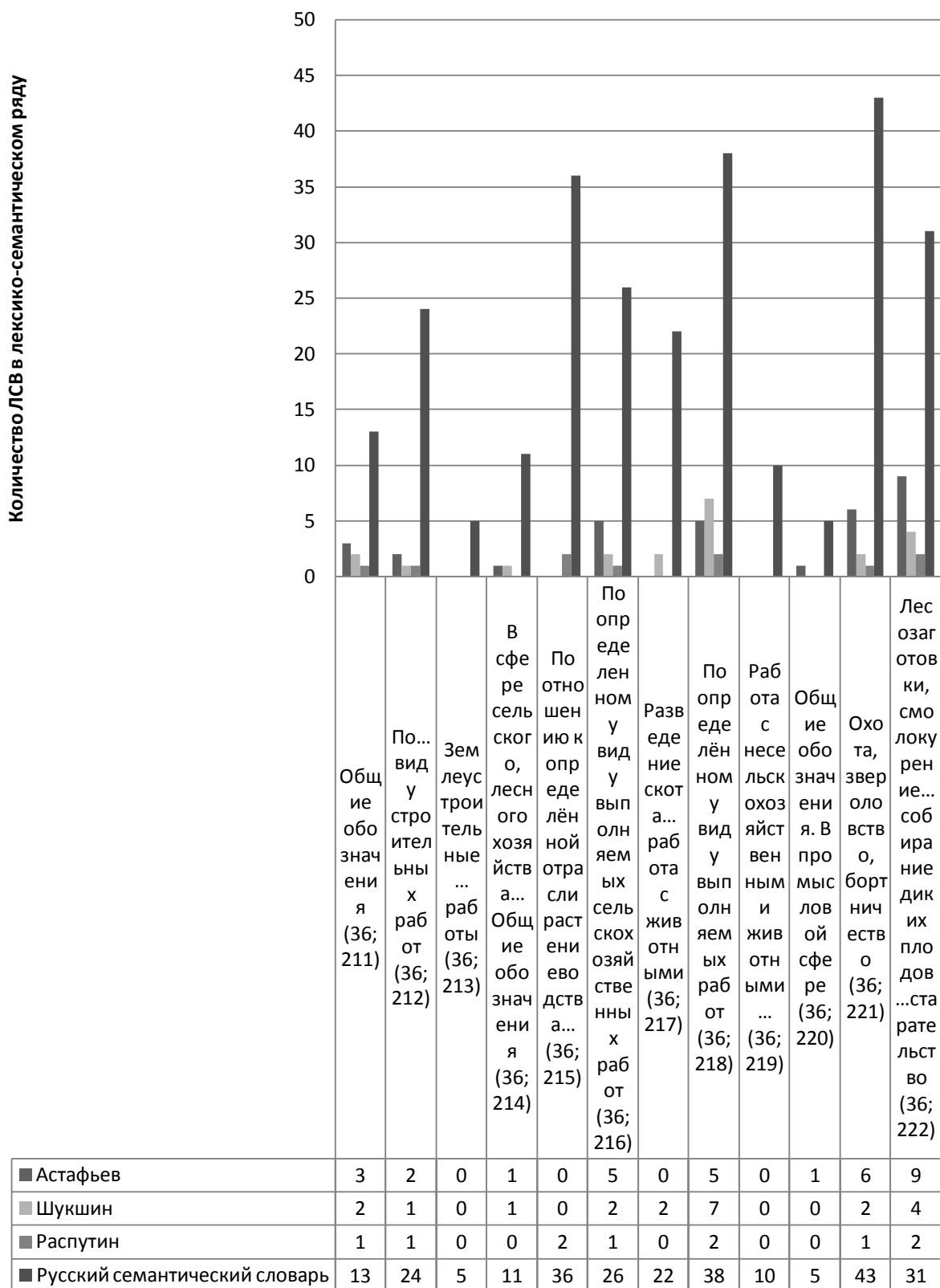

Названия лиц в сфере материального производства, промыслов. Общие обозначения

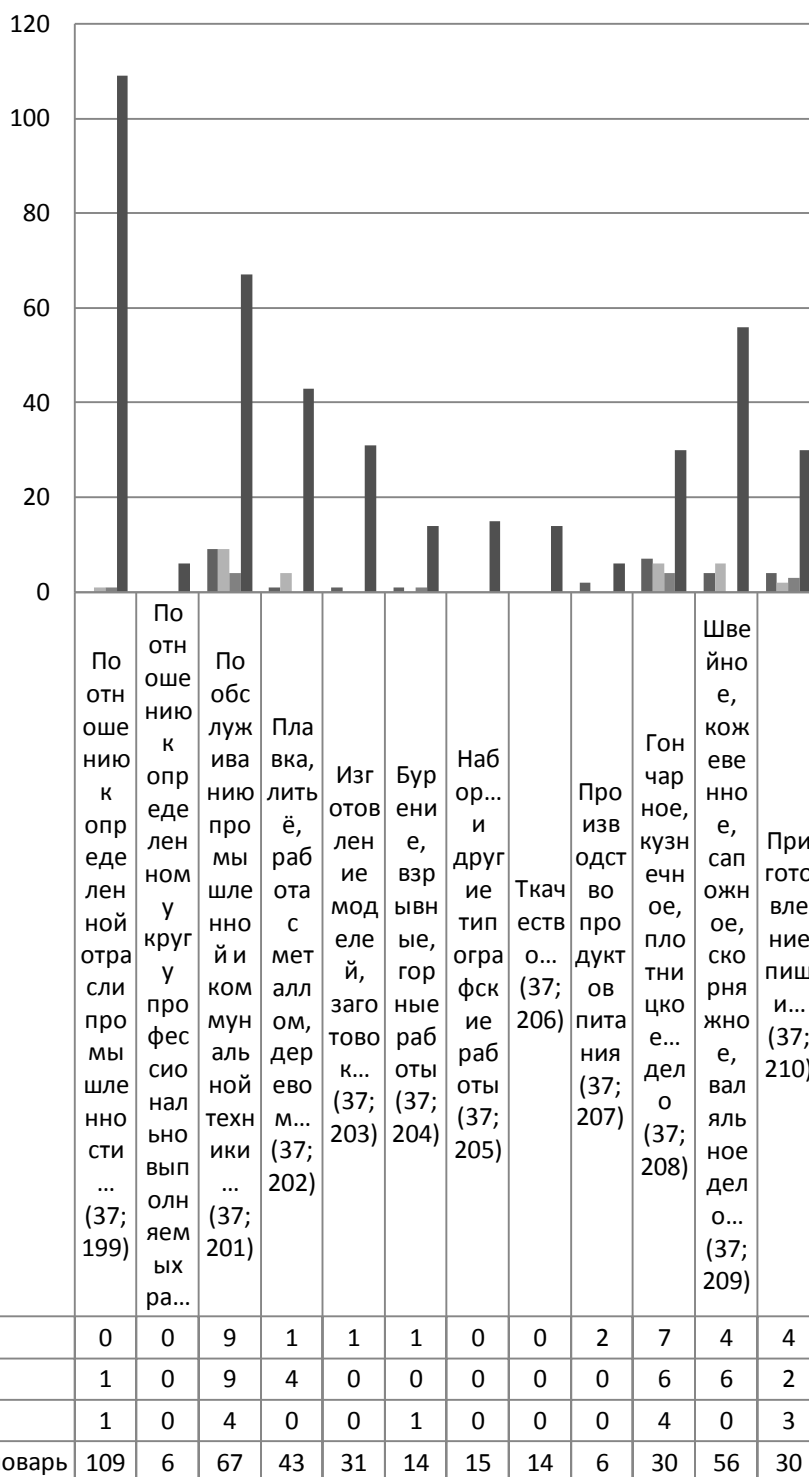

Названия лиц в сфере строительства, землепользования

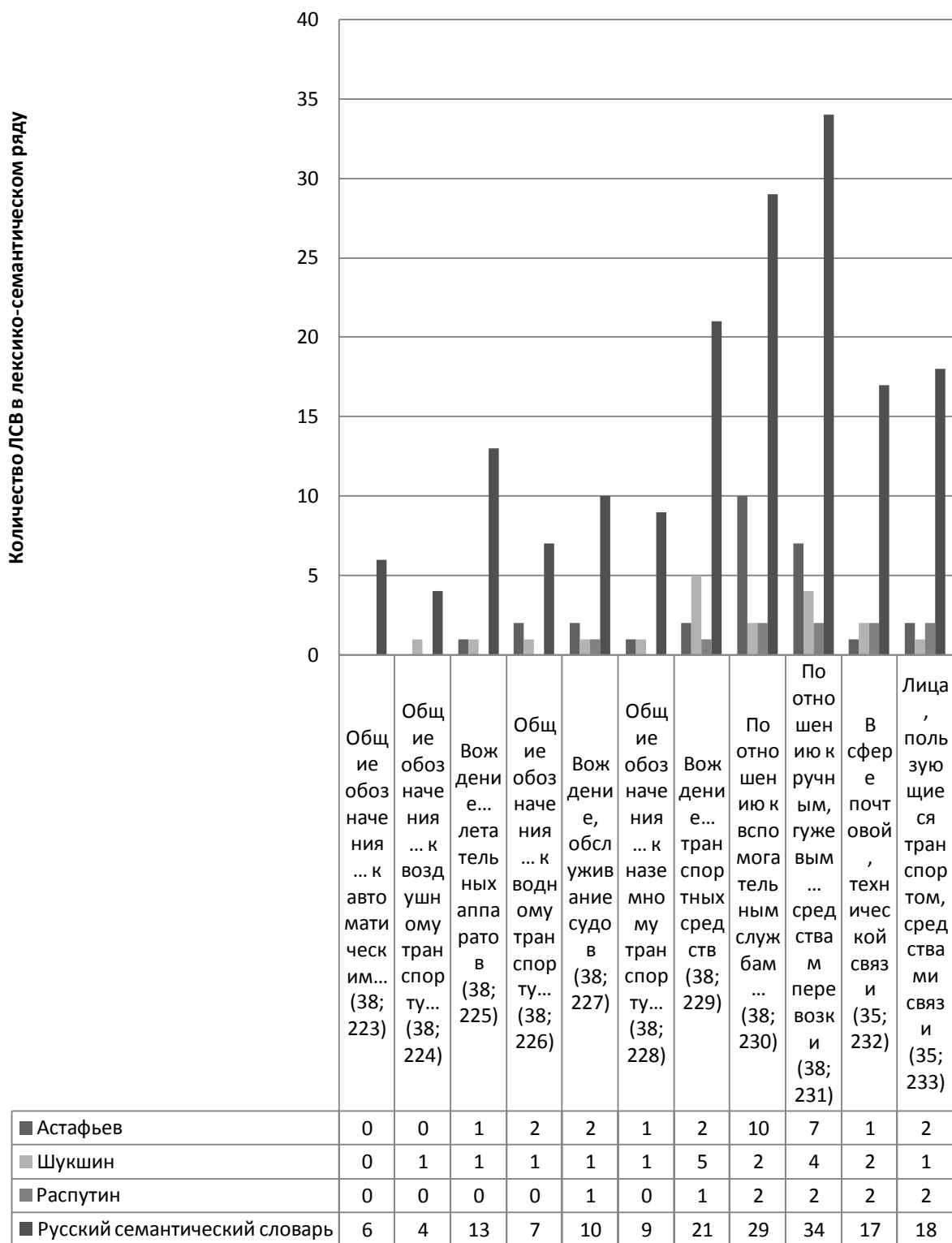

Названия лиц в сфере промышленного и кустарного производства, изготовления, обработки, переработки, технического обслуживания

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

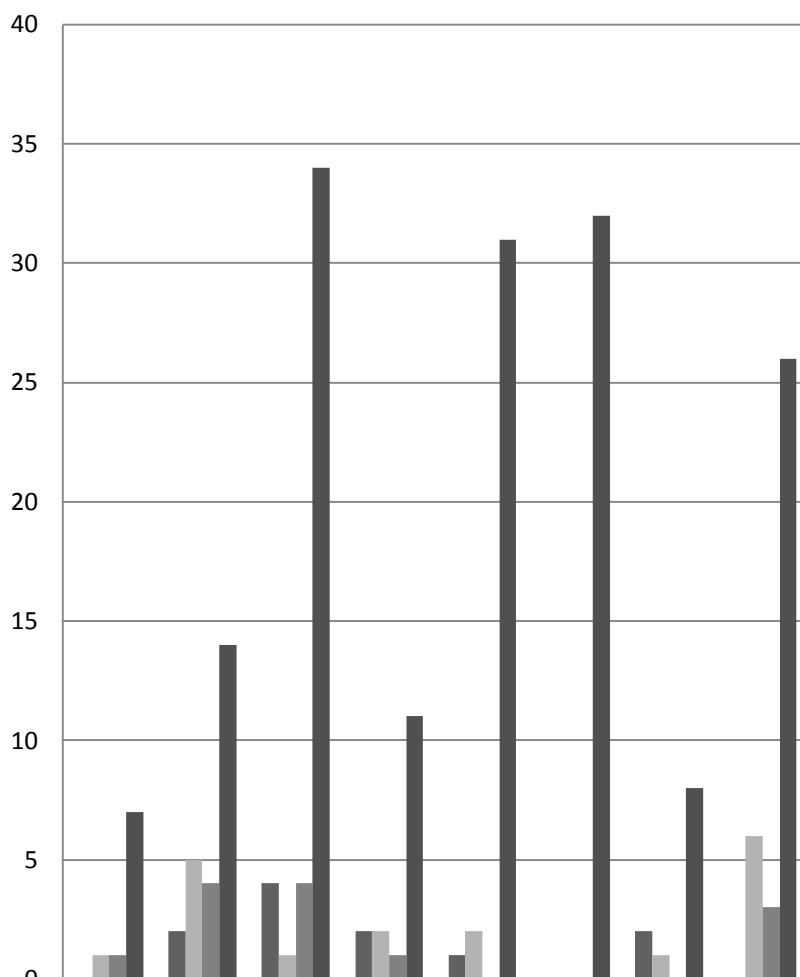

Названия лиц в сфере транспорта, связи

Названия лиц в сфере предпринимательства, торговли, финансов

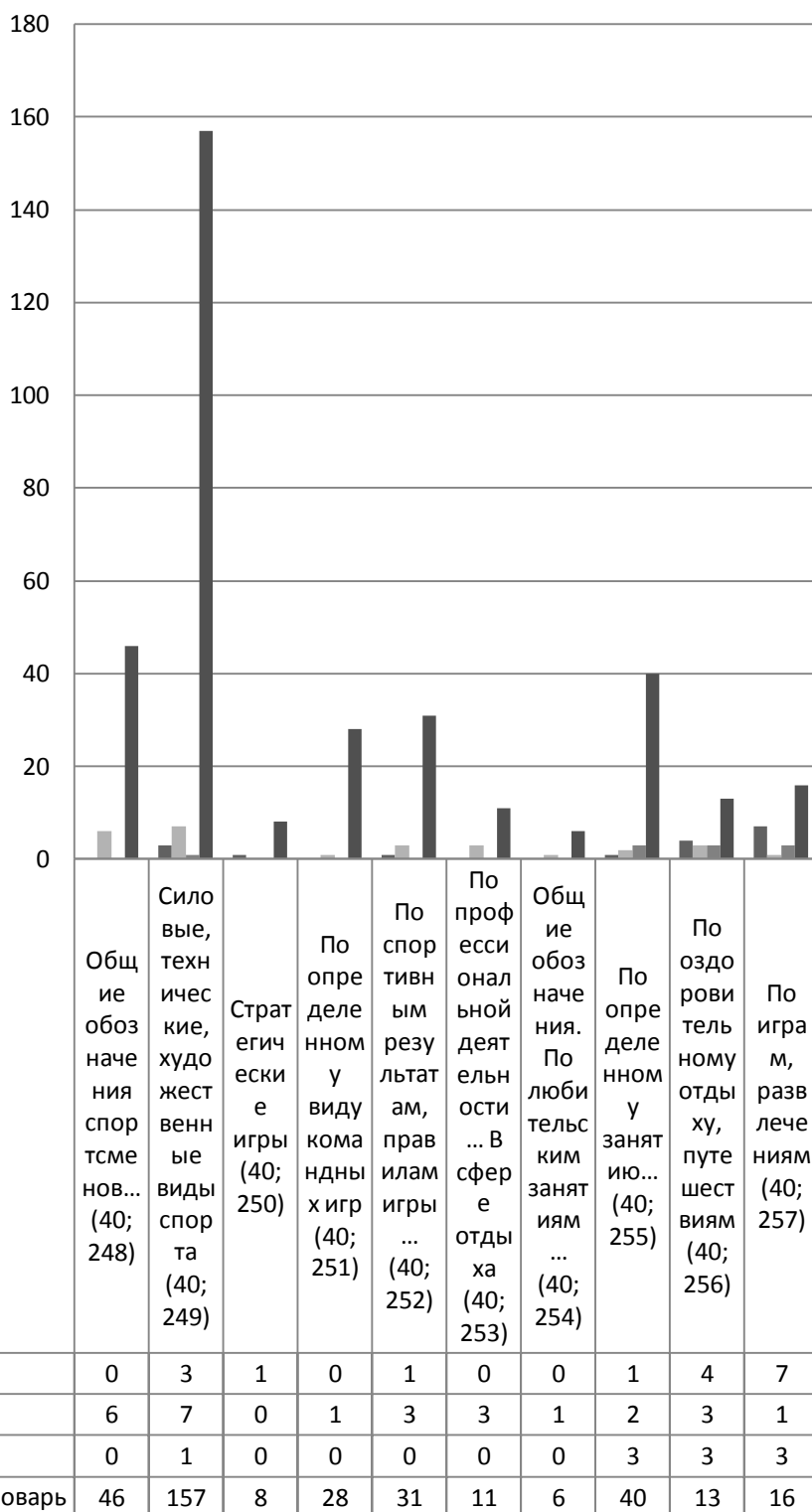
Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

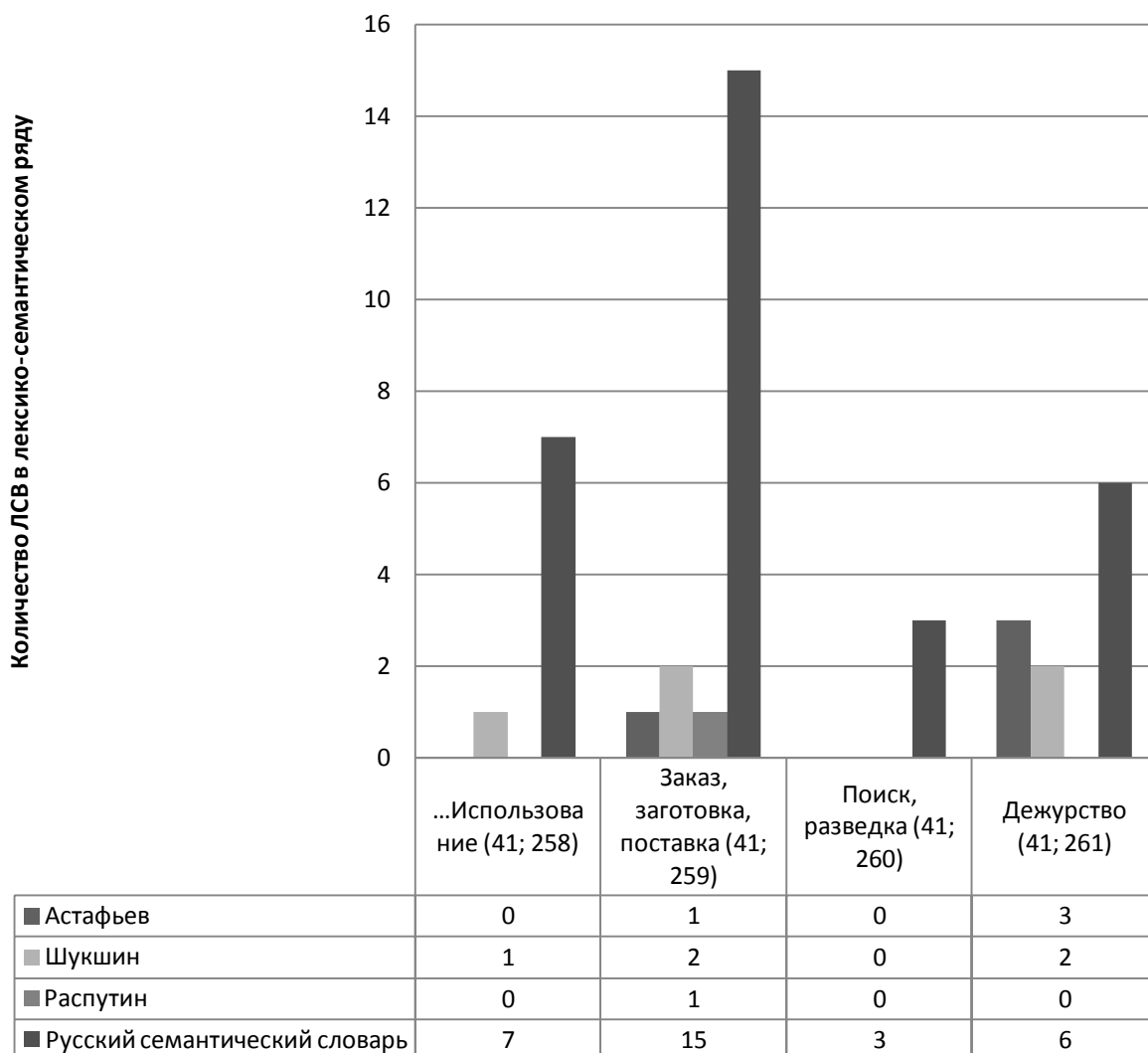
Источник	Общие обозначения. В сфере предпринимательства... (35; 234)	Общие обозначения. Торговля... (39; 235)	По виду торговой деятельности... (39; 236)	Общие обозначения: продавцы (39; 237)	Торговцы продуктами питания, напитками (39; 238)	Торговцы другими товарами (39; 239)	Покупатели (39; 240)	В сфере финансов, торговых, хозяйственных расчётов... (35; 241)
■ Астафьев	0	2	4	2	1	0	2	0
■ Шукшин	1	5	1	2	2	0	1	6
■ Распутин	1	4	4	1	0	0	0	3
■ Русский семантический словарь	7	14	34	11	31	32	8	26

Названия лиц в сфере спорта, туризма, а также отдыха, свободного времяпрепровождения

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

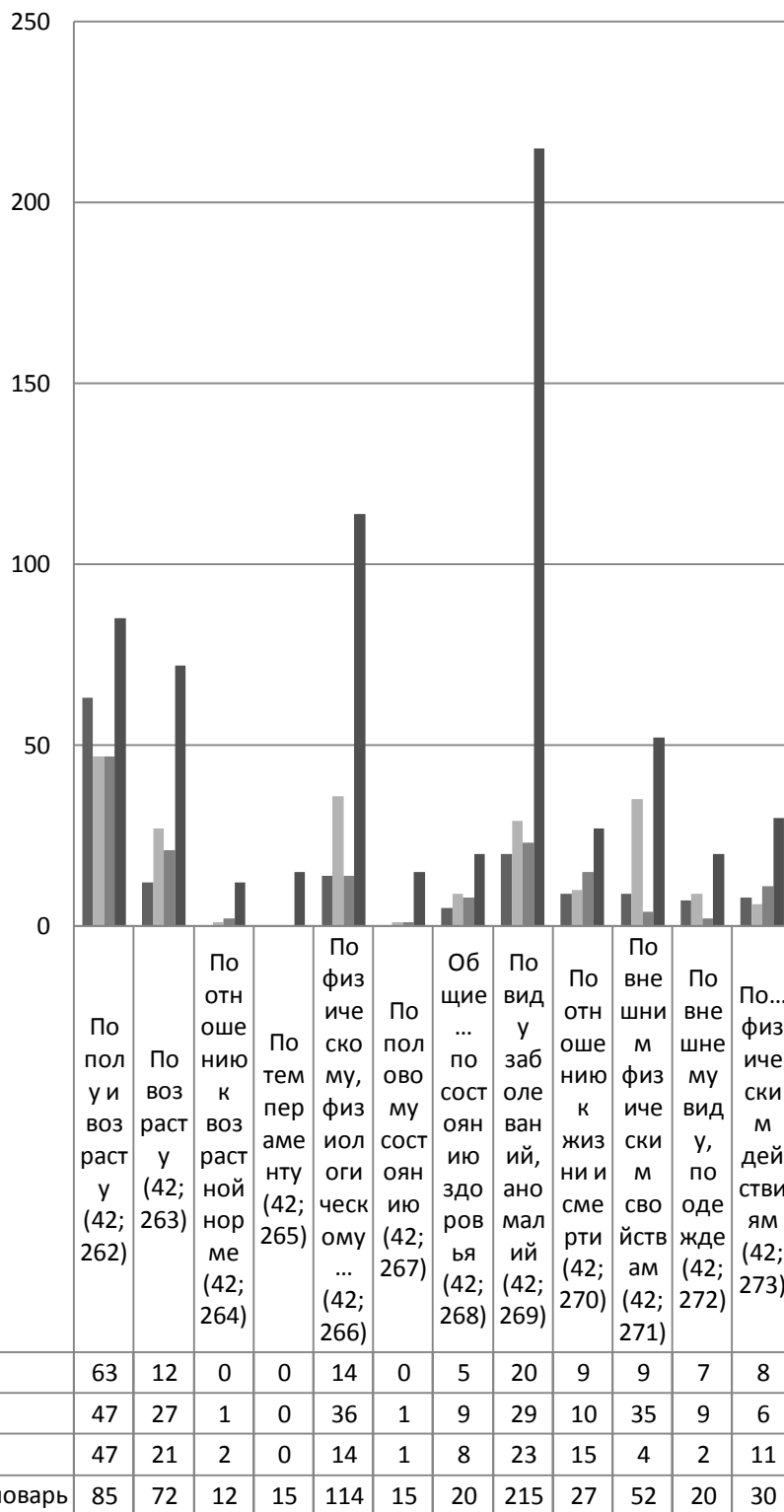

Названия лиц по кругу дел, занятий, сопутствующих разным сферам деятельности

По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию

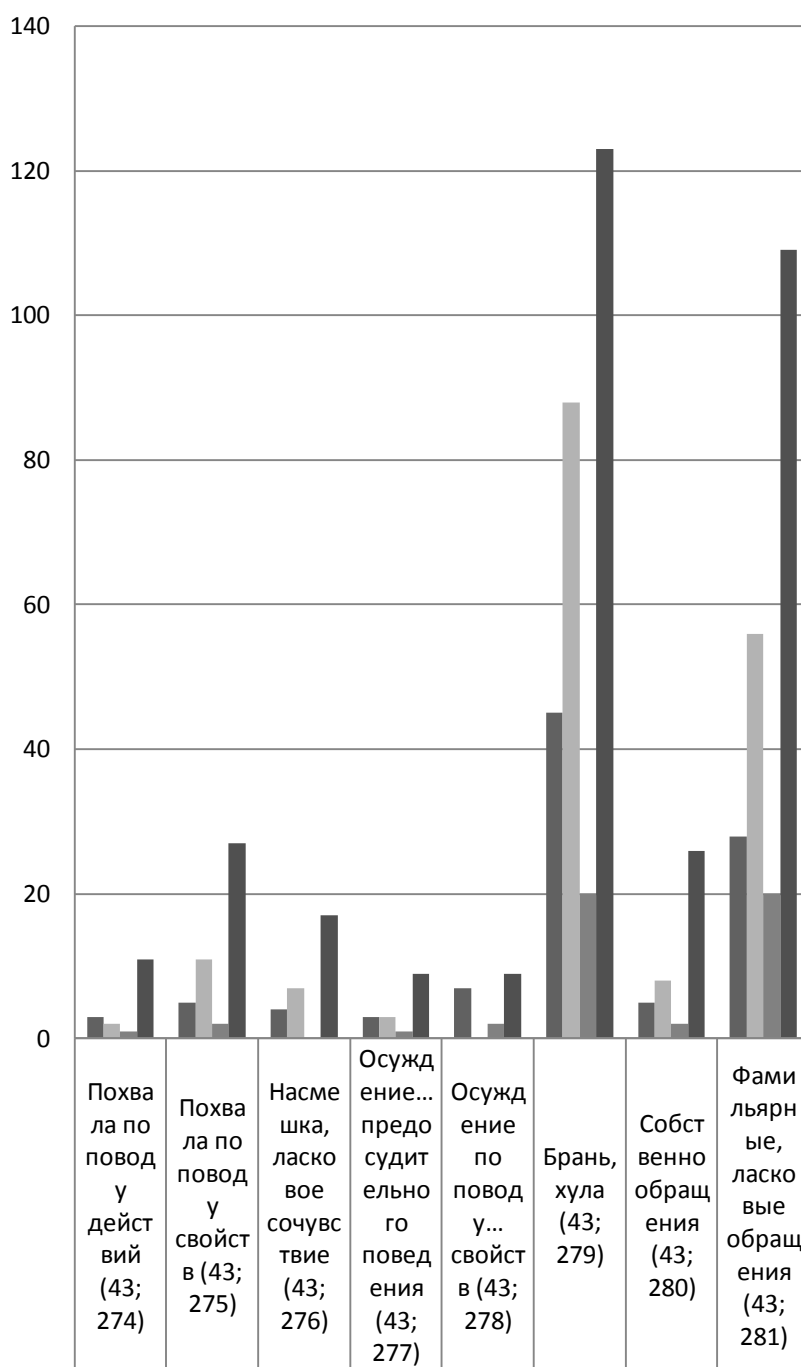
Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

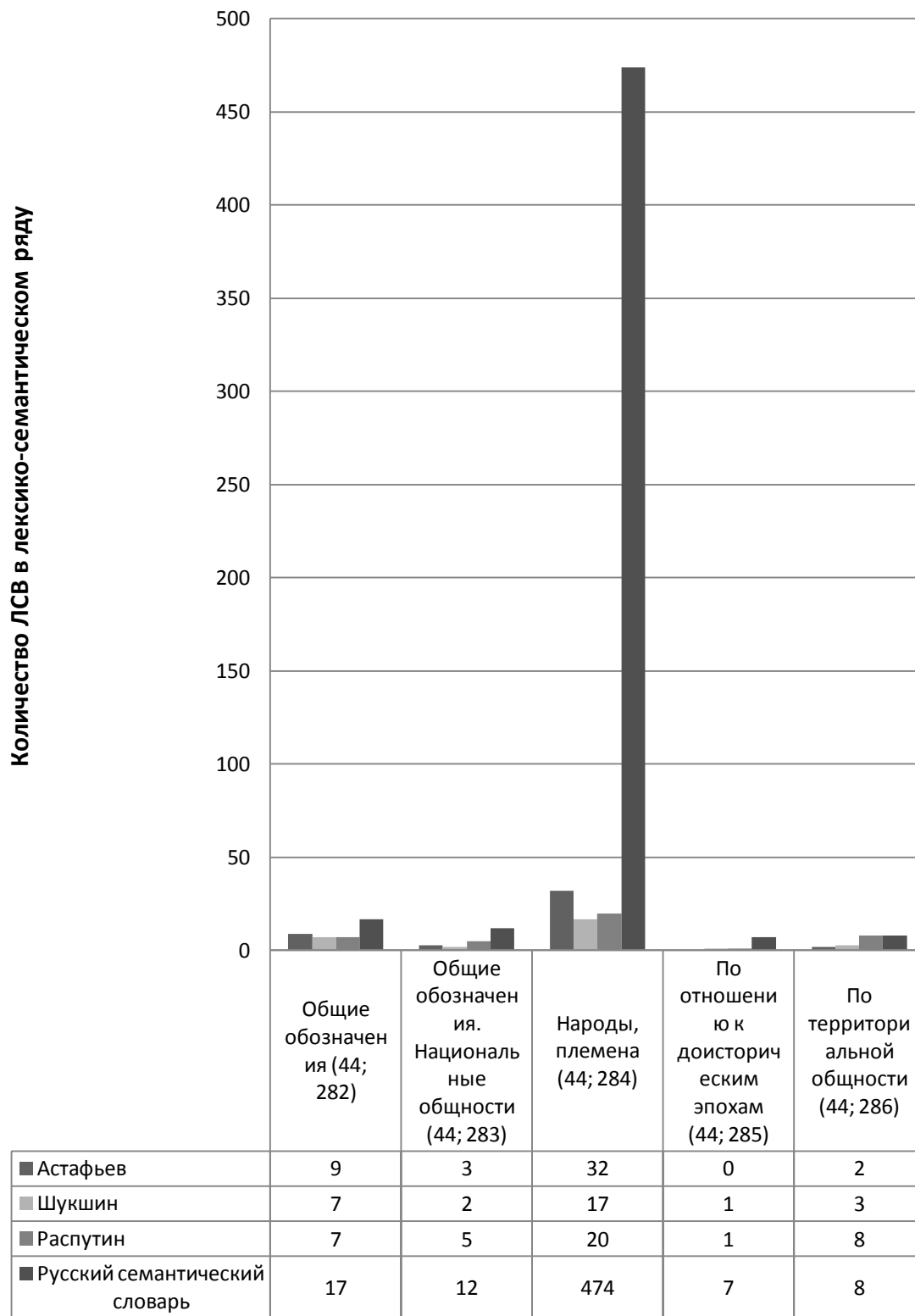
Названия собственно оценки, обращения

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

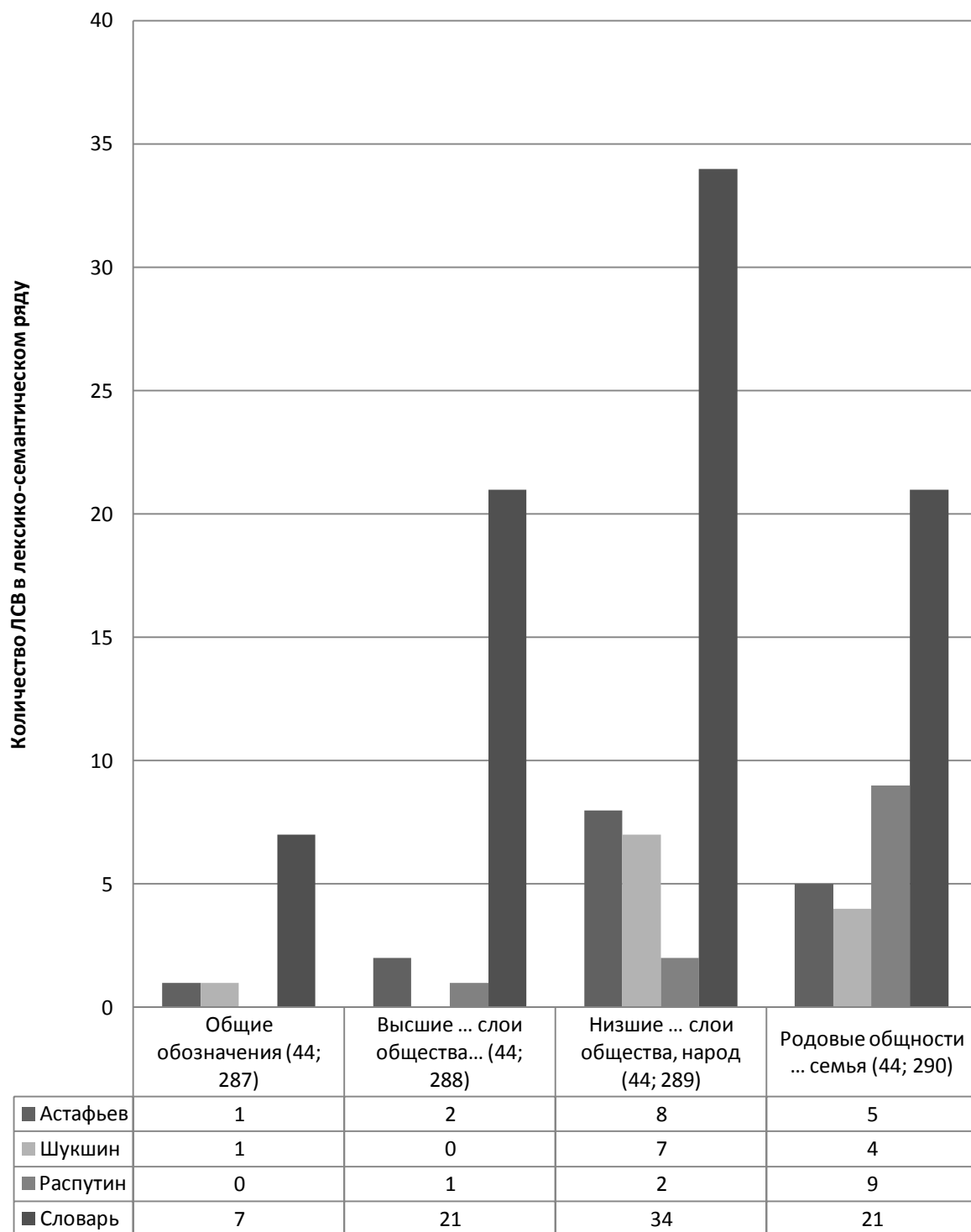

■ Астафьев	3	5	4	3	7	45	5	28
■ Шукшин	2	11	7	3	0	88	8	56
■ Распутин	1	2	0	1	2	20	2	20
■ Русский семантический словарь	11	27	17	9	9	123	26	109

**Совокупности лиц. Общие обозначения.
Расовые и культурно-исторические,
этнические, национальные,
территориальные общности**

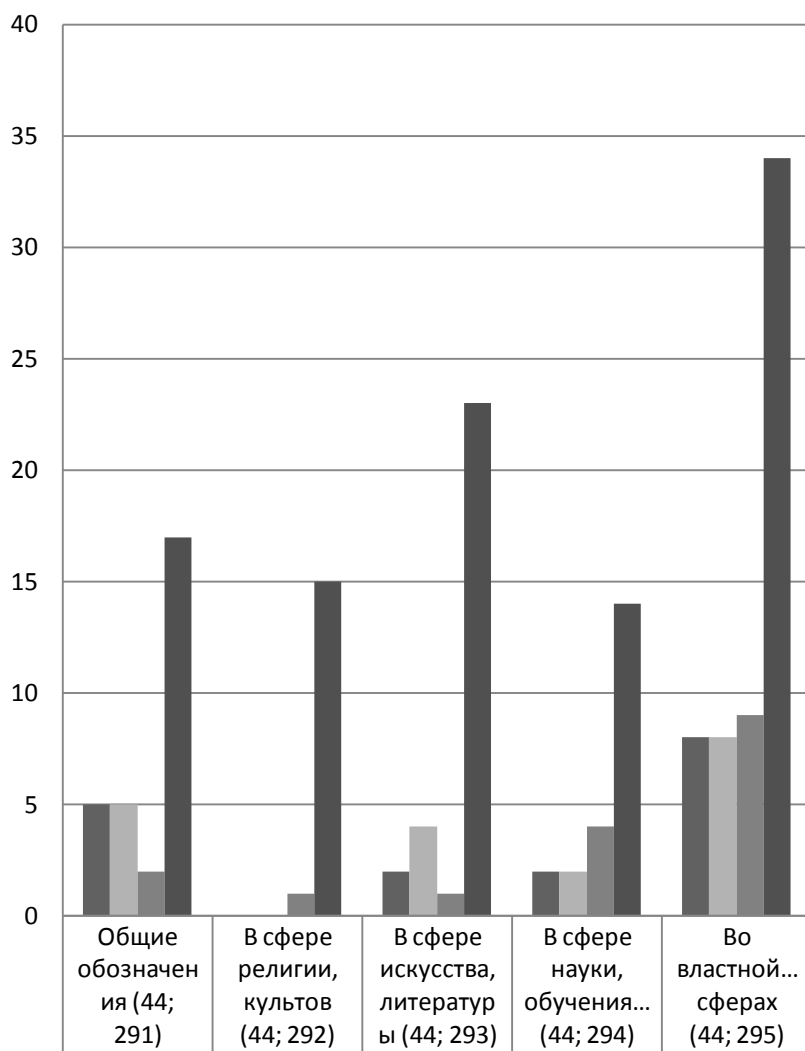

Сословные, социально-экономические объединения, общности

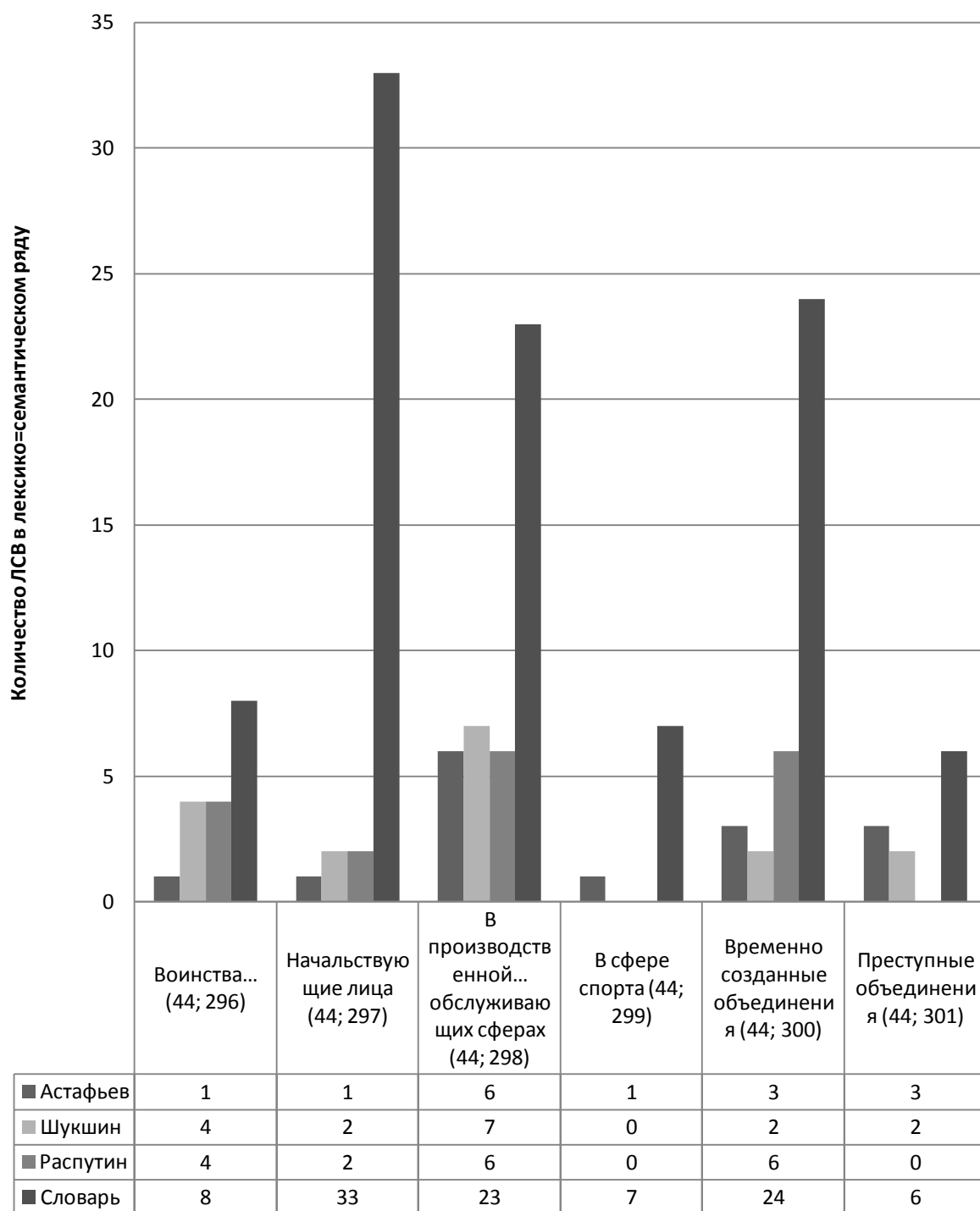
Совокупности лиц, действующих в специальных и профессиональных сферах

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

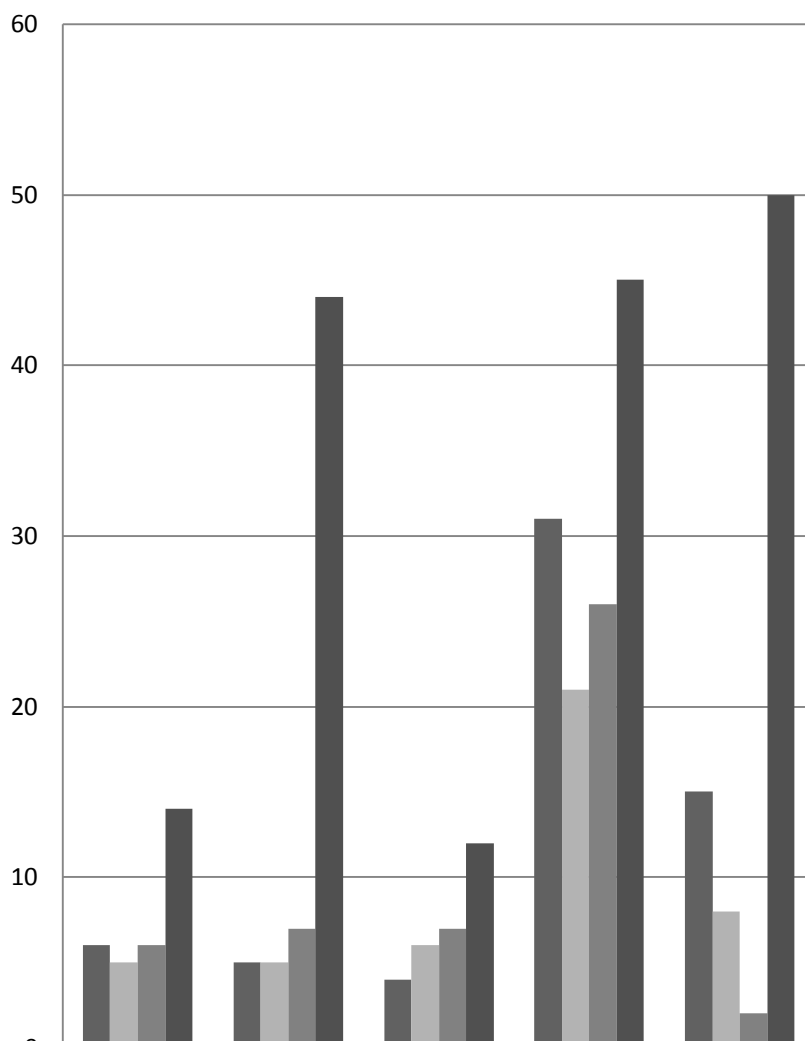
■ Астафьев	5	0	2	2	8
■ Шукшин	5	0	4	2	8
■ Распутин	2	1	1	4	9
■ Русский семантический словарь	17	15	23	14	34

Совокупности лиц, действующие в специальных и профессиональных сферах

Совокупности лиц, относящихся к неспециальным, непрофессиональным сферам

Количество ЛСВ в лексико-семантическом ряду

	Характеризуемые по количеству (44; 302)	Характеризуемые по общей функции... (44; 303)	По признаку знакомства, близости (44; 304)	По полу, возрасту... (44; 305)	Собственно о названия-оценки (44; 306)
■ Астафьев	6	5	4	31	15
■ Шукшин	5	5	6	21	8
■ Распутин	6	7	7	26	2
■ Русский семантический словарь	14	44	12	45	50